

АЛЕКСАНДРА ЛИСИНА

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ НЕКРОМАНТ

ПЕНТАЛОГИЯ В ОДНОМ ТОМЕ

ИДДК

Профессиональный некромант

Александра Лисина

**Профессиональный некромант.
Пенталогия в одном томе**

«ИДДК»

2022

Лисина А.

Профессиональный некромант. Пенталогия в одном томе /
А. Лисина — «ИДДК», 2022 — (Профессиональный некромант)

Авторский вариант цикла «Профессиональный некромант», полная версия, пенталогия в одном томе. Говорят, некроманты – циничные, жестокие и абсолютно безжалостные люди. Некоторые даже полагают, что мы не можем умереть, так как умеем договариваться со смертью. Так вот, со всей уверенностью заявляю, что это – чушь. Мы не просто смертные, но и, представьте, чувством юмора не обделены. Я, мэтр Гиращ, готов поклясться в этом жизнью... вашей, разумеется, не своей! Ну а тех, кто не согласен, милости прошу на мой алтарь. Мне, как всегда, не хватает добровольцев.

Содержание

Часть 1	5
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	49
Глава 7	58
Глава 8	67
Глава 9	76
Глава 10	84
Глава 11	91
Глава 12	101
Глава 13	110
Глава 14	118
Глава 15	126
Глава 16	135
Глава 17	145
Эпилог	152
Часть 2	154
Пролог	154
Глава 1	156
Глава 2	160
Глава 3	167
Глава 4	173
Глава 5	178
Глава 6	185
Глава 7	190
Конец ознакомительного фрагмента.	195

Александра Лисина

Профессиональный некромант.

Пенталогия в одном томе

Авторская версия

Часть 1

Мэтр

Пролог

Некромант – это не профессия, а состояние души.
Мэтр Гиращ

Ночь. Луна. Кладбище... привычная обстановка для некроманта. Если бы не впивающиеся в живот бугры на коре раскидистого дерева, на ветке которого я дожидался рассвета, все было бы замечательно. Но увы. Масор – не столица, поэтому склепов с удобными плоскими крышами тут не имелось. И в целях сохранения шкуры одному старому, циничному, но временно лишившемуся силы мэтру пришлось пожертвовать репутацией.

– Люблю ночь, – мечтательно вздохнул разлегшийся на соседней ветке Нич. – Обожаю смотреть, как в твоей лысине красиво отражаются звезды...

Я недобро покосился на мелкого поганца, благодаря стечению обстоятельств ставшего моим фамильяром, и на мгновение испытал острое желание его прихлопнуть. Но старый хрыч нередко подавал хорошие идеи. Да и запечатанная в его уродливом теле сила по-прежнему была для меня ценна, поэтому с мстостью пришлось повременить.

– Что-то наша девушка не торопится, – задумчиво проговорил Нич, оглядев беспорядочно разбросанные могильные холмики внизу. – Раньше до полуночи успевала сбегать в город, покуролесить и снова улечься в гроб. Может, сегодня что-то почуяла? Или нам досталось неправильное умертвие?

Я пожал плечами.

Но не исключено, что старик был прав.

Масор – захудалый окраинный городишко с одним-единственным кладбищем, где в обычное время нет особой работы для некроманта. Однако за полгода нашего пребывания здесь это был уже двенадцатый случай! Более того, в последнее время нежить стала гораздо более осторожной и предусмотрительной, чем раньше. Ее количество зашкаливало за все разумные пределы, а невероятная сила и подозрительная живучесть вызывали серьезные опасения.

Но, что самое главное, подобные изменения происходили не только на окраинах, а судя по отзывам из соседних деревень, это творилось по всей стране. А если вспомнить, сколько некромантов осталось после закончившейся больше полувека назад войны между Светлой и Темной гильдиями, то можно не сомневаться: скоро по королевству Сазул придется заказывать заупокойную.

– Гиращ, смотри! – возбужденно подпрыгнул на ветке Нич, не дав мне додумать важную мысль. – Там что-то шевелится! Это она?! Да?!

Я присмотрелся к одному из холмиков повнимательнее и, подметив выглядывающие из могилы скрюченные пальцы, удовлетворенно кивнул: все верно, наконец-то наша красавица проголодалась. А когда Нич подался вперед, возбужденно шевеля усиками и трепеща зачатками крыльев, я широко усмехнулся и одним шелком отправил его вниз.

Прямо на голову выбравшегося из-под земли умертвия.

Глава 1

Мертвые не умеют бояться... пока не встречаются с некромантом.

Народная примета

Женщина есть женщина – что живая, что мертвая. И она совершенно одинаково действует, когда прямо перед ее носом с неба падает огромный черный и яростно матерящийся таракан.

Наша «клиентка» исключением не была – при виде Нича закутанная в драный саван, перепачканная в земле и тощая до невозможности дамочка сперва шарахнулась в сторону. Распахнув безгубый рот, она пронзительно, на одной визгливой ноте, заверещала, да так, что у меня зазвенело в ушах. Но на удивление быстро опомнилась. Прекратила орать. И, убрав с покрытого темными пятнами лица седые патлы, сделала то, что на ее месте сделала бы любая уважающая себя леди – попыталась раздавить мерзкую тварь.

Грязная пятка с силой ударила по надгробной плите, отчего на камне появилась внушительная по размерам вмятина. Нич высоко подпрыгнул, лишь чудом увернувшись от костлявой ступни. Негодующе встопорщил усики и, увидев, что злобно ощерившаяся тетка снова занесла ногу, кинулся наутек с истошным воплем:

– Гиращ, я тебе это припомню-у-у-у!..

– Кому-то же надо ее отвлечь, – лениво отозвался я, даже не думая покидать свой наблюдательный пост. – Ты у нас шустрый, сообразительный... а в моем почтенном возрасте носиться по кладбищу несолидно.

Облюбованная мною ветка находилась не слишком высоко от земли, но у нежити был один существенный недостаток – у нее шея почти не гнулась. Поэтому увидеть меня дамочка при всем желании не могла. Зато за тараканом припустила так, что я прямо диву дался. А потом устроился на дереве поудобнее, надеясь, что хотя бы к рассвету Нич приведет нашу «девушку» к нужному месту.

Ждать, к счастью, долго не пришлось – чрезвычайно дорожащий сохранностью своего хитина таракан вовремя вспомнил, где именно мы устроили ловушку. Уведя умертвие шагов на двадцать от могилы, он проворно взлетел на ближайшее надгробие. Терпеливо выждал, когда растопырившая когти тварь приблизится вплотную. И в нужный момент прыгнул, метя прямо лапками ей в морду.

Мертвячка при виде него испуганно гыкнула и непроизвольно отшатнулась, запнувшись о загодя принесенный нами камень. Суетливо замахала тощими руками. Накренилась, пытаясь удержать равновесие. А когда Нич с яростным рычанием вцепился жвалами в ее щеку, с неразборчивым воплем рухнула вниз. Прямо в вырытую мной глубокую яму, откуда при всем желании выбраться бы уже не смогла.

Таракан в самый последний момент соскочил на землю, чтобы не оказаться похороненным вместе с ней. А вот дамочке не повезло – при падении ее сложило почти пополам, отчего хрупкий позвоночник не выдержал и переломился посередине, лишив «клиентку» возможности подняться на ноги.

Конечно, со временем она бы восстановилась – мертвяки, как я уже сказал, невероятно живучи. Но Нич не дал ей такой возможности – злобно пыхтя, он поднатужился и столкнул вниз один из сложенных на краю ямы валунов. После чего наша красавица жалобно всхлипнула и на какое-то время затихла, с хрустом пережевывая выбитые зубы.

Ловко спрыгнув на землю, я без спешки приблизился к яме и, оглядев пойманную добычу, бросил:

– Гиго сказал, что она мертва всего два месяца. А ты смотри, какая приткая. И отошала так, словно ей по меньшей мере год.

– Сволочь! Когда-нибудь я тебя убью! – зло прошипел Нич, недовольно отряхивая крылышки. – Зачем ты меня скинул?! Я ведь предлагал взять с собой заказчика – пусть бы отвлек эту дуру на себя! Это же его теща!

Я на мгновение встретился глазами с подозрительно притихшим умертвием и улыбнулся, когда в желтых глазах вспыхнули и тут же погасли опасные багровые огоньки.

– Нет, я правильно велел Гиго сидеть дома: эта милашка уже полностью вызрела и наверняка бы взбесилась, почуяв рядом живых. Я вообще удивлен, что она убивала исключительно зверей, а людей до сих пор не тронула.

– Остаточная память, – неприязненно буркнул таракан. – Наверняка в ее башке остались какие-то обрывки воспоминаний, так что ничего бы с твоим трактирщиком не случилось. А вот если бы мы промедлили еще недельку, то от Гиго с семьей точно остались бы только кости. Упокаивать будешь?

Я усмехнулся.

– Еще не хватало – силы на нее тратить. Неси факелы.

– Я тебе что, слуга?!

– Обездвижу и сброшу вниз, – буднично пообещал я, демонстративно полируя черные ногти. – А потом переселю твой дух обратно в книгу, и остаток жизни ты проведешь в виде «Пособия для начинающего некроманта», откуда я тебя когда-то и вытащил.

Нич свирепо засопел, негодуяюще встопорщил крылышки и... покорно поплелся за необходимым инвентарем. А я тем временем обошел яму по кругу и, остановившись над головой яростно щелкнувшего челюстями умертвия, ненадолго задумался.

Вообще, ситуация была не совсем понятной. Если быть откровенным, за каких-то две недели щекастая и славившаяся роскошными телесами баба никак не могла превратиться в костлявую нелюдь. Но раз уж она все-таки превратилась, то почему не трогала людей? Почему упорно приходила под окна родного дома и завывала там до утра, настойчиво скреблась в окна, но при этом убивала лишь шатающихся по округе бездомных псов и бродячих кошек?

Остаточная память – это миф. В такие бредни верят только малограмотные светлые. А любой некромант знает, что после перерождения у нежити не остается ни эмоций, ни привязанностей, ни каких-либо чувств, кроме мучительного голода. При условии, конечно, что обращение произошло спонтанно, под воздействием высокого магического фона, или же стало результатом классического черного обряда.

Интересно, что послужило катализатором в данном случае?

Темных заклинаний на кладбище не накладывали – я проверил. Магический фон здесь весьма далек от напряженного. Некромантов в Масоре уже лет пятьдесят, наверное, не было... как, впрочем, и во всем Сазуле. А если кто-то и остался, то вряд ли рискнул бы проявить себя без веских на то оснований. Слишком уж много крови пролилось во время войны. И слишком рьяно светлые взялись очищать Сазул от засилья, как они выразились, «темных тварей».

После того, как был уничтожен весь цвет нашей гильдии, даже объявленная пять лет назад амнистия не исправила положения. Темные затаились. Прекратили всякую деятельность. Наверное, только у меня и хватило дерзости заявить о себе открыто.

– На! Подавись! – процедил вернувшийся Нич, и мне на ногу грохнулась обмотанная тряпкой деревяшка.

Так. А вот это уже наглость.

Стремительно наклонившись, я цапнул фамильяра поперек туловища. А затем выпустил из подушечки указательного пальца острый коготь и, чиркнув им по тараканьей спине, высек целый сноп искр. Подхваченный второй рукой факел моментально вспыхнул, а заполучивший неглубокую царапину старик негодуяюще взвыл.

– Гиращ! Не смей меня трогать! Ты же обещал, что не станешь подвергать риску мой хрупкий дух!

Я едва заметно улыбнулся и, сдув с когтя невидимые пылинки, спрятал его обратно.

– Не волнуйся: пока я жив, ты в полной безопасности.

– Но ты проклят!

– Ты тоже.

– Ты меня обманул!

– Естественно, – спокойно ответил я, швыряя пылающий факел в яму. – Думаешь, я простил тебе насмешку?

Под тяжелым взглядом опытного некроманта Нич тревожно замер, уставившись на танцующие на моем бледном лице черные тени.

Снизу раздался хриплый вопль, громкий треск и скрежет когтей охваченной огнем нежити, но нас это уже не волновало: как и много лет назад, мы снова сошлись в поединке воли. Только на этот раз на его стороне была сила, о которой Нич ничего не помнил, а на моей – память, которой его когда-то лишили.

То, что с ним будет нелегко, я хорошо знал: Нич и в прошлой жизни отличался скверным характером. А в этом воплощении нередко забывался, отчего его частенько приходилось останавливать. Порой очень жестко. И я впервые это осознал, когда вскоре после амнистии попытался открыть магическую практику в одной из окраинных деревень. А этот мерзавец, разобидевшись на какой-то пустяк, в решающий момент заорал из сумки, что, дескать, у нас закончились сопли мертвецов, а без них не удастся сотворить какое-то там умопомрачительно гадкое черное колдовство, чтобы превратить жителей деревни в новый вид зомби.

Уходить после этого нам пришлось быстро и не без потерь. Я был зол. Нич торжествовал... но недолго, потому что именно тогда я придумал для него эту форму. И с тех пор он живет в страхе перед обратным превращением в книгу. Исправно, хоть и не без ворчания, выполняет работу фамильяра, но время от времени все-таки испытывает на прочность мое терпение. И отступает только тогда, когда в очередной раз убеждается, что ему не победить.

– Ну и гад же ты, Гиращ, – наконец вздохнул Нич, отводя глаза. – Издеваешься над старым большим тараканом...

– Ничего, переживешь, – хладнокровно отозвался я, разжимая пальцы. Он, не растерявшись, умело спланировал, а затем юркнул в щелку между камнями, прекрасно зная, что я, хоть и отходчив, но мстителен не меньше него.

После этого мы в напряженном молчании дождались, пока умертвие полностью обуглится и затихнет. Затем я наскоро закидал смердящую яму землей и песком. На всякий случай обошел кладбище по периметру и обнаружил еще несколько надгробий, которые выглядели потревоженными. Но делать ничего не стал – мне за это еще не заплатили.

Наконец все в том же молчании я вернулся в трактир, чтобы получить обещанный гоно-рар. Поздравив толстяка-хозяина с упокоением нелюбимой родственницы, не отказался по этому поводу перекусить и только к рассвету вернулся домой. А увидев перед оградой незнакомый экипаж без опознавательных знаков, встрепенулся и вполголоса бросил задремавшему на моем плече таракану:

– Нич, просыпайся. Кажется, у нас новый клиент.

* * *

Стоило мне распахнуть калитку, как сверху раздалось скрипучее:

– Легкой тебе смерти, хозяин!

Это ожила одна из стерегущих дом каменных горгулий – довольно крупная, когтистая, окровавленно уродливая тварь с острыми зубами и немаленькими крыльями.

Рассеянно кивнув, я почесал питомца за ухом и, пробежав глазами по выстроившимся вдоль ограды живописным статуям, разочарованно отвернулся. Что за безобразие? Ни одного взлома за целую неделю! Неужто наш дом так быстро приобрел дурную славу?

Конечно, некромантов нигде не любят. Но кто сказал, что я буду на живую препарировать дураков, позарившихся на мое имущество? А если даже и буду, то от пропажи нескольких воришек город все равно ничего не потеряет.

Пустить, что ли, слух, что у меня во дворе зарыт сундук с сокровищами? Надо же где-то искать материал для исследований.

Немая служанка с поклоном приняла у меня грязный плащ и знаками показала, что гости ожидают в гостиной.

Моя Лиш – славная девочка. Работящая, послушная, старательная. Именно она когда-то загородила дорогу вооруженной толпе, которая из-за выходки Нича грозила затоптать меня насмерть.

Впрочем, девочке было нечего терять – с ее уродством спокойно жить просто невозможно: одна нога короче другой, вместо лица – сплошная коричневая корка, где едва угадывается кривоватая ротовая щель и крошечные щелки серо-зеленых глаз... родовое проклятие – мерзкая штука. И серьезный вызов даже для опытного некроманта. Правда, я в своей нынешней ипостаси вряд ли смогу с ним справиться, но глупая девочка все равно надеется и даже поклялась, что будет у меня в услужении до самой смерти.

– Сколько их? – осведомился я, стягивая перчатки и машинально проверяя сохранность защитных чехлов на покрытых ядом ногтях.

Лиш показала два пальца.

– Нездешние? Хорошо одеты? Вооружены?

Получив три утвердительных кивка, я забрал у служанки источающую аромат дорогих благовоний визитку и, прочитав имя владельца, поморщился.

– Граф Эххимос, чтоб его почесуха замучила... никогда о таком не слышал. Интересно, с чего он надумал явиться сюда лично, да еще и без охраны?

– Пойдем спросим? – предложил Нич, с любопытством принявшись. – Если будет заказ, сможем неплохо подзаработать.

– От благородных не бывает хороших заказов.

– Согласен. Тем более что с графом явился маг. Сильный. И, судя по моим ощущениям, светлый.

– Час от часу не легче. Лиш, давно они ждут?

Служанка, принявшись нервно тереть толстую рыжую косу, виновато кивнула.

– Тогда пойду поздороваюсь, – пожал плечами я и прямо в рабочей одежде направился в гостиную.

– Что? Даже не переоденешься? – с сомнением проскрипел таракан. – От тебя же смердит, как от мертвца.

– Это они сюда явились. Вот и пускай терпят.

Нич пробурчал что-то неодобрительное – он всегда был чистоплюем. Но я на таких вещах сроду не заморачивался: брезгливых некромантов не бывает. Лучшее, что я мог сделать для важных гостей – это стряхнуть грязь с сапог и протереть рукавом роскошную лысину. Остального они пока не заслужили.

В гостиную я зашел через служебный вход, тем самым заполучив возможность взглянуть на расположившихся в креслах посетителей со стороны.

Один из них оказался бравым воякой довольно высокого происхождения. Широкий разворот плеч. Неестественно прямая спина. Пристегнутые к поясу ножны, откуда выглядывала рукоять весьма недурственного меча. Мужественное лицо, с которым хоть сейчас можно записываться в герои. Густой ежик каштановых волос, постриженных по-военному коротко. И ясно

читаемая в карих глазах гостя вереница благородных предков, среди которых, к счастью, никогда не рождалось людей с магическим даром.

Второй посетитель понравился мне еще меньше. Это был хорошо сложенный блондин с надменным лицом пресыщенного жизнью аристократа. Чересчур узкие, плотно сжатые губы, больше похожие на полоски из розового кварца, недвусмысленно намекали на жестокость их обладателя. А высокий лоб, упрямо выдвинутый вперед подбородок и цепкий взгляд светло-серых глаз говорили о том, что сегодня мне придется иметь дело не просто с сильным магом, но еще и с умным, расчетливым мерзавцем, от которого в любой момент нужно ждать неприятностей.

Н-да. Занятные у нас нынче гости...

Бесшумно зайдя в комнату, я чуть резче, чем следовало, хлопнул дверью, отчего нетерпеливо постукивающие пальцами по подлокотнику кресел посетители подпрыгнули от неожиданности и одновременно обернулись.

– Доброй ночи, господа.

– Мастер Гираш? – недоверчиво оглядев меня с ног до головы, осведомился вояка.

Я улыбнулся: а вот и первый кандидат на алтарь нашелся... в былые времена за такое оскорбление можно было угодить на каторгу. Или в пожизненное рабство к оскорбленному темному магу. Но сейчас все несколько упростилось. И максимум, что я мог потребовать в качестве возмещения морального ущерба – это задрать цены на свои услуги.

– Мэтр, если не возражаете, – нейтральным тоном заметил я, краем глаза отметив, как скривилось при этом лицо мага. – Мэтр Гираш.

– Граф Анорэ де Тре'бло ван Экхимос, – отчеканил брюнет, по-прежнему без стеснения меня разглядывая. А маг отчего-то нахмурился и скупно бросил:

– Мастер Лиурой.

– Рад знакомству, господа, – радушно улыбнулся я. Силой от светлого несло так, что у меня аж в носу засвербело и страшно захотелось высморкаться. Но нельзя, увы. Иначе о высокооплачиваемом заказе придется забыть. – Приветствую вас, коллега. Давно не получал вестей из столицы. Как идут дела в академии? Как оппозиция в Совете?

Блондин холодно улыбнулся в ответ.

– Оппозиции не существует уже пятьдесят лет. А в академии все в полном порядке: кафедры работают в обычном режиме. Даже кафедра некромантии.

– Да что вы говорите? – не поверил я. – Неужели кто-то из моих коллег оказался настолько тупым... э-э-э... заинтересованным в этой работе, что согласился вернуться в гильдию?

– Не в гильдию, – голос светлого стал невыразительным и угрожающе ровным. – Всего лишь в академию. Гильдия в Сазуле по-прежнему существует только одна – Светлая, и в ближайшее время это не изменится.

– Благодарю за разъяснения, – вежливо оскалился я, пряча за поклоном недобро изменившийся взгляд. – Безмерно сожалею, что заставил вас ждать, господа. Что за нужда привела вас в мой дом?

Маг скривился, будто ему прищемили что-то жизненно важное, а граф, не заметив издевки, с мрачным видом оглядел мою низкорослую фигуру, у которой имелось только одно выдающееся достоинство – живот. При взгляде на все остальное прямо слезы наворачивались: невыразительное, болезненно бледное лицо, на котором выделялись неестественно крупные глаза, впалая грудь, худые руки, покрытые причудливым рисунком из синеватых вен. Да, большую часть этого «великолепия» его сиятельство не мог увидеть, поскольку оно было надежно скрыто под грязным балахоном, но, думаю, граф все равно о чем-то догадался, потому что уважения в его взоре ничуть не прибавилось.

Но совсем уж сурово он покосился на воинственно ощетинившегося Нича, чьи длинные усы шевелились где-то в районе моего горла. Правда, как истинный аристократ, его сиятельство

ничего не сказал – только брезгливо поморщился. После чего отступил в сторону, а светлый приосанился и, подчеркнуто глядя куда-то мимо, сухо обронил:

– В стране сложилась очень трудная ситуация, мэтр Гиращ. Хотя вы, вероятно, прекрасно об этом знаете...

– Простите, коллега, – вежливо перебил его я, – мне не совсем понятно: откуда я должен был это узнать?

Мастер Лиурой запнулся и, прекратив изображать из себя умного, непонимающе на меня посмотрел.

– Что значит «откуда»?

– Я не припомню, чтобы Совет магов уведомлял меня о своих трудностях, – невозмутимо пояснил я, заработав быстрый и очень острый взгляд от молчаливого графа. – Наша гильдия, если вы забыли, была расформирована. Былой коллегиальности между магами больше нет. Да и я, признаться, давно не интересовался мирскими делами, поэтому не совсем представляю, о чем идет речь.

Маг озадаченно моргнул.

– Но проблема с нежитью существует в Сазуле уже не первый год. Даже если вы отошли от дел, то все равно должны были видеть, что творится вокруг Масора.

Я пожал плечами.

– Видел. Ну и что?

– Как «что»?! – чуть не растерялся светлый. – Разрытые могилы, разоренные погосты, захороненные тела, гниющие трупы на дорогах, беспокойные кладбища, упыри и зомби, умертвия, еженощно приползающие к жилым домам; некрогниль¹, расползающаяся по болотам... По всей стране деревни стоят наполовину пустые! Это, по-вашему, нормально?!

– Это – моя работа, мастер, – чуть не зевнул я, но вовремя вспомнил, что в приличном обществе это не принято. – И я не вижу в ней ничего предосудительного. К тому же размеры указанных вами проблем, по крайней мере, в пределах Масора, пока не выходят за рамки аномалии Трошьера², а следовательно, не стоят особых переживаний.

– Да неужели? – в голосе блондина послышалась издевка. – А если я скажу вам, коллега, что подобные «аномалии» происходят по всему королевству? И добавлю, что на протяжении последних десяти лет их количество выросло почти в семнадцать раз? Причем частота встречаемости высшей нежити с каждым годом непрерывно растет. Несмотря на то, что Совет еще пять лет назад снял ограничения по разрушительным³ чарам и позволил использовать их без ограничений при малейшем подозрении на появление новых очагов вельской чумы. После этого вы по-прежнему будете продолжать считать, что в происходящем нет ничего «предосудительного»?!

Гм. Похоже, мои догадки насчет происходящего верны, и Совет всерьез обеспокоен, раз вспомнил о вельской чуме и дал добро на повсеместное использование разрушительных чар. Было бы дело только в умертвиях или резко поумневших зомби, светлые бы даже не почесались. Но им срочно понадобился некромант, а граф, надо полагать, представляет не только свои интересы, значит, дело дрянь.

¹ Разновидность низшей нежити. Внешне напоминает обычный мох, но не произрастает на светлых участках леса и питается кровью. При наличии добычи фантастически быстро размножается.

² Трошьер – некромант, один из основоположников теории развития нежити, сумевший доказать, что при отсутствии конкуренции развитие нежити в какой-то момент начинает замедляться, а ее численность, напротив, резко увеличивается. Жил за пару сотен лет до описываемых событий.

³ Отдельный подраздел как темной, так и светлой магии, включающий масштабные заклинания большой разрушительной силы. К изучению строго ограничен. К использованию разрешен только в экстремальных ситуациях.

Разумеется, нежить в нашем мире была всегда. И это одна из главных причин, по которой мы существуем как класс, а наша работа при всей своей внешней неприглядности остается востребованной.

Однако в обычное время мертвые несильно тревожат живых. Ну восстанет какая-нибудь злобная теща, чтобы любимый зять не больно радовался обретенной свободе. Ну живший бобылем дед вдруг оживет и, исполняя заветную мечту, приползет подглядывать за купающимися в реке девками, все это мелочи. Пустяки. Такую нежить даже упокаивать неинтересно – один щелчок пальцев, короткое заклинание, и все.

Другое дело, если кого-то при жизни прокляли. Да так, что человек и после смерти не способен обрести покой. Вот тогда и появляются призраки, духи, химеры... Правда, физического урона от них никакого. Аристократы вон даже гордятся, если в их замках появляется фамильное привидение, и не бегут за помощью к мэтрам, если оно действительно никому не мешает.

Но есть и другие создания, приносящие гораздо больше беспокойства: зомби, русалки, упыри, так называемая низшая нежить. Не слишком опасная и не больно сложная в упокоении. А есть еще нежить высшая. Или разумная, сумевшая обрести определенную самостоятельность, или же абсолютно безмозглая, способная лишь на то, чтобы выполнять приказы хозяина.

Но самой опасной считается рукотворная нежить, искусственно созданная в лабораториях некромантов. Именно такой мы больше всего опасаемся. И ее распространения стараемся не допустить.

Когда-то одним неопытным мэтром было случайно изобретено заклятие, способное создавать нежить не просто из мертвых, а сразу из живых. Причем настолько быстро, что, будучи единожды озвученной, эта дрянь всего за двое суток уничтожила население городка под названием Велль и подняла с десятков окрестных кладбищ, грозя расползтись по северным территориям Сазула, как эпидемия. Она стала настоящей заразой, которую впоследствии прозвали велльской чумой. А ее создатель, даже не подозревавший, какое чудовище пробудил, пал ее первой жертвой, не оставив после себя, естественно, ни одной толковой записи.

На то, чтобы распознать и остановить эту гадость, ушли силы шестерых магистров Темной гильдии, столько же светлых архимагов и целое море охранных артефактов и ограждающих заклятий.

Поскольку структура заклинания была расшифрована не сразу, а принимать меры пришлось в дикой спешке, Совет с большой неохотой согласился на использование разрушительных чар. В результате местные леса были выжжены подчистую. От человеческого жилья с его изменившимися жителями не осталось никаких следов. Воспламенившиеся в буквальном смысле слова реки были почти полностью осушены. Поля уничтожены. Вода стала ядовитой. Воздух – отравленным на долгие годы. И даже теперь, почти триста лет спустя, в окрестностях Велля никто не рисковал поселиться.

Я вопросительно приподнял брови, совершенно спокойно выдержав бешеный взгляд мага. Затем все-таки не удержался – сладко зевнул, деликатно прикрыв рот ладошкой. Наконец пожал плечами во второй раз и вкрадчиво поинтересовался:

– Простите, коллега, мне показалось или вы хотите вменить нынешнюю ситуацию мне в заслугу?

Светлый тревожно замер, когда я занялся внимательным изучением сложного рисунка на своих длинных ногтях. Затем он разглядел начертанные на них руны и непонимающе нахмурился. После чего вдруг резко изменился в лице, переглянулся с графом и уже другим тоном ответил:

– Нет, мэтр. При всех былых разногласиях Совета и Темной гильдии никто из нас не считает, что происходящее в стране – дело рук некромантов.

– Почему же? – рассеянно удивился я, раздумывая, не пора ли снять защитные чехлы. Конечно, нанесенные на них руны предназначены для нежити, но под чехлами мои ногти покрыты еще и ядом, противоядие от которого есть только у меня. Так что светлый правильно забеспокоился. – Разве это – не самое простое решение? И разве не очевидна мысль, что за всеми неприятностями светлых непременно должен стоять какой-нибудь темный? К примеру, могущественный, опытный и откровенно злой на вас маг, у которого после стольких лет появилась реальная возможность испортить Совету репутацию?

У мастера Лиуроя нервно дернулся кадык.

– Насколько я знаю, в наше время не осталось специалистов такого уровня.

– Конечно, – безмятежно улыбнулся я, охотно продемонстрировав гостям желтоватые, треугольной формы и чересчур острые для человека зубы. – Ведь Совет отдал приказ истребить их всех поголовно.

Взгляд графа стал осторожным, прощупывающим, а его правая рука медленно сползла с подлокотника, и в ней наметилось какое-то легкое магическое возмущение.

Я только хмыкнул, одновременно с этим подцепив краешек защитного чехла на указательном пальце.

– Впрочем, вы правы, коллега: даже в стародавние времена, когда была жива Темная гильдия, сам ее глава – мэтр Валоор да Шеруг ван Иммогор – не сумел бы испортить настроение Совету таким сложным способом. Это потребовало бы огромного запаса сил, большого числа помощников и, скорее всего, вовлечения в процесс всех членов гильдии. Что и тогда, и тем более сейчас представляется мне крайне маловероятным. Правда, насколько мне известно, Совет очень долго не верил в его гибель, потому что многоуважаемый мэтр, по слухам, сумел таки раскрыть тайну вечной жизни. Некоторые даже утверждают, что именно по этой причине случились разногласия в прежнем составе Совета. Но, увы – великий первооткрыватель навсегда покинул этот мир. А дух его уже больше ста лет остается для нас недостижимым.

Я сделал скорбное лицо, а потом обернулся к графу и совсем другим тоном осведомился:

– Скажите, ваше сиятельство: насколько связаны между собой приказ короля о запрете на убийство моих коллег и ваш неожиданный визит в Масор?

Граф Экхимос скривился, но руку со спрятанным в кулаке охранным артефактом на подлокотник так и не вернул.

– Напрямую. Но даже с учетом принятых мер вы, боюсь, единственный некромант, который за последние несколько лет рискнул появиться на людях.

– Значит ли это, что вам просто нужна моя помощь, и ваш визит в Масор не имеет цели безнадежно испортить этот солнечный и поистине прекрасный день?

Граф поморщился, однако все-таки кивнул.

– Мы не в том положении, чтобы вспоминать старые обиды. Поэтому предлагаем вам мир и хорошо оплачиваемую работу для осуществления одного несложного, но крайне важного дела.

Я негромко хмыкнул, подметив, как скис при этих словах светлый.

– Видимо, случилось что-то из ряда вон выходящее, раз вы рискнули напрямую обратиться к человеку моей профессии.

– Мы навели справки, – наконец взял себя в руки маг. – И выяснили, что на юге Сазула только из Масора почти нет беженцев в сторону столицы. И только из этой части королевства за последние несколько месяцев перестали приходить письма в королевскую канцелярию с просьбами прислать магов или регулярную армию.

Я многозначительно улыбнулся и оставил наконец защитный чехол в покое.

– Рядом с тем местом, где решит обосноваться некромант, редко случаются какие-то безобразия на кладбищах. Это – особенность нашей профессии, господа, о чем вы, несомненно, уже осведомлены.

– Благодаря этому обстоятельству мы вас и нашли, – согласился граф. – А также выяснили, что вы охотно принимаете заказы на определенного рода услуги.

– Все верно. Но прежде, чем подписать контракт, я должен узнать подробности.

– Это исключено! – внезапно отрезал светлый, впившись в меня подозрительным взглядом. – Все подробности на месте! Вы должны знать только то, что работать придется далеко от Масора и исключительно по вашему профилю!

Я мягко улыбнулся.

– Не доверяете? Что ж, правильно делаете. – Моя улыбка в ответ на проступившее на лицах собеседников недоумение стала еще шире и приобрела откровенно зловещий оскал. – Но я ведь могу и отказаться, правда? А значит, вам придется потратить не один месяц на то, чтобы отыскать другого специалиста. К тому же он может оказаться не таким покладистым, как я. Вы готовы к дополнительным тратам?

– Сколько вы хотите? – хмуро посмотрел на меня граф.

Я скромно потупился.

– Цена будет зависеть от качества услуги.

– А конкретнее?

– Это прояснится после того, как я пойму, что за работу вы для меня приготовили, ваше сиятельство.

Под недовольным взглядом графа я стал еще скромнее. Только правую руку на всякий случай спрятал за спину, проверив заодно заряды накопительных амулетов.

Пока все было в порядке – поставленное светлым сканирующее заклятие благополучно буксовало в моей защите, не позволяя оценить уровень моих сил. Тогда как моя ответная шпилька уже проколола его охранный купол и только что радостно сообщила, что передо мной стоит счастливый обладатель весьма неплохого по силе дара примерно пятой-шестой ступени мастерства. Не член Совета, конечно (у тех уровень не ниже второго), но все же не простой подмастерье.

– На данный момент я могу вам сообщить очень немного, – наконец прервал неловкую паузу граф. – Этому есть несколько немаловажных причин, раскрывать которые я не вправе. Но если вас устроит отрывочная информация...

– Я весь внимание, ваше сиятельство, – подобрался я, хищно сверкнув глазами. – А когда вы расскажете хотя бы то, что можете, тогда и о цене поговорим.

Глава 2

*Просите больше – все равно много не дадут.
Первая заповедь нищего*

Из-за нелепой таинственности, зачем-то созданной графом вокруг несложного на первый взгляд заказа, я долго не мог понять примерный объем предстоящих работ. Но все оказалось весьма прозаично и явилось прямым следствием оглушительной победы светлых в той самой войне, что так круто изменила мою жизнь.

Мало кто знает, с чего она началась. Представители гильдий, как легко догадаться, обвиняли друг друга, а победившая сторона впоследствии свалила вину на проигравших. Кто-то с этим согласился, кто-то недоуменно покрутил пальцем у виска. Но лично для меня начало военных действий совпало со скоропостижной кончиной главы Совета магов – мастера Любораса Твишопы, умершего от редкой болезни, для которой даже у светлых не нашлось целительного заклинания.

Вскоре после этого кто-то пустил слухок, что причиной смерти одряхлевшего архимага стали вовсе не естественные причины, хотя его официальный преемник – мастер Шодорас Викдас, который остается главой Совета и по сей день, – во всеуслышание подтвердил, что его учитель действительно долго болел.

Два месяца спустя в АВМ⁴ без видимых причин сократили сотрудников кафедры общей некромантии, а потом и вовсе попытались ее закрыть.

Всех мэтров взяли под учет, едва не начав клеймить, как преступников. Эксперименты запретили. Добровольных помощников отобрали. Школы для несовершеннолетних темных ликвидировали. Практику свернули. Молодых адептов подвергли проверкам на предмет принадлежности к какому-то нелепому «Обществу тьмы», о котором никто из них даже не слышал. А главу гильдии ни много ни мало обвинили в предательстве интересов Совета.

И вот тогда началось... Молодые адепты роптали. Их наставники возмущались, хотя до открытых столкновений старались дело не доводить. Но если поначалу стычки со светлыми были короткими и редкими, то со временем они участились, а спустя всего пару лет после смерти главы Совета случилось первое, вернее, очень громкое убийство, замять которое уже не смогли.

Да и как можно скрыть от адептов Темной гильдии смерть ее многоуважаемого главы? Да еще когда его труп с глубокой раной в боку был обнаружен одним из учеников в подвале родового имения Иммогоров?

Этого темные, разумеется, стерпеть не могли, светлые к тому времени тоже жаждали крови, и это стало началом того хаоса, который продлился несколько долгих десятилетий.

Возможно, если бы так ценящие независимость мэтры хоть ненадолго забыли о замшелых традициях, все могло бы случиться иначе. Но в войне, где против сильных одиночек выступили умело организованные отряды боевых магов, некроманты были обречены.

Те из них, кто сумел в результате выжить, забились в такие норы, что выманить их оттуда было весьма проблематично до сих пор. От кого-то остались только неопытные наследники. Кто-то сгинул, не оставив после себя даже их. Совет, перед глазами у которого перестала маячить красная тряпка, постепенно успокоился. И в последующие пятьдесят лет светлые наивно считали себя победителями... пока не оказалось, что без некромантов стало некому следить за постоянно увеличивающимися кладбищами. Некому усмирять распоясавшихся фамильных

⁴ АВМ – Академия всеобщей магии.

призраков. Призывать к порядку оставшуюся без присмотра нежить и возвращать за грань неупокоенных родственников.

Увы, все, на что оказалась способна гильдия в столь деликатном вопросе, это примитивное разрушение. Тогда как мертвая плоть не любит грубого обращения. И на каждый удар способна ответить еще большим ударом, результатом чего и стало нынешнее положение дел.

Со слов графа выходило, что оставшаяся без должного присмотра нежить активизировалась за последние годы настолько, что в некоторых провинциях стала приносить ощутимые потери. Она потихоньку выкашивала поголовье крестьян (тех, кто понадеялся на помощь армии). Методично уничтожала оставшийся без присмотра скот. Портила посевы, оккупировала дороги и местами вызвала такое опустошение, что целые деревни стояли необитаемыми.

Особенно сильно, как утверждал Лиурой, пострадали западные, северо-восточные и южные районы Сазула. В частности, те, что непосредственно граничили с землями уважаемого графа и сравнительно недавно лишились прежнего хозяина – престарелого барона Невзуна, которого, как утверждают, упыри загрызли прямо в замке вместе с супругой, детьми и челядью.

Откуда там взялись упыри, да еще в таком количестве, граф понятия не имел, но честно предпринял попытку остановить эту напасть. Однако примерно месяц назад его величество Григоар Четвертый решил, что этого недостаточно, и осиротевшие земли не должны пропадать впустую. Поэтому высочайшим указом лишил баронство прежнего статуса, разделил его на несколько частей и одну из них, не подумайте, что он сошел с ума, торжественно передал во владение его сиятельству Анорэ де Тре'бло ван Экхимосу. Тогда как две другие достались его добрым соседям, которые от столь «роскошного подарка», само собой, пришли в восторг. Особенно когда король, наряду с верительными грамотами, посоветовал новым хозяевам как можно скорее разобраться с запoганенными землями и отчитаться о проделанной работе.

Осчастливленные указом «избранные», едва отойдя от шока, тут же принялись выяснять размеры свалившихся на них неприятностей. К примеру, его сиятельство во время первой же поездки к границам бывшего баронства потерял добрую половину личной дружины, лишился старого мага, который служил семье Экхимосов больше тридцати лет. И едва не стал жертвой какого-то особо удачливого умертвия, которое умудрилось подстеречь гостей прямо возле тракта. Тогда потрепанный граф сообразил, что без некроманта не справится, счел за лучшее ретироваться и уже на следующий день отписал прошение в Совет магов с просьбой предоставить соответствующего специалиста.

К несчастью для графа, его соседи успели сделать это первыми, поэтому несколько молодых темных, которые с грехом пополам обучались на последнем курсе академии всеобщей магии, были отданы им «для прохождения практики, максимально приближенной к реальным условиям». Кое-кому (не будем указывать пальцем на герцогов Ангорских) молодые адепты достались даже в двойном экземпляре. Из-за чего на остальных специалистов не хватило. Поэтому владельцам земель пришлось выбирать: или соглашаться на помощь совсем уж необученных сопляков, которые с трудом отличали настоящего зомби от неполноценного умертвия, или же попытаться найти кого-то на стороне. Что, собственно, граф и сделал. А теперь нервно стискивал подлокотники, с тщательно укрываемой тревогой ожидая моего решения.

Я же всерьез задумался.

В частности, над тем, о чем сиятельный граф сумел-таки умолчать. Например, о присутствии здесь светлого мага, за которым совершенно четко угадывался интерес Совета. О причине, по которой сам Совет не стал вмешиваться в это скользкое дело, а предпочел закрыть глаза на странное решение короля. Или о том, кому именно стал вдруг неугоден господин граф, раз его решили устранить столь изящным способом.

Впрочем, на данный момент последнее было второстепенным, а вот мои действия уже просматривались достаточно четко. В ближайшие дни я намеревался прогуляться в компании двух господ на природу. Аккуратно разведать, что именно творится во владениях усопшего

барона Невзуна. По возможности, очистить его земли от мертвецов. Получить свою законную плату. И тихо-спокойно вернуться обратно в Масор, где впоследствии скорректировать собственные планы.

Одна была загвоздка – я не знал, с чем предстоит столкнуться, поэтому не мог рассчитать последствий своего вмешательства. А также количество необходимых амулетов и качество зелий, набранных с приличным запасом, и точную стоимость заказа, разумеется.

Правда, поразмыслив, я все-таки нашел выход из этого щекотливого положения и, достав магический контракт, аккуратно вписал туда некую сумму, постаравшись учесть и стоимость трав, и вероятные риски, и отсутствие достоверной информации, и срочность заказа, и даже возможность потери Нича, после чего благоразумно оставил себе возможность малость увеличить размеры гонорара, и только потом показал эту цифру заказчику.

Надо сказать, граф Эхимос оказался истинным аристократом – при виде довольно скромной, по моим меркам, цифры у него только нервно дернулось веко, да что-то булькнуло в перехваченном спазмом горле. А вот мага выдержка подвела – он аж подавился, увидев мои невеликие запросы, и так страшно выпучил глаза, что я даже начал надеяться, что смогу забрать их в свою коллекцию органов. На опыты. После чего он еще и покраснел весь, потом побледнел. Наконец раздулся, как еж, на которого умудрилась усесться старая медведица, и хрипло каркнул:

– Сколько?!

Я переглянулся с Ничем и с беспокойством потянул контракт на себя.

Так, что им непонятно? Неужто я обсчитался?

Пробежавшись глазами по старательно выведенным каракулям и еще раз пересмотрев сумму, я удивленно всплеснул руками, а потом торопливо извинился:

– Прошу прощения, ошибочка вышла, не досмотрел сослепу, господа, – выдернув бумагу из вялых пальцев графа, я так же торопливо дорисовал к указанной сумме еще один нолик и, облегченно выдохнув, протянул контракт обратно. – Вот теперь верно. Я просто не учел размеров своего беспокойства, связанных с этим неожиданным заказом, оторвавшим меня от одного чрезвычайно важного для человечества эксперимента. Но теперь все правильно, и я могу со спокойной душой дать согласие на эту работу.

В комнате стало так тихо, что я почти услышал скрип зубов побелевшего от ярости мага и неровный стук сердца взбешенного моей наглостью графа. Мгновением позже на кухне, накаляя обстановку, особенно громко звякнула выроненная Лиш сковородка. Чуть погодя кто-то с силой хлопнул там дверь. Да и негромкий смешок Нича, успевшего за время моей тирады внимательно прочитать контракт, прозвучал в этом тягостном молчании откровенно издевательски.

Под медленно свирепеющим взглядом графа я подобострастно вытянулся, пристально следя за его меняющимся лицом. С готовностью выпятил тощую грудь, всем видом демонстрируя, что готов пахать от зари до зари. Наконец приподнялся на цыпочки, чтобы казаться чутьчку выше, и остро пожалел, что не надел с утра сапоги с каблуками.

Напряжение в комнате достигло апогея.

– Хорош-ш-шо, – свистящим шепотом согласился граф, взглядом испепеляя меня в пыль. – Я заплачу вам, мэтр, но при соблюдении некоторых условий.

Не теряя хладнокровия, я из последних сил вытянулся еще на вершок.

– Конечно, ваше сиятельство. Безусловно, сумма указана приблизительно, поэтому не исключено, что она изменится после уточнения обстоятельств дела. Вы же понимаете: не зная всех деталей, я не могу гарантировать успех. К тому же есть определенные риски, которые я должен учесть, что и было мною указано в последнем параграфе!

– Вы пересмотрите свои требования по оплате в случае изменения условий работы, – все тем же зловещим шепотом потребовал граф, знаком велев гневно побагровевшему светлому

заткнуться. – Последний пункт контракта обязывает не только меня выплатить дополнительную сумму в случае превышения ваших полномочий, но и вас – уменьшить свои непомерные аппетиты, если угроза окажется не такой большой, как вы рассчитываете.

– Минимальная сумма при любом варианте развития событий останется прежней, – быстро уточнил я, прежде чем подкованный в этих делах Нич успел толкнуть меня лапкой.

– Тысяча золотых, – медленно согласился граф, начиная наконец дышать спокойнее. – И только после завершения работы. Кроме того, мы отправляемся немедленно. Прямым порталом до графства Экхимос. И вы на протяжении всего времени пребывания на моих землях не предпринимаете никаких действий без предварительного согласования со мной или мастером Лиуром.

– Как прикажете, ваше сиятельство, – я расплылся в фальшивой улыбке, мысленно прикинув, сколько времени придется потратить на сборы. – Готов приступить к работе уже через полчаса.

– Значит, договорились. – Граф отвернулся и быстрым шагом направился к выходу. – Имейте в виду: мы должны прибыть в замок еще до обеда. Карета снаружи. Поторопитесь.

Мастер Лиурой обжег меня злым взглядом и, не произнеся ни слова, последовал за графом. А мы с Ничем выразительно переглянулись и с одинаковой досадой вздохнули:

– Продешевили!

– Да. Надо было начинать торговаться с двух тысяч.

* * *

Сборы много времени не заняли. По большому счету мне и собираться особенно не надо – все свое я обычно держу под рукой. Гораздо сложнее оказалось запихать в одну-единственную сумку все необходимые инструменты, которых в моем рабочем кабинете было предостаточно.

Надо сказать, кабинет – моя законная гордость. И самое защищенное место в Масоре, а то, может, и во всем королевстве Сазул. Здесь было все, что могло потребоваться для работы: любовно сделанные чучела, старательно заспиртованные органы, до блеска отполированные черепа – человеческие и не очень, тщательно рассортированные яды, книги, свитки, древние фолианты, за каждый из которых меня еще лет пятьдесят назад стоило убить, воскресить, а потом снова убить. Ух! Прямо смотрю и каждый раз радуюсь, что все это богатство досталось мне одному.

– Обязательно возьми с собой вытяжку из корня астериса⁵, – бубнил Нич все время, пока я распахивал по карманам вещи. – И разрыв-траву. И мазь, отбивающую запах. И взрывные амулеты. И свои накопители⁶. Эх, если бы можно было твое зеркало захватить...

Я покосился на огромное, почти в треть стены, старое зеркало, увенчанное сверху подобострастно улыбающейся харей, и хмыкнул.

– Еще не хватало. Эй, морда! Достань мой походный комплект!

Поверхность древнего артефакта посветлела, а снизу выдвинулись два просторных ящика. В верхнем была аккуратно сложена моя рабочая одежда – длинный черный балахон, такая же черная накидка, широкий, старательно вышитый по краю красной нитью пояс с пустыми ножнами, и пара перчаток. А в нижнем лежали начищенные до блеска башмаки и ритуальный нож.

⁵ Растение из семейства сложноцветных, входящее в состав многих магических эликсиров и зелий.

⁶ Накопитель – артефакт, способный аккумулировать магическую энергию. По заряду может быть светлым или темным, при смешивании энергий способен на неконтролируемый выброс магии.

Да. Артефакты некроманта – весьма своеобразная собственность. Древние артефакты, пережившие не одного хозяина и впитавшие в себя некоторую толику их скверных характеров, еще и смертельно опасны. Но мои всегда знают, кто в доме хозяин, поэтому починаются беспрекословно.

– Когда мы уйдем, запри комнату и проследи, чтобы любой, кто сюда войдет, наружу больше не вышел.

– Как прикажете, хозяин, – почтительно прошептало зеркало сразу всей поверхностью.

Я удовлетворенно кивнул, с трудом закинул на спину устрашающе раздувшуюся сумку и быстрым шагом вышел, по пути активировав защиту.

Все. Теперь сюда даже глава Совета не сможет проникнуть. А если и сумеет... отлично. В наше время так трудно добыть неповрежденный мозг или здоровое человеческое сердце. Тем более если это – сердце сильного мага.

Уже на пороге я отдал Лиш последние указания, убедился, что она все поняла правильно, а затем запер калитку охранным заклинанием и, провожаемый внимательными взглядами горгулий, направился к карете графа.

Надо признать, скакуны у него оказались достойными – вороные, могучие, прямо красавцы. Заполучить такую пару было, наверное, нелегко. Но до моих свирепых умсаков им все равно далеко. Конечно, мертвые рысаки редкой нынче гадалузской породы далеко не всем придутся по вкусу, несмотря на то, что совершенно не нуждаются ни в еде, ни в питье, да и выносливости у них хоть отбавляй.

Одна с ними сложность: умертвия плохо чувствуют себя при свете дня и подчиняются только создавшему их некроманту, но на то я и мэтр, чтобы не обращать внимания на подобные мелочи.

Обнаружив, что возле кареты болтаются двое охранников, которых я поначалу не заметил, а чуть поодаль подобострастно вытянулся благообразного вида старик – явно личный слуга графа, я насмешливо хмыкнул. А потом ощутил презрительный взгляд одного из амбалов и, отыскав глазами их хозяина, одарил его широкой улыбкой.

– Кстати, забыл сказать, ваше сиятельство: у вас есть редкая возможность снизить цену за мои услуги.

Граф, уже собравшийся забраться в поданную карету, удивленно замер. А мастер Лиурой аж споткнулся на ровном месте и с нескрываемым подозрением уставился на мое честное лицо.

– Неужели? – с сомнением переспросил его сиятельство, так и не решившись подняться в экипаж. – И на каких же условиях вы готовы поступиться собственными принципами, мэтр Гираш?

Я ласково посмотрел на охранника и доброжелательно улыбнулся.

– На самых замечательных. Минимальный размер оплаты я, разумеется, менять не собираюсь. А вот касательно остальной суммы... Знаете, я так давно хотел попробовать свои силы в двойной трансформации живого! Как вы смотрите на то, чтобы в качестве платы отдать мне этого человека в личное пользование? Скажем, на год? Или на два?

Граф ошеломленно моргнул, а светлый сдавленно закашлялся.

– Ч-что?!

– Пункт пятый параграфа третьего «Закона о привлечении добровольцев в услужение темного мага» гласит, – елеинным голосом процитировал я, почти с отеческой любовью изучая разом вытянувшееся лицо наемника, – что в случае привлечения к обряду лица, не имеющего права голоса, или лица, состоящего на службе, решение за него может быть принято вышестоящим начальством. Насколько я понимаю, этот человек поступил к вам в услужение на добровольных началах, ваше сиятельство? И, вероятно, при найме заполнял обязательный в таких случаях контракт?

– К чему вы клоните? – насторожился граф.

– К тому, что у вас есть шанс избежать серьезных расходов, – доверительным шепотом поведал я. – В подобных контрактах есть пункт, где говорится, что наниматель имеет полное право передавать поступившего к нему на службу человека во временное услужение другому лицу, буде в том возникнет необходимость. Разумеется, с возвратом «живого имущества». А в случае причинения ему вреда временный владелец будет обязан заплатить определенную виру. Но я, поверьте, приложу все усилия, дабы ничего подобного не произошло, и готов выплатить положенные в этом случае проценты. Подумайте: все-таки десять тысяч золотых за одного-единственного охранника...

Граф отступил от выжидательно замершего экипажа, с козел которого на меня испуганно уставился молоденький мальчик-возница, и медленно повернулся. Пристально посмотрел сперва на меня, затем перевел взгляд на ошарашенного наемника. Словно в первый раз, оценил его стать, внезапно побледневшее лицо, судорожно стиснутые на рукояти меча пальцы... Но потом все-таки отрицательно качнул головой.

– Я не продаю своих людей, мэтр Гиращ.

– Жаль, – притворно огорчился я, получив массу удовольствия от созерцания перекошенной физиономии амбала. – Хотя дело ваше, не смею настаивать.

Многозначительно помолчав и благовоспитанно сложив руки на объемном животе, я посеменил к карете и первым забрался внутрь, нахально заняв самое лучшее место. Терпеливо подождал, пока ко мне присоединятся несколько заторможенные граф и мастер Лиурой. И с чувством выполненного долга откинулся на мягкую, обитую красным бархатом спинку сидения.

– Хорошо сделано, – беззвучно шепнул мне на ухо Нич, нагло изучая севшего напротив нас светлого. – Но риск был велик.

Я только ухмыльнулся: конечно. Зато мы поставили на место зарвавшегося дурака и получили неплохие гарантии того, что после окончания работы от нас не попытаются избавиться. Раз уж граф на такие деньги не соблазнился... видимо, открытое предательство – не его стиль.

– У Лиуроя припасена в карманах пара неплохих амулетов, – так же беззвучно доложил Нич. – Один отпугивает умертвия, второй, скорее всего, накопитель. Но не очень сильный – я такие когда-то на раз-два высасывал.

Я задумчиво оглядел коллегу, у которого все еще нервно подергивалась щека: да, амулеты я тоже заметил. Еще бы специализацию этого умника выяснить, но, увы – мои способности весьма далеки от идеала. И я бы не рискнул тратить запасы своих *накопителей* на такие мелочи.

– Гиращ, а можно я его немножко попугаю? – внезапно спросил Нич, кровожадно косясь на мага.

Я благожелательно кивнул. Таракан радостно встрепенулся и, стоило только карете тронуться с места, а мне – немного наклониться вперед, картинно рухнул с моего плеча, умудрившись спланировать прямо на коленки светлого.

Сделав самое невинное лицо, я выпрямился и с самым честным видом посмотрел на брезгливую гримасу мастера Лиуроя, на мантии которого теперь гордо восседал громадный таракан. Слегка удивился, когда Нич решил не останавливаться на достигнутом и решительно полез на чужое плечо, но на негодующий взгляд мастера только вежливо приподнял брови.

Дескать, да-да? Что вы говорите? Какой еще таракан? Где?!

А когда Нич увидел, что к нему тянется холеная рука, и на всякий случай пыхнул крохотной струйкой огня, я принял независимый вид, словно невзначай заметив:

– Кажется, вы ему понравились, мастер.

– Уберите от меня эту... этого... зверя! – возмущенно каркнул задымившийся в буквальном смысле слова светлый, вынужденно замерев на месте и больше не рискуя связываться с огнедышащим тараканом.

– К вашему сведению, насекомые не относятся к понятию «звери», – с умным видом отозвался я, краешком глаза следя за победным восхождением Нича и мысленно умиляясь при виде обугленной прядки волос на виске у мастера Лиуроя. – А фамильяры не относятся к ним тем более. Скорее, их можно отнести к искусственно созданному, но неодушевленному творению, у которого, впрочем, есть свои собственные предпочтения.

Нич сердито обернулся, явно решив потом мне припомнить про «насекомое» и «неодушевленное творение», но у меня было слишком хорошее настроение, чтобы думать о его возможном недовольстве.

– Мэтр Гираш... – просипел маг, нервно покосившись на взобравшегося на уровень его груди таракана. – Я бы вас попросил...

– Не волнуйтесь, коллега, – мило улыбнулся я, видя, как тараканьи усики задумчиво трогают мантию в том месте, где светлый припрятал свои амулеты. – Он вас не тронет.

Ага. Только защиту с амулетиков снимет, ауру считает, силушку оттуда выкачает, и все.

Таракан между тем с нескрываемым интересом принялся к горлу мага, но тут же поморщился и громко чихнул, случайно уронив на подлокотник несколько капелек слюны. Красный бархат в том месте зашипел и мгновенно обуглился, обнажив деревянную основу. Светлый тревожно замер, чувствуя, как нежные усики ласково поглаживают его шею. Нич задумался о чем-то своем, тараканьем, жадно поглядывая на виднеющуюся на горле мага золотую цепочку. А я сделал вид, что ничего не заметил. И с удовольствием понаблюдал бы за этим спектаклем и дальше, если бы господин граф не принялся сверлить меня тяжелым взглядом, а затем, не получив никакой реакции, не бросил мрачно:

– Довольно!

Пришлось свистнуть Ничу, забрать у светлого его раздувшееся от халявной энергии тельце и рассыпаться в щедрых извинениях перед его сиятельством за испорченную мебель. А потом с искренним участием заверить его в том, что подобное больше не повторится.

Насчет Лиуроя я, разумеется, ни слова не сказал – перебеется без любезностей. Зато отсутствие клятвенного обещания не портить ему настроение открывало перед нами просто невероятные перспективы.

Нич, вернувшись на свое законное место, довольно хрюкнул, слушая мои пространные излияния. Граф, разумеется, снова нахмурился. Мастер Лиурой, нервно оправляя воротник, одарил нас свирепым взглядом, а я еще раз получил возможность убедиться в том, что у него весьма слабая выдержка.

Больше не став испытывать чужое терпение, я снова откинулся на спинку сидения и умиротворенно прикрыл веки, прекрасно зная о том, что Нич не пропустит ничего важного. Спать он не умел. В еде не нуждался, следовательно, отвлекаться ему просто не на что. А значит, он мог продолжать гипнотизировать недовольного светлого хоть до посинения, давая мне время аккуратно разложить по полочкам то, что мы сегодня узнали.

Глава 3

*Нет ничего проще, чем испортить настроение хорошему человеку.
Народная мудрость*

Лошади у графа оказались резвыми – всего за полчаса вывезли нас за пределы Масора, домчали до неприметной полянки в самом сердце леса и остановились по требованию юного возницы так резко, что не ожидавший этого Нич чуть во второй раз не шлепнулся на колени к мастеру Лиурою.

К счастью, в последний момент таракан все же удержался на моем плече, поэтому никто не пострадал: ни «фамильяр», ни гордость оскорбленного мага, ни молодой лихач на козлах, едва не ставший причиной серьезной ссоры.

Быть может, только старый слуга, всю поездку протрясшийся за закорках, заполучил себе стойкую головную боль. Однако когда господин граф первым выбрался из кареты, старик поспешил сделать радостное лицо, и самыми недовольными оказались охранники.

Выбравшись на улицу последним, я предусмотрительно подтянул сумку поближе и, обнаружив по краям поляны вычерченные прямо на земле символы, мысленно присвистнул: ого! Ничего подобного раньше не видел. Слышал, что велись какие-то разработки в области увеличения дальности стандартных телепортационных арок, но чтобы вот так... К сожалению, подобная схема мне неизвестна.

Однако я точно знаю, что это местечко не относится к стационарным точкам перехода. Да и защищено получше иной сокровищницы. Вон какие фортеля выкидывает охраняющая сеть! Прямо смотрю и не верю, что господин Лиурой создал эту гадость самостоятельно. Видимо, именно этим путем мой наниматель попал в Масор и этой же дорогой собирается уходить. Причем благодаря изобретательности светлого и его мудреному заклятию, накрывшему немалую часть леса непроницаемой паутиной, всего через пару дней следы магии отсюда полностью исчезнут. И никто не сможет сказать: кто, когда и куда уходил отсюда телепортом.

Проследив за тем, как охранники с видимым усилием волокут сундук графа к центру поляны, я услышал стук колес и снова повернулся в сторону дороги. При виде уезжающей кареты сперва озадачился, но потом понимающе хмыкнул: чтобы перенести шестерых человек из одного места в другое, много сил не требуется. Люди не обладают большой массой и вполне предсказуемы в своем поведении. Тогда как карета весит немало, а лошадям при всем желании не объяснишь некоторых вещей. Так что, по-видимому, мастер Лиурой всего лишь постарался максимально облегчить себе жизнь.

– Пройдите к центру поляны, мэтр Гиращ, – с едва заметным напряжением в голосе велел светлый, подчеркнуто глядя куда-то мимо меня.

Я огляделся еще раз, запоминая рисунок наложенного на поляну заклятия, и посеменял к недовольным охранникам. Встал, разумеется, за спиной того, которого хотел купить, мгновенно ощутив идущую от него волну жгучей ненависти. И вежливо оскалится, когда этот красавчик, не стерпев, все-таки отступил вбок и развернулся так, чтобы видеть мои руки.

– Господин граф, – красноречиво взглянул на нанимателя светлый, когда сопляк подуспокоился.

Его сиятельство без лишних слов присоединился к нашей теплой компании вместе со стариком, тащившем хозяйские сумки с вещами. Причем оба встали так, чтобы находиться от меня как можно дальше.

– А теперь помолчите, пожалуйста, – велел Лиурой, оставшись за пределами очерченного вокруг нас магического круга. Потом что-то зашептал, полуприкрыв веки. Картинно взмахнул рукой, после чего линии на земле начали слабо светиться неприятным синеватым светом.

Наконец коротко выдохнул и, широко распахнув такие же светящиеся глаза, забормотал заклинание переноса.

Демонстративно зевнув, я засек время.

Само по себе заклинание переноса – вещь несложная. Его успешность зависит больше от точности расчетов, нежели от уровня мага. Но тут есть одна деталька: оно требует полного сосредоточения и мгновенно разрушается, если в заклинании появится хоть малейшая ошибка. Скажем, если маг неправильно рассчитает вес перемещаемых объектов или собьется во время открытия портала. Если кто-то вдруг гавкнет под руку или нагло воспользуется другим заклинанием, сбив тем самым настройки. Короче, с телепортами слишком много мороки. Но дело даже не в этом – просто я до сих пор не мог понять, как в такой глуши Лиурой вообще смог его открыть.

Я хорошо помню теорию пространственных проколов и тот факт, что по всему Сазулу, да и в прилежащих странах, имелись многочисленные стационарные арки, из которых можно попасть почти в любое место нашего славного королевства. В мое время такие арки еще называли стандартными и устанавливали исключительно в крупных населенных пунктах.

Помимо них, были еще и нестандартные, дающие гораздо большую дальность переноса и никак не привязанные к общей сети порталов. Таких в Сазуле практически не имелось, но даже если бы и была такая, про которую я не знал, то это все равно не наш случай.

Арка – она арка и есть: каменная громадина, внутри которой размещен довольно мощный источник, а здесь просто кусок земли, разукрашенный рунами. Ни источника, ни основания...

– Кажется, тут скверно пахнет, – внезапно высказал свое мнение Нич. – На мой взгляд, дурно пахнет вся эта затея с порталами. Тебе не кажется?

Я смолчал, но про себя подумал, что даже если и так, то вмешиваться в заклинание я точно не стану – слишком велик риск. А я не для того скрывался столько времени, чтобы умирать в столь ответственный момент.

– Приготовьтесь! – донесся до нас напряженный голос светлого. – Закройте глаза. Задержите дыхание на пять ударов сердца и не шевелитесь!

Вместе с остальными я послушно прикрыл веки, ощущая, как по коже побежали крупные мурашки – яркое свидетельство того, что на мое тело собираются воздействовать магией. Потом крепче сжал пальцы на ремне своей драгоценной сумки. Набрал побольше воздуха в грудь. Мысленно велел Ничу заткнуться и замереть, а потом... почувствовал, что стремительно проваливаюсь в какой-то бездонный колодец.

Честно говоря, терпеть не могу все эти пространственные штучки. Никогда ими не увлекался и, думаю, что увлекаться уже не буду – из-за чрезмерного риска, значительных всплесков магического фона, излишней траты сил и ряда других причин, по которым некроманты никогда не жаловали этот вид магии. Лично меня ощущение распадающегося на крохотные частицы тела всегда напрягало. Особенно после того, как я это самое тело собственноручно собрал из...

– ...Горэ гиэро амора! – наконец завершил заклинание мастер Лиурой.

Я вынужденно осекся, так и не додумав мысль до конца. Одновременно с этим нас ощутимо потрянуло. Земля под ногами пошла длинными трещинами. Вычерченные на ней символы сменили цвет с синеватого на ядовито-желтый, вызвав неподдельную растерянность мага, а я внезапно понял, что что-то пошло не так.

– Это еще что за?..

Я ощутил легчайший толчок в плечо, многое сказавший о причинах грядущего сбоя. Затем услышал чье-то сдавленное ругательство. Молниеносно активировал один из амулетов, успев про себя проклясть чью-то излишнюю торопливость. А спустя мгновение нас снова потрянуло, да так, что я с огромным трудом удержал равновесие.

Последнее, что я увидел перед тем, как нас накрыла темнота – это перекошенная физиономия рухнувшего на колени графа; бледное, как полотно, лицо бегущего к нам мастера Лиуроя; диковато вытаращенные глаза старика-слуги; бешеный водоворот вокруг наших прижавшихся друг к другу тел и неподвижная морда Нича с грозно раскрытыми жвалами, на которых тускло поблескивали крохотные капельки смертельного яда.

* * *

В себя я пришел, наверное, самым первым. По крайней мере, когда мне удалось открыть глаза и мрачно уставиться на отвратительно яркое солнце, вокруг еще царила вдумчивая тишина, нарушаемая лишь шелестом травы и стрекотом невидимых кузнечиков.

Никто не орал как резаный. Не возмущался провалом и не порывался убивать за случившийся сбой. Магический фон был на диво спокойным. И если бы не смена обстановки, можно было бы подумать, что все в порядке.

Приподнявшись на локте, я хмуро оглядел совершенно незнакомую поляну, на которой вповалку лежали наши недвижимые спутники. Мастер Лиурой до сих пор находился в глубокой отключке, господин граф, судя по всему, тоже, хотя неровное дыхание и подергивающиеся под веками глазные яблоки свидетельствовали о грядущем пробуждении. Его доблестная охрана валялась под каким-то кустом – почти что в обнимку со спасенным ценой невероятных усилий сундуком. Там же мирно почил, трогательно подложив ладошку под щеку, старый слуга, при виде которого мои губы искривила скептическая гримаса. Рядом с ним красовался изрядно облысевший терновник, на одной из веток которого висела моя невредимая сумка, а на ней, как король на троне, с довольным видом восседал...

– Ни-и-ич! – тихо прошипел я, пронзив наглого таракана злым взглядом, смутно подозревая, что знаю заразу, напакотившую мастеру Лиурою с заклинанием. – Гад ползучий... ты что наделал?!

– Это не я! – негодуяюще проскрипел таракан, чуть не подпрыгнув от возмущения. – Думаешь, мне жить надоело?! И вообще, я решил, это твоя работа! Ты ведь планировал вмешаться в заклание, разве нет? Ну и чем ты недоволен?

– Заткнись, – мгновенно опомнился я, мельком оглядев беспамятных спутников. – Еще не хватало, чтобы тебя услышали.

Таракан фыркнул и спрыгнул на грудь старика. Ненадолго заглянул в безмятежное лицо слуги, которого, судя по всему, не коснулись неблагоприятные последствия переноса. Ловко перебрался на неподвижных охранников, несильно дунул в лицо более молодому. Убедился, что тот действительно без сознания, проверил состояние графа и только после этого посеменил в сторону мастера Лиуроя.

Я хмуро проследил за тем, как мой помощник карабкается по мантии светлого, попутно вытягивая из амулетов оставшиеся крохи энергии, но мешать не стал – мое раздражение по поводу случившегося хоть и было велико, но все же не настолько, чтобы убивать Нича на месте.

Вряд ли он рискнул мне солгать – недавний урок не успел выветриться из его памяти. Да и правильно он угадал – я совершенно не собирался посещать замок многоуважаемого графа.

Во-первых, потому, что выбраться оттуда самостоятельно было практически невозможно. Во-вторых, это поставило бы нас в зависимость как от графа, так и от мастера Лиуроя. В-третьих, если бы мы попали туда телепортом, то что бы потом ни случилось, никто и никогда не стал бы меня там искать. Наконец, в-четвертых, после стольких лет, проведенных в чужом могильнике, я стал настороженно относиться к всевозможным каменным мешкам. Даже таким просторным, как замок его сиятельства. И предпочел бы вовсе там не появляться, тем более что все необходимое для работы у меня всегда с собой.

Нет, я не трус. Просто стал осторожным к старости. И вообще собирался изменить конечный пункт назначения не таким неприятным способом. У меня был план. Причем хороший план, не ставящий мою драгоценную жизнь под угрозу. И какая, спрашивается, сволочь испортила мой грандиозный замысел? По чьей, интересно, вине я провалялся тут энное количество времени бесполезной колодой?!

Если бы не этот гад, я не потратил бы половину заряда одного из накопителей на то, чтобы уменьшить последствия от неправильного перемещения на свое драгоценное, любовно оберегаемое, невероятно полезное тело. Мы бы прибыли точно туда, куда нужно. Не говоря уж о том, что моя причастность к этой маленькой диверсии была бы благополучно скрыта за совсем уж крохотным, но очень надежным заклятием.

– Надеюсь, ты сказал мне правду, – мрачно сообщил я таракану, одновременно проверяя состояние организма. С виду, правда, все было в порядке, но Нич – та еще скотина. Даже если это не он помешал моим планам, все равно – шанса отомстить никогда не упустит.

– Не злись, – поморщился Нич. – Это не моя работа. Клянусь смертью.

– Надо выяснить, куда мы попали, – обронил я, нахмурившись. – У тебя есть три минуты, чтобы узнать все необходимое.

– А тут и не надо ничего выяснять, – негромко фыркнул таракан. – Я уже определился: мы на землях барона Невзуна. Причем совсем недалеко от его замка. Если бы нас выбросило чуток поближе, то наверняка размазало бы о крепостную стену или насадило на надгробия на ближайшем кладбище – при переносе на такие расстояния малейшая оплошность будет смертельной.

Но нам, можно сказать, повезло: до замка всего полдня пути, так что, если поторопимся, успеем до наступления ночи.

Я призадумался. Но почти сразу решил, что, в принципе, все не так уж плохо: мы оказались в нужном месте и в нужное время – ночью тут было бы не в пример опаснее. Сами живы-здоровы, имеем возможность спокойно оглядеться. Наконец, моя сумка осталась невредимой, а значит, жить можно. Правда, без защитного круга и хороших охранных амулетов в лесу долго не продержаться, но если успеем убраться под защиту крепостных стен до темноты, то я смогу нормально работать.

– Посмотри, что творится по округе, – велел я Ничу, подойдя к терновнику и рывком сняв с него тяжеленную сумку. – Хочу знать, сколько тут прячется неуспокоенных и к какому классу они принадлежат. Только не попадайся светлому на глаза.

Таракан понятливо кивнул и, нагло обчистив последний амулет мастера Лиуроя, бесшумно исчез в высокой траве. А я осторожно присел на единственный нашедшийся на поляне пенек и, запустив вслед Ничу слабенькое поисковое заклятие, принялся ждать результатов.

Ждать пришлось недолго: как только поисковик набрел на следы нескольких зомби-одиночек, обнаружил свежие следы некрогнили и дал сигнал о том, что примерно на середине пути к баронскому замку находится целый рассадник нежити, мои наблюдения были грубо прерваны отборным матом, который в устах благородного светлого мага звучал непередаваемо красиво.

– Какая... посмела испортить этот ...овый портал?! У какого... хватило ума дрыгаться под заклятием, как кастрированный ежик?! Я же предупредил, чтоб все закрыли свои... и молчали в тряпочку!

Ага. Завелся-таки, голубчик.

Я умиротворенно закрыл глаза и тихонько вздохнул.

– Признавайтесь: кто это был?! – взвыл не своим голосом светлый. – Кто этот придурок, из-за которого нас едва не убило?!

Сведя щепоткой большие и указательные пальцы, одновременно с этим оттопырив в сторону средние (в том числе и на ногах), я постарался отрешиться от истеричных воплей, грубо

нарушающих покой моего внутреннего мира. Снова глубоко вдохнул через нос, потом выдохнул ртом, а затем еще раз – вдох и снова вы-ыдох...

Кстати, очень действенная методика – мой первый учитель (да упокоится с миром его прах) когда-то изобрел этот замечательный способ для снятия напряжения и назвал его умным словом «мундитация».

Не знаю уж, что его на это подвигло (надеюсь, не результаты моих опытов над неживым?), но способ работал. И весьма неплохо, потому спустя всего несколько секунд мое душевное равновесие пришло в норму, а внутри снова воцарился блаженный покой, до которого почти не долетали громкие инсинуации мастера Лиуроя.

Главное тут – сосредоточиться, ощутить единение с природой, почувствовать всеобщую гармонию...

– Ты! – вдруг проревел светлый и, судя по быстро приближающемуся топоту, решительно направился в мою сторону. – Только у тебя хватило бы ума создать помехи! И только ты мог испортить заклятие, чтобы мы оказались демон знает где!

Ну, положим, не только я – Нич вон тоже не лыком шит. И вообще, нежить еще благополучно спит и не вылезет из своих нор вплоть до позднего вечера. Так что вы, господин светлый, не только невоздержанны на язык, но еще и склонны к преувеличению.

– Ты-ы-ы... – прошипел мне прямо в лицо разъяренный маг, чуть не наступив на новые сапоги. – А ну, отвечай! Твоя работа?!

Я сложил губы трубочкой и тихо выдохнул любимую «мундитру» учителя:

– Ом-м-м-м...

– Что?! – отшатнулся мастер Лиурой.

– Ом-м-м! – пропел я чуть громче, не открывая глаз и не размыкая сложенных щепоткой пальцев. – Ом-м-м-м-м!..

Мастер Лиурой, кажется, подавился. Я, правда, этого не видел, но, судя по звуку, у него что-то случилось с речевым аппаратом. И с дыхательным центром заодно, потому что, когда я наконец открыл глаза и безмятежно на него взглянул, лицо у светлого было угрожающе красным и перекопилось так, что я всерьез обеспокоился состоянием его здоровья.

– Что с вами, коллега? – заботливо спросил я, на всякий случай поведя у него перед носом растопыренной пятерней. – Вам плохо?

– Хр-р... – прохрипел он, вытаращившись на мои пальцы, как бык на красную тряпку.

– Господин граф, вам не кажется, что мы его теряем? Смотрите, какой нездоровый цвет кожи! И зрачки совсем широкие! Как бы наш дорогой маг не переусердствовал с заклинанием. Знаете, есть такая опаснейшая вещь, как магическое истощение, а тут все признаки налицо. Если не возражаете, я попробую дать ему настойку собственного изготовления, правда, у нее есть побочный эффект в виде стойкого заикания, но чего только не сделаешь для спасения ближнего?

Его сиятельство, только-только пришедший в себя и еще не успевший осознать сути произошедшего, ошалело кивнул. Но потом подметил мою двусмысленную улыбку и тут же спохватился.

– Нет, не надо! Думаю, мастер Лиурой всего лишь расстроен тем, что мы... – граф с недоумением огляделся и, обнаружив неподалеку свою ошалело трясушую головами охрану, рядом с которой по-прежнему сладко дрых старый слуга, нахмурился, – ...находимся не в окрестностях моего замка?!

– ВОТ ИМЕННО! – забывшись, рявкнул мастер Лиурой. – И это – *его* вина! Я уверен!

В мою грудь невежливо уперся чужой палец.

– Чем угодно поклясться готов, что этот мерзавец нас едва не угробил!

Так. А вот это уже ни в какие рамки не лезет. Обвинять меня, конечно, можно – действительно не без греха. Но оскорблять в лицо? Да еще при свидетелях?

Я вежливо кашлянул.

– Прошу прощения, коллега. Мне показалось или вы пытаетесь обвинить меня в непрофессионализме? И заодно хотите навесить вину за неудачное перемещение, за которые *вы* взяли на себя ответственность?

– Я велел никому не двигаться! – закусил удила светлый.

– Я и не двигался, – спокойно ответил я, бестрепетно встретив его бешеный взгляд и краем глаза отметив, что неуверенно поднимающийся на ноги граф начал приходить в себя. – Мое магическое образование достаточное, чтобы понимать, что в случае ошибки нас могло расплыть на мелкие составляющие. Может, вы считаете меня идиотом, готовым рискнуть жизнью, лишь бы вам досадить? Или думаете, что пребывание вас в состоянии призрака благоприятно скажется на моем душевном здравии? Увольте, я совсем к этому не стремлюсь. Поэтому прекратите орать, как истеричная баба, и соизвольте проверить вон тех оболтусов, которые до сих пор не могут оторвать свои пятые точки от земли. А еще лучше – помогите господину графу. Кажется, его контузило при падении.

Вздрыгнув от моего ледяного тона, светлый растерянно оглянулся, но его сиятельство действительно выглядел не очень: его густая шевелюра растрепалась, лицо неожиданно побледнело, а потом и позеленело, начав походить на недозрелый помидор. Колени ходили ходуном, а сильные руки ощутимо дрожали, когда он попытался ухватиться за стоящее рядом дерево, чтобы не упасть.

– Это ты во всем виноват! – злобно прошипел светлый, увидев нанимателя в столь плачевном состоянии.

– Портал – не моих рук дело, – напомнил я.

– Зато то, что нас вместо замка перебросило сюда!..

– Есть результат сугубо вашего недочета.

– Я создал нормальный портал! – взвизгнул Лиурой, едва не накинувшись на меня с кулаками. – И он прекрасно работал! До того, как появились вы со своим треклятым фамильяром! Я недобро улыбнулся.

– Значит, у вас есть неопровержимые доказательства моей вины, которые вы готовы немедленно предоставить?

– Ну... – запнулся мастер Лиурой, а я демонстративно сложил руки на груди.

– Внимательно вас слушаю, коллега. У вас есть ровно полчаса, на протяжении которых Веннюкская Конвенция десятого пересмотра позволяет дать объяснения по всем пунктам выдвинутого вами обвинения, дабы предотвратить вызов на магический поединок.

Я выразительно посмотрел на свои руки, с которых, как по мановению волшебной палочки, исчезли защитные перчатки.

– Прекратите, – устало попросил граф, сумев наконец принять вертикальное положение. – Виноватых потом будете искать. Лучше скажите: где мы оказались?

– В баронстве Невзун, – ответили мы почти одновременно с придавленным моими аргументами коллегой. После чего мне достался яростный взгляд, который я предпочел проигнорировать. И вместо того, чтобы окончательно испортить себе репутацию (а этот истерик уже начал порядком меня раздражать) или отяготить свою совесть убийством (за беспочвенное обвинение я мог вбить его в землю по самые ноздри и по всем законам был бы совершенно прав), вполне мирно добавил:

– Я взял на себя смелость отправить на разведку «фамильяра», ваше сиятельство. Думаю, в сложившихся обстоятельствах следует для начала разузнать обстановку и заблаговременно подготовиться к возможным неприятностям.

– Зачем? – непонимающе моргнул граф. – Разве мастер Лиурой не может построить другой портал и доставить нас в мой замок? Там остались люди, оружие, специально заговоренное против нежити, артефакты, карета, провизия наконец!

Бедняга. Кажется, он слишком сильно ушибся головой. Какая карета на захваченных нежитью территориях?!

– Увы, господин граф, – я сокрушенно развел руками. – Боюсь, это невозможно.

– Почему?!

– Отсюда я не смогу построить портал до вашего замка, – процедил светлый, зло стиснув кулаки и демонстративно от меня отвернувшись. – Вернее смогу, но не здесь. И подготовка к переходу займет время до самой полуночи. А после наступления темноты здесь сами знаете, что творится. И если нас ближе к вечеру навестит хотя бы половина тех тварей, которые напали на ваш отряд в прошлый раз, то я не имею права потратить ни капли сил ни на что, кроме вашей защиты. Но даже тогда сильно сомневаюсь, что мы доживем до утра.

Его сиятельство окончательно растерялся.

– Так мы что же, не можем вернуться?!

Лицо пришедших в себя охранников моментально вытянулись, а старик-слуга, что удивительно, так и не проснулся.

– Нет, – совсем уж мрачно отозвался мастер Лиурой. – До границы ваших владений не меньше суток пешего пути. До замка барона, судя по моим ощущениям, вполовину меньше, но это нас не спасет – нежити там наверняка столько, что мы ничего не выиграем. Портал нам более недоступен. Однако в лесу оставаться тоже нельзя – нас сожрут не позднее чем через час после наступления сумерек. Выводы делайте сами.

– Значит, до границы не дойдем... – внезапно севшим голосом заключил граф. – А в замке остались только мертвецы. Пустые деревни вокруг. Кладбища, где нежити еще больше, чем в замке... и еще неизвестно, что лучше...

Охранники его сиятельства окончательно посмурили. Еще бы. Объяснять, что особого выбора у нас нет, им не потребовалось – сами все поняли.

– По идее, в замке должен быть стационарный портал, – негромко обронил я, приковав к себе все без исключения взгляды. – Говорят, старый барон был хоть и небогат, но весьма талантлив в том, что касается пространственной магии. Ходили слухи, что он не поленился создать собственную телепортационную арку. От смерти она его, правда, не уберегла, но, если это правда, и мы успеем добраться туда засветло...

Я обвел многозначительным взором одинаково напряженные лица и с удовлетворением подметил в глазах товарищей по несчастью бешеную работу мысли.

– Это выход, – беззвучно прошептал один из охранников, со слабой надеждой обернувшись к графу. – Полдня пути – это не так уж много. Главное, не останавливаться и не наткнуться в сумерках на какую-нибудь тварь. А там господин Лиурой сможет открыть портал, и мы благополучно вернемся.

Его сиятельство замер.

– Но есть ли тот портал на самом деле? И если да, то сможет ли мастер Лиурой им воспользоваться?

– Смогу, – замедленно ответил светлый, бросив в мою сторону подозрительный взгляд. – Такие порталы работают по единой схеме и не требуют ничего, кроме стандартного набора заклинаний и получаса настройки. Если мы туда доберемся, и вы дадите мне время... да, я сумею открыть портал до Нирицы – ближайшей к вашему замку точки выхода.

– Так в чем же дело? – с облегчением спросил граф, резко воспрянув духом. – Мэтр Гиращ, вы знаете дорогу?

– Еще нет, – кисло улыбнулся я. – Но очень скоро буду знать.

– Ваш фамильяр...

– Должен вернуться с минуты на минуту.

– Я могу показать дорогу, – решительно вмешался мастер Лиурой, кинув на меня гневный взгляд. Кажется, все еще не верил, что я тут ни при чем. – В замке остались не успевшие

разрядиться защитные артефакты – я чувствую их даже отсюда. С таким ориентиром сбиться с пути очень трудно.

– Конечно. При условии, что эти артефакты располагаются именно в замке, – согласился я. – А не, скажем, на кладбище. Или в семейном склепе, где некоторые особо эксцентричные хозяева иногда любят содержать фамильные привидения, для которых, дабы обезопасить живых, требуется использование стандартных амулетов-гасителей, дающих сходный магический фон со многими другими артефактами. Находясь на таком удалении от замка, я, в меру своих скромных возможностей, не рискнул бы строить предположения о происхождении эманаций, который ощущает уважаемый мастер Лиурой. Однако если он настаивает...

Светлый резко скис, поняв, что спорить со мной на эту тему будет себе дороже, а граф бросил в мою сторону настороженный взгляд.

– Вы считаете, там опасно?

– Жить вообще опасно, ваше сиятельство, – невозмутимо откликнулся я. – Но замок – это хоть какое-то убежище. Даже если я ошибся насчет портала, то там нам будет гораздо легче обороняться, чем в чистом поле или в лесу, где на каждом шагу понатыканы гнезда нежити.

– Так уж и на каждом... – непримиримо пробормотал светлый, но я только безмятежно улыбнулся.

– Думаю, вам не захочется проверять мою догадку на собственном опыте, коллега.

– Так, – словно не услышал его граф. – А ловушкой этот замок для нас не станет, мэтр Гираш?

– Я приложу все усилия, чтобы этого не случилось, – заверил я, и только тогда его сиятельство соизволил принять единственно верное решение.

– Хорошо. В таком случае, выдвигаемся немедленно. Мастер Лиурой – на вас магическая защита, мэтр Гираш – прошу вас проявить максимальное внимание к окружающей обстановке. Годжа, Лирг – берите вещи и будьте готовы ко всему... Да! И разбудите наконец Нирга! Такими темпами он даже смерть свою проспит!

Перекинув сумку через плечо, я тихо хмыкнул: наивные дети природы... смерть нельзя проспать, как ни пытайся. Ее можно только встретить во всеоружии, а потом предельно вежливо раскланяться, пока она будет осторожно обходить стороной твою заточенную косу, которая превосходит по длине ее собственное оружие вдвое.

Глава 4

Проблемы, которые кажутся нам сложными, всегда имеют простые, легкие для понимания и неправильные решения.

Народная мудрость

На дорогу мы выбрались без особых трудностей, если не считать того, что все встречные коряги без конца норовили зацепить подол моей мантии, а колючие ветки – хлестнуть по лицу.

Будучи самым низкорослым, грузным и коротконогим, я был вынужден серьезно напрячься, чтобы не отстать от раздраженных спутников. Но, несмотря на это, даже после того, как лес расступился и нам под ноги упала давно нехоженная дорога, а мои соседи непроизвольно ускорили шаг, я все равно оказался самым последним.

К счастью, у господина графа хватило ума не заставлять охранников переть на своем горбу тяжеленный сундук, поэтому шли мы, можно сказать, налегке. Старик Нирг приглушенно пыхтел, загребая густую пыль сапогами. Охранники недовольно сопели. Маг постоянно хмурился. А я в это время внимательно наблюдал и за ними, и за всем, что творилось в округе, постепенно приходя к мысли, что до самого вечера это – совершенно бесполезная трата времени.

Пустая дорога, пустые поля, на которых еще только всходили посевы, пустая обочина и куцая трава, почти не мешающаяся под ногами... собственно, вот и все, на что мы имели удовольствие любоваться на протяжении целого дня. Правда, иногда я отходил в сторонку, чтобы изучить звериные следы. Но всякий раз чувствовал на себе подозрительный взгляд мастера Лиуроу и спешил вернуться в строй, пока светлый снова не начал исходить желчью.

Лишь однажды я позволил себе задержаться у придорожных кустов – когда выполнивший поручение Нич выбрался оттуда, прихрамывая сразу на все лапы, и устало плюхнулся мне под ноги. Торопливо просмотрев его память, с я облегчением убедился, что мы идем правильно, а затем подхватил уставшего «фамильяра» на руки и, радуясь его невеликому весу, махнул в сторону первой за день развилки:

– Нам налево, господа. За холмом как раз находится замок барона.

Граф окинул Нича пристальным взором и хмуро кивнул, после чего наш небольшой отряд все в том же угрюмом молчании продолжил путь, торопясь вскарабкаться на заветный холм поскорее.

Надо сказать, бывшие владения барона Невзуна являли собой довольно жалкое зрелище: три необитаемые деревеньки домов по двадцать-тридцать, которые сиротливо жались к стенам замка. Сам замок – мрачное строение классического образца непонятно какой давности. Не слишком высокие крепостные стены, наполовину засыпанный и давным-давно осушенный ров. Вросший в землю подъемный мост, которым уже лет сто, наверное, никто не пользовался... печальное зрелище. Которое стало еще более убогим, когда мы, поминутно оглядываясь, вошли в первую деревню.

Я не знаю, по какой причине баронство переживало не лучшие дни, но, видимо, его последний владелец был не самым хорошим хозяином. Не жадным, не жестоким, а просто... равнодушным. Кроме магии и древних книг, его, похоже, ничто не интересовало. А управляющие (если, конечно, таковые имелись) со временем развалили некогда доходное хозяйство окончательно.

Проходя мимо покосившегося частокола, в котором местами зияли громадные дыры, и глядя на повисшие на одной створке двери, а также на дома, которые выглядели так, словно вот-вот собирались рухнуть, я со странным чувством понимал, что запустение обосновалось в этих местах задолго до того, как тут поселилась нежить. Даже тщательно распаханное поле,

которое мелькнуло по другую сторону деревни, и виднеющаяся на излучине реки старая, но еще крепкая мельница, не помогли избавиться от неприятного осадка.

Как рассказал по дороге Лиурой, прямых наследников у Невзуна не имелось – сыновей за свою долгую жизнь барон так и не нажил. Дочь у него была одна-единственная, но и та погибла пару месяцев назад в виднеющемся неподалеку замке. Вместе с супругой барона, слугами и всеми, кто на тот момент находился внутри крепостных стен. Так что, можно сказать, его сиятельству досталось совершенно беспроблемное хозяйство... если, конечно, забыть о том, что его еще следовало очистить от всякой заразы.

Слегка поотстав от настороженно озирающихся спутников, я тщательно принялся, пытаюсь учуять запах разложения, а затем решительно повернул к ближайшему строению. В принципе, мне было все равно, в какой дом заходить – богатый или бедный, первый или же последний. Поэтому я выбрал тот, где забор оказался наиболее поврежденным.

Мерзкий скрип несмазанных петель калитки громким эхом отдался в пустой деревне, заставив графа и его людей буквально подпрыгнуть на месте.

– Мэтр Гираш, что вы делаете?! – воскликнул граф, с неподдельной растерянностью уставившись мне в спину.

– Изучаю место преступления, – отозвался я, заходя во двор и внимательно осматриваясь. – И считаю логичным сделать это именно сейчас, пока светит солнце.

– Но мы спешим! Еще час-другой, и начнет темнеть, а за это время мы должны успеть...

– Спасибо, господин граф. Я помню. Но извольте не мешать, иначе я не ручаюсь за последствия.

Его сиятельство недовольно засопел, однако послушно замолчал. Светлый, как ни странно, тоже проявил благоразумность. Охранники только мрачно переглянулись, а старик, давая отдых натруженным ногам, присел на первое попавшееся бревно и с облегчением выдохнул.

Я даже не обернулся – в данный момент меня гораздо больше интересовал притихший дом, где еще недавно жили люди. И где, несомненно, случилась трагедия.

Сделав несколько шагов и обойдя стороной безжалостно вытоптаный цветник, я присел на корточки и задумчиво дотронулся до взрыхленной земли. Холодная. Еще не ледяная, но нездоровый холод все-таки ощутим... значит, мертвяки приходили всего пару дней назад. Однако если жители деревни погибли раньше, а граф говорил о двух месяцах, то что им могло понадобиться здесь снова?

Странно.

Я так же аккуратно поднялся и обошел цветник по кругу, ища следы, но, что удивительно, ничего путного не обнаружил. Только возле выложенной камнем дорожки отыскалась небольшое багровое пятно, да около самой стены удалось рассмотреть вдавленный в землю отпечаток чьей-то голы ноги.

Так. Значит, по крайней мере один зомби сюда заходил. И вот это уже совсем странно, потому что поодиночке они обычно не ходят – это раз. Других следов их присутствия (если, конечно, за ними кто-то специально не прибрал) нигде не виднелось – это два. Наконеч крови после себя они оставляют не в пример больше, чем я увидел, так как пожирают свои жертвы там, где найдут, и имеют скверную привычку раздирать живого человека на части. А такой способ питания, сами понимаете, оставляет вполне определенные следы – на земле, на траве, на стенах дома, куда непременно попадают брызги, и иногда даже на крыше. К тому же поблизости всегда присутствует слизь совершенно особенного состава, которой я пока тоже почему-то не нашел.

Ладно. Посмотрим, что в доме.

Проигнорировав напряженные взгляды спутников, я поднялся на покосившееся крыльцо и осторожно толкнул входную дверь. Она, как и следовало догадаться, отозвалась еще одним

протяжным скрипом, от которого по коже любого нормального человека должно было пробежать целое стадо холодных мурашек.

Но мне без разницы – я видел в своей жизни достаточно, чтобы не вздрагивать от каждого подозрительного шороха. И наверняка, только по этой причине не шарахнулся прочь, когда дверь, которая, как оказалось, висела лишь на одном честном слове, все с тем же мерзким скрипом накренилась, а затем с протяжным стоном рухнула внутрь, подняв целую тучу пыли.

Терпеливо выждав, когда она осядет, я заглянул внутрь.

Пока ничего особенного – обычные сени. Совершенно пустые и тоже носящие на себе следы разрушений – на полу валяется старый таз, смятый чьей-то могучей лапой в бесполезный кусок металла. Рядом – разбитая крынка. Два небольших темных пятна в дальнем углу, возле которых нет ни единого кусочка разлагающейся плоти. Вдоль одной из стен валяются совершенно чистые вилы, которыми даже не успели воспользоваться. А вот второй двери нет – вместо нее зияет темный проем, на одном краю которого наконец обнаружились следы очень длинных и острых когтей.

Ага...

Внимательно оглядев улику и оценив глубину царапин, я непонимающе нахмурился: судя по всему, тут орудовал взрослый могильщик – одна из тварей, просто обожающих копаться в гнилых останках. Обычно они роются в земле и с удовольствием добывают оттуда полуразжившуюся плоть, слизывая ее с неповрежденных костей длинным и очень липким языком. По размерам эта дрянь не превышает крупного пса и обладает всеми повадками падальщика. Более того, крайне редко охотится на живых. Поэтому ее присутствие в доме, да еще в то время, когда где-то поблизости болтались зомби, маловероятно.

Хотя, возможно, могильщик приходил позже?

Взяв на заметку очередную странность, я зашел в первую комнату и, прикрыв нос рукавом, чтобы не наглотаться пыли, быстро прошел в центр. Но и тут, к сожалению, не нашлось ни тел, ни крови, ни следов нежити, которой в таком месте должно было побывать в достаточном количестве.

Я внимательно осмотрел все углы, бдительно заглянул за большую печь, убедился, что и внутри нее никакие трупы не припрятаны, и озадаченно потер лысину. Затем, все еще надеясь понять, отыскал люк в подпол. Спустился по разваливающейся от старости лестнице. Обшарил подвал целиком, напрочь проигнорировав бочки с соленьями и связки сушеных трав, подвешенных к потолку. Не погнушался потрогать пол под каждым нашедшимся ящиком. Проверил стены на предмет потайных ниш. Наконец зло сплюнул и, покрывшись за время поисков толстым слоем паутины, выбрался наружу.

Под еще более напряженными взглядами ожидающих за забором людей я с самым мрачным видом проследовал в притулившийся неподалеку от дома сарай, где хозяева держали всякую живность.

Зашел. Огляделся. Еще более мрачно переглянулся с Ничем и, не обнаружив следов кровопролития, так же быстро вышел, напряженно размышляя о причинах. Уже покидая непонятный двор, краем глаза отметил притулившуюся возле забора собачью конуру с намертво прикрепленной к ней цепью. Собрался было отвернуться, но внезапно подметил одну необычную деталь и остановился как вкопанный.

– А цепь-то перекушена, – тихо сказал Нич, увидев ее одновременно со мной. – Заметь, не порвана, не перепилена, а именно перекушена.

– Вижу, – напряженно отозвался я, снова присаживаясь на корточки. – Самое поганое, что перекушено очень чисто – как отрезало. Но я не могу сказать, какая тварь на это способна.

Нич угрюмо промолчал, но это не его специализация – в далеком прошлом он работал совсем по другому направлению. А я всю жизнь только и делал, что изучал да сравнивал таких

вот непонятных монстров... но от этого понимания становилось только хуже, потому что сейчас я, хоть убей, не мог сказать, с чем мы имеем дело.

Тяжело вздохнув, я снял перчатку с правой руки и осторожно поднял оборванный кусок цепи, на самом краешке которой запеклась старая кровь. Убитого пса поблизости не виднелось. И вообще во всей округе не нашлось ни одного тела – ни человеческого, ни звериного. Почти никаких следов вообще, за исключением отпечатка той босой ноги, пары царапин, похожих на когти могильщика, и вот этой цепочки, которая когда-то явно была выкована на совесть и должна была удерживать даже очень крупного кобеля.

– Не нравится мне это, – совсем тихо обронил Нич, когда я, заранее сморщившись, аккуратно лизнул одно из окровавленных звеньев. – Совсем не нравится...

– Тьфу! – с чувством сплюнул я, когда во рту разлилась едкая горечь. – Это – мертвая кровь, Нич. И она вовсе не звериная!

– Чего? – непонимающе замер таракан.

– Того! – с отвращением буркнул я, выпрямляясь и брезгливо вытирая рот. – Мало того, что эта сволочь цепочку перекусила, так она еще и питалась совсем недавно! Смертными! Причем, судя по вкусу, питалась настолько хорошо, что ее собственная кровь стала напоминать по составу...

– Но не крогга⁷ же тут был? – растерянно переспросил Нич, настороженно принохиваясь. – Их же всех истребили, Гиращ. Еще много веков назад.

– Сам знаю, – буркнул я, с раздражением вытирая руку о штанину. – Но почему-то в голову лезут только гадости. Похоже, придется проверять другие дома. Может, что-нибудь прояснится?

Нич только мрачно засопел и на всякий случай принял оборонительную позицию. То есть растопырил свои смешные крылья, угрожающе раздулся и уставился на наших нетерпеливо мнующихся спутников с таким выражением, что даже светлый не рискнул задавать вопросы, когда мы целеустремленно двинулись в соседний дом.

Впрочем, проверка и тут ничего не дала – дом был абсолютно пуст, давно заброшен и точно так же, как первый, не прятал внутри себя никаких зловещих секретов.

Более того, в нем даже тленом не пахло.

Стены разрушены, строения во дворе разбиты, мелкие предметы утвари разбросаны по полу, создавая впечатление обычного разбоя, однако ни людей, ни зверья, ни трупов не виднелось.

То же самое творилось в третьем, четвертом, пятом доме. И похоже, во всей деревне, что не могло не вызывать тревогу.

Признаться, я не люблю, когда ситуация выходит из-под контроля. И еще больше не люблю, когда чего-то не понимаю. Потому что, как правило, если я чего-то не понимаю, то вскоре надо ждать грандиозных неприятностей. А тут я не понимал пока абсолютно ничего. И это было очень скверно.

– Ну, что там? – наконец не вытерпел нашего угнетающего молчания мастер Лиурой. – Вы что-нибудь нашли?

– Нет, – сухо отозвался я, выходя из очередного двора. – Дома пусты и абсолютно для нас неинформативны. А это значит только одно...

– Что? – мгновенно напрягся маг.

Я кинул взгляд на еще чистое небо и усмехнулся:

– До наступления темноты нам придется проверить еще и кладбище.

⁷ Разновидность высшей нежити, по повадкам напоминающая земных вампиров.

* * *

Над моими словами граф размышлял недолго – всего пару минут, за время которых я успел осмотрел последний двор и с огорчением констатировать, что мои первые предположения касательно происходящего можно спокойно выбрасывать на свалку.

Не знаю, что тут произошло, но король не зря так всполошился. И Совет не просто так занервничал, начав, правда, расследование издалека и с присущей светлым осторожностью.

Что-то тут не так. Что-то сильно не так... но вот что? Видимо, ответ и в самом деле придется искать на кладбище. Не могли же трупы крестьян испариться бесследно?

– Нет, – наконец хмуро сказал граф, когда я подошел к нему вплотную. – При всем уважении к вам, мэтр, мы не можем тратить время на исследования кладбищ.

– А что делать? – огрызнулся я, впервые за день позабыв про почтительность. – Если не выяснить, что тут произошло, ночью нас может ожидать весьма неприятный сюрприз.

– Нас очень мало, – сухо напомнил его сиятельство. – И у нас нет оружия, чтобы сражаться с нежитью. Неважно, сколько ее будет: много или мало. Если мы не уберемся отсюда до наступления темноты, нас гарантированно съедят. И даже вы, мэтр, при всех своих знаниях вряд ли сумеете этому помешать. А поскольку единственным шансом на спасение остается местный портал, то у нас нет права отвлекаться на что-то еще. Тем более что для активации, насколько я понял, может понадобиться немало времени. Не вы ли говорили, что чем раньше мы до него доберемся, тем лучше?

– Говорил, – помрачнел я. – Но если не выяснить, что произошло с деревней, наше положение может стать еще хуже.

Мастер Лиурой, кинув быстрый взгляд по сторонам, неприязненно передернул плечами.

– Так что вы там обнаружили?

– Я же сказал: ничего. Ни живых, ни мертвых. Только несколько следов и запах несвежей крови. Но мне ли вам объяснять, для чего могут понадобиться столько мертвых тел?

– Трупы что, забрали? – нахмурился и светлый.

– Да.

– И вы не знаете, кто это сделал?

– Могу только предполагать.

– А почему вы уверены, что все крестьяне мертвы? – снова подал голос граф.

Я хмыкнул.

– А что с ними еще могло случиться, если рядом ошивались как минимум два голодных падальщика, которые учуяли запах крови? Дома пусты и пахнут смертью, господин граф. А это значит, что обитатели деревни мертвы. И если их тел нет здесь, значит, кто-то успел их прибрать к рукам. Но сделать это мог только...

– Некромант, – поежился громила-охранник.

– Вот именно, – кивнул я. – Следовательно, наше положение еще более шаткое, чем казалось поначалу.

– Тогда это – дополнительный повод поторопиться, – непреклонно заявил граф. – Не волнуйтесь, мэтр, я не собираюсь оставлять это осиное гнездо без присмотра. Но такими силами мы не сумеем ничего сделать. Надо вернуться в мой замок, взять еще людей и только тогда штурмовать это проклятое кладбище. Иначе мы рискуем погибнуть, так и не завершив начатое.

Я только вздохнул.

В чем-то, конечно, граф прав: подмога нам бы действительно не помешала. Сложность в другом: сколько было жителей в баронстве? Сто человек? Двести? Триста? Если оказалась полностью уничтоженной одна деревня, значит, остальные, скорее всего, постигла та же участь. То есть у нашего неведомого собирателя тел в настоящее время имеется целая армия послуш-

ных кукол, из которых он может сотворить какую угодно мерзость – от зомби до полноценных умертвий. Для этого у него было два долгих месяца и жизненная энергия огромной прорвы народа.

К тому же это необязательно должен быть некромант. На этом свете есть создания и пострашнее, чем мои живые коллеги. Вот только думать о том, что тут завелась подобная тварь, мне совсем не хочется. Но еще больше не хочется думать, что случится, если мы вдруг посмеем ее упустить. Вернее, если я ошибусь и позволю ей безнаказанно набирать силу дальше.

– Мы можем разделиться, – наконец предложил я альтернативный вариант. – Вы продолжите путь к замку, а я вас нагоню.

– Не думаю, что это – хорошая идея, – вдруг заявил светлый. – Вы будете гораздо полезнее, если останетесь поблизости, коллега. Кто знает, с чем еще нам придется столкнуться?

– До темноты вам ничего не грозит, – буркнул я, запоздало натягивая перчатку на правую руку. – Даже если подвалы замка кишат упырями, до полуночи они наружу не вылезут. А я за это время успею выяснить много важных вещей. Ваше сиятельство, позвольте...

Но граф, перехватив выразительный взгляд мастера Лиуроя, покачал головой.

– Нет, мэтр Гиращ. Никаких разделений.

– Но...

– Вы подписали контракт. А это значит, что мы покидаем деревню и движемся не на поиски кладбища, а напрямиком в замок барона. Где ищем стационарный портал и как можно скорее уходим. Вам понятно?

Демон... чтоб он вас всех побрал вместе с этим дурацким контрактом! Да как они не понимают?! Это уже не шутки!

– Я успею обернуться к ночи, – сделал я новую попытку. – Вы пойдете в замок и займетесь порталом, а я загляну на ближайшее кладбище. И мы уже хотя бы примерно будем представлять, с чем столкнулись. Сможем подготовиться, предупредить Совет, набрать достаточное количество воинов, чтобы одолеть эту нечисть. К тому же мастеру Лиурою моя помощь не потребуется – он лучше знает, что надо делать с порталом. Поверьте, мы все успеем. Это будет разумно...

– Нет! Вы меня поняли, мэтр? Никаких разделений! – повысил голос его сиятельство, требовательно уставившись на мое недовольное лицо. – И если я услышу еще одно слово на эту тему, вы лишитесь немалой части своего гонорара по причине нарушения условий контракта.

Я окончательно помрачнел.

Конечно, угроза разрыва контракта лично для меня не так страшна, как угроза появления велльской чумы, но она все же есть. Тем более контракт магический и в случае нарушения хотя бы одного пункта не только лишит меня вероятного заработка, но и надолго испортит ауру. А это уже гораздо серьезнее: с испорченной аурой я ослабну намного быстрее. То есть стану еще уязвимее, медлительнее. Но, что самое главное, почти лишусь способности зарядить свои накопительные амулеты. А в нынешних условиях это – верная смерть.

Перехватив насмешливый взгляд светлого, я чуть не сплюнул.

Придурок! Чтоб ему до конца своих дней ходить задом наперед и умываться по утрам в позе рака! Если он таких очевидных вещей не понимает, то... А, ладно. Кому и что я сейчас докажу? У самого лишь смутные подозрения, а доверия к некромантам как не было сто лет назад, так нет и до сих пор. Так что все мои попытки вразумить светлого гарантированно окончатся ничем. А его упрямство объясняется лишь тем фактом, что этот идиот ни на миг не хочет упускать меня из виду. Причем не желает этого настолько, что готов позабыть даже про здравый смысл и рискнуть своей шкурой.

– Мэтр Гиращ? – не дождавшись ответа, в третий раз спросил граф.

– Да, я понял, – буркнул я, впервые пожалев, что согласился на это дело. – Но учтите: я вас предупреждал.

– Я непременно об этом вспомню, когда настанет время расчета.

Нич тихо зашипел и развернулся к его сиятельству тылом, наглядно продемонстрировав свое отношение к происходящему, но граф сделал вид, что не понял подтекста. Светлый при этом выразительно скривился. Охранники дружно сплюнули. Старик Нирг возмущенно вскочил, раздувшись для гневной отповеди в стиле «Да что вы себе позволяете?!». А я снова вздохнул и накрыл рукой негодующего таракана.

– Спокойно, Нич, – прошептал едва слышно, отворачиваясь от попутчиков. – Спокойно. Больше мы ничего не можем сделать. Но будь начеку – не исключено, что этой ночью нам придется хорошенько поработать.

Глава 5

*Не спеши называть себя великим или могучим – кладбища без того
переполнены тицеславными дураками.
Из разговора мэтра с учеником*

До самого замка я не проронил ни единого слова. Но, улучив момент, снова отпустил на прогулку Нича, предварительно наказав ему не соваться на кладбище. А сам обновил поисковое заклинание и обратился в слух, надеясь, что успею отреагировать на любую угрозу.

Вблизи замок мертвого барона выглядел еще более удручающе, чем с холма – мрачный, обшарпанный и словно бы даже проклятый. Выщербленные стены, покосившиеся, настезь распахнутые ворота, вырванный с мясом и небрежно брошенный на землю, перекрученный какой-то непонятной силой засов...

Подъемный мост оказался опущен, но вступать на него отчего-то не хотелось. Тяжелая металлическая решетка, напротив, поднята, но от одного взгляда на зияющий чернотой проем, откуда отчетливо тянуло могильной сыростью, по спине бежали тревожные мурашки. Высохший ров, смутно напоминающий кривой, распахнутый в немом крике рот, тоже не добавлял приятных ассоциаций. Торчащие на его дне металлические колья были покрыты густым слоем ржавчины и сильно походили на сточенные зубы какого-нибудь подземного чудовища. Сторожевые башни возвышались над нашими головами мрачными громадами. А пугливо трепещущие на ветру обрывки знамени создавали впечатление, что замок пал перед неведомым противником не два месяца, а как минимум лет сто назад.

Обойдя застывших в ступоре охранников, я первым вступил на вросший в землю мост. Убедившись, что деревянный настил достаточно надежен, так же решительно двинулся вперед и, ненадолго задержавшись возле поднятой решетки, бесстрашно нырнул в темный провал между воротными башнями.

Темнота для меня не помеха – мое тело давно привыкло к навязанным ему функциям. Оно не боялось холода, не требовало много еды, прекрасно чувствовало себя в мрачных, лишенных даже крохотного лучика света склепах. И при всей своей внешней неказистости было выносливым, крепким и достаточно сильным, чтобы справляться с той работой, для которой я, собственно, его и создавал.

– Постойте, мэтр, – внезапно догнал меня встревоженный голос графа. – Не так быстро, пожалуйста – мы не поспеваем!

Я замедлил шаг, давая людям возможность меня нагнать, но во внутреннем дворе замка все равно оказался первым.

Сразу огляделся, приметив и помятые, сорванные с петель внутренние ворота, и валяющуюся у стены, разваленную до основания телегу, по которой словно горный тролль прошелся. Распахнутые настезь двери конюшни, откуда не доносилось ни единого звука. Опасно покосившийся коровник. Закрытый старыми досками колодец, откуда отчетливо несло тухлятиной. Разбросанное по каменным плитам и покрытое ржавчиной оружие, вероятно, принадлежавшее охранникам барона. И даже сорванные со своих гнезд факелы, перекушенные пополам чьими-то очень мощными челюстями.

Скверно.

Я чуть отступил, внимательно изучая подъемный механизм моста, и раздосадованно отвернулся. А наткнувшись на недоброжелательный, хотя и полный понимания взгляд молодого охранника (увы, все еще не знаю его имени), неохотно кивнул: да, я тоже заметил, что механизм безнадежно испорчен. А цепи, как у той собачьей будки, аккуратно перекушены у

основания. Это означало, что защититься от нежити, если она снова сюда заявится, мы при всем желании не сумеем. Впрочем, оставалась еще решетка...

Будто услышав мои мысли, молодчик подошел к стене, осматривая второй подъемный механизм. Его напарник тем временем добежал до конюшни и, наскоро осмотрев разрушенные стойла, молодежато доложил, что конюшня пуста.

Граф, отбросив брезгливость, самолично обследовал соседние строения. Маг занялся прощупыванием поисковыми заклинаниями стен и изучением центральной башни, которая угнетающе давила на головы своей густой тенью. А я отошел в сторонку и, сделав вид, что заинтересовался испорченной телегой, рискнул воспользоваться одним маленьким, но весьма полезным заклятием.

Ничего сложного: всего лишь задать параметры искомого объекта, определить примерный радиус действия, произнести слово-ключ, и под землю стремительно ушел короткий, практически не дающий всплеска энергии импульс, который должен вернуться буквально через несколько минут. Правда, из-за такой малости я ненадолго выпал из реальности и пропустил часть разговора, но уж лучше так, чем раскрывать посторонним свои маленькие секреты.

– Мастер, где именно нам следует искать портал? – спустя несколько минут донесся до меня приглушенный голос графа, тут же подхваченный коварным эхом и с готовностью разнесенный по всем уголкам этого каменного колодца.

– Не знаю, – хмуро отозвался маг, окончательно выведя меня из недолго транса. – Я не чувствую никаких магических возмущений. Но никто не будет устанавливать телепортационную арку у всех на виду и без должной защиты. А замок не очень велик. Помещений, способных обеспечить нужный уровень изоляции, тут немного. Так что для начала нам придется проверить подвал.

Я скривился, но решил не напоминать коллеге, что пространственная магия не любит клеток – для нее требуется простор, свобода. Об этом даже в учебнике для первокурсников написано огромными буквами. Вон как мы чуть не облажались с переносом – и уходили с лесной поляны, и рядом никого не было. Но всего одна крохотная пакость, осуществленная неизвестно кем, и мы едва не прибыли сюда отдельно от собственных тел. А та часть леса, которой не повезло стать нашей стартовой площадкой, наверняка до сих пор не может как следует прогореть.

Думаете, просто так телепортационные арки строятся лишь в строго определенных местах, которые вычисляются путем сложнейших расчетов? Или считаете, накладываемые на них заклинания стабильности нужны лишь для красоты? А может, полагаете, что безвременно почивший барон, сумевший в одиночку построить столь опасную конструкцию, не предусмотрел подобных осечек? И понятия не имел, что даже при небольшом постороннем вмешательстве могут слететь к демонам все настройки даже у стационарного портала?

То-то же.

Если он был таким умелым мастером, как говорят, то должен был найти способ поставить арку, не рискуя при первой же ошибке взлететь на воздух вместе с замком. Как-то не верится, что человек, способный на такой подвиг, мог проколоться на мелочах и не продумать все, вплоть до формы последнего гвоздя.

К тому же тот факт, что многоуважаемый мастер Лиурой чего-то не почувял – еще не показатель правильности его выводов. И вообще, не бродил бы он по местным подвалам в одиночестве.

– Господин, мы можем попробовать опустить наружную решетку, – негромко сказал охранник от стены, разобравшись с механизмом. – Не идеальная защита, конечно, но лучше, чем ничего. Тем более если не успеем с порталом до темноты.

Его сиятельство покосился на медленно клонящееся к горизонту солнце и ненадолго задумался.

– Сколько на это понадобится времени?

– Меньше минуты, господин.

– Хорошо. А если мы захотим поднять ее снова?

Охранник неловко кашлянул.

– Честно говоря, поднять ее потом вряд ли удастся – у вóрота отлетело несколько зубцов, без которых цепи будут постоянно соскальзывать. Чтобы удержать решетку на весу, потребуются усилия сразу нескольких человек. Она и сейчас-то поднята лишь потому, что кто-то заклинил механизм. Но во второй раз сделать это, скорее всего, не получится: вóрот очень старый, да еще и деревянный, поэтому успел треснуть с одного бока и вряд ли выдержит такую нагрузку.

– То есть, если мы опустим решетку, то окажемся заперты в четырех стенах?

– Совершенно верно, – криво усмехнулся наемник, почему-то кинув на меня выразительный взгляд. – Если бы вóрот был двойным или хотя бы металлическим, нам стало бы намного легче. Но зámок очень старый, следили за вóротами не очень хорошо, так как господин барон, видимо, был не слишком озабочен собственной безопасностью. Поэтому нам или придется целиком довериться господам магам, или же внимательно следить за тем, что творится снаружи.

– Мы примем во внимание и то и другое – решительно тряхнул головой его сиятельство. – Пусть здесь останешься Годжа и присмотрит за вóротами. Ты, Лирг, отправишься с мастером Лиуроем и поможешь ему отыскать портал. Что же касается вас, мэтр Гираш...

Я вопросительно обернулся.

– ...Вы пойдете со мной, – не терпящим возражения тоном закончил граф. – Пока не стемнело, надо осмотреть замок и убедиться, что нам здесь ничто не грозит.

Какое умное и дальновидное решение. Bravo. Был бы здесь Нич, он бы вам непременно поаплодировал.

– Как пожелаете, господин граф, – коротко поклонился я, мысленно призывая заклинание поиска обратно. – Но, если позволите, я бы посоветовал оставить на вóротах не Годжу, а вашего слугу. Мне кажется, охранники могут понадобиться мастеру во время поисков, а потерять единственного мага, способного открыть портал, было бы с нашей стороны очень неосмотрительно.

– Нирг уже стар, – хмуро возразил граф.

– Но он же не слеп? До наступления темноты еще два с половиной часа, так что даже его немолодые глаза сумеют различить шевеление в кустах. Тем более весь лес в округе вырублен, и видимость отличная. А за это время мастер Лиурой наверняка справится со своей задачей. Если, конечно, внизу его не будут поджидать неприятные сюрпризы. В любом случае, охранники моему коллеге понадобятся. Хотя бы для того, чтобы оказать помощь в расчистке завалов и обнаружении возможных ловушек, которые имеются в каждом приличном замке.

Его сиятельство красивым движением свел брови к переносице. Затем посмотрел на испуганно замершего слугу, который только сейчас осознал, что может остаться у вóрот в одиночестве. На задумавшегося мага, решавшего про себя не менее сложную дилемму. И наконец неохотно кивнул.

– Хорошо, так и сделаем. Нирг, ты все слышал?

– Да, хозяин, – обреченно вздохнул старик, покорно развернувшись к выходу. – Если что, я покричу.

– Лирг, покажи ему, как опустить решетку, и найди какое-нибудь оружие. На всякий случай. Мастер Лиурой...

– Я постараюсь успеть, – кивнул маг, решительно направляясь к центральной башне. – А насчет ловушек мэтр Гираш неправ – для меня они угрозы не представляют. Но я бы его попро-

сил, насколько это возможно, конечно, проверить местные подвалы на присутствие нежити. Все-таки замок два месяца стоял без охраны, да и деревенские куда-то пропали...

– Я только что проверил, – буркнул я ему в спину, как раз заканчивая анализировать полученную от поискового заклятия информацию. – Вплоть до винных погребов нежити нигде нет. Дальше я не вижу.

– Это не страшно: в погребах Невзун уж точно не стал бы обустривать свое рабочее место. Благодарю вас, – маг, даже не обернувшись, величественно отмахнулся и буквально выплыл со двора, с непередаваемым достоинством отправившись заниматься нашим спасением.

Придурок.

Интересно, он в курсе, что в мире существует немало неприятных, надоедливых и гордых на всевозможные пакости существ, которые по общепринятой классификации к нежити не относятся?

Глядя в спины настороженно озирающихся наемников, я ухмыльнулся.

– Идемте, мэтр, – сухо велел граф. – Времени не так много, а я не хочу в последний момент обнаружить, что мы чего-то не учли. Ведь насколько я понимаю, использованное вами заклятие не является абсолютной гарантией того, что мы не наткнемся на какую-нибудь тварь?

Я развел руками.

– Вы правы. За толстые каменные стены, на которые наложены защитные заклинания, мой поисковичок проникнуть не в силах.

– А тут есть такие помещения? – мгновенно напрягся граф.

– В подвалах – нет, – честно ответил я. – За исключением винного погреба, за сохранность которого его последний хозяин явно радел больше, чем за многое другое.

– А наверху?

– Да, конечно. Я даже отсюда чувствую, что в хозяйские покои мы так просто не попадем. Там до сих пор активен какой-то артефакт, о котором не так давно говорил мой коллега. Да и в склеп мое поисковое заклинание проникнуть так и не сумело.

– Что? – нахмурился его сиятельство. – В этом замке есть фамильный склеп? Разве он не должен быть на кладбище?

Я пожал плечами.

– Род барона довольно древний, да и замку уже немало лет. А в старину было принято хоронить предков не на кладбище, а в семейной усыпальнице, которую обычно строили в пределах замковых стен. Были времена, когда в склепы приходили не только ради похорон, но и для того, чтобы спросить мудрого совета. Бывало, что духи сами возвращались в мир живых, чтобы предостеречь потомков. Правда, сделать это без помощи некроманта могли только сильные чародеи... но ведь барон был магом. И насколько мне известно, не последним магом в этом роду. Поэтому ничего удивительного, что на склеп наложено мощное ограждающее заклятие.

Граф недовольно скривился.

– Хорошо, я вас понял. Тогда оттуда и начнем.

Я пожал плечами.

– Как пожелаете.

Со склепа так со склепа... все равно до темноты заняться нечем.

* * *

Внутри замок оказался действительно невелик и довольно типичен.

На первом этаже обнаружился просторный холл, соединяющийся неширокими проходами с кухней, помещениями для слуг, оружейной и кладовыми. В дальнем углу холла виднелась узкая винтовая лестница, нижним концом упирающаяся в подвал, а верхним достигаю-

щая крыши. На втором этаже традиционно располагались помещения для стражей, на третьем – комнаты хозяина замка и членов его семьи. Подвал, как и следовало догадаться, отводился сугубо под хозяйственные нужды, кладовые, склады... и многочисленные вина, разумеется, под которые была выделена целая громадная комната, скромно именуемая погребом.

В подвал мы соваться не стали, доверив эту почетную обязанность господину светлому магу, а вот первый этаж осмотрели весь. Особенно уделив внимание жилым помещениям и наглядно убедившись в том, что ни живых, ни мертвых они в себе не скрывали.

В комнатах слуг было удручающе тихо и неопрятно, как будто до нас там побывали мародеры. Все до единого столы были опрокинуты, тощие тюфяки безжалостно вспороты, на полу валялась перепрелая солома и порезанные на лоскуты вещи. Обивка стульев в холле изорвана в клочья, а стены исписаны откровенно похабными картинками. Причем, судя по всему, эти художества были нанесены золой, взятой из давно не топленного очага. Еще до того, как стены успели отсыреть и превратить неприличные рисунки в бесформенные черные кляксы.

В замке было холодно и отвратительно промозгло. Некогда красивые ткани, разбавлявшие унылое однообразие, отсырели, потеряли свои краски и висели безобразными тряпками. Большой стол в трапезной был сдвинут в дальний угол и повален набок. На столешнице, уляпанной подозрительными пятнами, виднелись сравнительно свежие рубленые следы, как если бы кто-то из охранников отчаянно сражался, используя массивный стол в качестве прикрытия. Ведущая на кухню дверь, измочаленная в щепы, валялась на полу. Сама кухня тоже словно подверглась массивированному нападению. Ни одной целой склянки в ее пределах просто не нашлось – все оказалось разбито, растоптано, расколочено на крохотные черепки. Немногочисленные продукты, которые могли бы согдаться для перекуса, были безнадежно испорчены. Большая бочка в углу, где нашлось немного воды, оказалась заплевана. А в одну из кастрюль кто-то, кажется, решил смачно высморкаться, и теперь подсохшие зеленоватые потеки напоминали гадливый плевок невоспитанного великана.

Но при всем том мертвечиной в замке не воняло. Не валялись отрубленные части тел, не виднелись вторым зрением остатки аур и следы магического вмешательства. Странно все это. Почти так же странно, как и в опустевшей деревне.

Склеп, кстати, нашелся быстро – в одном из коридоров господин граф наткнулся на подозрительно целый светильник, намертво прикрученный к стене. Вернее, это оказалась самая обычная подставка под факел, однако ввиду того, что остальные были кем-то сорваны и теперь мешались под ногами, на единственную уцелевшую вещь мы сразу обратили внимание.

– Забавно, – пробормотал его сиятельство, без колебаний дернув за ручку и без особого удивления заглянув в бесшумно открывшийся перед его носом проем. – Кажется, вы были правы, мэтр – господин барон действительно предсказуем. Потайной ход... ну надо же...

Я хмыкнул.

– В те времена, когда строили этот замок, строители мыслили до отвращения стандартно. Не удивлюсь, если и телепортационную арку мы найдем за такой же дверью.

– А может, мы ее уже нашли? – задумчиво предположил граф, не торопясь, впрочем, соваться внутрь.

– Сомневаюсь. Хотя проверить не помешает. Вы позволите?

Его сиятельство с готовностью отступил, позволив мне первому протиснуться в узкий проход. А я, предусмотрительно втянув живот, но все равно умудрившись собрать на себя всю паутину, беспрепятственно выбрался в небольшую, круглую, совершенно пустую комнату, где обнаружилась всего одна металлическая дверь.

Мой взгляд сразу уткнулся в нее, торопливо изучая сложный рисунок: Солнце и Луна, как символы дня и ночи. Аккуратно очерченный вокруг них круг, обозначающий вечный круговорот душ. Толстая змея с двумя горящими глазами-рубинами, обвившая растущее внизу Древо – как символ единения живого и мертвого...

И почему люди всегда стараются отыскать в этих фитюльках какой-то сокровенный смысл? Неужели он от чего-то спасает?

– Блажен, кто верует в спасенье и кто, вставая поутру, имеет стул без напряжения и не торопится ко сну, – пробормотал я любимую присказку своего учителя-некроманта. А потом задрал голову кверху и, обнаружив себя в глубоком колодце, над которым сквозь крохотное верхнее оконце виднелось быстро темнеющее небо, повысил голос:

– Кажется, это – основание одной из сторожевых башен, господин граф. А вон за той дверью находится семейный склеп, запечатанный неплохим охранным заклятием, которое было обновлено всего полгода... ну, может быть, год назад. Заклятие стандартное. Многоразовое. Видите, как горят глаза у змеи? Значит, оно еще активное. По эффективности средненькое, конечно, но для такой глухомани сойдет. При всем при том магическая печать до сих пор не нарушена, следов взлома ни снаружи, ни изнутри нет. Так что, полагаю, нам тут нечего делать.

Выбравшийся из потайного хода граф, не сдержавшись, громко чихнул и, убедившись в моей правоте, неохотно согласился:

– Похоже, что так. Наши следы на полу – единственные. И можно с уверенностью сказать, что сюда довольно долго не заглядывали.

Я аккуратно отступил назад, чтобы не потревожить лишний раз осевший на полу толстый слой пыли, и, напоследок бросив на призывно горящие рубины быстрый взгляд, кивнул.

– Видимо, барон не отличался излишней почтительностью к предкам. Идемте, господин граф. Мы еще успеем осмотреть второй этаж.

Его сиятельство заколебался, явно собираясь задать какой-то вопрос, но посмотрел на мое невыразительное лицо и послушно попятился. А когда покинул тайный ход, то даже не забыл повторно дернуть рычаг и закрыть за собой дверь.

На втором этаже, правда, не нашлось ничего достойного внимания. Несколько комнат, часть из которых явно пустовали не один год, пара жилых помещений, выглядевших в точности так же, как разгромленные помещения для слуг. Находящийся в полнейшем беспорядке общий зал, и снова лестница, по которой мы добрались наконец в святая святых.

– Обождите, господин граф, – негромко попросил я, когда мы подошли к внушительным, неплохо сохранившимся дверям во внутренние покои барона.

Его сиятельство, как раз собиравшийся толкнуть тяжелые створки, замер.

– Почему? Разве с ними что-то не так?

– А вы сами не замечаете?

Граф внимательно оглядел полированное дерево, сплошь покрытое искусной резьбой, и отрицательно качнул головой.

– Нет. Не вижу ничего странного.

– Это – единственная целая деревянная дверь во всем замке, – так же негромко пояснил я, пристально изучая означенный объект. – На ней нет ни царапины, ни следов от когтей, что выглядит довольно подозрительно, не находите?

Граф нахмурился и на всякий случай отступил назад. Я же, напротив, подошел ближе и, осторожно прощупав дверь поисковым заклинанием, тихо присвистнул.

– Что такое? – забеспокоился его сиятельство. – Вы что-то почувствовали?

– Еще бы, – ошарашенно согласился я. – Как тут не почувствуешь, если с той стороны буквально несет светлой магией?

– Как это светлой?!

– Вот так. – Я озадаченно потрогал отчетливо нагревшееся дерево и следом за графом отступил подальше. – Без вариантов – это точно магия светлых. Причем боевая. Так что одно из двух: или я сошел с ума, или тут происходит нечто очень странное...

Внезапно за дверью что-то грохнуло, едва не заставив меня подпрыгнуть от неожиданности, гнусаво завывало, а потом визгливо расхохоталось. Поначалу словно бы издали, приглушенно, с долгим эхом, какое бывает, если взять и сдуру ухнуть в большую трубу.

Однако потом мерзкий хохот усилился и, судя по моим ощущениям, стал быстро приближаться. При этом пол начал заметно вздрагивать. По мощным каменным стенам, не боявшимся даже тарана, побежали длинные трещины. А дверь, от которой мы с его сиятельством, не сговариваясь, отошли как можно дальше, начала наливать неприятным голубым огнем.

– Что нам делать, мэтр? – отважно схватился на рукоять меча граф, а затем беспомощно покосился на мое окаменевшее лицо. – Это нападение? Нежить? Или сработала одна из ловушек?!

Какой интересный вопрос...

Я задумчиво наморщил лоб, подыскивая правдоподобный ответ, а в это время нас снова потрянуло.

– Мэтр?! – В голосе графа слишком уж быстро послышались панические нотки. Его запах горелого, что ли, испугал? Или сочащийся из закрытой комнаты сизый дымок выводит из равновесия? – Вы собираетесь что-нибудь предпринимать?!

Из покоев усопшего барона снова донеслось громкое завывание, сменившееся истошным воплем сразу на несколько голосов, а дверь опасно дрогнула и с отвратительным скрипом прогнулась в центре.

– Гиращ! Демоны вас раздери! – У графа, кажется, не выдержали нервы. – Да сделайте же что-нибудь!

Я так же задумчиво кивнул и отошел поближе к лестнице.

– М-мэтр... – внезапно растерялся мой высокопоставленный спутник, на лице которого проступила неестественная бледность. – Что вы... зачем?!

Шум за дверью стал совершенно нестерпимым. Причем в дикой какофонии звуков преобладал чей-то пронзительный визг, от которого уже начали болеть уши. Еще там что-то громыхало, регулярно падало и неприятно скреблось. А также швыряло, било по полу и стенам чем-то тяжелым и явно металлическим. Периодически гулко лязгало, мерзко бумкало и временами скрипело, как несмазанная тележная ось. В то время как несчастная дверь, раз за разом получавшая могучие удары, уже не просто дрожала – она тряслась, как осиновый лист, с каждой секундой все больше теряя былой лоск и внушающую уважение стойкость.

– Отойдите, господин граф, – невозмутимо посоветовал я, разобравшись наконец, что к чему. – Вы же не хотите, чтобы какая-нибудь из деревяшек попала вам в лоб?

– К-какая еще деревяшка? – нервно дернул щекой его сиятельство.

Дверь наконец не выдержала напора и после очередного пинка изнутри с отчаянным грохотом распахнулась, являя нам и всему миру нечто поистине невообразимое.

В одно мгновение на нас обрушилась чудовищная волна криков, воплей, гнусного хохота и дикой смеси звериного воя, лязганья кастрюльных крышек, громыхания чугунных сковородок и скрипа насквозь проржавевшего колодезного ворота.

Одновременно с этим из открывшегося проема выстрелило громадное облако пыли, к которой примешивался явственный запах горелого. Затем полыхнуло нешуточным жаром – таким, что, наверное, стой мы чуть ближе, у господина графа точно приключилась бы беда с прической.

Потом в этой плотной серой завесе промелькнуло несколько фигур, яростно размахивающих руками и изрыгающих трехэтажные проклятия. После чего в глубине покоев стрельнула самая настоящая молния, почти сразу раздался страшный взрыв, и в нашу сторону пыхнула такая плотная завеса из черного дыма, что я, не успев рассмеяться, сильно закашлялся. И лишь заметив, что в нашу сторону угрожающе качнулась одна из фигур, торопливо щелкнул пальцами и прошептал стоп-заклинание.

В мгновение ока вокруг нас с графом воцарилась мертвая тишина. Плотное дымо-пылевое облако резко потяжелело и застыло, как удачно сделанное желе. Распахнувшаяся дверь замерла буквально в пальце от стены, не успев шарахнуть по ней со всей дури и едва не лишившись красивой резьбы.

Присутствующие тоже окаменели: я – от некоторого напряжения и лихорадочного обдумывания дальнейших действий; граф – от глубокого шока, а остальные – в силу действия заклинания. Поднявшаяся в воздух пыль плавно дрейфовала по коридору, танцуя какой-то неведомый танец. «Желе» тоже замерло в нерешительности. Какое-то время оно еще повисело в полной неподвижности, а затем, повинуясь моему знаку, начало очень медленно и постепенно сползать вниз, ловко стекая по плечам присутствующих и неделикатно обнажая истинную причину случившейся трагедии.

При виде этой самой «причины» у меня вдруг случился острый приступ ничем не купируемого веселья, а господин граф как-то странно икнул и медленно осел на пол. Но я бы на его месте тоже лишился дара речи, если бы обнаружил своего высокомерного и ну о-очень благородного светлого мага стоящим на карачках в довольно двусмысленной позе. Со вздыбленными волосами, в закопченной, порванной во многих местах и все еще дымящейся мантии. С перекошенным от ярости, перепачканным какой-то бледно-зеленой слизью лицом. Да еще в компании двоих охранников, имеющих столь же живописный вид.

Все трое выглядели озлобленными. Взбешенными. И, как ни печально, абсолютно беспомощными, потому что наших спутников с легкостью удерживали на месте сотни крохотных нечеловеческих рук. А в это время к их обнаженным ягодцам, мелькающим в огромных прорехах на штанах, с кровожадными выражениями на мордочках вот-вот собирались припасть такими же крохотными, но очень зубастыми ртами мелкие, нескладные, крылатые и зеленокожие создания величиной с мою ладошку. Для которых не было ничего интереснее, чем всласть поиздеваться над каким-нибудь бедолагой, не осведомленном об их скверных привычках.

По счастливой случайности я остановил эту душераздирающую сцену в самый пикантный момент. Когда на лицах наших спутников уже во всей красе расцвело отчетливое понимание своего незавидного положения, а летающие монстрики, лишь отдаленно напоминающие сказочных фей, уже готовились совершить надругательство над уязвленной гордостью моего обозленного коллеги.

Строго говоря, эти крохотули не относились к нежити. Точнее, большинством исследователей они классифицировались как совершенно особенный, стоящий особняком от других рас вид. Более того, в чем-то эти создания были даже разумны. Они понимали человеческую речь, были способны на осмысленные действия и коллективную охоту. С ними можно было даже наладить диалог, если, конечно, знать их сильные и слабые стороны. Но за паскудный характер, агрессивное поведение и неистребимую тягу ко всевозможным видам членовредительства Советом магов еще несколько сотен лет назад эти странные существа были исключены из понятия «разумные расы».

К сожалению, на попытку малейшей агрессии они мгновенно распаляются и отвечают еще большей агрессией, порой доводя своих жертв до иступления. При этом отличаются завидной смекалкой, прекрасным воображением и редкой изощренностью, которой некоторые самодовольные чародеи могли бы у них поучиться. И о чем? мастер Лиурой, храбро отправившийся исследовать полупустые подвалы, видимо, не знал, поэтому был просто обречен на счастливую встречу с этим замечательным народцем.

– Ч-что это? – сглотнул граф, когда разглядел обилие зубов в пастьях у маленьких страшилищ. Неестественные позы мага и охранников он, кажется, не оценил. Как и их ненормально остекленевшие глаза и бледные, будто помертвевшие, лица.

– Пикси, – сдавленно закашлялся (от дыма, естественно!) я, спокойно подойдя к упавшему коллеге и двумя пальцами сняв с его поясницы одно из необычных созданий. – Их еще

иногда называют «маленькими демонами» или «демоническими детками». Довольно милые, на мой взгляд, существа с весьма своеобразным чувством юмора. Любят проказничать, дразниться, разбойничать и наводить беспорядок.

Граф ошеломленно моргнул.

– Так это они производили столько шума?!

– Пикси – довольно назойливые создания, поэтому, я думаю, моему коллеге пришлось обороняться, что и стало причиной... – я мельком заглянул в задымленную, щедро усыпанную обломками некогда дорогой мебели комнату, в которую мы так и не попали, – ...небольшого урагана в покоях барона. Вероятно, пикси напали неожиданно, они обожают охотиться из засады, поэтому мастер по привычке использовал какое-то из боевых заклинаний...

Я выразительно покосился на дымящуюся дверь.

– Судя по всему, что-то из магии огня. А поскольку пикси совершенно нечувствительны к боевой магии, то результат получился соответствующим. Но, кажется, в пылу борьбы вашим людям повезло наткнуться еще на один тайный ход, ведущий из подвала напрямик сюда. Это их, собственно, и спасло.

– А что сейчас случилось с этими... пиксями?

– Ничего особенного – паралич. Временный, разумеется. О котором они забудут ровно через мгновение после того, как я сниму останавливающее заклятие. Пожалуй, единственное, к которому они еще не потеряли чувствительность.

– Не надо его снимать, – дрогнувшим голосом попросил его сиятельство, поднимаясь с пола, а потом заметил уважаемого мастера и снова дернул щекой. – По крайней мере, не с пикси. Не могли бы вы... как-нибудь... освободить моих людей?

– Да, конечно, – спохватился я и негромко щелкнул пальцами. В тот же миг с пола раздался сдавленный стон и шум падения трех тел, мгновенно сменившийся отборной руганью. – Прошу прощения, господа, за причиненное неудобство. Онемение скоро пройдет, а чувствительность быстро восстановится. Пожалуйста, не делайте резких движений и не пытайтесь...

Годжа, не услышав моей просьбы, впился бешеным взглядом в висящего прямо перед его носом пиксю и, взревев, попытался его ударить. Но не удержал равновесие и рухнул лицом вниз, издав при этом подозрительный хрюкающий звук.

– ...встать, – закончил я, когда он снова попытался подняться. – В течение пары минут у вас будет нарушена координация, поэтому постарайтесь просто посидеть не двигаясь. Скоро все придет в норму. Не волнуйтесь.

– Что ты... с нами... сделал?! – просипел с пола Лирг.

– Самое обычное обездвиживающее заклятие, – я всплеснул руками, когда в меня уперлось сразу три ненавидящих взгляда. – Ну что вы, господа?! Я никому не хотел причинить вреда! Напротив! Если бы не я, вон те крылатые монстры так и продолжали бы изводить вас всеми доступными способами! Я просто не рискнул разделять объект для заклятия! Если бы хоть один из них улетел, мы бы к ночи имели тут уже не одну, а несколько десятков стай, причавшихся сюда со всех окрестностей, дабы измываться над нами вплоть до самого утра!

Годжа тихо застонал и, уперевшись ладонями в пол, все же сумел принять вертикальное положение. После чего в бешенстве оглядел многочисленные силуэты, подвешенные в воздухе, словно на ниточках, и хрипло прорычал:

– Хочешь сказать, это – всего одна стая?!

– Причем не самая большая, – с готовностью кивнул я. – Обычно они живут колониями по несколько тысяч особей. А этих всего-то на пару сотен наберется.

– Сколько?! – В глазах охранников появилось шальное выражение. Видно, представили, что бы от них осталось, если бы пиксей здесь собралось раз в пять больше.

– Сколько слышали. Так что считайте, вам крупно повезло.

– П-повезло? – злобно прошипел пришедший в себя светлый. – Повезло?! Ты же знал, что они тут есть! Это ты проверял замок и заверил нас, что в подвале все чисто!

Я скептически оглядел дрожащий от негодования палец, гневно указующий на мою впалую грудь, и с достоинством отвернулся.

– Я проверил подвал на наличие нежити, мастер. О чем вам во всеуслышание и заявил. Нежити там не оказалось, а пикси, к вашему сведению, заклинанием поиска не улавливаются. Поэтому мне совершенно непонятны ваши нелепые обвинения. Я что, должен был все предусмотреть? Или, может, обязан отвечать за вашу невнимательность? Господин граф! – я требовательно посмотрел на недовольного нанимателя. – Сколько это будет продолжаться? Почему ваш маг склонен во всех неприятностях обвинять именно меня?

За моей спиной раздалось новое шипение.

– И с порталом я виноват, и пикси я не заметил, и соломки не подстелил под чью-то шибко благородную задни...

– Ты знал, что они внизу!

– Господин граф... – я со страдальческой миной обратился к нанимателю. – Ну хоть вы не повторяйте чужих ошибок. Я все понимаю: мой коллега расстроен, у него был трудный день, но это же не повод считать, что я виноват во всех его бедах! Да, я знаю, что наш глубокоуважаемый Совет до сих пор склонен мыслить шаблонами и горазд в каждой своей осечке обвинять именно мэтров. Но помилуйте! Темной гильдии не существует уже более полувека, многие из моих братьев пали жертвой чудовищного произвола, который совсем недавно все тем же Советом был признан нелепой ошибкой. Долгих пятьдесят лет такие, как я, были вынуждены скрываться от гонений. На нас охотились, как на бешеных собак... и посмотрите, к чему это привело?! Вы ведь сами признали, что ни один некромант не в состоянии сотворить то, что происходит сейчас в Сазуле! Сами меня наняли, чтобы я помог очистить эти земли от нежити! Приняли мою помощь... и что же теперь?!

Моя мина стала еще более страдальческой, а глаза наполнились справедливой обидой.

– Я не могу даже шага ступить, чтобы не услышать в спину гнусное обвинение. Меня незаслуженно оскорбляют. Подозревают во всех грехах. Мне... да ладно мне – контракту ни на грош не доверяют! И, несмотря на то, что минуту назад я избавил ваших людей от серьезных увечий, мне до сих пор приходится расплачиваться за чужие ошибки!

Подпустив в голос надрыва, я гордо вздернул заостренный подбородок и, благодаря этому сделавшись чуточку выше, все с той же нескрываемой горечью добавил:

– Я понимаю, моя работа лишена привлекательности и подчас выглядит грязной. Однако иногда, хотя бы изредка, людям стоило бы признавать наш тяжкий труд достойным благодарности. Или хотя бы элементарного уважения. Ведь если бы не я... – мои глаза стали совсем грустными. – Впрочем, о чем мы говорим? Наверное, мир никогда не изменится?

Не дожидаясь ответа, я оскорбленно шмыгнул носом и в полной тишине покинул коридор, истинно королевским жестом забросив на плечо полу длинной мантии.

Да, я некромант! И это звучит гордо. Но я ни в чем не нарушил своего слова и никого не обманул! Да, я мстительный, жестокий и не гнушаюсь скверных шуток. А еще я скрытный, злопамятный, жадный и никогда не забываю причиненных мне неудобств.

Но, во-первых, уходя в замок, любой мало-мальски грамотный маг непременно обратил бы внимание на царящий в коридорах беспорядок. Во-вторых, насторожился бы при виде похабных рисунков, которые вряд ли были делом рук барона или его вышколенных слуг. Наконец, в-третьих, проверять подвалы мастер вызвался сам и должен был подготовиться к любому повороту событий. А избавлять его от мелких неприятностей я не обязан.

К тому же это я подсказал ему взять не одного, а обоих охранников в качестве гаранта сохранности своего драгоценного здоровья. И это я намекнул, что возле винного погреба им стоит быть особенно осторожными. Но если и после этого дражайший господин светлый маг

оказался таким дураком, что при первых же признаках опасности начал пуляться заклинаниями направо и налево.

По моим губам скользнула змеиная усмешка.

Что поделаешь? Я действительно – наглая, язвительная, злопамятная сволочь, не упускающая шанса досадить своим недоброжелателям. Тогда как светлый...

Я недобро прищурился.

У Лиуроя, как выяснилось, только что закончился заряд личного охранного амулета, иначе он не попал бы под мое обездвиживающее заклятие. Не знаю, правда, как это можно использовать, но, будьте уверены, непременно придумаю. Лишний козырь в таких делах никогда не повредит.

Глава 6

Бывают дни, когда все удается.

Не отчаивайтесь – это пройдет.

Надпись на надгробном камне

– Шуме-эл тростник, просну-улись зомби, а ночка те-омная-а была-а, – неторопливо спускаясь по лестнице на первый этаж, тихонько мурлыкал я под нос любимую студенческую песенку. – Светились зна-аки на надгробьях, а мы гуля-а-али до утра...

– Заклятья пе-элись в по-олный голос, бокалов би-итых пе-эрезвон, – с готовностью подхватил слегка запыхавшийся Нич, встретивший меня на одной из ступенек и тут же ловко запрыгнувший на плечо. – Скелеты в та-анце за-акружились, как им каза-алось, вальс-бостон!

Я тут же приободрился и продолжил:

– Горел костер, треща-али ветки, и вурдала-аков не-эжный вой. Он над поля-а-аной раздавался, как музыка-а из тьмы ночью-ой. А поутру-у, когда-а вставали, кругом разбро-осаны тела. Эх, некрома-анты по-огуляли – лишь упыри-ица уползла-а!

Закончив куплет, я ностальгически вздохнул и вытер с лысины налипшую паутину.

– Да, хорошие были времена. Подумать только – давно ли я поступал на некрофак? И давно ли ты преподавал там свою любимую...

– Нет, Гиращ, – вдруг несильно вздрогнул таракан. – Не надо. Ты ведь знаешь – мне запрещено помнить. Может, я лучше расскажу о том, что разноухал?

– Давай, но в двух словах – удалось узнать что-то новое?

– Тогда уж одним словом: нет.

– Значит, детали обсудим позже. Кстати, ты еще не нашел способ обойти свое проклятие?

– Нет. Знаю только, что если вспомню старую жизнь – сдохну. Такова моя плата за воскресение.

– Ты сам ее выбрал, – на всякий случай напомнил я, почувствовав на шее мимолетное прикосновение жестких усиков.

– Да, – неохотно согласился Нич, быстро отворачиваясь. – Но лучше забыть о том, кем я был, чем безвозвратно утратить накопленные знания. И пусть они довольно отрывочны, но это лучше, чем ничего.

Я тихо вздохнул.

– Может, ты и прав: уговор есть уговор. Ты выбрал свой путь, я – свой. И мы оба понадеялись, что вместе у нас получится что-то стоящее.

– Вместе? – отчего-то насторожился таракан.

Я собрался было съехидничать, но он вдруг встрепенулся, занял стойку, как пес на охоте, и вдруг заорал мне в самое ухо:

– Сто-о-ой!

Хорошо, что он мелкий и писклявый, иначе этот вопль услышали бы не только граф со своими людьми, но и запертые в склепе фамильные призраки Невзунов. А так я всего лишь частично оглох на одно ухо, подпрыгнул на месте от неожиданности и инстинктивно замер, лихорадочно раздумывая, к чему именно должен морально подготовиться. То ли к внезапной смерти, то ли к радостной вести о мучительной гибели своих врагов.

От смертельной ошибки некроманта порой отделяет один-единственный шаг, поэтому я застыл, как примороженный, опасно балансируя на одной ноге и стараясь даже не дышать.

– Стой, Гиращ, – напряженным голосом повторил Нич, медленно поводя мордой по сторонам. – Кажется, я что-то почувал.

– Что? – беззвучно спросил я, стараясь не шевелиться.

– Тут что-то есть, – задумчиво сказал «фамильяр», словно не видя моих бесплодных попыток удержать равновесие. – Думаю, что это следы магии. Да, вот здесь... где-то совсем рядом... Да перестань ты прыгать на одной ноге! К стене подойди, говорю!

Я нахмурился, но препираться с Ничем по поводу его тона сейчас было бы просто смешно. Тем более он не шутил и не играл в свои обычные игры. А был как никогда серьезен и напряжен. Исключительно поэтому я не стал спорить и, поставив наконец вторую ногу на ступеньку, осторожно шагнул к тому месту, куда указывал таракан.

– Да, – повторил Нич, почти ткнувшись мордой в холодный камень и торопливо ощупав его длинными усиками. – Там действительно что-то есть... очень глубоко внутри... Ты не знаешь, у этой башни имеется другой выход?

– Без понятия. По крайней мере, мы с графом его не нашли.

– А он должен быть, – все так же задумчиво протянул таракан и, приподнявшись на задней паре лапок, внимательно осмотрелся. – Так. Вон там торчит подставка под факел. Дерни за нее. Сейчас же!

Гм. Интересно, и как мне на это реагировать? Мгновение назад он требовал, сейчас уже приказывает... а что будет дальше? Считать ли мне, что он перешел границы дозволенного или еще рано? И не пора ли напомнить старому хрычу о том, кто здесь хозяин?

Пристально посмотрев на серьезного до предела Нича, я недобро прищурился, ожидая подвоха. Но таракан выразительно молчал, всем видом показывая, что не замышляет никакой пакости.

Убедившись, что подвоха от него не будет, я аккуратно шагнул влево и, протянув руку, ухватился за простейшую металлическую конструкцию. Точно такую же, за которую недавно дернул граф Экхимос и которая каким-то чудом удержалась на стене после того, как в замке порезвились пикси.

Хм.

И почему я сам до этого не додумался?

Один только минус был у этой затеи – мой карликовый рост, который при сравнительно небольшом весе не позволял так же легко привести в действие скрытый механизм, как это получилось у нашего графа.

Чтобы заставить его заработать, мне пришлось не просто ухватиться за ручку, а еще и подпрыгнуть, повиснув на ней всем телом. Даже дрыгнуться пару раз для надежности, изображая повисшую на крючке пиявку. Только после этого ручка неохотно поддалась и, негромко скрипнув, медленно опустилась.

В тот же миг в стене что-то приглушенно заворчало, затем загрохотало, зазвенело невидимыми цепями. Наконец звучно щелкнуло, словно отпущенная на свободу пружина, и в стене прямо передо мной образовалась приличная по размерам дыра, через которую виднелись круто уходящие вниз каменные ступени.

При виде них я перевел дух и самодовольно ухмыльнулся (говорил же, что не в подвале дело!), однако мой триумф был немедленно испорчен, потому что проклятая ручка именно в этот момент решила, что ей хватит висеть без дела, и самым гнусным образом отвалилась.

Причем если бы она это сделала после того, как я спрыгнул или отошел в сторону, я был бы ей очень благодарен (нет ручки – нет и угрозы внезапного закрытия двери), однако эта зараза как специально метилась! Мало того, что я не успел разжать пальцы, так она еще и треснула меня по темечку! В результате, шлепнувшись с довольно приличной высоты, я крепко приложился копчиком. После чего схлопотал увесистой железкой по голове и, пересчитав все звездочки с неба, бесчувственной куклой ухнул прямо в разверзшуюся в стене дыру.

Впрочем, почти сразу я стал очень даже чувствительным, потому что, получив по копчику во второй раз, мигом очнулся. Осознал себя буквально летящим в беспросветную темноту, откуда пахнуло знакомой могильной сыростью. Чуть не испытал еще один приступ

ностальгии. Но последующие двенадцать ступенек вышибли из меня всякую романтику. Более того, я даже успел разозлиться, чуть не прокляв эту башню, ее строителей и всех хозяев вплоть до десятого колена. И совершенно точно успел бы это сделать, если бы внезапно выскочивший снизу пол не довершил начатое и не вызвал из моей груди вместо страшных слов, которые могли когда-нибудь воплотиться в жизнь, жалкий, сдавленный, едва слышный стон.

– Оу-у-у... чтоб вас всех... сто тысяч раз за одну долгую ночь...

На глаза сами собой навернулись слезы, дыхание перехватило, ушибленный копчик немилосердно заныл, обещая в ближайшем будущем еще более неприятные ощущения. И вообще, мне было некомфортно. Особенно сидеть на холодных каменных плитах, на которые я умудрился приземлиться все той же многострадальной частью своего тела. Да еще в компании бодро спрыгнувшего с последней ступеньки таракана, который успел вовремя сбежать и наблюдал мой стремительный спуск с безопасного расстояния.

Проклятье.

С кряхтением поднявшись, я мрачно уставился на «фамильяра», придирчиво изучающего мой помятый вид с высоты своего наблюдательного пункта.

Вот если он сейчас только вякнет что-нибудь по поводу лестницы...

– Погано выглядишь, Гираш, – совершенно спокойно сказал таракан, отряхнувшись. – Быстрый спуск не пошел тебе на пользу. Одно хорошо: портал ты все-таки нашел.

Я вздрогнул, когда по лысине прошелся легкий ветерок, и стремительно обернулся, с изумлением обнаружив себя стоящим в еще одном, тщательно огороженном со всех сторон крепостными стенами внутреннем двореке.

Сам дворик небольшой – шагов десять на двадцать или даже чуть больше. Высокие стены, крохотный кусочек темного неба над головой, единственный вход, возле которого я стоял и машинально потирал отбитые ягодицы... никакой мебели, статуи, сада, огорода или тому подобной чепухи. Зато в центре красовалась самая настоящая телепортационная арка – массивная, идеально правильная дуга, упирающаяся обоими концами в такие же массивные тумбы-подставки. По всей ее поверхности виднелась сложная рунная вязь, не менявшаяся с тех самых пор, как были изобретены первые телепорты. Такая же вязь была на каменном круге, служившем ей надежной опорой. А на одной из тумб обнаружилась сложной формы выемка, служащая для специального ключа-активатора.

Одним словом, я оказался прав, и теперь у нас появился реальный способ избежать большого количества проблем. Если, конечно, мастер Лиурой окажется таким умным, что сумеет активировать эту арку.

– Гираш, тебе не кажется, что она выглядит несколько... э-э-э... старомодно? – вдруг осторожно заинтересовался Нич, разглядев толстый слой пыли на тумбах, глубокие щели на месте стыков и крупные выбоины в надежных с виду камнях.

Я пожал плечами.

– Она стоит под открытым небом, демон знает сколько времени. Видимо, прежний барон пользовался ею нечасто.

– У меня складывается впечатление, что он вообще ею не пользовался, – пробормотал таракан, спрыгнув на землю и шустро посеменив к моей находке.

– А может, она уже не работает? – неожиданно предположил он, придирчиво обнюхав одну из тумб. Как раз ту, что с выемкой для ключа.

Я только фыркнул.

– В чем дело, Нич? Тебе же память отшибло после воскрешения, а не мозги. Если бы она не работала, как бы ты ее почуял?

– Хм, – кашлянул таракан, обежав тумбу по кругу. – Возможно, ты и прав. Но она все равно не внушает мне доверия. К тому же я не думаю, что у светлого найдется для нее

ключ – здесь весьма нестандартная выемка. Такие делали лет, наверное, триста назад. Если не побольше.

– Эй! Что там у вас? – вдруг послышался из-за стены приглушенный голос графа.

Ну надо же, хватились!

– Мэтр Гиращ? Вы тут? С вами все в порядке?!

– Да! – крикнул я, торопливо отряхивая балахон. Еще не хватало, чтобы кто-то понял, каким именно образом я сюда попал. – Спускайтесь! Я нашел портал!

– Нашли? – переспросил невидимый мастер Лиурой. – В самом деле?!

А сколько недоверия в голосе! Сколько сомнений и этого вечного подозрения, как будто многоуважаемый маг решил, что я утаил от него какую-то важную информацию!

Проигнорировав дурацкий вопрос, я негромко фыркнул.

– Придурок, как и большинство ваших. За всю свою жизнь я знал только одного светлого, с которым можно было иметь дело, но он, к сожалению, давно умер.

– Не клевети на гильдию, – неожиданно строго потребовал Нич, выглянув из-за тумбы.

– Не смей мне указывать, что делать. И вообще лучше помолчи – сюда уже идут.

Таракан недовольно засопел, но все-таки заткнулся. А я тем временем предусмотрительно отошел от ступенек и с удовлетворением прислушался к доносящемуся снаружи шуму.

Ох, как же хорошо, что не я один такой невнимательный! И как ласкают слух звуки отборного мата в исполнении наших славных охранников, которых осторожный граф, разумеется, пустил впереди себя, позабыв при этом указать, что лестница очень крутая. Вернее, это я позабыл указать. Случайно. Впрочем, суть от этого не изменилась, и меня весьма повеселили перекосенные лица господ наемников, пересчитавших своими задницами все ступеньки по пути во двор.

– Добро пожаловать, – приторно улыбнулся я, когда в меня по обыкновению уткнулись два злых до предела взгляда. – Надеюсь, вы не ушиблись?

Вместо ответа Годжа что-то тихо прорычал, а Лирг, гибким движением поднявшись с холодной плиты, выразительно оскалился.

– Ну что вы, мэтр... никаких проблем! Сердечно благодарим за заботу о нашем здоровье.

Ого. А мальчик-то не так прост, как кажется!

Я удивленно приподнял брови, надеясь услышать достойное продолжение, но наемник уже отвернулся и, протянув руку злобно шипящему напарнику, чтобы помочь ему встать, профессиональным взглядом окинул пустой двор.

– Это она? – спокойно спросил граф, аккуратно спустившись и сразу оперевшись взглядом в каменную арку. – Мэтр Гиращ, это действительно она?

– Да, ваше сиятельство, – тут же поклонился я. – Тот самый портал, который мы искали.

– Но он выглядит таким... древним!

– Он и есть древний, – проворчал мастер Лиурой, выбираясь во двор следом за графом. Осторожный, гад. Обо всем подумал – последним пришел. – Ему лет триста, если я не ошибаюсь.

– Сколько?!

– Ну или побольше... не знаю. По крайней мере, знаки на нем безнадежно устарели. Мы уже давно не работаем с этими рунами. А тут только они. Да и ключ... гм... весьма необычный. В первый раз такое вижу.

– Но вы же сможете его активировать? – с еще большим беспокойством спросил граф, наблюдая за тем, как маг, присев на корточки перед одной из тумб, внимательно изучает расположенную в ней неглубокую выемку. – Вы знаете, как это делается?

Мастер Лиурой нахмурился.

– Теоретически – да. Это базовая техника, которую преподают на всех факультетах. Я могу ею воспользоваться, хотя и с некоторыми оговорками. Проблема в том, что ключа для этой арки у меня нет, так что, боюсь, вся наша затея обречена на провал.

– Что значит «нет ключа»?! Вы же говорили, что они стандартные!

– Говорил, – поморщился светлый. – И они действительно одинаковы для всех телепортационных арок, построенных в последние два-три столетия. Это было сделано для удобства перемещающихся и для того, чтобы можно было связать все стационарные порталы в единую сеть. Однако именно эта арка была построена гораздо раньше. Она не входит в общую сеть порталов, и именно поэтому я о ней не знал. К тому же у нее – совершенно особенный, настроенный только на одного хозяина, индивидуальный ключ... которого у нас нет! А где его искать, я не представляю, поэтому и говорю: ваше сиятельство, мы зря понадеялись на мэтра Гираща. Барон мертв. Его тело пропало. А поскольку ключ он явно носил при себе, то... боюсь, мы напрасно потратили время.

– Э-э-э... а может, еще раз посмотреть в верхних покоях? – неуверенно предположил Годжа, когда во дворе воцарилась гнетущая тишина. – Вдруг ключ где-то там?

– Если бы он там был, я бы его почувял, – неприязненно отозвался светлый. – К тому же наверху уже успели похозяйничать пикси, а после них нет смысла искать подобные вещи – они воруют все, что попадется под руку. То, что не могут унести, ломают. А ключ... посмотрите на выемку: он явно небольших размеров... не больше моей ладони... аккуратная такая звезда, возможно, с драгоценным камнем посередине. В старину любили украшать подобные вещицы золотом и драгоценностями, а порой вообще носили как обычную брошь или медальон. Но на золото пикси особенно падки. Наверное, именно поэтому мы не встретили здесь ни одной мало-мальски ценной вещи.

– Так что, получается, мы не сможем отсюда выбраться? – тихо спросил граф, оглядев хмурое лицо своего мага.

– Боюсь, что так, ваше сиятельство. Без ключа портал бесполезен.

Охранники переглянулись и одновременно помрачнели.

– Мэтр, а вы что скажете? – еще тише спросил граф, посмотрев на меня с явным отчаянием, но по-прежнему держа себя в руках. Молодец. Многие на его месте уже орал бы в голос, потрясали кулаками и брызгали слюной, обвиняя всех и вся, а он ничего. Пожалуй, начну его чуточку уважать. – У вас тоже нет никаких идей?

Я едва не напомнил ему о том, на какой ноте мы расстались перед покоями барона. Но потом подумал, что была у меня когда-то одна бесполезная штука под названием «совесть», и хмыкнул.

– Честно говоря... есть.

– Неужели? – ядовито переспросил маг. – Между прочим, это по вашей милости мы сюда забрались! И по вашей вине застряли здесь на ночь!

– Вы меня утомили, коллега, – равнодушно отвернулся я, снимая перчатку с правой руки. – Если вы мне не верите – пожалуйста, возвращайтесь наверх. Вас никто не держит. Только будьте любезны не мешать. Господин граф?

– Мастер Лиурой, я прошу вас соблюдать хотя бы видимые рамки приличий, – к еще большему моему удивлению, твердо сказал его сиятельство, и светлый вынужденно заткнулся. – Мы не в том положении, чтобы отказываться от помощи. Мэтр, пожалуйста... я готов вас выслушать.

– Благодарю, – кивнул я. – Я всего лишь хотел напомнить, что в старину все телепортационные арки, даже выстроенные по стандартному образцу, были строго индивидуальными, и обладать таким сокровищем мог себе позволить далеко не каждый маг. Более того, ключи-активаторы к ним делались так, чтобы воспользоваться ими мог только хозяин...

На лице графа не дрогнул ни один мускул.

– ...Пока был жив, конечно. Если его кончина не наступала внезапно, амулет заранее перенастраивался на нового владельца и таким образом передавался по наследству, переходя из поколения в поколение. В случае же, если хозяин умирал скоропостижно... а такое и сейчас далеко не редкость... после его смерти ключ утрачивал свою индивидуальность, и потом им мог воспользоваться любой желающий, – я внимательно оглядел ставшие напряженными лица спутников и внезапно улыбнулся. – Правда, тоже только один. Как вы понимаете, такие ключи не делались в единственном экземпляре. И на случай кражи или потери у магов всегда имелся запасной экземпляр. Как правило, хорошо спрятанный и надежно охраняемый.

– Второй ключ?! – беззвучно прошептал Годжа, и его глаза вспыхнули неистовой надеждой.

– Совершенно верно. Первый мы будем считать безвозвратно утерянным, поскольку, вероятнее всего, барон держал его при себе и сгинул вместе с ним. А вот второй наверняка где-то здесь. В замке. Остался только один вопрос: где именно?

На какое-то время во дворе стало так тихо, что я услышал мерный звук падающих с потолка водяных капель, отмеряющих секунды где-то глубоко в подвале.

Люди лихорадочно размышляли над моими словами. Граф кривил губы и все время порывался что-то уточнить. Его бравые наемники с надеждой уставились друг на друга, будто могли что-то предпринять. Светлый все еще сомневался, а Нич тарасил на меня блестящие глаза, не торопясь, впрочем, спрыгивать с тумбы, на которой смиренно просидел в течение всего разговора.

– Вы знаете, где его искать? – наконец нарушил молчание граф, тоже выжидательно на меня посмотрев.

Я снова улыбнулся.

– Давайте подумаем вместе.

– Мэтр Гиращ, у нас не так много времени, чтобы...

– Господин барон был довольно предсказуемой личностью, не правда ли? – довольно невежливо перебил я нанимателя. – Мы с вами уже успели в этом убедиться. Следовательно, мыслил он довольно стандартно. Почти так же, как многие поколения до него: этот замок, расположение комнат и потайных ходов... даже вы с легкостью отыскали один из них, ваше сиятельство. А о чем это говорит?

Граф сжал челюсти.

– Возможно, о том, что и ключ он спрятал, руководствуясь стандартным мышлением.

– Совершенно верно. А где в замке удобнее всего спрятать ценную вещь? Причем настолько же ценную, как сама телепортационная арка?

– В тайнике, конечно, – вполголоса буркнул светлый.

– А вы уверены, что успеете воспользоваться ключом в экстремальной ситуации? Когда вам срочно потребуется открыть портал, а обычного активатора у вас при себе точно не окажется? Зная об этом и оставляя себе запасной вариант для бегства, куда бы вы его спрятали?

Граф пожал плечами.

– Поближе к арке, чтобы уж точно не пришлось его добывать в противоположном крыле замка, а потом бежать сюда сломя голову, боясь, что не успеешь.

– Верно, – усмехнулся я, подходя к одной из тумб. – А если еще точнее, то вы, скорее всего, спрятали бы его здесь. Совсем недалеко от портала, который собираетесь активировать. Но так, чтобы никто не догадался, что разгадка на самом деле поразительно проста.

Мастер Лиурой скептически оглядел совершенно пустой двор.

– Вы считаете, ключ находится здесь?

– Я совершенно в этом уверен.

– И где же, по-вашему, барон его спрятал?

– А вот сейчас и выясним!

Я выразительно поднял правую руку, на пальцах которой блеснули черные ногти, провел ими вдоль задней стенки тумбы... напротив того места, где виднелось звездобразное углубление. Удовлетворенно улыбнулся, когда из-под лака на мгновение проступили сложные руны, и резким движением разбил застоявшийся воздух когтистой пятерней.

В ту же секунду над камнем коротко вспыхнуло и почти сразу погасло голубоватое свечение, заставившее моих спутников инстинктивно отшатнуться и крепко зажмуриться. Затем в глубине камня что-то звонко щелкнуло. Наконец в нем открылась такая же ниша, как и с другой стороны тумбы, вот только, в отличие от той, она совсем не пустовала...

Хищно прищурившись, я отработанным приемом избавился от остатков сторожевого заклятия. Тщательно почистил выемку, стараясь не прикасаться к краям. Убедившись, что других сюрпризов в ней нет, забрал спрятанный в глубине каменный ключ-звезду, в центр которого был помещен такой же крупный рубин, как и на усыпальнице, и обрамленный все теми же древними символами Жизни и Смерти. С силой сжал свою находку, активируя артефакт, а потом с самым невозмутимым видом повернулся к мастеру Лиурою.

– Вот видите, коллега. А вы не верили.

У светлого нервно дернулся уголок рта.

– Господин граф, вот ваш ключ. Если у мастера Лиуроя хватит опыта воспользоваться древними рунами, то вскоре вы покинете этот негостеприимный край. По крайней мере, я сделал для этого все, что мог.

– Благодарю вас, мэтр, – внезапно охрипшим голосом отозвался его сиятельство, неподвижным взором уставившись на светящееся в моей руке сокровище. – Я никак не думал... не предполагал даже... и это настолько невероятно, что я... но вы, наверное, правы: старый барон действительно был очень предсказуемым человеком.

– На наше счастье, граф. На наше с вами общее счастье, – многозначительно улыбнулся я, передав заторможенному светлому свою добычу. – А теперь, пожалуй, я вас покину – уже темнеет. И, поскольку моему коллеге явно понадобится время, чтобы разобраться с рунами, а нас, скорее всего, захотят навестить неприятные гости, да и пикси я обездвигил только до утра, надо попробовать обезопасить замок. Ну насколько это возможно, конечно. Надеюсь, никто не возражает?

Ответом мне стали три ошарашенных и один крайне задумчивый взгляд.

– Вот и замечательно, – бодро кивнул я и, подхватив с тумбы Нича, шустренько посетил к выходу. – До встречи, господа. Надеюсь, вы успеете нас позвать, когда портал будет готов к работе.

Всей кожей чувствуя направленные в спину взоры, я так же шустро вскарабкался по крутым ступенькам, крепко прижимая замершего таракана к груди. Один раз неудачно споткнулся о нектати попавшийся на пути камень, едва не порвав себе мантию, но быстро выровнялся и с достоинством удалился.

И только выбравшись в пустой холл, откуда никто не мог меня видеть, привалился к первой попавшейся стене и устало прикрыл глаза.

– Проклятье... кто бы знал, как мне это надоело...

– Ты потратил силу целого амулета, чтобы произвести на них впечатление? – негромко, но очень настороженно спросил Нич. – В чем дело, Гиращ? Ты заболел? Неужели это было настолько необходимо?

Пощупав свой пояс, на котором один из тринадцати артефактов-накопителей безвозвратно угас, а второй успел разрядиться больше чем на две трети, я тяжело вздохнул.

– Нет. Я потратил силу для того, чтобы стать новым владельцем ключа для этой проклятой арки. Чуешь разницу? Или ты прослушал все, о чем я там говорил?

Таракан заметно вздрогнул.

– Ты что сделал?!

– Я настроил этот дурацкий ключ на себя. И именно на это ушли мои силы.

– Но зачем?! Тебе что, так нужен какой-то старый замок? Или ты решил наконец остепениться и выкупить у графа этот никчемный кусок земли?

– Дурак, – устало выдохнул я, с трудом отлепляясь от стены. – Честное слово, иногда ты бываешь просто непроходимым тупицей, Нич. Индивидуальная арка – это возможность законно и при этом абсолютно незаметно перемещаться на территории Сазула и сопредельных стран. Причем так, что никто даже не сумеет засечь точку выхода из такого портала. Это – золотая жила, понимаешь?! Вот только без ключа арка не заработает. А ключ, в свою очередь, может признать лишь того, кто первым коснется его после смерти предыдущего владельца. Это вопрос безопасности, Нич. Или ты думаешь, я отдал бы такой козырь в руки Совета?

Нич странно шевельнул усами и вернулся ко мне на плечо.

– А откуда ты вообще узнал, что тут есть портал? Мы с тобой в этом баронстве раньше не появлялись.

– Кажется, пребывание в новом теле не прибавило тебе сообразительности... хотя нет – ты всего лишь многого не помнишь. А я тут уже был, – криво усмехнулся я. – Давно, еще до войны. И, в отличие от тебя, прекрасно помню, кто и когда выстроил этот замок. И почему он стоит на пересечении мощнейших силовых линий, по которым так удобно строить узконаправленные и, что самое главное, нестандартные порталы. Понимаешь? У этой арки просто нет предела дальности действия, как у остальных! Таких арок по всему миру единицы! А род Невзунов всегда был богат на талантливых магов. В том числе на таких, кто быстро осознал выгоду от строительства замка именно на этом месте и сумел обустроить все так, что даже ближайшие соседи не пронюхали про важнейшую особенность этого портала. Или ты полагаешь, что это – дело рук последнего барона?

Нич неловко кашлянул.

– Ну... это многое объясняет. Как ни стыдно признавать, но я этого действительно не знал.

– А я знал. Последний барон и впрямь был неплохим магом, – хищно улыбнулся я. – И я не лгал, когда говорил об этом графу. Вот только Невзун отнюдь не был хорошим пространственным магом – его талант заключался совсем в другом. А портал был создан его далеким предком. Еще тогда, когда только-только создавалась теория пространственного прокола, и стало ясно, что существуют места, где аркам практически не нужен искусственный внешний источник. Просто потому, что они получают большую часть энергии из источника природного! Который, как следует догадаться, формируется благодаря усиленным магическим завихрениям в каждом конкретном месте! И секрет которого я никому больше не открою, даже если меня будут резать на кусочки. Понимаешь, до сих самых пор именно магия хранила этот ключ в неприкосновенности. Пока наконец не погиб последний прямой наследник, и заветное ключа не потеряло свою значимость.

Нич озадаченно потер лапки друг о друга.

– А почему ты был уверен, что светлый тебя не опередит?

– Если бы он знал про эту особенность и хотя бы раз в жизни копался в старых картах, то, может, и опередил бы. Но ты, к счастью, лучше него чувствуешь остаточные магические эманации. А я сделал все, чтобы это выглядело естественно. Что же касается амулета... – я с огорчением коснулся погасшего артефакта. – Это были оправданные траты. Несмотря на то, что я стал еще немного слабее.

Нич странно хмыкнул.

– Что, тяжело помнить, но не иметь возможности использовать свои знания?

– Ничего, переживу, – отмахнулся я. – Все равно это лучше, чем все уметь, но не помнить, зачем оно нужно.

– Сволочь ты, Гиращ, – тут же насупился таракан.

– Сам такой. И вообще, равно или поздно проклятие все-таки спадет, и я верну свою силу. Тогда мне уже не понадобятся эти нелепые костыли.

Нич тихо вздохнул.

– И как я мог согласиться на такую жизнь? Да еще рядом с тобой?

– Разве у тебя был выбор?

– Не знаю, Гиращ. Не помню. Просто до сих пор в толк не возьму, зачем я заключил с тобой магический контракт.

– Для тебя это был единственный шанс выжить, – сухо ответил я и разом встряхнулся. – Все, хватит болтать. Докладывай, что ты узнал в деревне.

Глава 7

Теория без практики ничто. Нести в себе такой груз – все равно что таскать на горбу крышку от собственного гроба.
Из вступительной речи ректора АВМ

На этот раз доклад оказался на удивление кратким – к тому времени, когда я добрался до выхода из замка, Нич уже успел выговориться и замолчал.

Правда, похвастать ему было нечем: в оставшихся двух деревнях царило такое же запустение, как и в первой. Ни людей, ни зверей, ни даже птиц рядом с заброшенными домами не обитало. Только сухой ветер гонял пыль по опустевшим улицам, да зловеще поскрипывали полуотвалившиеся ставни на окнах.

Единственное, что нашел Нич – это несколько свежих следов, ведущих к расположенному неподалеку кладбищу. Причем человеческих следов, оставленных чьими-то босыми ногами, из чего можно было сделать вывод, что мои самые нехорошие догадки подтвердились.

– Жаль, – вздохнул я, остановившись, чтобы поправить сползающую набок сумку. – Но, по крайней мере, теперь мы точно знаем, что живых тут не осталось.

– Это только предположение. Трупов же нет? Но вот если бы ты разрешил мне пошарить на кладбище... – мечтательно закатил глаза таракан.

– Незачем. Ты оставляешь после себя вполне отчетливый фон, который, хоть и замаскирован, будет хорошо различимым для нежити. А мне бы не хотелось, чтобы сюда раньше времени притопало все местное население.

– Ты все-таки думаешь, что это – дело рук некроманта? – осторожно поинтересовался Нич.

– Уверен.

– Но кто, Гириш? Заставить обезлюдить сразу три деревни в столь короткие сроки – весьма трудоемкая задача. Держать под контролем такое количество зомби смог бы только высший некромант! Разве нет?

На моем лице не дрогнул ни один мускул.

– Ты прав.

– Но откуда ему тут взяться, если всех ваших Совет держит под строгим надзором?! Или есть кто-то помимо тебя, кто нашел способ спрятать свою ауру?!

Я чуть сузил глаза, невольно вспомнив о причинах своего плачевного положения.

– Род Невзунов, как я уже сказал, был весьма богат на талантливых магов. Да и мой последний ученик родом как раз из этих краев. Так что все возможно.

Таракан тревожно замер.

– Как же нам тогда быть?

– Как обычно, друг мой, – задумчиво отозвался я. – Готовиться ко всему и надеяться, что наши с тобой усилия не пропадут даром.

Нич озадаченно нахмурился, но смолчал. А потом вдруг насутился, нахохлился и вообще не произнес больше ни одного слова, потому что я как раз вышел во двор и двинулся к нетерпеливо мнущемуся у подъемного моста старику.

– Ну как? – первым делом спросил изрядно нервничающий Нирг, которому было явно неуютно караулить ворота в одиночестве. – Мастер Лиурой нашел портал?

– Можно и так сказать, – произвольно хмыкнул я, увидев его бледное, откровенно перепуганное лицо. Бедняга. Это ж надо было так перетрусить. – Все, твоя вахта закончилась. Отправляйся к его сиятельству и передай, что я тебя отпустил.

Старик недоуменно замер.

– А как же решетка?

– Опускай, – разрешил я. – Все равно скоро ночь, а мы не знаем, как долго ваш дражайший маг провозится с аркой.

Слуга открыл было рот, чтобы что-то сказать, но посмотрел на меня и передумал. После чего что-то сделал с треснувшим на боку «барабаном». Держащая решетку цепь вздрогнула, загремела и неуверенно поползла в каменное отверстие в стене. После чего внутри самой стены что-то громыхнуло. Наконец деревянный «барабан» неохотно провернулся, ознаменовав это движение мерзким скрипом, а намотанная на него цепь принялась так же неохотно раскручиваться, с отвратительным скрежетом опуская тяжелую решетку.

Проследив за тем, как медленно двинулись вниз ее ржавые зубья, я уже собрался было уйти, но тут услышал со спины испуганный вздох и удивленно посмотрел на старика.

Хм. С чего бы это ему понадобилось так резко бледнеть и выпучивать глаза?

Движимый любопытством, я обернулся и, проследив за остановившимся взглядом Нирга, в немом изумлении воззрился на решетку. Какое-то время просто таращился на зияющую в ней громадную дыру, через которую без помех прошла бы валяющаяся в углу телега. А потом негромко кашлянул и вынужденно признал:

– Кажется, у нас появилась проблема.

Таракан ошарашенно крякнул, по достоинству оценив обрезанные у основания прутья. Растерянно потоптался на моем плече, разглядывая большую прореху в наших планах, и тихонько согласился:

– Да. Это немного осложняет дело.

– Немедленно доложи графу, – велел я застывшему неподалеку слуге. Но никакой реакции от него не дождался и, поняв, что старикан до сих пор находится в шоке, да еще начинает мелко трястись, как в лихорадке, выразительно поморщился.

Ну что такое? Мне только истерики здесь не хватает!

Пришлось невежливо пихнуть дедка локтем в бок и, подойдя вплотную, зычно рявкнуть в самое ухо:

– Смир-р-рно, солдат! А ну, успокоиться! Подтянуться! Р-р-руки по швам! Живо! Теперь – срочно отыскать его сиятельство и передать, что у нас возникли сложности! А магу – велеть поторопиться с порталом! Все ясно, солдат?

– Так точно, господин! – старик непроизвольно вытянулся и уставился в пустоту ничего не видящим, неестественно преданным взором фанатично горящих глаз.

– Тогда чего стоишь?! Исполнять!

Нирг послушно козырнул и, по-военному четко развернувшись, на деревянных ногах двинулся прочь. Молодец. Вот что значит идеальный исполнительный механизм – ни вопросов, ни сомнений, ни возражений. Просто замечательно. Жаль только, что управляющее заклятие, наложенное даже на короткое время, отнимает столько сил.

Я незаметно перевел дух.

– Сколько у нас времени, Нич?

– Не больше двух часов, – тут же отозвался таракан, посмотрев на быстро чернеющее небо. – Остался примерно час до того, как окончательно стемнеет. Еще столько же потребуются на то, чтобы нежить дотопала сюда от кладбища. Мост у нас нерабочий, так что ничто их не задержит. Даже решетка. И у кого только хватило ума пообкусывать эти толстые прутья? Может, стоит попробовать укрепить ворота? Или вход в центральную башню? Гиращ, а вдруг обойдется?

Я криво усмехнулся.

– Полагаю, наш таинственный некромант уже в курсе нашего появления. По дороге сюда я обнаружил следы старой ловушки, рассчитанной на живую добычу. И видел парочку свежих капканов, которые были установлены всего неделю назад. Видимо, господин граф в свой про-

шлый свой приезд слегка обеспокоил нашего таинственного «друга», поэтому он озаботился тем, чтобы гости в его владениях больше не появлялись неожиданно.

– Но мы же не потревожили эти ловушки!

– Нет. Но высший некромант в них практически не нуждается. Да и след от нашего портала не заметил бы только слепой.

– Откуда знаешь? – недоверчиво спросил Нич.

– По опыту, – снова усмехнулся я, снимая сумку с плеча. – Так что будь уверен – очень скоро сюда нагрянут весьма неприятные посетители. А это значит, что нам с тобой пора приниматься за дело.

– Я готов, – тут же сделал стойку таракан, мгновенно превратившись в идеального помощника-фамильяра. Знает, шельмец, что смухлевать не удастся, вот и выслуживается. – Что от меня требуется?

– Пока жди, – рассеянно отозвался я, присаживаясь на корточки и аккуратно перебирая содержимое сумки. – Попробую обойтись малой кровью. Но будь готов к тому, что сегодня мне потребуются забрать все твои силы...

* * *

На целый час я с головой погрузился в работу.

Сперва, используя черный мелок, расчертил двор сложными фигурами предзаклятий. Затем тщательно проверил их правильность и наложил поверх рисованных линий сами заклятия. Аккуратно разграничил несколько особо выделенных зон, чтобы не мешались друг другу. Спрятал внутри каждой по неприятному сюрпризу.

Затем вспомнил о важном и оставил в общем рисунке крохотные зазоры для своих собственных нужд. Сплел поверх всего этого легкое, экономное, но весьма трудоемкое защитное заклинание, чтобы не попасть впросак, если что-то пойдет не так. Потом спрятал его от любопытных взоров. Воровато оглянувшись, рискнул использовать один элемент исконно светлой магии, которому меня научил один старый друг. Сперва засомневался в том, что оно того стоило, но потом решил, что мастер Лиурой все равно до утра не оторвется от арки, и махнул на него рукой. В конце концов, своя шкура дороже.

Попутно, руководствуясь соображениями безопасности (да, я себя очень люблю и не намерен подставляться ради чьих-то непомерных амбиций), на каждой из линий я щедро насыпал последние запасы редких травок. Безумно дорогих, надо сказать, и чрезвычайно сложных в обработке. Но тут уж не до жиру – если я прав насчет некроманта, то экономить здесь неуместно. А если же неправ...

Ну об этом лучше не думать.

Практически до дна выпотрошив все свои потайные кармашки, до наступления ночи я раза по три успел обойти ритуальные фигуры. Напитал их силой, со скорбным вздохом встретив «смерть» еще трех накопительных амулетов. Чуть не удавился от жадности, пока их опустошал, но потом вспомнил о гигантском гонораре и на время смирился с этой трудно восполняемой потерей.

Ладно. Если все пройдет по плану, я себе еще столько же амулетов смогу наделать. Или даже больше. Главное, чтобы граф и его люди ничего не испортили.

Кстати, а где они?

Закончив с последней магической фигурой, я вытер повлажневший лоб и поднял голову, только сейчас подумав, что умчавшийся за хозяином старик что-то долго возится. Но потом заметил замершего возле стены графа, с растерянностью изучающего мои художества, пугливо втягивающего голову в плечи Нирга, за спиной которого маячили оба охранника, и чуть не крикнул с досады.

Вот демон, что-то я увлекся.

К сожалению, есть у меня такая отрицательная черта – когда начинаю работать, напрочь перестаю замечать весь остальной мир. Однажды чуть землетрясение не пропустил, хотя земля под ногами тряслась так, что мой ученичок (чтоб он в жабу после смерти переродился) мог стоять только на карачках. А до меня дошло лишь тогда, когда от немилосердной тряски тяжелый фолиант с заклятиями свалился с постамента и отдал мне свежую мозоль на большом пальце.

Такой вот я временами невнимательный некромант...

– Э-э-э... м-мэтр Гиращ? – неуверенно сказал его сиятельство, когда мы пересеклись взглядами. – Что вы делаете?!

Я строго посмотрел на зависшего у него перед лицом, грозно шипящего таракана, который наконец отрастил себе полноценные крылья, и кашлянул.

– Да, собственно, выполняю свое обещание. Нич, перестань пугать людей – они уже поняли, что за черту заступать не следует.

Его сиятельство машинально опустил глаза и на всякий случай отошел от натянутой в проходе тоненькой красной нитки, на которую я возлагал большие надежды.

– Разумеется, мэтр. Мы ни в коем разе не собирались вам мешать. Но все же объясните, пожалуйста, что это значит?

– Это значит, господин граф, что, пока мастер Лиурой разбирается с древними рунами, я взял на себя смелость обеспечить нам защиту от нежити. Надеюсь, вы ничего не имеете против? Замечательно. Тогда прошу вас не заходить во двор и ни в коем случае не наступить во-о-он на те черточки. И тем более не задеть ту тонкую нитку... да-да, вы совершенно правильно смотрите... потому что это может весьма плачевно отразиться на вашем самочувствии.

Граф зябко передернул плечами и попятился еще дальше.

– Благодарю вас, – кивнул я, а затем очень осторожно двинулся к воротам, аккуратно переступая через обсыпанные травками линии. – Я почти закончил, господа. Осталось нанести лишь пару завершающих штрихов.

– И что это будет? – хмуро спросил Годжа.

– Увидишь. Если повезет, – хмыкнул я, остановившись перед дырявой решеткой. – А теперь не мешайте, господа. Я должен сделать одну пренеприятнейшую вещь. Нич, иди сюда – мне понадобится твоя помощь.

Таракан, оставив людей в покое, послушно метнулся к воротам. Усевшись на подставленную руку, он старательно обнюхал мою кожу. Но убедился, что порочащего человеческого запаха у нее до сих пор нет, и довольно фыркнул.

– Режь, – сухо потребовал я, закатывая рукав повыше. И Нич так же послушно выпустил жвалы, бестрепетно резанув ими по запястью. – Хорошо. Еще раз.

Тонкая с виду кожа, на которой весьма устрашающе смотрелся сложный рисунок из вен, поддавалась крайне неохотно. Острые как бритва жвалы «фамильяра» вонзались в нее с огромным трудом. С еще большим трудом они вспарывали ее обманчиво хрупкую структуру и уж совсем тяжело резали даже мелкие сосуды.

Ничу потребовалась не одна минута, чтобы качественно испортить мне руку несмотря на то, что челюсти я ему сделал такие, что любой упырь от зависти удавится. Но наконец ему все-таки удалось распороть запястье на достаточную глубину, и оттуда медленно, крайне неохотно полилась густая, тягучая, насыщенного черного цвета жидкость.

– Достаточно, – так же сухо велел я, и Нич поспешно облизнул перепачканные в крови жвалы. – Теперь не лезь. Я сам справлюсь.

Таракан без единого возражения перелетел на решетку и уже оттуда принялся внимательно следить за тем, как я аккуратно собираю темную жидкость в специально заготовленную пробирку.

Это было совсем не больно. На самом деле я уже давно позабыл, что такое боль – мое тело слишком хорошо приспособлено для подобной работы. Поэтому процесс сцеживания не потребовал титанических усилий. Я должен был следить лишь за тем, чтобы кровь не пролилась мимо, потому что в случае утечки замку барона грозили серьезные неприятности.

Дождавшись, пока пробирка наполнится на две трети, я наклонился и сжал рану зубами, наполняя ее собственной слюной. Машинально сглотнул несколько капелек неестественно вязкой крови. Непроизвольно поморщился, потому что ее вкус оставлял желать лучшего, но сдержался – не выплюнул обратно. После чего утер губы рукавом, придирчиво оглядел запястье, на котором остался лишь небольшой розовый шрам, и удовлетворенно кивнул.

– Фух. Самое главное сделано. Ну-ка, отойди.

Нич снова перебрался с решетки обратно на мое плечо, старательно обогнув дымящуюся пробирку. А я, убедившись, что никого не задену, осторожно наклонил пробирку и вылил ее содержимое на специально подготовленный камешек, к которому привязал магический рисунок.

От первой же капли заговоренный камень вспыхнул кроваво-красным огнем, осветив каменные стены замка сочным рубиновым маревом. Мгновенно нагрелся, запылал, едва не испортив мне кожу на ладонях. А затем с него на землю протянулся тонкий, едва видимый ручеек, который вылился точно на одну из начертанных мною линий и с готовностью растекся по земле.

Всего через пару ударов сердца рубиновая жидкость растеклась по двору, ненадолго высветив сложнейший рисунок, который я по праву мог назвать настоящим шедевром. На долгую секунду вокруг меня запылал настоящий пожар, принявший причудливую форму неизменно трудоемкого заклятия. Отразившись от каменных стен, его отблески мрачными тенями заиграли на лицах изумленно застывших смертных, а потом так же быстро погасли, погрузив притихший двор в темноту.

Облегченно вздохнув и запихав ставший бесполезным камень в карман, я облегченно вздохнул.

Ну вот. Дело сделано – теперь сюда никто не попадет без моего ведома. А если и попадет, то тут же об этом пожалеет. Потому что поисковое заклятие позволило мне вскрыть несколько полезных секретов старого барона, которые должны были помочь при обороне замка. А мое собственное охранное заклинание удержит этот двор неприступным столько времени, сколько потребуется. И снять его можно будет только после моей смерти.

Правда, на это удовольствие пришлось потратить еще один накопитель, ну да ничего. Будет время, я его снова наполню, тогда как опыт использования заклинаний такого уровня по-настоящему бесценен.

– Что-то ты чересчур щедро расходуешь резервы, – тихо заметил Нич, внимательно осмотрев плоды моих трудов. – Против нежити хватило бы и половины тех усилий, которые ты сюда вложил.

– Мы не знаем, с чем имеем дело, – так же тихо напомнил я.

– Ты же сам сказал, что тут обитает некромант.

– А если я ошибся?

– Чтобы ты, да вдруг смог ошибиться?

Я скептически приподнял брови, и Нич с недовольным видом отвернулся.

– Ладно, как скажешь. Это же твой контракт.

– Вот именно. К тому же не забывай: если наниматель умрет, туго придется нам обоим.

– Ты истратил большую часть своих запасов, – упрямо тряхнул головой таракан. – Оставил на земле следы черного мела, которого теперь днем с огнем не сыщешь. Использовал рунную магию. И в довершение всего рискнул взять заклинание из старого арсенала. Разве оно того стоило, Гиращ? Не боишься, что светлый тебя раскусит?

– Ему сейчас не до меня, – оскалился я. – Если бы я мог, то открыл бы арку самостоятельно, и тогда нам бы не пришлось делать все остальное. Но для портала я еще слишком слаб. Да и не положено некроманту заниматься пространственной магией. Даже рунной, об истинном назначении которой эти юнцы не имеют никакого понятия. Надо же – в академии его этому учили... бездарь! Азы освоил и уже считает себя пупом земли! Вот теперь пусть-ка посидит и поломают над ними голову. И не сует свой длинный нос в то, что его не касается.

Нич только вздохнул.

– Опять рискуешь, Гираш...

– А без риска неинтересно, – отпарировал я.

– Для кого как. Я бы предпочел обойтись без лишних трудностей. Да и ты раньше не был таким безрассудным.

– Раньше я был на редкость скучен, зануден и всегда отвратительно серьезен, – гнусно ухмыльнулся я. – Ты, правда, этого не помнишь, но, можешь мне поверить, когда-то я думал лишь о работе, экспериментах и новых достижениях. К счастью, предательство близких надежно избавляет от иллюзий, слепой веры и наивных заблуждений. А я наконец узнал цену собственной жизни и больше не собираюсь тратить ее на всякие глупости.

– Как знаешь, – совсем беззвучно, как-то по-стариковски, вздохнул таракан и окончательно умолк.

Поняв, что больше ничего от него не добьюсь, я тоже подавил тяжелый вздох и повернулся к графу.

– С этой минуты, ваше сиятельство, я попрошу вас ни под каким предлогом сюда не заходить. Смертным вообще нежелательно находиться там, где творится наша магия.

Граф изумленно замер.

– А как же вы, мэтр?!

– Как всегда, – криво улыбнулся я, пряча во внутренний карман пустую пробирку. – Но не думаю, что вас всерьез это волнует.

Под моим взглядом его сиятельство стушевался и отступил в темноту коридора. Туда же послушно попятились и его слуга, и оба охранника. Упрямый молодчик, правда, кинул в мою сторону предупреждающий взгляд, но я давно вышел из того возраста, когда подобные вещи производили на меня хоть какое-то впечатление. Тогда как этот дурачок, видимо, еще не все понял. И только когда я медленно раздвинул губы в жестокой усмешке, продемонстрировав почерневшие от крови зубы, до него начало наконец доходить. А когда я снял перчатки и с удовольствием размял пальцы, все четверо инстинктивно шарахнулись прочь, с тревогой глядя на мои ногти, длина которых за прошедший час существенно увеличилась.

– Думаю, вам пора, – вкрадчиво заметил я, вдоволь налюбовавшись выражением чужих лиц.

Граф сглотнул, но все-таки мужественно остался на месте.

– Может, вам нужна... э-э-э... какая-нибудь помощь?

Прозвучало это по-детски наивно и почти что смешно. Но я постарался не скалиться совсем уж гнусно и как можно более нейтральным тоном ответил:

– Вы ничем здесь не поможете. Тем более время для нежити как раз настало, и она уже спешит сюда в надежде заполучить ваши нежные души.

– В-время? – тревожно переспросил он.

Я благожелательно кивнул и почти не удивился, когда невдалеке кто-то тоскливо завыл.

От этого звука люди вздрогнули и одновременно побледнели. Телохранители графа машинально схватились за оружие. Старик-слуга принялся истово творить популярные в народе, но совершенно бесполезные против нежити охранные знаки. Сам же граф зябко передернул плечами, кинув беспокойный взгляд на громадную дыру в решетке, за которой клуби-

лась самая настоящая тьма. А я запрокинул голову и, всмотревшись в почерневшие небеса, глубоко вдохнул приятно освеживший после дневной жары воздух.

Как же хорошо...

Никогда не любил день и слишком яркое солнце. Мои глаза гораздо привычнее ко мраку, чем к дневному свету. Моя кожа страдает от пристального внимания дневного светила, а тело, как правило, быстро устает. Зато ночью мне всегда хорошо. Ночь спасает меня от медленно накапливающего раздражения. Она нежна, холодна и умеет дарить покой даже моим старым костям. И только в ее объятиях я чувствую себя абсолютно свободным.

Я еще раз вздохнул, с облегчением чувствуя, как в сгустившейся темноте мое тело непривольно меняет форму, и мягко посоветовал занервничавшим смертным:

– Ступайте.

Вот только они, заслышав, как снаружи снова кто-то торжествующе завыл, словно окаменели. Расслышав в этом звуке смутно различимый детский плач, покрылись громадными мурашками. Их сердца принялись выводить поистине сумасшедший галоп, гулким эхом отдавшийся у меня в ушах. А дыхание стало прерывистым и таким тяжелым, что мне поневоле захотелось его оборвать.

– Уходите! – свистящим шепотом велел я дуракам, буквально кожей почувствовав, как возле наружного края стены кто-то настойчиво скребется. – Вон отсюда! Ну!

Звук был слишком слабым, чтобы его могли уловить перепуганные люди, но для меня уже стал вполне различимым. Более того, вскоре послышался второй такой же скребущий звук. Затем третий, четвертый... что-то они добрались до замка слишком быстро. Нич говорил насчет двух часов, а получается, что гораздо меньше. Они бегом, что ли, бежали? Или где-то возле замка есть свежие могилы?

Эх, как жаль, что граф не дал мне времени все осмотреть. Тогда и не было бы никаких сюрпризов. А то ведь уже ползут сюда, твари. Голодные, склизкие и... мертвые. Да, точно мертвые – вон, какой ароматный шлейф за ними тянется. Такой только у качественных зомби и несвежих умертвий бывает. Выходит, и правда, где-то неподалеку есть незамеченные стариком спонтанные захоронения.

Негромко зарывчав, я втянул в себя прохладный воздух и, почувствовав в нем будоражащую примесь чужого страха, стремительно обернулся. Причем стремительно настолько, что не ушедшие люди не успели даже заметить, когда я оказался прямо у них перед глазами. Всего один прыжок на ставших удивительно гибкими ногах, и все – они на расстоянии вытянутой руки. Хорошо, что вокруг темно и никто не заметил, как сильно изменилось мое лицо. Длинная мантия надежно скрыла все остальное. Так что никто, к счастью, не завизжал и не заорал благим матом.

Впрочем, даже мои неестественно широкие зрачки в обрамлении нечеловечески красной радужки здорово их впечатлили. Потому что граф со сдавленным восклицанием отпрянул, чуть не налетев на замешкавшегося старика. А Годжа и Лирг, оказавшиеся чуть пошустрее, с тихим проклятием выставили перед собой нервно подрагивающие мечи.

Идиоты.

Можно подумать, я не успею порвать их на части, если захочу. Другое дело, что магический контракт весьма неприятно жжет мою кожу, не позволяя забыться. Но все равно – не советовал бы я графу стоять рядом так долго. Вдруг не удержусь?

– Вон пош-ш-шли! – прошипел я в третий раз, стараясь не слышать перепуганного грохота чужих сердец. Непривольно обнажил острые зубы, сверкнул глазами, а затем выразительно приподнял правую руку с жутковатыми когтями, которые теперь больше походили на звериные. – И нечего так тарашиться: с нежитью воюют ее же оружием. Вам следовало поинтересоваться об этом у мастера Лиуроя, прежде чем связываться со мной. Еще раз увижу поблизости – р-разорву! Понятно?!

И вот тогда они наконец вняли голосу разума. Попятились, судорожно хватаясь за оружие. Какое-то время в панике следили, как я придирчиво изучаю красную ниточку возле входа, которая, к счастью, осталась невредимой. Но потом перехватили мой насмешливый взгляд. Сообразили, тугодумы, что я не собираюсь ни на кого нападать, и лишь после этого рискнули повернуться ко мне спиной.

– Спускайтесь вниз, – уже из холла донесся до меня напряженный голос графа. – Годжа, следи за Ниргом – у него сердце слабое. Лирг, присмотри за магом. Когда велит, прикроешь его, и только потом...

Не став дослушивать, я удовлетворенно отвернулся. Складки мантии звучно хлопнули по высоким голенищам сапог. Затем тихо клацнули когти на ногах, прорезавшись наконец через специально сделанные в подошве отверстия. Знакомо забурлил и зашевелился объемистый живот, грозя вот-вот разорваться надвое. Потом сама собой распрямилась спина. Вытянулась шея. Удлинились руки, выросла чешуя на боках. А потом я наконец поднялся во весь свой (теперь немаленький!) рост, слушая негромкое потрескивание встающих на место костей, и с наслаждением потянулся.

И правда – до чего же хорошо быть самим собой!

– Эй! Ты хоть говорить-то еще не научился? – внезапно донеслось до меня насмешливое.

Я с досадой клацнул зубами и грозно посмотрел на пристроившегося на телеге таракана. И когда, спрашивается, успел сбежать, сволочь?

– Съем, – мрачно пообещал я, неохотно останавливая трансформацию.

– Не съешь. Я ядовитый.

– Тогда развоплю!

Нич на секунду задумался, но потом пренебрежительно фыркнул.

– А вот фигу. Без меня ты не сможешь принять прежний вид. И вообще, вдруг тебя сегодня убьют? Что тогда будешь делать?

Тьфу! Но он прав – такой источник энергии еще поискать надо. И ведь прекрасно знает, мерзавец, что нужен мне до отвращения: Нич, хоть и не помнит ни демона, пока не потерял своей силы. А она у него когда-то была ого-го. Я же, напротив, сохранил память, но лишился всего остального.

Увы. Жестокая насмешка природы. Двое калек, которые не могут прожить друг без друга. Не зря я когда-то принял его заманчивое предложение. Не зря мы с ним годами корпели над одним невероятно сложным экспериментом, который в итоге увенчался грандиозным... ну почти что успехом. Если бы не мой горе-ученичок, который испортил его в самый последний момент, все прошло бы как по маслу. А так – он пострадал, я пострадал, придурок Нев вообще давно кормит собой воронье.

Конечно, Нич и это уже забыл, а я не имею права напоминать ему о прошлом. Однако мой старый-новый друг и сам нередко что-то такое ощущает, смутно чует во мне слабинку, вот и демонстрирует характер. Характер же у него еще при жизни был не сахар, а после воскрешения вообще стал невыносимым. Впрочем, такое случается даже с лучшими из нас – смерть ни для кого не проходит бесследно. Хотя когда-то Нич действительно был мне хорошим другом. И теперь я вынужден держать его на расстоянии, молчать, незаметно беречь, и постоянно его стимулировать, чтобы он обошел это дурацкое проклятие и сам все вспомнил.

– Гиращ, у нас гости, – внезапно елейный голоском протянул таракан, выразительно ткнув лапкой в сторону решетки.

Вот сломаю ее, и будет знать, как меня раздражать!

– Рр-р!

– Гира-а-аш!

– Что?! – недовольно рыкнул я, с некоторым трудом оторвав взгляд от его тщедушного тельца.

– Что-что... нежить пожаловала, болван! Иди встречай, пока не убегла! Или тебе уже силы не нужны?!

Чего? Силы?!

Вспомнив о главном, я плюнул на таракана и с надеждой развернулся к входу.

Сила мне всегда нужна. Она слишком быстро расходуется, особенно на перевоплощение. Это тело всем хорошо, кроме, пожалуй, одного – у него слишком быстро меняются мысли и настроение. Если забудусь, потом неделю в себя не приду. Как сейчас помню: было такое однажды... брр. Нич потом меня двое суток отчитывал, пока я очухивался. Потом, правда, схлопотал по корешку, но сам факт...

Так, где там мой поздний ужин?

Подметив за решеткой невнятное шевеление, которому вторил пока еще слабый запах разлагающейся плоти, я облизнулся и кровожадно оскалился.

Глава 8

В обычном зомби нет ничего отталкивающего. Кроме запаха и цены за его упокоение.

Пособие для начинающего некроманта

– Цы-ыпа-цыпа-цыпа-цы-ыпа! – ласково проворковал я, заслышав снаружи шарканье босых ступней. – Идите сюда, мои славные. Идите ко мне, мои хорошие... цыпа-цыпа... во-о-от молодцы! Ну-ка, быстрее, все сюда, скорее ко мне!

Звуки шагов стали отчетливее, и я в предвкушении едва не пустил слюни.

– Да, мои хорошие, – слабенькое заклятие подчинения, почувствовав присутствие объекта, моментально активизировалось и бесшумно накрыло собой первого зомби. – Еще... вот так, мои милые! Идите скорее к папочке! Я вас вкусеньким угощу!

Из темноты наконец проступил первый изломанный силуэт, смутно напоминающий скрюченную человеческую фигуру. Одновременно с ее появлением запах мертвечины стал гораздо отчетливее. А затем до меня донеслось тихое бульканье, периодически сменяющееся шипением и невнятными хрипами, как если бы гостю кто-то в свое время неудачно перерезал глотку.

Какое-то время подоспевший мертвяк угрожающе порыкивал, тщетно пытаясь избавиться от моих чар, но очень быстро сдался и, уцепившись руками за прутья решетки, вдруг мощным рывком протиснул свое тело в дыру. Вернее, не протиснул, а протиснула – когда-то это была женщина, на что недвусмысленно указывали вполне узнаваемые округлости и длинные космы неопрятных волос, ключьями свисающие с частично облысевшего черепа.

Еще у нее когда-то были весьма стройные ножки, от которых ничего, кроме костей, не осталось. Белые зубки, что и сейчас были прекрасно видны сквозь огромные дыры в щеках. Неплохая фигурка, здорово подпорченная процессом разложения. Сверху на гостье было надето симпатичное платьице в розовый цветочек, правда сейчас изрядно рваное и щедро перепачканное в земле. А еще у нее сохранилась изящная брошка на левом плече, которое грозило вот-вот отвалиться, как испорченная деталь у деревянной куклы.

При виде меня мертвячка остановилась, занеся ногу над прутьями, и неподвижным взором уставилась на мое лицо.

– Здрас-сти, милая леди! – непроизвольно оскалился я, будучи не в силах предусмотреть внезапные перепады настроения своей боевой трансформы. Отвык от нее, если честно. Давно не использовал. Поэтому не сразу понял, в какой момент присущая всякому некроманту сосредоточенность вдруг сменилась неоправданным весельем и неодолимым желанием поглотиться. – Заходи, красавица! Не стесняйся!

«Красавица» повела по сторонам налитыми кровью глазами. Оскалилась в ответ, продемонстрировав подростские за время новой жизни зубки во всей красе. Негромко зашипела, угрожающе оттопырив нижнюю губу. И в довершение всего пустила на грудь тонкую струйку липкой слюны.

– Х-хы-ы...

– А ты ничего, симпатичная, – с нескрываемым удовольствием протянул я, всмотревшись в остатки ее полустлевшей ауры. Потом стремительно скользнул к входу и, прежде чем Нич успел вмешаться, галантно подал «даме» когтистую лапу. – Прошу вас, леди, проходите, устраивайтесь и вообще почувствуйте себя как дома.

Она озадаченно булькнула, сдвиг еще одну порцию ядовитой слюны. Но человеческие привычки так просто не уничтожишь – недолго поразмыслив, благоухающая мощным арома-

том разложения «леди» все-таки кокетливо подала подгрызенную у локтя руку и почти грациозно перешагнула через прутья решетки.

Я благородно не заметил отвалившегося с ее ноги опарыша, с вызывающим звуком шлепнувшегося на землю. Не поморщился от могучего запаха гнили. Даже сверкнул ослепительной клыкастой улыбкой, при виде которой мертвячка заворуженно замерла. А затем снял крохотную ниточку подчиняющего заклатья (оно ей больше не нужно, мне нужно лишь, чтобы гости заходили сюда поодиночке) и отступил назад, обнаружив, что следом за первой «дамой» на мой голос уже спешит вторая.

– Доброй ночи и вам, милая леди, – снова доброжелательно улыбнулся я, потихоньку меняя вектор заклатья. – Приветствую вас в своей скромной обители. Рад встрече. Безмерно рад...

При виде второй гостьи, торопливо протискивающейся между прутьями решетки, я дурашливо поклонился и бестрепетно встретил ее горящий адскими огнями взгляд.

Признаться, не ожидал, что, кроме простых зомби, тут найдутся полноценные умертвия, но эта леди была не в пример шустрее и подвижнее своей товарки. Более того, она едва не почуяла мое заклатье! Еле успел отвести его в сторону, чтобы не всполошить никого раньше времени. При этом умертвие так долго медлило и так настороженно принималось, что я, несмотря на изрядно потасканный вид «дамы», всерьез заподозрил ее в наличии мозгов.

– Что-то не так? – вежливо поинтересовался я, когда она наконец решилась и осторожно подошла ближе. – Вы голодны, моя дорогая? Поверьте, это не беда – у меня для вас есть славная закуска. Совсем свежая, сладкая... только-только сготовилась. Прошу, проходите, располагайтесь.

«Дама» недовольно фыркнула, не найдя у меня человеческого запаха, но все равно продолжала сверлить пристальным взглядом.

Вот же настырная!

А потом эта мерзавка рывком подалась вперед, словно все еще сомневаясь и надеясь слышать биение моего сердца. Угрожающе заворчала, затряслась, сморщилась вся, как сушеная вобла. Ручки свои загребущие протянула, явно думая, что я не замечу. А отстранилась только тогда, когда я демонстративно стряхнул с рукава ее опалесцирующую слюну, спокойно проследил, как шипит и плавится под крохотными желтыми капельками камень. После чего позволил своим зубам вырасти еще на полпальца и красноречиво оскалился.

– Потанцуем, милая?

– Ы-ых! – запоздало отшатнулось умертвие, разглядев меня во всеоружии. – Хыха... хухых!

– Сама такая страшная, – обиженно буркнул я, пряча клыки. – И вообще, я себе подобными не питаюсь. По крайней мере, когда сытый.

– Ххура, – нервно икнула «дама», поспешив отойти в сторону.

Я проводил ее внимательным взглядом. Убедился, что она благополучно запуталась в моем узоре и принялась растерянно бродить вдоль нарисованного лабиринта, не смея переступить черты. Затем настороженно покосился на первую мертвячку, занятую тем же, и успокоенно отвернулся.

Все. Часа на полтора это их займет – выход из нарисованного на плитах лабиринта они будут искать до-о-олго. Успею и остальных встретить, и сил набраться, и даже перекусить, если приспичит. Главное – не упустить время и не поскользнуться на чужих соплях в самый ответственный момент. А то обидно будет, честное слово.

– Х-ха... – спустя пару секунд снова раздалось кровожадное от входа. – Мы-ых... ищ-шэма...

Я искренне удивился.

– Ого. Кто там такой говорливый пожаловал?

– Ыа... булэ... хотэть... жра-а-а-ачка...

– Ишь, какой честный. Жрачку он ищет... ну захады, дарагой! Гостем будэшь!

– Жара-атчка? – недоверчиво переспросил невидимый гость, активно копошась возле самой решетки. Причем совсем низко, где-то у самого пола, словно добирался не на двух, а на четырех конечностях. А то, может, и без них вовсе.

– Жрачка, жрачка, – согласился я, на всякий случай посторонившись. Мало ли кого принесла нелегкая? – Ты, главное, быстрее ползи, а то подруги твои сами все сожрут. Вон какие глаза голодные.

За моей спиной, как нарочно, раздалось громкое урчание. Это мертвячки наконец встретились посреди лабиринта и теперь активно выясняли, кто из них красивее.

Уставившись друг на дружку одинаково мутными глазами, они недовольно скалили зубы и шипели, словно две голодные кошки на помойке. Периодически выпускали когти. Рычали. Дергались, словно пытаясь напасть. Ненадолго отступали на шаг, затем опять принимались буравить друг друга ненавидящими взглядами и злобно урчать, будто во всем дворе больше места свободного не осталось.

Неожиданно мой живот тоже издал солидарный бульк. Да такой громкий, что его услышал не только я.

– Нэ дам, – заметно разволновался зомби, торопливо втекая во двор полуразложившейся лужицей. В которой только чудом уцелели раскисшее туловище, обрубки рук с жалким подобием пальцев и острые когти на тонких деревянистых отростках, которые когда-то заменяли ему ступни. Вместо лица – кусок болотной слизи с глубокими провалами на месте носа и глаз, на месте рта – кривая щель, усыпанная острейшими зубами. Ушей нет. Шея неестественно длинная. Тело вытянуто, как у пиявки, и передвигается почти таким же манером – складываясь и перетаскивая себя с места на место, оставляя на земле толстый слой слизи.

Я громко присвистнул.

– Надо же, до чего крепко старое поколение! Дедуля, с твоими талантами сюда можно было только под утро приползти, а ты вон как – уже туточки. Нарисовался, когда не ждали. Под стеной, что ли, караулил?

– Гхы-ы, – осклабился зомби, довольно булькнув и упрямо потянувшись к входу в центральную башню, откуда несло живыми. – Гхы-ы... моэ... тама...

Я озадаченно поскреб острым когтем макушку и отступил в сторону, вежливо пропуская мертвяка.

А что? Старость уважать надо. Этому ветерану никак не меньше года, что для зомби равносильно глубокой древности. Прямо долгожитель какой-то. Пожалуй, утром надо будет проверить ров. Может, там еще кто-то додумался схорониться?

– Пасыб, – напоследок булькнул зомби, потянувшись следом за «дамами» в лабиринт.

– Не за что, – машинально ответил я и, проводив его глазами, вернулся к решетке, откуда слышался новый шум.

* * *

Всего за полчаса в мое распоряжение поступил целый отряд мертвяков различной степени свежести.

Кривые, хромые, одноногие и одноглазые. Некоторые без рук, зубов и даже носов. Штук тридцать навскидку. И все, как на подбор, пахучие, несвежие, липкие... я уже даже перестал вытирать ладонь после крепких рукопожатий – все равно перемажусь. Обоняние тоже приглушил, чтобы не кривиться от убойного аромата. Обслюнявленную одежду, конечно, жалко, но куда деваться – рабочая мантия все равно чище не станет. А вот обувь, к счастью, не пострадала – я ее специально делал слизе- и грязеустойчивой. Потому что нашить на внутреннюю

часть мантии кармашков несложно, а вот стачать качественные сапоги и снабдить их особыми выемками под когти – это действительно серьезная проблема.

Я с удовольствием расправил пальцы ног и кивнул.

Пожалуй, надо будет заказать еще несколько пар у знакомого сапожника. Он, правда, лет двадцать уже, как обитал на одном деревенском кладбище, но навыки и после смерти не растерял. Надо будет в очередной раз его пробудить и пообещать, что нынешний заказ станет действительно последним. После чего он может с чистой совестью передать семейное дело старшему сыну, тот вроде помирать собрался на днях, а сам будет спать спокойно. До тех пор, конечно, пока его не разбудит еще какой-нибудь некромант.

Встряхнувшись, я всмотрелся в темноту за решеткой, но, убедившись, что других гостей пока не предвидится, обернулся к своим новым «птенцам». Которые в этот самый момент активно хромали по внутреннему двору, старательно огибая начертанные мною линии, злобно рычали друг на друга, пачкали слюнями пол и время от времени огрызались на таких же голодных соседей, торопясь первыми добраться до входа в центральную башню, откуда ощутимо несло человечинкой.

Да-а... незабываемое зрелище. Даже жаль, что никто, кроме меня, не способен его оценить.

Вздохнув и на всякий случай оставив у решетки крохотное заклятие-маячок, я решительно двинулся к бродящим по двору мертвякам. Нагнав ближайшего, дружески хлопнул его по плечу и жизнерадостно рявкнул в самое ухо:

– Здорово, мужик! Как жизнь?

Зомби вздрогнул и от неожиданности едва не развалился на части. После чего медленно обернулся, оскалится было в ответ, одновременно протягивая ко мне когтистые лапы, но разглядел мою широкую улыбку и отчего-то передумал возмущаться. Затем прохрипел что-то неразборчивое, неприязненно дернул плечом и попытался уйти, но я ласково придержал излишне торопливую жертву и еще жизнерадостнее заявил:

– Слышь, мужик, а у тебя дыра в спине!

В качестве доказательства я вытянул руку и, просунув ее в приличных размеров дырку в туловище зомби, радостно помахал пятерней у самого его носа.

– Я теперь могу с во-он той дамой поздороваться, не сходя с места! Правда она милая?

Мужик, хоть и был мертвым, машинально повернулся, пробежавшись оценивающим взглядом по полураздетой бабе, нерешительно топтавшейся возле входа в башню, и задумчиво булькнул. Видимо, впечатлился ее серыми ягодицами, отчетливо проглядывающими сквозь дыры в замшелом платье. В то время как я проворно убрал руку и быстрее молнии прикоснулся правой ладонью к основанию его шеи.

В тот же миг из-под моего рукава тонкой иглой выстрелило острие ритуального кинжала и, клюнув зомби точно в ямку между шестым и седьмым позвонками, так же молниеносно спряталось обратно.

Мужик тихо охнул и ошеломленно замер, когда чужое управляющее заклятие перестало довлеть над его останками. Как-то обмяк весь, задрожал от неожиданности и едва не рассыпался. Хорошо, я вовремя придержал. Правда, опять перемазался в чужих соплях, но тут уж пришлось выбирать, что важнее. Сил-то у меня осталось не так много, а до утра еще далеко.

Несколько мгновений мой будущий «птенец» неуверенно покачивался на широко расставленных, внезапно ослабевших ногах. Потом захрипел, словно ему было больно. Резко пошатнулся и наконец медленно опустился на камни, ошалело тряс головой и содрогаясь весь, как в лихорадке.

Впрочем, это быстро прошло: я никогда не отличался жестокостью по отношению к своим творениям. А этот бедняга и так за свою жизнь намучился. Поэтому я сделал все, чтобы переход в новое состояние произошел для него как можно быстрее и легче.

– Вот как красота-то женская способна мужиков подкосить, – громко удивился я, помогая зомби аккуратно сесть и попутно сплетая над ним свое собственное заклятие. – Всего один взгляд, и ноги уже не держат. Ты отдохни пока, приятель. Виданое ли дело – от своего отступить? Вот сейчас наберешься сил, накопишь храбрости и – в бой. Все бабы твоими будут.

– Ы-ы? – вяло мотнул головой мужик, с трудом сфокусировав на мне мутный взгляд.

– Точно-точно, – заверил я и, завершив свое грязное дело, с облегчением отодвинулся. – Ты пока тут посиди, ладно? А я попробую ее уговорить.

Зомби растерянно моргнул, но послушно остался на месте. Тогда как я довольно хмыкнул и, отряхнув руки, двинулся к следующему кандидату – здоровенному верзиле, неуверенно топчущемуся между первой и второй линиями лабиринта и еще не решившему, в какой круг ему следует зайти.

По сравнению с остальными, он выглядел заметно свежее и был гораздо чище. Его одежда даже не успела истлеть, а кожа только в некоторых местах потрескалась. Лицо у него было намного более подвижным, чем у остальных. Да и шевелился он не в пример бодрее, чем моя первая жертва. Видимо, был из последней партии – новички всегда чувствуют себя не в своей тарелке в первые месяцы после обращения. Особенно среди уже набравшихся опыта сородичей. Такие «птенцы» в руках умелого кукловода – весьма опасное оружие.

Осталось только заполучить его в свои руки.

На звук моих шагов зомби неторопливо обернулся и при виде перепачканного слизью балахона озадаченно хрюкнул.

– Ну-с, больной, как себя чувствуете? – с ходу огорошил я его коварным вопросом. – Голова не болит? Кости не ломит? Руки-ноги не отваливаются? А то, знаете ли, нынче в этих краях гуляет страшная зараза – «зомбячий грипп» называется. Под такой попадешь – потом ошметки по всем углам собирать придется. Хочешь заболеть?

Верзила удивленно хекнул, но, растерявшись от моего уверенного вида, все-таки перевел взгляд на свои ручищи, которые держались на положенном месте еще весьма и весьма крепко. Пару мгновений он с недоумением их изучал, но не нашел никаких признаков «заразы», после чего вперил в меня недовольный взгляд и глухо заворчал.

– Ху... мэнэ... вираки... – прохрипел он, выразительным жестом сжав громадные кулаки и угрожающе качнувшись в мою сторону. – Тэбэя... бу... за топэ...

Подойдя почти вплотную, я негромко фыркнул.

– Шас как дам по тыкве – сразу человеческую речь вспомнишь. И вообще, ты хоть знаешь, на кого похож? Видишь пятна у себя на затылке? Вон те, синие с приятной зеленцой? Как, не видишь?! Это ж первые признаки «зомбячьего гриппа»! И ладно, если сам рассыплешься, как сортир во время урагана, но ведь других же заразишь! Это ж будет целая эпидемия!

– Э-э-э... – заволновался громила и торопливо завертелся на месте в попытках себя оглядеть. – Идэ? Не муа нэта... идэ?! Нэ хо-о-очу!

– Не хочешь, значит? – недобро улыбнулся я.

– Нэ! Нэ! Нэ!

– Тогда стой на месте и не вертись. Сейчас я попробую их снять.

Впечатлительный до смешного зомби замер на месте как вкопанный и вдруг с такой мольбой на меня посмотрел, что я прямо умилился. Какая прелесть, обожаю работать с этими созданиями. Настолько честные, искренние, наивные, что просто диву даешься. Иным живым у них еще учиться и учиться. Вот за это я и люблю свою работу. Всем бы такую... хм.

Дождавшись, пока напуганный зомби повернется спиной, я скептически уставился на его затылок, до которого можно было дотянуться лишь в прыжке, и сварливо потребовал:

– Сядь! Ты ж здоровенный, как сарай!

Зомби озадаченно повернул голову, с сомнением повел могучими плечами, словно пытается понять, что я от него хочу. А когда я требовательно шлепнул его ладонью по плечу, наконец додумался. И послушно брякнулся на задницу, торопливо подставляя мне уязвимую шею.

– Вот так бы сразу, – лучезарно улыбнулся я, с нежностью погладив коротко стриженный ежик волос на его затылке. После чего прикоснулся к шее открытой ладонью и на редкость легко избавился еще от одного противника. – Хороший мальчик. Теперь сиди спокойно: лечение – процесс трудоемкий и зачастую довольно неприятный. Но скоро станет полегче. Обещаю. Ты только потерпи, хорошо?

– Эм... – жалобно всхлипнул верзила, внезапно согнувшись в три погибели. – Боль... но! Я только вздохнул.

– Говорят, если больно, значит, ты еще жив. К тебе это, правда, не относится, но все к лучшему, друг мой. Потерпи еще чуть-чуть. Осталось совсем недолго.

Зомби покорно замолк.

Какое-то время я стоял у него за спиной, со смешанным чувством созерцая это абсолютно беззащитное создание, но потом тряхнул головой и резко отвернулся.

– Так, господа и дамы. Прошу минуточку внимания! – на мой голос немедленно повернулось двадцать восемь голов. – На вверенной мне территории внезапно обнаружились признаки опасного заболевания. Уже найден один зараженный и, возможно, он успел «наградить» кого-то из вас этой опасной болячкой. Тем не менее шансы уцелеть есть: к счастью для вас, я – опытный лекарь, поэтому просьба не паниковать и не делать резких телодвижений.

Я оглядел мнущихся мертвяков и, убедившись, что меня внимательно слушают, снова набрал воздуха в грудь.

– Прошу всех соблюдать тишину и выстроиться в очередь. Каждого я осмотрю и непременно избавлю от угрозы. Можете мне поверить, она вполне реальна. Если кто-то сомневается, может посмотреть на своих соседей и убедиться, что первые признаки на лицо.

Зомби растерянно переглянулись и негромко заворчали, с подозрением взглянув друг на друга. Еще бы. С такими распространенными трупными пятнами не живут. И не ходят к тому же. А нежить, как ни странно, почему-то считает себя вполне самостоятельной. И поскольку, как я уже говорил, человеческое изживается из них с огромным трудом, то неудивительно, что, взглянув на чужие лица, щедро облагодетельствованные признаками разложения, они заметно забеспокоились. А когда обнаружили (забавно, что только сейчас, да?), что у многих не хватает конечностей, а кое-кто вообще способен лишь ползти неприятно булькающей лужей, то окончательно встревожились. После чего неуверенно пошатнулись и снова дружно посмотрели на меня.

Странные они все-таки существа. Полностью послушные хозяину, туповатые, медлительные. При этом наивные, как дети. Каких-то вещей в упор не замечают, пока не скажешь. А когда скажешь, то сразу пугаются... сколько лет их изучаю, но все равно диву даюсь тому, как извращаются их реакции после смерти. Причем все это происходит индивидуально, потому что, как выяснилось, исходный материал и его особенности имеют прямое влияние на то, каким будет результат трансформации. А тут... какой может быть результат у крестьян, привыкших повиноваться тому, у кого громче голос?

– Не толкаться... не толкаться, кому сказал! – прикрикнул я, когда зомби со всех ног ринулись в мою сторону, теряя по пути оставшиеся конечности. – Тише! Осторожнее друг с другом, господа! Вы ж не бессмертные! И женщин обязательно пропускаем вперед!

Не помогло: они так и рвались вперед, пихая друг друга в бока и не замечая, как в пылу борьбы буквально рассыпаются на части.

Я поморщился.

– Ти-ихо-о! – рявкнул уже во весь голос, добавив туда рыкающих ноток. И это сработало – мертвяки замерли на середине шага, не сводя с меня вытаращенных глаз. – В очередь становись!

Они поспешно выстроились в колонну и снова преданно на меня уставились, словно ожидая похвалы.

– Молодцы! – облегченно вздохнул я. – Теперь подходим по одному, становимся вот сюда и поворачиваемся спиной! После лечения аккуратно садимся в сторонку и не мешаем соседям. Первый пошел!

Ну вот. Наконец-то угомонились.

Я удовлетворенно оглядел первого желающего испытать на себе мой «целительный» дар и, как только он подставил шею, звучно хлопнул ладонью по липкому загривку. Острие ритуального кинжала с едва слышным хрустом взрезало липкую, но на удивление прочную кожу. С легкостью рассекло связки и, дотянувшись до важного нервного узла, молниеносно отдернулось.

Отлично. Всегда бы так получалось, и у меня вообще не возникло бы никаких проблем.

– Следующий! – зычно гаркнул я, помогая первому мертвяку опуститься на пол, и привычным движением поднял правую руку.

Спустя четверть часа все было кончено: я разорвал все связи «птенцов» с их прежним хозяином. Освободил бедолаг от магических поводков. Попутно наложил на них собственное управляющее заклятие. Одним махом избавился от потенциальных противников и взамен обрел преданных слуг. Заодно сэкономил на этом уйму энергии и вообще чувствовал себя превосходно.

Из тридцати несвежих зомби, большая часть из которых сейчас приходила в себя на земле, на ногах осталась всего одна красотка. То самое подозрительно шустрое умертвие, которое я специально оставил на закуску.

– Ну что, милая? – приторно улыбнулся я, смело подходя к оставшейся в одиночестве, нервно переминающейся девице. – Будешь сопротивляться?

«Красотка» в ответ обнажила кривые зубы и неуверенно зашипела.

– Ну зачем же так? Я ведь к тебе со всей душой...

При виде моих клыков она моментально подобралась и на пробу плюнула ядовитой слюной, снова попав прямо на мою многострадальную мантию. Говорю же – умная девочка. И явно что-то подозревает. Потому что, хоть я и вымок в этой самой слизи чуть ли не по самую макушку, ее все равно что-то тревожит. Не хочет поворачиваться. Боится меня, как бы странно это ни звучало по отношению к нежити. Избегала прямого контакта, по-прежнему сомневалась и упорно пятилась к выходу, не сводя с меня огромных, лишенных век, недобро поблескивающих глаз.

Та-ак, а вот это уже нескладно. Выпускать ее отсюда нельзя. Если удерет наружу, может привести за собой других гостей – гораздо более опасных и намного менее сговорчивых, чем эти невинные дети. Если же рванет к башне, то испоганит мне весь план. А то, глядишь, еще нитку заговоренную порвет. Графа с его людьми почует, бузить начнет. И что я потом буду делать?

– Не бойся, милая, – проворковал я, осторожно подкрадываясь к яростно шелкающей зубами «девушке». – Я не желаю тебе ничего плохого. И вообще, просто хотел сообщить, что вон тот мужик на себя запал! Веришь, нет? Ну так посмотри назад и узри несчастного влюбленного!

Моя первая жертва тихо икнула и, увидев ослепительную улыбку «красавицы», ненадолго остановившей на нем свой горящий взгляд, испуганно отползла подальше.

– Смотри, как он трепещет от одного твоего вида, – проникновенно продолжил я, когда дурная девка оскалилась и утробно заворчала. – Прямо зуб на зуб не попадает! Только он

боялся подойти раньше. Да и сейчас, как видишь, все еще боится. Меня попросил помочь, вот я и помогаю как могу.

Мужик вздрогнул, уставившись на меня шальными глазами. А потом снова перевел взгляд на умертвие, с которого от резких движений кожа на руках и ногах начала лопаться, и инстинктивно отполз под защиту приходящего в себя зомби-верзилы.

Я снова разулыбался и поспешил добавить:

– Да ты сама взгляни: мужик – хоть куда. Совсем еще свеженький, рукастый, не смотри на то, что одной кисти нет – отрастит еще. Ну хромает – тоже не порок. Кожа на горле провисла? Так это даже оригинально! И вообще, настоящему мужчине такие мелочи не страшны!

Ох. Что я несу?

Хотя, кажется, помогает?

– Он уже давно с тебя глаз не сводит, – продолжал увещевать я упрямую дуру, которая наконец начала пятиться медленнее и щелкала зубами уже не так агрессивно. – Которую ночь мучается от неразделенного чувства. Еще когда живым был – уже мечтал об этой встрече, а как помер, так вообще с ума сошел от безысходности. Вон даже правый глаз чуть не потерял, пока на тебя тарасился. Это ли не признак великой любви?

Умертвие ненадолго задумалось и замедлилось еще на чуть-чуть.

– Это судьба! – воодушевился я, не заметив, что мужик с надеждой косится в сторону зияющей дыры в решетке, явно намечая пути к отступлению. – А от судьбы еще никто не убежал! Поверь моему опыту – вы просто созданы друг для друга!

Девка наконец остановилась и взглянула на «жертву» с благосклонностью. «Жертва» от такого внимания совсем сникла и опять попыталась спрятаться за широкую спину соседа, но меня это не остановило. Уверенно приблизившись к «даме», я решительно предложил ей руку и твердо сказал:

– Прошу вас, леди. Дайте этому красавцу-богатырю шанс доказать, что он вас достоин.

Мужик окончательно спал с лица. Однако «дама», поколебавшись для виду, все-таки прониклась. После чего кокетливо убрала с лица спутанную прядь грязных волос и на пробу улыбнулась.

На моем лице не дрогнул ни один мускул, когда от непривычного движения часть ее щеки все-таки не удержалась на подгнивших тканях и отвалилась безобразным лоскутом, обнажив верхнюю челюсть. Заодно, выставив на всеобщее обозрение остатки предыдущей трапезы «красотки» и копошащихся там могильных червей. Но когда умертвие издало странный воркующий звук и попыталось подразнить своего избранника, облизав губы таким же почерневшим языком, остаться невозмутимым мне удалось лишь с большим трудом.

Мужик же, оказавшись под прицелом хищно горящих глаз умертвия, безвольным киселем сполз на землю и, кажется, потерял сознание. Не уверен, правда, что зомби способны падать в обморок, но ему явно стало нехорошо. А потом с таким обреченным выражением на лице застонал, что в моей душе появилось что-то смутно похожее на сочувствие.

Самое главное, с помощью этого бедняги мне худо-бедно удалось заинтересовать умертвие и отвлечь его от всего остального. Переключить внимание с моей необычной персоны на более интересный предмет интерьера. А это уже половина победы. Ни в чем не повинного зомби я, конечно, на растерзание не отдам, потому как мужская солидарность для меня совсем не пустой звук. И вообще, я не настолько плох, чтобы так гнусно подставлять людей, пусть даже бывших.

А вот то, что внутри прохода, ведущего в центральную башню, снова наметилось шевеление, было очень нехорошо. Причем звук, хоть и тихий, оказался вполне отчетливым. И до отвращения походил на то, как будто у кого-то там случились рвотные позывы.

Терзаемый смутными сомнениями, я настороженно принюхался, не рискнув отвести от «красотки» взгляда, однако идущий от нее смрад перебивал любые запахи. От него даже мои

глаза скоро начнут слезиться. Дышать я просто не рисковал, чтобы не выдать себя. Но проблема в том, что кто-то, кажется, не послушал моего совета. И теперь мучительно давился в темноте, тщетно стараясь сдержать просящийся наружу вчерашний обед.

Проклятье! Только этого не хватало!

У меня из горла непроизвольно вырвалось звериное рычание.

Ну почему люди бывают настолько тупыми?! Ведь сказано было человеческим языком – уходить, пока целы! Так нет же, пришла кому-то в голову мудр-рая мысль проверить, чем я тут занимаюсь! Идиоты! Хорошо, я капюшон не снял, иначе было бы у меня новое развлечение. Избавься от нанимателя, называется.

ТЬФУ!

Что самое плохое, подозрительный звук услышал не только я: старательно приручаемое мертвые тоже уловило слабый шорох и, мгновенно забыв про мужика, развернулось к башне. Глаза твари засветились алчными огнями. Изуродованные разложением ноздри шумно раздулись. Длинный язык выстрелил вперед, как у настоящей змеюки. А затем моя «красавица» бешено взревела и с такой скоростью ринулась в темноту, что я едва ее не упустил.

Собственно, умертвия тем и отличаются от простых зомби, что умеют при необходимости двигаться поразительно быстро. Внешний вид у них до отвращения схож, повадки и привычки – тоже. Они прекрасно маскируются под обычную нежить, поэтому с первого взгляда распознать их довольно сложно, но при этом твари слышат, видят и понимают на порядок больше. К тому же отличаются наличием каких-никаких, но все-таки мозгов.

Не зря мне эта девочка с самого начала не понравилась.

Хорошо, что я сорвался с места одновременно с ней. Хорошо, что успел выхватить ритуальный кинжал буквально за секунду до того, как тварь с воем перепрыгнула через все мои линии и с ходу налетела на заговоренную нить. Хорошо, что сама нить оказалась довольно крепкой и удержала эту сволочь на долю мгновения. А уж потом мой клинок довершил дело – вонзился в основание полусгнившей шеи и с хрустом пробил ее насквозь. Одновременно обездвиживая яростно дернувшуюся тварь, разрывая ее связь с хозяином и заодно вытягивая из нее жизненные силы. Все без остатка.

Всего за долю секунды истошно воющая нежить потеряла все свои способности и превратилась в одну большую лужу жидкого, мерзко воняющего дерьма, брызги которого разлетелись во все стороны. При этом немалая их часть безнадежно испортила мне нижний край мантии, здорово загадила ближайшую стену и заодно с ног до головы окатила трех идиотов, рискнувших подобраться к выходу из башни слишком близко!

Замерев на месте, я беззвучно выдохнул, старательно прислушиваясь к наступившей тишине. Повертел головой, желая удостовериться, что мои подопечные не сделали ни единого шага в эту сторону. А затем всмотрелся в густую темноту коридора, в котором кого-то уже явственно выворачивало наизнанку, и язвительно осведомился:

– Ну что, господин граф? Надеюсь, вы удовлетворили свое любопытство? Или, может, ваши люди хотят поближе познакомиться с особенностями моей работы?

Ответом мне стала гробовая тишина.

И вот тогда я гнусно ухмыльнулся.

– Что ж, так тому и быть. Выходите. И упаси вас небо сделать еще что-нибудь не так.

Глава 9

Говорят, некроманты не умеют шутить. Неправда. Просто не все могут понять наши шутки.

Мэтр Гирази

После утомительно долгих мгновений звенящей тишины до моего слуха наконец донеслось неловкое покашливание. Затем из темноты проступил расплывчатый человеческий силуэт, и лишь после этого я разглядел лицо нарушителя спокойствия – бледно-зеленое, в подозрительных красных пятнах, с диковато блестящими глазами и кривой, абсолютно неестественной улыбкой, в которой угадывалось немалое раздражение.

– Прошу прощения. Не хотелось портить вам эксперимент, коллега, – хрипло сказал мастер Лиурой, остановившись на расстоянии трех шагов от заградительной нити, – но дело в том, что одна из ключевых рун в арке мне незнакома, а без нее не получается активировать телепорт. Вы не могли бы помочь ее расшифровать?

Ну надо же, какие люди к нам пожаловали... Интересно, и давно он тут торчит? И если да, то сколько успел увидеть? А сколько из этого сумел правильно понять?

Я хмыкнул и спрятал когтистые лапы в рукава.

– А разве в АВМ уже не проходят весь рунный алфавит, коллега?

– К сожалению, нет. – Мастер довольно уверенно выдержал мой насмешливый взгляд и неохотно добавил: – Некоторое время назад руководство академии решило, что в этом нет необходимости. А кое-кто даже посчитал, что рунный алфавит безнадежно устарел, поэтому его изучение не является необходимой для адептов дисциплиной.

– Ну и флаг им в руки, – я равнодушно отвернулся. – Хотя подозреваю, что от рунной магии они отказались лишь потому, что в АВМ не осталось толковых преподавателей.

Маг скривился, но все же смолчал. И правильно: испокон веков рунный алфавит преподавали именно некроманты. По той простой причине, что в нашей работе он является одним из самых востребованных инструментов. Но поскольку некромантов в Сазуле почти не осталось... Вывод, как говорится, очевиден. Хотя отказываться от древних знаний лишь из-за того, что их стало трудно добыть, по-моему, это верх глупости.

Я равнодушно пожал плечами, совершенно не собираясь забивать голову чужими проблемами.

– Зачем вы притащили сюда старика? Граф же сказал, что у него больное сердце. И слишком нежный желудок, о чем его сиятельство, видимо, уже позабыл.

– Нирг просто не захотел оставлять меня одного, – тут же раздался из темноты хриплый голос графа, и за спиной светлого нарисовалась могучая фигура, за которой смутно угадывалась еще одна неясная тень.

Я скептически поджал губы.

– Тогда надо было взять с собой охрану. По крайней мере, это намного разумнее, чем заставлять их караулить арку, которая никуда не сбежит. Позволю себе напомнить, господа, что находиться рядом с нежитью для вас весьма небезопасно.

– Только для нас? – решительно выступил из коридора граф. Такой же зеленый, как мастер Лиурой, но очень старающийся подавить подкатывающую к горлу тошноту.

Я снова хмыкнул и кивнул в сторону сидящих возле дальней стены зомби.

– А что, не видно?

– Вы подчинили их?

– Конечно. Зачем мне за спиной три десятка чужих мертвецов?

– Но разве не проще было их сразу упокоить? – все так же решительно осведомился граф.

На моих «птенцов» он упорно не смотрел и тщательно обходил вниманием изгвазданную останками умертвия стену, от которой шел характерный душок. Причем такой мощный, что спокойно стоять рядом, ведя неторопливую беседу, мог только лишенный обоняния, слепой от рождения глупец с напрочь отсутствующим воображением. Или крайне болезненно относящийся к соблюдению правил этикета аристократ, что порой является одним и тем же.

Я аккуратно, не разжимая губ, улыбнулся.

– Для кого как, ваше сиятельство. Я привык использовать все ресурсы, какие только есть под рукой.

– Значит, вы хотите их использовать?

– Разумеется. Вы ведь не желаете столкнуться лицом к лицу с их бывшим хозяином?

– Разве у них есть хозяин? – моментально подобрался светлый.

Я тяжело вздохнул.

– Мастер Лиурой, отдавая дань вашему широкому кругозору, все же должен признать, что иногда вы бываете просто непроходимо... наивны. Скажите, вам хотя бы примерно известно, какое количество нежити успело за прошедшие месяцы скопиться на территории баронства? И знаете ли вы, что наилучшим следом для любого зомби или умертвия является именно запах? Вернее, человеческий запах. Аромат живой плоти, которая испытывает определенные физиологические потребности. Тогда, может, вы подсчитаете, сколько раз на протяжении этого дня вы и ваши люди успели намочить придорожные кусты? И прикинете, сколько времени потребовалось местной нежити, чтобы безошибочно проследить весь наш путь до замка? Хотя, может, вы считаете, что они вдруг изменили свои вкусовые привычки? Или, благодаря провидению, дружно подхватили насморк, который не позволил почуять запах вашей мочи?

Светлый ошутимо вздрогнул.

Что, не подумал об этом, умник?

– Зомби – это лишь первые «ласточки», – ласково пояснил я, с каким-то извращенным удовольствием следя, как медленно вытягивается его лицо и расширяются от запоздалого понимания глаза. – Судя по тому, что мне пришлось отрезать их от общего управляющего заклатья, здешней нежитью руководит кто-то, кто весьма неплохо понимает в некромантии.

– Мэтр Гиращ! – пораженно отступил от меня его сиятельство, на лице которого тоже проступило ошеломление. – Но почему вы не сказали нам сразу?!

– О чем? Что вам не следует опорожнять свои пузыри до самой ночи? Хорошо, я бы мог это сделать. Но разве вы бы смогли вытерпеть столько времени, ваше сиятельство? Да? Вы уверены? А ваши люди? Наверное, мне все-таки следовало озадачить вас этим вопросом еще поутру и весь оставшийся день с интересом наблюдать за тем, как невыпущенная вода плещется в вас где-то на уровне ушей. Хотя, может, мастер Лиурой знает волшебное средство, способное избавить людей от этой деликатной проблемы?

Светлый, перехватив вопросительный взгляд нанимателя, угрюмо промолчал. А граф, стиснув зубы, отвернулся.

– Сколько у нас осталось времени?

– Немного, – невозмутимо отозвался я. – И то если очень повезет.

– И вы так спокойно об этом говорите?!

– А что, я должен с воплями носиться по округе и рвать на себе волосы?! – искренне изумился я. – Признаться, по причине избыточного веса мне неудобно даже быстро ходить, не говоря уж о том, чтобы бегать. А шевелюры я лишился так давно и надолго, что при всем желании не смогу вырвать из себя ни единого волоска.

В качестве доказательства я хотел было провести ладонью по лысой макушке, но, к счастью, вовремя опомнился.

– Идемте, коллега, – сжав пальцы в кулаки и втянув их поглубже в рукава, обронил я. – Посмотрим, что это за руна такая, которая вызвала у вас столько затруднений.

Светлый отчетливо скрежетнул зубами и отвернулся, с трудом удержавшись от резкости. При этом напрочь позабыл про разлитую повсюду едкую слизь и ожидаемо поскользнулся. Разумеется, в той самой луже, которая уже успела натечь под его сапоги. После чего отчаянно взмахнул руками, тщетно пытаясь удержать равновесие. Зашипел, как змей. Лихорадочно заелозил по сторонам диковатым взглядом. Но, будучи чистюлей от рождения, господин высококородный маг, на свою беду, не рискнул опереться на изгаженную стену. Побоялся испачкать свои холеные ладошки. Побрезговал.

И не придумал ничего иного, как судорожно цапнуть за рукав поспешно отпрянувшего графа. Дернул его, естественно, изо всех своих магических сил и едва не утянул за собой. После чего они пошатнулись уже вдвоем. Поразительно дружно ругнулись. Но поняли, что это их не спасет, и с каким-то обреченным стоном грохнулись навзничь.

Мастер Лиурой при этом с чувством приложился затылком и на какое-то время оказался не способен к сопротивлению. Его сиятельство, которому повезло чуть больше, в последний момент рухнул на испуганно вскрикнувшего слугу, без раздумий кинувшегося ему на помощь. Правда, поймал он своего господина буквально у самого пола. Под немалым весом весь аж напрягся, побагровел и от нешуточных усилий удержать массивного хозяина издал-таки неприличный звук, от которого по коридору загуляло злорадное эхо. Однако, несмотря ни на что, спас-таки его сиятельство от позора. Не посрамил чести многих поколений своих славных предков и ценой невероятных усилий помог господину убраться с опасной территории.

Я же терпеливо дождался, пока люди освободят проход. Затем аккуратно перешагнул через заговоренную нитку, постаравшись не коснуться ее даже мизинцем на ступне. Попутно приподнял полы своей мантии и буквально на цыпочках обошел сидящего у стены, поразительно быстро пришедшего в себя и уже сочно матерящегося мага, от которого шел сейчас такой изумительный дух, что впору было воспользоваться освежающим заклинанием.

Не думаю, правда, что оно бы помогло – умертвия, знаете ли, на редкость вонючие твари. Но мастеру Лиурою в данный момент было не до комфорта: осознав себя сидящим в отвратительно смердящей луже, он так резво попытался из нее выбраться, что не уследил за своим сапогом. В итоге, каблук с визгом проехался по скользкой жиже, ноги уважаемого мага снова взлетели выше головы. Раздался сочный хрясь, произвольный стон, а следом на всю башню прозвучала новая порция отборного мата.

Я вежливо отступил на шаг, чтобы ароматные брызги не долетели до моего балахона. Деликатно обошел расстроенного мага, не став напоминать ему о том, что у нас нет при себе запасных вещей. Невольно задумался над тем, как же теперь он будет выкручиваться из сложной ситуации, но потом вспомнил, что не собирался забивать себе голову, и выкинул эти мысли вон.

– Коллега, вам помочь? – на всякий случай спросил у раскрасневшегося светлого со всей присущей мне вежливостью. Но в ответ получил лишь бешеный взгляд и нечленораздельное мычание. – Как хотите. Мы подождем вас внизу. И, будьте добры, поторопитесь, а то мои «птенцы» скоро заинтересуются поднятым шумом и наверняка захотят попробовать вас на зуб.

С этими словами я отвернулся и спокойно прошествовал в холл, до самого последнего мига слыша за спиной подозрительную возню, раздраженное рычание и приглушенную ругань, долженствующую обозначить всю степень возмущения моего невезучего коллеги.

А я что? Я ничего. Иду себе тихонько, никого не трогаю. Даже не бормочу под нос о том, что молодежь нынче стала на редкость невоспитанной. Я же не виноват, что умертвие взорвалось аккурат рядом с мастером Лиуроем. И уж тем более не моя вина, что в нем оказалось так много жидкого дерьма, это я про умертвие, разумеется. Не про нашего недовольного мага.

Я вообще, можно сказать, ему жизнь спас! Меня ж к награде за это надо представить! И вовсе не специально та лужа вдруг загустела, став клейкой, как смола. И каблук у мастера поехал, разумеется, сам по себе. И те зеленые сопли я ему на уши ни в коем случае не навешивал! Не говоря уж о том, что затылком он хряснулся абсолютно самостоятельно. Целых два раза подряд.

Правда, господину графу не надо волноваться по данному поводу: на уровне интеллекта это никак не отразилось. А если и сложились мои пальцы в какой-то момент в неприличный жест, так это ж просто защитная реакция. И вообще, я не понимаю, почему все смотрят с таким подозрением!

– Господа, – церемонно поклонился я, проходя мимо нанимателя и старика-слуги. Затем ненадолго обернулся, перехватил вопросительный взгляд одного из зомби и благожелательно кивнул.

– Охраняйте проход. Если кто появится – задержите.

Зомби невнятно квакнул в ответ и, лихо отдав честь, бодро потопал к решетке. А я удовлетворенно отвернулся и, не обратив никакого внимания на своих настороженных спутников, без особой спешки скрылся в темноте.

* * *

К арке я спускался, как овеянный славой молодой бог навстречу своим верующим: медленно, с достоинством и с таким важным видом, как будто внизу благоговейно замерла огромная толпа.

Взгляд отрешенный и полный непередаваемого величия. Подбородок гордо поднят. Глаза прикрыты (не так, чтобы я мог споткнуться, конечно, но надо было приглушить неестественный блеск горящих зрачков). Руки в перчатках (да, я успел их надеть по дороге, дабы никого не шокировать) молитвенно сложены на груди. Лица, правда, не видно, но торжественное молчание, окружившее меня почти видимым ореолом, должно было производить довольно специфическое впечатление.

Знаю, дурацкая шутка, да и смотреть на нее почти некому, но ничего с собой поделывать не могу. Трансформа, чтоб ее, опять некстати накатило. Хотя меня откровенно порадовало выражение физиономий графских охранников, которые с открытыми ртами наблюдали за моим пришествием.

– Ну? Чего встали? – проворчал я, грубо нарушив торжественную атмосферу. – У вас хозяина чуть не сожрали, а вы тут камни сторожите, как будто их могут упереть.

– Что? – непроизвольно вздрогнул Лирг, выходя из оцепенения. – Кто сожрал? Кого? Когда? Разве на графа напали?!

Я только отмахнулся. Дескать, о чем еще с вами говорить, если вы даже очевидного не разумеете?

Охранники испуганно переглянулись, подумав, видимо, об одном и том же. А затем, не сговариваясь, со всех ног ринулись к выходу.

Шипя и поскользываясь на замусоренных ступеньках, они взобрались наверх. Чуть ли не толкаясь, как дети во время игры в догонялки, протиснулись наружу. Там, вероятно, нос к носу столкнулись с уже спешащими за мной магом и его сиятельством. После чего в холле стало довольно шумно, а кого-то самого торопливого, кажется, опять едва не уронили. Но очень скоро непонятная возня прекратилась, и во внутренний дворик поспешно спустилась вся честная компания. При этом, что самое интересное, они сверлили меня одинаково настороженными взорами, явно собираясь что-то сказать.

Судя по виду мастера Лиуроя, это явно не были слова благодарности или восхищения моим непревзойденным талантом. Но я бы на его месте поостерегся отягощать мою совесть серьезным должностным преступлением.

– Молчите, – в подтверждении своего требования я, не оборачиваясь, царственным жестом взмахнул рукой. – Мне нужно настроиться на работу.

За моей спиной, кажется, кто-то подавился.

Я же тем временем обошел арку по кругу и с подчеркнутым вниманием уставился на каменные плиты в ее основании. Где, как положено по ритуалу, были честно продублированы древние руны, которые мастер Лиурой с горем пополам все-таки сумел прочитать.

Руны располагались в строго определенной последовательности, абсолютно точно повторяя рисунок, изображенный на арке. Как ни странно, коллега смог правильно соблюсти все пропорции и расстояние между ними и даже вычертил их мелком с поразительной точностью.

Однако одна руна оказалась ему не по зубам. Самая верхняя. Ключевая. Являющаяся связующим элементом для всей этой громоздкой конструкции.

Едва взглянув на нее, я сразу понял, почему это произошло: загадочная руна была двойной. Вернее, нарисованной в прямом и зеркальном отображении. А последнее было к тому же перевернуто вверх ногами и в таком виде наложено на основную руну.

Знаю, что без бутылки, в смысле без соответствующего опыта, тут не разберешься. Но все же светлomu стоило быть внимательнее.

– Хм-м, – глубокомысленно изрек я, закончив разглядывать рисунок на арке. – Судя по всему, это – руна «оппа», коллега. Не понимаю, почему она вызвала у вас столько затруднений. Руна первого ряда. Можно сказать, простейшая, без тайного смысла и какого бы то ни было подвоха. На мой взгляд, тут все предельно ясно.

– Вы так в себе уверены? – ядовито переспросил мастер Лиурой. – Тогда, может, подскажите нам, коллега, каким образом эту руну нужно использовать?

– Как обычно, – слегка удивился я. – Один символ – один звук – одна магическая формула.

– Но здесь их две!

Ах, ты все-таки это заметил...

Я невозмутимо кивнул.

– Совершенно верно. Однако работать будет только одна руна. Двойное написание необходимо, чтобы изменить ее значение на противоположное.

– Зачем? – недоверчиво осведомился маг.

– Затем, что так надо. Как вы, наверное, помните из курса рунной магии, в своем обычном значении «оппа» является разрешающей руной, – благосклонно заметил я. – Именно она запускает работу арки. Но в сочетании со своим зеркальным отображением и находясь рядом с рунами, которые вы здесь видите, она становится, наоборот, запирающей. Руна «гадья», прикрывающая ее слева, дает магу возможность выбрать, какое из значений «оппы» необходимо взять в данный момент времени. Когда она активна, как сейчас, то используется только ее запирающий фрагмент. Но если ее повернуть вот так...

Присев на корточки, я достал из кармана остатки мелка и, стерев каракули светлого, нарисовал «гадью» в перевернутом виде.

– ...То это меняет знак «оппы» на противоположный. Тогда как начертанная справа «дурья», дублирующая обратный знак «оппы»...

Я стер соседнюю руну и вместо нее начертил ее зеркальное отображение.

– ...Позволяет закрепить необходимый результат и сделать арку полностью готовой к работе. – Убрав мелок, я выпрямился и с нескрываемым удовлетворением оглядел новый рисунок, который моментально начал наливатся синеватым светом. – Вот и все, господа. Теперь у нас есть реальная возможность покинуть этот негостеприимный замок в самые сжатые сроки.

Осталось только дожидаться, пока откроется портал, это займет примерно пару минут, и можно благополучно уходить. Надеюсь, теперь вы счастливы?

На меня уставились сразу четыре пары ошарашенных глаз.

Бедняги. Кажется, они до последнего не верили, что у нас что-то получится. Ишь как глазенки вытаращили. Господин граф прямо соревнуется в этом трудном деле с собственным слугой. А светлый вообще стал похож на лупоглазого русала из детских сказок.

Потрясающе! Неужели кто-то из них решил, что я не знаю, что делаю?!

– Это что, все было вот так... просто?! – неверяще переспросил Лирг, жадно разглядывая стремительно разгорающийся магический рисунок.

Я пожал плечами.

– Ну не совсем просто, но тем не менее арка работает. На наше с вами счастье.

– Слава небесам, – почти беззвучно прошептал Нирг, и в уголках его глаз, как мне показалось, промелькнула самая настоящая влага.

Оба охранника при этом испустили облегченный вздох. Блондин, по обыкновению, впал в прострацию. Один господин граф остался спокойным, однако то, как судорожно он сжал кулаки и стиснул зубы, наглядно доказывало, что его спокойствие изрядно наиграно.

– А-а... откуда вы знаете про руны, мэтр Гиращ? – наконец прорезался голос у мастера Лиуроя.

Я зевнул, деликатно прикрыв рот, чтобы никто не заметил растущие там клыки.

– Мне положено. К тому же двойные руны – старый и весьма распространенный прием, который был особенно популярен среди придворной знати лет этак пятьсот назад. С их помощью когда-то закрывали тайники, собственные спальни, склепы, сокровищницы. Правда, обычно для этого использовали не «оппу», а более сложные руны, иногда даже две или три, но суть от этого не меняется. Если честно, меня всегда интересовали древние языки и возможности их использования. Однажды я на этом даже старого друга подловил. А потом и помощника... хм.

Мне вдруг резко разонравилась поднятая тема.

– Ладно, готовьтесь, – тряхнув головой, я поспешил выкинуть посторонние мысли из головы, – арка будет активной всего несколько минут. Если не успеете в нее нырнуть, останетесь здесь до следующей полуночи. Раньше заклятие переноса просто не успеет восстановиться. Да и мастер Лиурой не двуличный. Так что собирайте вещи и будьте готовы отправляться в любой момент.

Ну про заклятие я слегка приврал, чтоб они убрались побыстрее, но сейчас, думаю, за руку меня хватать никто не будет. Не до этого.

– Да какие вещи? – пробурчал старик, думая, что я не услышу. – Все ж в лесу бросили, кроме того, что могли унести на себе. Даже портков запасных не захватили.

– А жаль, правда? – невинно заметил я, выразительно покосившись на живописные разводы на одежде светлого. Тот вспыхнул до кончиков ушей, брезгливо скривился и поспешил отойти к арке, подальше от соблазна схватиться со мной у всех на виду.

Забавный мальчик. Правда, очень уж взрывной и непоследовательный. И как ему доверили такое важное задание? Неужто у Совета не оказалось под рукой более опытного чародея?

Так. Опять я лезу в чужие проблемы. А пора бы и о своих наконец подумать.

– Мэтр Гиращ, куда вы?! – изумился граф, когда я звучно отряхнул руки и, кинув прощальный взгляд на тихонько гудящий в углублении тумбы ключ, решительно двинулся обратно к лестнице. – Подождите! Куда вы уходите?!

– Знаете, какой самый большой минус у стационарных порталов, господин граф? – не оборачиваясь, бросил я.

– Нет, – машинально ответил его сиятельство. – Какой?

Я на мгновение остановился и сухо пояснил:

– Они не закрываются сразу и после использования продолжают работать еще некоторое время. Поэтому, если вы не хотите, чтобы за вами увязался здешний хозяин со всей своей армией, кому-то из нас придется остаться. А поскольку кандидатов на эту роль у нас только двое, а мастер Лиурой наверняка понадобится вам и дальше, то остаться в замке придется мне. Поэтому не тратьте время и будьте добры – не мешайте мне работать.

В оглушительной тишине я неторопливо поднялся по лестнице. Слыша за спиной неровное дыхание ошарашенных моей глупостью людей, с достоинством поправил край безнадежно испачканной мантии. Потом глубоко вздохнул, надеясь, что ничего не забыл и не упустил. Мысленно настроился на вибрации ключа, чтобы точно почувствовать тот миг, когда мне больше не нужно будет заботиться о тыле. Наконец подтянул повыше сползающий пояс, прикидывая про себя, как лучше использовать имеющиеся под руками инструменты, и, больше не думая о графе, шагнул наружу.

Все. Я готов к нормальной работе. Стик и нож на месте. Одежда обработана надлежащим образом и никак не выдает мою принадлежность к живым. Мантия тщательно испачкана строго в необходимых местах. Лицо закрыто. Когти спрятаны. Аура свернута. Сапоги подкованы и все еще удерживают на своих каблуках жизненно необходимое в моей работе серебро. Травки я, правда, извел почти все, но они мне больше не понадобятся. Резерв почти опустел, но я не потратил ни одной его капли впустую. Накопительные амулеты, увы, более чем наполовину опустошены. Часть из них вообще придется наполнять заново.

Однако я все еще цел, свободен, до сих пор адекватно соображаю, а значит, нет никаких причин для паники или уныния. При том, что все мы прекрасно понимаем: я остаюсь на верную смерть. Потому что раньше утра до своего родного замка граф при всем желании не доберется. А уж когда он сумеет привести сюда своих людей – это, на мой взгляд, вообще не поддающаяся исчислению величина.

Иными словами, я оставался абсолютно один. Как минимум до рассвета. Против гипотетически агрессивной, голодной и управляемой каким-то неизвестным коллегой армией нежитьи. Весело, да? Но это еще ладно. Раньше со мной и не такое случалось. Но ничего, выкарабкался и даже не особенно при этом пострадал.

Но посторонним знать такие детали совершенно необязательно.

– Благодарю вас, мэтр, – догнал меня на полпути дрогнувший голос графа, в котором, как ни странно, прозвучала неподдельная грусть. – Постарайтесь уцелеть до нашего возвращения. Если вам это удастся, я готов пересмотреть условия контракта. Хотя мне почему-то кажется, что вы остаетесь совсем не ради денег.

Так. Кажется, меня собираются записать в герои?

Я насмешливо хмыкнул.

– Всего доброго, господин граф. Как я уже говорил, портал закроется через несколько минут после вашего ухода. При условии, конечно, что я вовремя произнесу инактивирующее заклятие. Насчет контракта можете не волноваться – я всегда уважал букву закона, поэтому постараюсь удержать нежить как можно дальше от арки. Если не получится, то имейте в виду: своими похоронами я никого обременять не буду – некроманты умирают не так, как обычные люди. А если я все-таки дождусь вашего возвращения...

Я намеренно выдержал долгую паузу, чтобы все как следует прониклись. А затем резко обернулся, пристально посмотрев в глаза нанимателю. И граф, что удивительно, не отвел взгляда.

– То когда-нибудь попрошу вас об услуге.

– Договорились, – совершенно спокойно кивнул его сиятельство, кажется, не особенно веря в то, что мы снова свидимся.

Я удовлетворенно кивнул и эхом повторил:

– Договорились.

После чего, проигнорировав возмущенный взгляд мастера Лиуроя, неторопливо отвернулся и, полностью успокоившись касательно своего ближайшего будущего, скрылся в проеме.

Глава 10

Если ты считаешь себя героем, значит, появился хороший повод сходить к лекарю души. Если же так начали считать другие, может, не стоит их разочаровывать?

Мэтр Валлоор да Шеруг ван Иммогор

Оказавшись в холле, я бодро свистнул и совсем не удивился, когда с потолка на мое плечо бесшумно упал крупный черный таракан.

Ну да. Кто бы сомневался, что Нич пропустит такое развлечение: Гираш – и вдруг в роли спасителя человечества, спасибо, что хоть не стал гоготать во весь голос. А то не знаю, как бы тогда оправдывался перед нанимателем.

– Инактивирующее заклятие на тебе, – негромко бросил я старику, не замедляя шага. – Проследи, чтобы светлый не забыл тут никаких «подарков». Если вдруг оставил – уничтожь. Арку за ними закроешь сам, не спорь, ты это умеешь. Только руны пока не стирай – если граф действительно вернется к утру, они ему понадобятся.

Нич, вытянувшись в струнку, по-военному четко щелкнул жвалами и тут же пропал из виду. Довольно редкое для него явление, кстати, никак опять что-то задумал?

Избавившись от перчаток (на этот раз насовсем) и кинув их на опрокинутый стол, я предусмотрительно подоткнул полы мантии, чтобы не мешали в работе. Тщательно проверил застежки на неодобрительно булькнувшем животе. Вытащил из-за пазухи крохотную бутылку и сделал мощный глоток. Стойко выдержал жгучий вкус настойки, от которой захотелось тут же распахнуть пасть и жадно выхлебать целое горное озеро. Переждал мерзкое послевкусие зелья, с легкой руки одного моего коллеги ласково прозванного «красной вонючкой». Затем ненадолго задумался, стоит ли разоблачаться полностью, но внезапно ощутил, как напряглись нити управляющего заклятия, и все-таки разулся. Потому как очень люблю свои замечательные сапоги и совсем не хочу порвать их отрастающими когтями.

Кстати, о когтях...

Я с интересом оглядел босые ступни и негромко хмыкнул при виде матово-серой кожи, больше подошедшей бы качественному покойнику. Пару раз на пробу согнул и разогнул пальцы ног, оставляя на полу глубокие царапины от когтей. Затем выпростал из-под рукавов такие же серые руки и с удовлетворением оглядел их резко изменившийся вид.

Да, кому-то покажутся уродливыми эти крючковатые пальцы и иссиня-черные ногти, на которых отчетливо проступил сложный рунный рисунок. Кто-то даже скажет, что излишне подвижные, похожие на узловатые наросты суставы выглядят отвратительно, и что я, обзаведясь клыками и особыми щитками вдоль позвоночника, стал похож на ту самую нежить, от которой собирался избавиться замок барона.

Кого-то, возможно, даже стошнило бы при виде моего резко истончившегося туловища, на котором огромной, неестественно плотной бородавкой торчал зловеще шевелящийся живот. Но меня устраивало новое тело. Нравилась его строгая функциональность. Вполне удовлетворяла даваемая рунами защита, которую я старательно продумывал и воплощал в жизнь долгие пятьдесят лет. И несказанно радовало то, что все это работало четко, точно и было полностью мне подвластно. При этом не имело недостатков, присущих обычному человеческому телу и не могло подвести в самый ответственный момент.

– Поехали, что ли? – закончив любоваться собой, спросил я в пустоту. Непроизвольно улыбнулся, услышав загулявшее где-то под потолком зловещее эхо. Улыбнулся еще шире, когда со стороны лестницы раздался пронзительный писк Нича, сигнализирующий о том, что наши спутники благополучно покинули замок. Затем опустил рукава мантии, надвинул

поглубже капюшон и, все отчетливее чувствуя, как тревожатся мои подопечные, поспешил к выходу.

Уже издалека я обнаружил, что народу во внутреннем дворе замка заметно прибавилось. И буквально-таки нутром ощутил, что весь этот «народ», мягко говоря, не совсем живой.

Кажется, меня там ждала по-настоящему теплая встреча. Причем теплая настолько, что я вполне мог бы задохнуться в тесных дружеских объятиях встречающих. Если бы, конечно, рискнул их к себе подпустить.

Начнем с того, что мой полуразложившийся и довольно грозный с виду зомби-отряд сейчас испуганно жался к стене башни, напряженно сверля глазами искореженную решетку. Многие из них буквально распластались по камням, вжавшись в них до упора, как будто это могло чем-то помочь.

Тот дед, которого я не так давно крупно уважил, сейчас растекся грязной лужей прямо у меня под сапогами. Полуобнаженная красотка, чьи пухлые ягодицы впечатлили моего первого «птенец», вообще тряслась как в лихорадке. Сам «птенец», расправив дырявую грудь, тщетно пытался прикрыть ее прелести от чужих глаз. А остальные просто трепетали неподалеку – жалкие, неспособные куда-либо деться, беспомощные, беззащитные против пришедшей по мою душу силы, но и не смеющие переступить через заговоренную нить, которой я отделил коридор от внутреннего двора.

Остановившись за спиной топчущегося прямо у выхода громилы, я вежливо кашлянул.

– Господа? Не соблаговолите ли расступиться, чтобы я мог поздороваться с гостями?

Зомби от неожиданности подпрыгнул как ужаленный (да-да, опять старые привычки сказались!), и, резко обернувшись, уставился на меня шальными глазами. После чего заметно приободрился. Невнятно загугукал, замычал, пытаясь объяснить причину нарушения моего приказа. Затем затряс башкой, отчаянно зажестикулировал. Наконец понял, что этого мало, и, отступив на шаг, просто ткнул немытым пальцем в сторону ворот.

– Здра-а-асьте... – выдал я первое, что пришло на ум при виде плотной толпы мертвецов, безмолвно стоящей у входа. – Ой, как вас многа-а-а... Вот уж не думал, что ради меня ваш хозяин поднимет столько народу. Можете ему передать, что я искренне польщен таким вниманием.

Нежить, разумеется, не ответила. Лишь самые нетерпеливые ощерили клыкастые рты в некоем подобии улыбки. А большинство просто повернули головы и внимательно уставились на меня тусклыми, малоподвижными глазами, на дне которых тем не менее тлела слабая искорка чужой силы.

Судя по всему, наш загадочный противник поднял из могил всех, до кого смог дотянуться. Сперва отправил на убой самых никчемных, надеясь, что я потрачу на них свои скудные резервы. Терпеливо дотянул до полуночи, дожидаясь наступления пика силы. А теперь явился сам. Но и то – не в первых рядах, а затаился где-то в сторонке, за надежными спинами голодных зомби и под сомнительной защитой неопытных умертвий. Осторожный, значит. И предусмотрительный. Поэтому и обеспечил поголовную явку всех своих «помощников», дабы, как говорится, ценная добыча не ускользнула.

А что? Думаете, я не представляю для него особой ценности?

Обижаете! К вашему сведению, мы, некроманты, не только любим возиться с нежитью, но и с живыми неплохо ладим. Особенно когда знаем способ набраться от них сил на халяву. А такие способы есть, и немало. И они тем успешнее, чем выше уровень дара у так называемого «донора».

Правда, для самого «донора» ничем хорошим это, как правило, не заканчивается, но сам факт. В свое время я опробовал все известные способы подобного заимствования и даже изобрел парочку новых. Правда, лишь однажды сумел сохранить жизнь испытуемому. Которую,

впрочем, отнял потом гораздо более неприятным способом, потому что этот идиот после всего того, что я для него сделал, попытался меня обмануть.

Что же до неизвестного некроманта, то мое появление означало для него редкую и весьма удачную возможность «подкрепиться». Всего за одну ночь он мог существенно увеличить свои силы, серьезно возрасти в мастерстве, да и вообще, подняться на качественно иной уровень. Потому что на самом деле мои знания были намного ценнее моего сомнительного резерва. А многолетние труды, результаты которых я все еще по привычке держу исключительно в голове, были способны произвести настоящий взрыв среди темной общественности.

Вот только зря он надеется на легкую победу. Ведь на самом деле он тоже нужен мне позарез, да и мотивы для этой встречи у нас с ним абсолютно одинаковые.

Не торопясь выходить наружу, я бегло оглядел собравшееся у решетки воинство.

В принципе, ничего необычного: склизкие упыри, относительно свежие и на удивление аккуратно одетые зомби, парочка неопытных умертвий, которые еще не научились хорошо маскироваться. Скелетов нет, но и проку от них никакого – слишком хрупкие, а энергии у хозяина забирают целую прорву. «Рыцарей» и подобных им гадов тоже пока не вижу – возможно, остались снаружи, потому что во дворе поместились далеко не все желающие, и хвост этой толпы затерялся где-то далеко вдали.

Кроме того, передние ряды до сих пор не рискнули переступить через мои чудесные линии, потому как черный мел и вплетенные в рисунок заклинания причиняли им серьезное беспокойство.

Как ни хотелось им попробовать человечинки, линии жглись больно и заставляли соблюдать осторожность. Собственно, сейчас перед нами толклись лишь самые торопливые и, возможно, голодные твари. Тогда как основная гвардия должна вот-вот подойти.

– Кажется, тебя не воспринимают всерьез, – вдруг хмыкнул где-то возле самого моего уха невесть откуда взявшийся Нич. – Вон даже не зарычали, что совсем ни в какие рамки не лезет. Тебе не кажется, что это – просто вопиющее неуважение твоего статуса?

Вот паразит. На что он намекает?!

– А что ты предлагаешь? – рассеянно спросил я, торопливо анализируя новые факты. – «Маргусю»⁸ им спеть или станцевать дрязгинку⁹? Может, представиться по всей форме? С титулом и родовым именем?

– Хоть переоденься, что ли? Я всегда говорил, что для некроманта ты слишком скромно выглядишь.

Я осторожно скосил глаза на ближайшую стену.

– А как, по-твоему, надо?

– Ну... надо что-то зловещее, – неожиданно задумался Нич, не заметив моего проснувшегося интереса. – Мрачное, темное и необычное. Такое, чтоб ни у кого больше сомнений не возникло! И чтоб твой вид сразу производил на смертных должное впечатление.

– Ну да, – не сдержавшись, фыркнул я. – Вот сейчас послушаю тебя и оденусь в черную кожу. Непременно в облипку, чтоб мослы стали видны как можно лучше! Потом нацеплю сверху всевозможные цепи, побрякушки. На пальцы надену тяжелые перстни и обязательно кожаный ошейник с шипами. На макушку прикреплю пучок вороньих перьев, склеенный слюнями упырей в разящий серп. Привешу на сапоги испорченные бубенчики, чтобы их хриплый перезвон было слышно издалека. На груди намалюю оскаленный череп с вытарашенными глазами, нет, лучше с одним глазом, а второй чтоб вываливался оттуда на тонкой ниточке. А потом для вящего эффекта напишу на спине большими буквами: «Спереди не приближаться – рыгаю огнем! Сзади не подходить – возможен спонтанный выброс сернистого газа!»

⁸ Народная песня про остроумного некроманта.

⁹ Народный танец сазульцев, отдаленно напоминающий гопак.

– Да ну тебя! – моментально насупился таракан. – Не смешно! А выглядишь ты действительно отвратительно. Сколько лет тебе толкую, что приличному некроманту нужны особые атрибуты! Жезл там какой или посох...

– С посохами пусть друиды балуются, – пренебрежительно отмахнулся я. – А жезлы – это удел светлых. Тем более что они никогда мне не нравились.

– Ну тогда хотя бы шляпу надел! Или мантию стоило бы расшить узнаваемыми символами!

– Чтобы нас по этим символам сразу признали и принялись с азартом ловить, как в былые времена? Или с вилами набрасывались возле каждой деревеньки?

Нич так же неожиданно стушевался и умолк.

– Я, была моя вина, ты прав, – вдруг тихо сказал он, заставив меня застыть на месте, а мое сердце, напротив, гулко стукнуть. – Но я не хотел, чтобы так получилось. И очень сожалею, что не сдержался. Извини, Гиращ.

Я медленно вдохнул и, слыша бешеный грохот внезапно разошедшегося сердца, так же медленно выдохнул.

Так. Спокойно. Не отвлекаться на посторонние вещи. Вторая оговорка за минуту еще ничего не значит, несмотря на то что совсем недавно Нич впервые без моей помощи вспомнил старое и довольно сложное заклятие. К тому же, если кто забыл, у нас тут бродит толпа неуспокоенной нежити. Хозяин, правда, отчего-то задерживается, но все равно такие волнения нам совсем ни к чему.

– Ничего, – нейтральным тоном ответил я, усилием воли заставив сердце умолкнуть. – Я уже не злюсь. И вообще, тебе не кажется, что у нас появилась более важная проблема?

– Какая? – совсем уж неоправданно ступил Нич, но потом услышал утробное рычание кого-то из упырей и поразительно спокойно отмахнулся. – Ах, это... С каких это пор низшая нежить стала представлять для тебя проблему? Вот помню, было время...

Я ошарашенно моргнул, не в силах поверить в то, что услышал, но у Нича даже голос сейчас изменился! Стал плавным, размеренным, усыпляющим, как у лектора за кафедрой! И в нем снова появились подозрительно знакомые нотки, по которым я столько времени скучал!

Демоны! Да что же твое творится в этом замке, если здесь начало разрушаться даже проклятие моего «фамильяра»?! И что тогда произойдет со мной, если вдруг удастся очистить это место от оккупировавшего его некроманта?!

От открывающихся перспектив у меня, как в молодости, едва не закружило голову. Но, к счастью, вторым волевым усилием это безобразие удалось остановить.

Все. Хватит. Сейчас мне даже мнимая надежда не нужна. Пятьдесят лет ждал под землей, подожду еще немного. А с Ничем тем более ничего не случится – раз он уже сумел сделать один шаг к своему прошлому, то рано или поздно сделает и второй. Посмертные проклятия – слишком тонкая материя, чтобы вмешиваться в нее без должной подготовки. А какая подготовка в преддверии серьезного поединка? То-то же.

– Чего замолк? – вдруг с нескрываемым подозрением осведомился таракан, уставившись на меня из темноты недобро горящими глазами. – Я для кого тут распинаюсь, а? Кому душе-раздирающие подробности рассказываю?

– Прос... – машинально брякнул я, чуть было не извинившись. Но вовремя опомнился и поправился: – Просто задумался. Да и зомби что-то зашевелились. Никак хозяин наконец пожаловал?

Нич уставился на меня так, словно в тот день, когда мы впервые встретились – тяжело, мрачно, с явным сомнением. Однако вскоре невнятный шум у ворот все-таки его отвлек – он отвернулся и, какое-то время понаблюдав за поднявшейся возле решетки суетой, со странным удовлетворением протянул:

– Ты прав: это действительно хозяин. Да не один, а со своей личной свитой.

* * *

При виде почтительно расступающихся зомби у меня что-то нехорошо заскреблось под ложечкой.

Странно. Обычно нежить достаточно тупа, чтобы не пресмыкаться перед хозяином. Она выполняет его приказы, послушно идет на убой по первому слову. Без возражений лезет отрывать головы себе подобным и напрочь лишена каких бы то ни было подданнических чувств.

Умертвия – да, бывает. При условии, что исходный материал был тесно связан с поднявшим его некромантом определенными узами. Кровными ли, клятвенными ли, или же просто узами брака. Бывало, расстроенный потерей жены некромант поднимал суженую в надежде на продолжение отношений, но и эта надежда всегда оказывалась призрачной. Потому что «живой» труп все равно останется трупом. И у него не появится ни самоосознание, ни осмысленное поведение, ни просто эмоции. Одни инстинкты. И те, по большей части, примитивные. А все остальное – это реакции, привычные некогда живому телу, и безотчетное стремление мертвяков следовать старым человеческим привычкам.

Но раз перед неведомым хозяином подобострастно гнут спины и тупые зомби, и чуть более продвинутые умертвия... раз все они, как один, без единого возражения освобождают ему дорогу...

Я чуть не выругался, когда из расступившейся толпы наконец с достоинством вышел некромант. Нечеловечески спокойный. Слегка бледноватый с лица, как и все люди моей профессии. Но ничуть не потерявший благородной осанки. С открытым, породистым лицом, на котором лежал отпечаток властности, свойственный всем сильным людям. С тщательно уложенными темными волосами, в которых почти не проблескивала седина. Немного полноватый в талии, потому что в последние годы явно уделял больше внимания книгам, нежели физическим упражнениям. И вообще, он выглядел... почти нормальным.

Правда, при более тщательном рассмотрении оказалось, что белые отвороты на рукавах его камзола заметно потемнели, лацканы запылились, а тугой воротничок куда-то исчез. Да и вошедшие в прошлом году в моду кружева кое-где порвались, что несколько портило впечатление. Однако и сейчас мой загадочный враг выглядел более чем представительно. И весьма выгодно смотрелся на фоне моей загаженной мантии и босых пяток, которых, к счастью, никто пока не увидел.

Зайдя во двор, он остановился у первой нарисованной мною линии и по-хозяйски огляделся. Сперва внимательно осмотрел дальнюю стену, забрызганную останками убитого умертвия. Потом пристально взглянул на жмущихся друг к другу «птенцов», над которыми больше не имел власти. Затем – на разбитую телегу, к которой никто из нас даже не притронулся. На потревоженный подъемный механизм. На каменный пол, расчерченный причудливыми линиями и кругами.

В это время за его спиной, возникнув из темноты двумя безмолвными призраками, совершенно бесшумно остановились две миловидные женщины, поразительно похожие друг на друга. Причем та, что постарше, выглядела столь же роскошно, как и мужчина: длинное платье из тяжелой парчи, пышная юбка, богатые кружева, расшитый жемчугом подол, даже драгоценности с ее шеи никуда не делись! А младшенькая, совсем еще юная барышня лет девятнадцати от роду, просто сама нежность в своем тонком белом платьице, больше похожем на ночную сорочку, казалась смущенной и все время прятала взор. Правда, ее лицо даже сейчас было хорошо различимым и вполне объяснимо сочетало в себе черты (кто бы мог подумать?!) обоих родителей!

Уставившись на это чудо во все глаза, я растерянно замер.

Демоны! Да что ж это такое?! Мне-то казалось, в Сазуле созрел крупный заговор, в центре которого, как и раньше, непременно окажется какая-то мразь из Совета. А тут... ничего подобного! Просто одно дражайшее семейство вдруг решило побаловаться некромантией! Отсюда и уважение окруживших их, привыкших к повиновению крестьян. Отсюда и запустение, но никак не страшные разрушения в деревнях! Отсюда аккуратная одежда (челядь всегда должна следить за своим внешним видом! даже если это мертвая челядь!), и внезапное исчезновение населения сразу трех деревень. А также полное отсутствие информации у магов Совета и неожиданное объяснение всем этим странностям!

Тьфу!

Как ни прискорбно признавать, но, кажется, я серьезно оплошал. Потому что сейчас передо мной стоял не случайно продавший душу демонам неумеха. Не гнусный потрошитель трупов, обманом заманивший в свои сети доверчивых крестьян. Не злой гений. И даже не свихнувшийся на какой-то гениальной идее чудак. А всего лишь немолодой, умелый и опытный управленец, который зачем-то решил искать вечной жизни для себя и своих людей.

Тяжело вздохнув и всмотревшись в неподвижное, но по-прежнему надменное лицо некроманта, я осторожно уточнил:

– Господин барон?

Он медленно повернул голову и, безошибочно отыскав в темноте коридора мою нескладную фигуру, чуть сощурил глаза. А затем неохотно шевельнул губами и скрипучим, изрядно недовольным голосом спросил:

– Кто вы? Кто дал вам право вторгаться в мои земли?

Его земли?! М-да. Значит, я прав, и граф, к сожалению, зря потратил мое драгоценное время. Тьфу два раза. Надо было уходить отсюда вместе со всеми. Этот замок перестал быть мне интересен.

Я обреченно вздохнул.

– Вообще-то мы никуда не вторгались, ваша милость...

– Ложь! – У барона Невзуна опасно сверкнули зрачки, а в горле послышалось нехорошее бульканье. – Вы нарушили границы моих владений! Вы без спроса явились в мой замок! Хозяиничаете в нем, как у себя дома, и смеете утверждать, что не нарушили никаких законов?!

Я беспокожно покосился на молчаливых мертвяков, в зрачках которых тут же зажглось такое же пламя, что бушевало в глазах их хозяина, и осторожно пояснил:

– Честно говоря, ваша милость, вы не совсем правы: с некоторых пор указом короля эти земли вам не принадлежат. После известия о вашей смерти (преждевременного, как я вижу) и в связи с отсутствием прямых наследников, а также иных претендентов, способных предъявить на них свои права, ваши земли законным путем отошли ближайшим соседям.

– Что-о?! – Шипению господина барона могла бы позавидовать целая стая пустынных гадюк. – Король отдал мои земли этим курицам Ангорским?! И этому солдафону Экхимосу?! Мои земли?!

– Уверяю вас, ваша милость, я здесь совершенно ни при чем, – криво улыбнулся я, на всякий случай спрятав руки в складках мантии. – Мы вообще попали сюда из-за сбоя в системе телепорта.

– Знаю! – раздраженно рыкнул барон, носком сапога случайно и как-то поразительно легко испортив мне рисунок. – Я всегда в курсе того, что происходит на этой земле!

Я моментально насторожился.

– Правда? Тогда, может, расскажете, что тут в действительности произошло? А то пребывать в неведении относительно вашего благополучия Совет может еще очень долго. Но если у моих глубокоуважаемых коллег появятся доказательства вашего здоровья, его величество будет вынужден отменить свой указ.

На меня дружно уставилась вся толпа мертвецов во главе с хозяином.

Так. Плохо дело. Что-то я не то сказал. Ему не понравилось, как это прозвучало, вот только, хоть убей, не могу взять в толк, что же именно брякнул лишнего.

Чем это может нам грозить? Правильно – усекновением меня на высоту головы или лишением живота посредством отрубания оного от всех конечностей, куда, по мнению неопытных в палаческом ремесле зомби, голова также входит.

Тогда как быть?

Я с некоторым напряжением выдержал тяжелый взгляд некроманта и не отступил, когда он так же легко преодолел первую линию защиты и, оставив жену и дочь возле решетки, целенаправленно двинулся в мою сторону. Причем так легко, что мне сразу стало неудобно. И так проворно, что это ощущение едва не превратилось в банальный страх, поскольку при каждом шаге барона в моей голове все тревожнее и тревожнее звенел невидимый колокольчик, настойчиво предупреждающий об опасности. И все медленнее, напротив, билось измененное сердце, которому, в принципе, вообще не нужно было делать эту бесполезную работу.

Демон! Да что происходит с защитой?! Почему этот хлыщ так легко ее обходит?! Где я ошибся?! И не стал ли я, не встретив за последние несколько десятилетий ни одного достойного противника, излишне самонадеянным?!

На наше общее счастье, дойти некромант сумел лишь до середины двора – дальше заклятия создавали слишком плотную преграду. Не зря я извел на нее столько амулетов. И не зря напился такой силой, что от нее едва не потрескивали стены замка.

Конечно, если бы господин барон постарался, он мог бы продвинуться еще на какое-то расстояние. Все-таки на опытного некроманта она не была рассчитана.

Впрочем, заклятие уже начинало ощутимо припекать господина потомственного мага. Будь он хоть сто раз некромантом, но направленная против нежити защита не могла его не тревожить. Так что он нетерпеливо топтался на месте, ворчал вполголоса, скрипел суставами и выглядел весьма недовольным. А поняв, что дальше пройти не получится, вдруг набылчился и, уперевшись плечом в невидимую стену, яростно взревел, намереваясь проломиться сквозь нее, как сквозь простое стекло. В то время как я торопливо высвободил руки и, проклиная свою оплошность, приготовился останавливать его по-другому.

Однако именно при виде моих рук господин барон удивленно замер. Затем вдруг шумно принохался, будто зверь в период гона. Подался вперед всем корпусом. Наконец впился жадным взором в мой низко надвинутый капюшон и свистящим шепотом потребовал:

– Покажись!

Я недовольно сморщился.

– Зачем, ваша милость?

– Хочу увидеть твоё лицо!

– Поверьте, это совершенно ни к чему...

– Покажись мне! Немедленно! Иначе я спущу своих «птенцов» и сильно осложню тебе жизнь. Ты ведь некромант, верно? Значит, тебе известно, что такое прямая атака новообращенных?

Я сморщился еще больше и неохотно кивнул.

– Известно, конечно.

Еще бы мне не знать. Каждый новообращенный мертвяк по силе вдвое превосходит такого же мертвяка, но созданного на полгода раньше. А здешние зомби и упыри почти свежие.

Сколько было населения в баронстве? Сто человек? Тысяча? Ну, если считать челядь, то, может, и больше. И я более чем уверен, что сейчас они все собрались вокруг замка, образовав плотное кольцо оцепления, и только ждут приказа атаковать.

– Сними капюшон! – властно приказал барон, и я тяжело вздохнул: вот же настырный. После чего шепнул Ничу, чтобы ни в коем случае не высовывался и не вздумал рухнуть мне под ноги шокированной тараканятиной, а затем медленно стянул с себя мантию.

Глава 11

*Не так страшна смерть, как ее ожидание.
Самоубийца*

По правде сказать, зомби не должны удивляться. В силу особенностей поднимающего заклятия и нарушенного восприятия, все-таки мертвые клетки, мертвая кожа и постепенно разлагающиеся сухожилия, которые функционируют лишь благодаря магии, работа лицевых мышц у стандартной нежити обычно серьезно нарушена.

Но, клянусь бородой своего учителя, при виде меня даже у зомби все-таки дрогнули лица! И даже их хозяин чуть не растерял свою невозмутимость, тогда как его супруга явственно отшатнулась, а милотвидная доченька едва не упала в обморок.

Ну да, признаю, моя боевая трансформа серьезно недоработана и для большинства непосвященных выглядит довольно отталкивающе. Все-таки не каждый день доводится увидеть скелетоподобное существо, лишь отдаленно напоминающее человека, у которого на месте головы торчит непропорционально крупная, снабженная большим количеством шишковидных наростов, абсолютно лишенная волос морда. Вместо рук и ног имеются костлявые, невероятно подвижные и гибкие до отвращения многосуставчатые лапы с медвежьими когтями. Совершенно нет ребер, но зато имеется прочный экзоскелет, выступающий на коже дополнительными костяными пластинами и кольцами. И к тому же вызывающе торчит вперед тугой, как барабан, живот, откуда то и дело доносятся неприличные звуки.

А если добавить к этой картинке отсутствие нормальных ушей (в боевой трансформе я слышу и чувствую всей поверхностью кожи), носа (для распознавания запахов я создал на морде специальные обонятельные бугорки), и рта (зачем мне рот, когда есть широкая пасть с треугольными, расположенными в три ряда зубами?), и хотя бы раз заглянуть в четыре моих фасетчатых глаза, расположенные в верхней части морды по два спереди и сзади... Вот тогда вы поймете, почему во дворе замка вдруг стало так тихо. И почему Нич, никогда не видевший это чудо целиком, все-таки сдавленно охнул и обессиленно сполз по стенке.

Приподняв верхнюю пару лап и убедившись, что пальцы функционируют нормально, а когти ничуть не мешают колдовать, я поднял взгляд на окаменевшее лицо барона и ухмыльнулся.

Ну что, нравится? Готовься к тому, что у меня очень скоро снесет башню – побочный эффект одного сложного заклинания, которое я, к сожалению, в свое время не закончил. Отсюда – нестабильное эмоциональное состояние, резкие перепады настроения и, как следствие, катастрофические разрушения по всей округе.

Пробные испытания, проведенные пару лет назад в окрестностях одного небольшого городка, доказали высокую эффективность моей чудесной трансформы. Но при этом, к сожалению, привели к полнейшему запустению городского кладбища. На котором с тех пор не только зомби не водятся, но и вороны опасаются лишний раз каркнуть, случайно пролетая мимо.

От моей ухмылки по рядам зомби прокатилось едва заметное волнение. Юная баронесса крепко зажмурилась и, пискнув что-то невнятное, попыталась потерять сознание. Однако стоящая на страже мать вовремя подхватила ее под локоть и негромко что-то пробурчала, неодобрительно на меня покосившись. После чего барон как-то резко отмер и заговорил совершенно по-новому.

– Очень интересно, – пробормотал он, с профессиональным интересом присматриваясь к крохотным жвалам, виднеющимся в уголках моего рта. – Прямо-таки очень... и какая четкая аналогия с инсектоидами! Вероятно, еще с паукообразными и, возможно, даже диктио-

птерами! Вот тут прослеживается явная связь с крупными ящерами, дикими псообразными, водоплавающими хищниками... и все это – в одном теле?! Невероятно!

Я по очереди моргнул своими четырьмя глазами и на всякий случай поменял позу.

– Наружные элементы скелета, наряду с естественной защитой, придают повышенную прочность...

Угу. Такую прочность, что ее с первого раза даже умертвиям не прогрызть.

– Дополнительные суставы обеспечивают повышенную гибкость и дают немалое преимущество в ближнем бою...

Естественно. Для того они и создавались.

– Вспомогательные органы зрения позволяют значительно увеличить обзор, – продолжал расхваливать меня пораженный до глубины души барон. – Возможно, обладают повышенной светочувствительностью и в ночное время дают огромное преимущество...

Конечно. Что я, дурак – приходить на кладбище без глаз на затылке?

– К тому же их расположение и форма роговицы наталкивают на мысль о...

Так. А вот это ему знать совсем необязательно. Хотя, кажется, его милость – настоящий знаток своего дела, раз с таким упоением изучает результаты этого долгого, утомительного, довольного давнего и, надо сказать, не слишком удачного эксперимента.

– Выросты на голове, вероятно, служат дополнительными элементами для максимально эффективного осязания. А вон те антенны, судя по всему, улавливают возмущения магического поля? – барон заинтересованно подался вперед и жадно уставился на крохотные усики, едва заметно выглядывающие из-под моего ворота. – Очень умно. Но как вам удалось собрать все эти элементы воедино?!

Я поспешил спрятать чуткие усики подальше от его пытливого взора и опустил верхние конечности, чтобы никто не увидел мои локти.

– Сколько вы работали над этим чудом?! – с такой же жадностью спросил барон, внезапно решив проявить вежливость. – Какая точность в использовании заклятий... какие пропорции, внешние данные, даже цвет! А как поразительно верно подобраны функции! Это же гениально!

Так. Я не понял. Ему что, и вправду нравится?!

– Ваше тело воистину совершенно! – наконец с неподдельной завистью заключил коллега и, заметив мое недоумение, неожиданно улыбнулся. – Признаться, сейчас я рад, что мы встретились. Примите мое глубочайшее уважение и искреннее восхищение вашим талантом, мэтр. Никогда не думал, что когда-нибудь своими глазами увижу подтверждение древнего изречения, что в жизни нет ничего невозможного!

Я настороженно повел головой, отметив про себя кислое выражение на лице баронессы и неестественную бледность ее дочери. Странно. Признаться, я ждал от них несколько иной реакции. А уж от почтенного отца семейства, хоть и некроманта, тем более. Вот уж не думал, что кто-то оценит мой труд. А Невзун, судя по всему, прекрасно понял, что мое тело, хоть это и считалось невозможным, было создано искусственно.

– Как вы этого достигли, мэтр? – внезапно понизил голос до заговорщицкого шепота барон. – Откуда вам известны принципы объединения живого и неживого? Хотя нет... не говорите. Лишь одному человеку удалось в свое время проникнуть в эту тайну. А остальные до сих пор лишь пытаются повторить его успех. Как жаль, что этого великого человека не стало... Признаться, я долгое время пытался проникнуть в тайны мэтра Валоора, но, к превеликому сожалению, многого не понял. А вы... судя по всему, у вас тоже есть копия его дневника? Вероятно, более полная, чем та, которая досталась мне?

Копия?!

Я непроизвольно подался навстречу и глухо зарычал.

Какая еще копия?! У кого?! Какая сволочь посмела украсть то, что по праву принадлежит только мне?!

– Иного и быть не может, – не заметив моего угрожающего движения, прошептал барон. – Но я не знал. Возможно, если бы мы встретились раньше, то сумели бы объединить усилия, и результат получился еще лучше. Хотя сам факт, что вы сумели поместить свой дух в неживое, говорит о правильно избранном пути. И о том, что наш с вами учитель, а вы, как и я, не можете отрицать, что с жадностью и трепетом учились по его записям, был абсолютно прав.

Гр-р! Да как он смеет?! Как у этого вора хватается наглости поминать это имя?!

Хотя нет... я хорошо помню, кем был последний ученик многоуважаемого мэтра Валоора. И еще лучше помню, из каких краев, вернее, из какого рода он вышел... тварь! А также то, какое имя он носил до того, как принял ученичество! И через чьи руки бесценные черновики главы нашей гильдии могли незаметно уплыть в руки других некромантов!

У меня недобро сузились глаза, зловеще клацнули клыки, а на кончиках жвал заблестели капельки яда.

Да, я жадный. И я очень не люблю воров и предателей. Тем более не люблю, когда объектом их охоты становлюсь я сам или те, кто для меня важен. Не зря у нас в саду красуются полтора десятка человеческих статуй в натуральную величину. Не зря я велел своим горгульям без предупреждения отрывать головы всем, у кого хватит смелости влезть на мою территорию. И не зря после смерти Нева, а она, не сомневайтесь, была крайне мучительной, я никого к себе даже близко не подпускаю. Кроме одного старого, ворчливого, не в меру забывчивого духа и немой служанки, у которой просто не хватит духу сделать мне что-то во вред.

И это не страх. Отнюдь. Это – лишь здоровый прагматизм и приобретенная за долгие годы предусмотрительность.

Но внезапно узнать, что твое наследие оказалось разграблено и, несмотря на все ухищрения, все-таки попало в дурные руки... Что бесценные записи, на которые ты потратил столько времени и сил, ставшие смыслом всей твоей жизни, вдруг оказались украдены и использованы кем-то еще...

Все. Я злой! И лучше бы вам, господин барон, держаться от меня подальше!

– Откуда у вас эти записи? – с трудом уняв раздражение, проскрипел я.

Барон пожал плечами.

– Они почти сто лет хранились в семейном архиве. Кажется, их еще отец где-то раздобыл.

– Скорее, дед, – выплюнул я. – Когда-то мэтр Валоор решил, что у него есть талант, и очень зря взял вашего деда в ученики. Потому что всего через несколько лет по вине Евгродуса Невзуна он потерпел сокрушительное поражение в Совете, а впоследствии был предан и убит.

На лице барона не дрогнула ни одна черточка. Только губы сжались в идеально прямую линию, да костяшки пальцев на руках заметно почернели.

– Возможно, – наконец ответил он на мое обвинение. – В нашем роду встречались самые разные люди: добропорядочные и не очень, светлые и темные... поэтому я не исключаю возможность того, о чем вы говорите. К тому же в дневнике отца были некоторые... намеки. Но после того, как в архиве появились эти черновики, прошло более ста лет. Дед сразу после этого бесследно пропал, и мне до сих пор ничего не известно о его судьбе. Мэтр Валоор действительно погиб от руки одного из магов нового Совета. А мой отец, когда началась война, поклялся больше никогда не прикасаться к своему дару и, будучи не последним человеком в гильдии, смог уговорить Совет сохранить ему жизнь, обменяв ее на закрывающую печать.

Я, не сдержавшись, тихо зарычал.

Трус! Закрывающая печать – самое последнее, на что бы я решился, если бы встал вопрос о жизни и смерти! Лучше умереть, чем влачить жалкое существование, совершенно точно зная, что твой дар станет отныне абсолютно недоступным. К тому же печать не просто закрывает ауру или гасит тлеющую внутри каждого мага волшебную искорку. Она разбивает душу на мелкие осколки и вместе с магией забирает у чародея немалую часть его жизни! Разрушает

саму его суть! После чего личность закрытого мага меняется так резко, что его перестают узнавать даже собственные дети.

Он становится абсолютно другим человеком! Чужим. Существом без прошлого и, по большому счету, без будущего, потому что бывших магов не бывает! Даже если печать вдруг будет снята, то к былому могуществу он никогда не вернется. А с отрезанным даром проживет совсем недолго, постепенно сходя с ума от безысходности.

– Отец посчитал, что так будет лучше, – тихо обронил барон. – Своим поступком он избавил наш род, в котором испокон веков рождались неплохие некроманты, от гонений, сохранил жизнь себе и заодно скрыл от Совета мои способности. Сам он, конечно, об этом благополучно забыл, потому что безумие со временем все же поразило его разум. Но я знал. И с детства учился скрывать свой дар от остальных. А еще я помнил о жертве, принесенной отцом ради меня. И все эти годы развивал способности втайне даже от него. В том числе и по записям мэтра Валоора, о которых узнал относительно недавно.

Я едва не фыркнул.

Ладно, хоть одна вещь мне наконец стала понятной. Оказывается, предатель оказался достаточно предусмотрительным, чтобы оставить себе лазейку в случае непредвиденных осложнений. Ведь украденные записи можно было выгодно продать – Совет и сейчас с руками оторвет любую вещь, в которой правдоподобно говорилось бы об бессмертии. Все же маги – не боги. Они стареют, пусть и гораздо медленнее простых смертных, и умирают точно так же, как все остальные. А умирать многим из них очень не хочется. И за любую возможность отсрочить это неприятное событие они готовы на все. Особенно светлые, потому что, в отличие от темных, наивно верят, что смерть можно обмануть.

Но в тех черновиках важных для них сведений и без того было немало. И разобраться с ними маги Совета точно бы сумели. Со временем, конечно. Поэтому наверняка не отказались бы сохранить жизнь сделавшему им этот роскошный подарок некроманту. Даже такому скользкому, как Евгродус Невзун.

Кстати, надо бы выяснить, не осели ли где еще копии тех черновигов. И уточнить, чего ради барон вдруг нарушил свои принципы, решив воспользоваться даром.

– Хотите знать, почему? – внезапно спросил барон, словно прочитав мои мысли. – Хотите, я расскажу вам, как дошел до такой жизни? Мне кажется, именно вам будут близки мои цели. Ведь кто лучше сумеет понять некроманта, чем другой некромант?

Я угрюмо промолчал.

– Я не желал всего этого, – так же неожиданно признался барон, обведя взглядом мрачные стены внутреннего двора. После чего отступил на шаг и, перестав давить на защиту, посмотрел на меня с неподдельной тоской. – Поверьте, коллега, если бы была возможность продолжить жить, как прежде, я бы с радостью согласился. Это ведь не то, о чем я мечтал... совсем не то, честно. Вот только понимать это начинаешь...

– Когда становится слишком поздно, – спокойно закончил я, заметив быстрый взгляд барона в сторону своей семьи. – Но теперь ничего не поделаешь: вы стали теми, кем стали. Хотели вы этого или нет, думали о последствиях или же были одержимы своей идеей. Это – беда всех некромантов, рискующих возвращать к жизни родных и близких. Тоска по прошлому, желание изменить то, что изменить уже нельзя, стремление что-то кому-то доказать, которое, к сожалению, всегда приводит к печальным результатам.

– Мы получили возможность жить дальше, – слабо возразил барон.

Я покачал головой.

– Разве это – жизнь?

– Но это лучше, чем ничего, – совсем тихо отозвался он и надолго замолчал.

Словно почувствовав колебание мужа, его супруга, убедившись, что дочь больше не намеревается падать и пачкать свое единственное уцелевшее платье, неслышно подошла и

положила руку ему на плечо. Неестественно бледную, все еще изящную, но покрытую некрасивыми темными пятнами руку, при виде которой барон помрачнел и поспешил отвернуться.

Я снова промолчал, решив не травить душу. Но про себя все же задумался о причинах, заставивших хозяина замка применить свое искусство на собственных подданных. И о причинах, по которым все эти люди согласились на долгий, крайне болезненный ритуал, превративший их из людей в слабое подобие самих себя.

– Это началось три года назад, – снова подал голос барон, отведя взгляд и отступив от меня еще на пару шагов. – Лютеция заболела болезнью, от которой я не смог найти противоядия. Как я уже сказал, история моей семьи насчитывает немало темных страниц, поэтому поначалу я проявлял осторожность и далеко не сразу рискнул обратиться за помощью. Особенно когда выяснилось, что после амнистии члены Совета слишком уж рьяно рыскали по окраинам в поисках людей нашей с вами профессии. Помня о недавней войне, доверять им было бы опрометчиво. Поэтому какое-то время я пытался справиться с болезнью самостоятельно, читал книги по лекарскому делу и, к сожалению, слишком поздно понял, что не сумею ее остановить. А когда болезнь вошла в решающую фазу, я... у меня действительно не осталось выбора.

– Вы отписали в столицу? – нахмурился я.

– Да, конечно.

– Кому именно? Куда?

– Просто в гильдию, – устало ответил барон. – Я ни разу там не был и не знал, к кому обратиться, поэтому отправил письмо на имя первого помощника главы гильдии. Но поскольку моего имени нет в гильдийных списках, я опасался, что письмо не воспримут всерьез и промедлят, как это обычно бывает, поэтому приложил архивные документы, выданные Советом отцу после наложения на него печати. И на деда, который в свое время числился в гильдии некромантов. Быстрого ответа, разумеется, не ждал, но он, на удивление, пришел всего через два дня, и там было сказано, что целители гильдии не выезжают на места, поэтому мне придется привезти Лютецию в Тисру. Я, разумеется, согласился и стал собираться, пока у нее были силы передвигаться. Но еще через день, когда мы уже были готовы выехать, из гильдии пришло второе письмо, где предыдущее распоряжение отменили, а нам велели ждать приезда специально назначенного целителя.

– Имя того, кто подписал бумаги, помните? – быстро спросил я.

– Нет. Это было три года назад, а в моем нынешнем состоянии... сами понимаете: память на отдаленные события страдает первой, – виновато развел руками барон, и я нахмурился еще больше.

– Что за заболевание было у вашей дочери?

– Болезнь Кпоши.

– Системная форма?

– Да.

Я вздохнул. Действительно редкая зараза. И крайне неблагоприятно текущая. Причем от момента появления первых признаков болезни до смерти в одном случае может пройти целых двадцать лет, а в другом – всего месяц. И симптомы настолько разнообразны, что «болезнью Кпоши» ее называют только специалисты, а в простонародье ее кличут хамелеонкой – за обилие внешних «масок», многообразие проявлений, способность поражать любую систему и длительный скрытый период.

Помнится, однажды мне довелось встретить женщину, у которой единственным проявлением болезни были лишь красные пятна на скулах. И видел двоих мужчин, у которых кожа осталась совершенно нетронутой, но зато серьезно пострадали внутренние органы, из-за чего их жизнь закончилась весьма печально и буквально в считанные недели. Были в практике целителей случаи, когда страдал лишь какой-то один орган. Иногда – два или три. Когда-то случа-

лось, что болезнь, которая, казалось бы, уже вошла во вкус, вдруг на какое-то время отступала, но абсолютно никто не мог сказать, когда она поднимет голову вновь. Поэтому заболевшие, независимо от тяжести состояния, считались обреченными.

Именно от этой болезни когда-то медленно умирал мой последний учитель. Так что в свое время я выяснил про нее все, что мог. Долгие месяцы и даже годы я провел в изучении старых рукописей и лечебных свитков. Испробовал на обессиленном старике все рецепты и их возможные сочетания. Как среди заклятий, так и среди обычных травяных настоек.

Но все было тщетно. Потому что хамелеонка, как назло, чаще всего привязывается именно к магам. И потому, что излечить ее еще не удавалось никому.

Я посмотрел на барона с пониманием.

– Какие вам дали сроки?

– Год, – прошептал тот, стараясь не смотреть на дочь. – Или даже меньше. Но мне удалось замедлить процесс и выиграть еще немного времени. До того момента, когда у меня получилось расшифровать черновики мэтра Валоора и подарить дочери вторую жизнь.

– Вы использовали стазис? – со знанием дела уточнил я.

– Сперва травы – серебрянку, смесь различных настоек и даже слабые яды, чтобы хоть как-то заставить организм сопротивляться... а потом – да, пришлось обратиться к стазису.

– Сколько времени она там провела?

– Шесть месяцев. После чего заболела моя жена, и я был вынужден отвлечься.

Я удивленно замер, кинув пораженный взгляд на молчаливую баронессу.

– Вы хотите сказать, хамелеонка зацепила сразу двух человек в одном доме?!

– Совершенно верно.

Но это невозможно! Болезнь Кпоши тем и «хороша», что никогда не бьет в одну цель дважды! Это не простуда – она не передается по воздуху! И если заболел один человек, то, как бы ни тяжела была форма, остальные могли ничего не бояться.

Некоторые простаки даже начинали открыто радоваться, когда в доме появлялся больной, а иногда и соседи напрашивались какое-то время пожить рядом, чтобы обезопасить себя и родных. Умиравшим, конечно, это радости не доставляло, да и эффективность данного метода, честно говоря, была сомнительна, но люди верили. И зная, что хамелеонка, как и бешенство, неизлечима, хватались за любую соломинку.

– Да, – мертвым голосом согласился со мной барон. – Я сам знаю, что так не бывает, но тем не менее это случилось. С нами. С нашим домом. И со всеми нашими слугами. Мне пришлось принимать срочные меры, чтобы остановить болезнь в пределах хотя бы этого замка.

Я растерянно моргнул.

– А как же Совет?

– Вы удивитесь, коллега, но – никак. Он не захотел помогать.

– Но это невозможно. Из гильдии обязательно должны были отослать сюда весточку! К вам должен был приехать проверяющий, чтобы удостовериться в том, что это именно «Кпоши», и зафиксировать очередной случай заболевания!

– Он приезжал, – неожиданно оскалился барон. – Незадолго до того, как заболела Мар-тисса. Все записал, проверил, оставил для нас какое-то экспериментальное лекарство и через пару дней уехал, пообещав, что зараженных больше не будет. Но он ошибся – зараженные все-таки появились. И немало. По поводу чего я снова отписал в гильдию. Только на этот раз мы не дождались никого, кто мог бы помочь остановить распространение болезни. Понимаете, никого вообще! Притом, что письма с просьбой о помощи отправлялись в столицу не один раз! Но оттуда мне ответили лишь однажды, велев не покидать пределов замка и заодно направив сюда несколько воинских подразделений... якобы для оказания содействия. На самом деле они лишь следили за тем, чтобы никто из моих людей не вышел за пределы границы! Узнав об

этом, я... я больше не смог ждать. А когда начали заболеть слуги, решил, что терять больше нечего, и обратился к собственному дару.

Его милость, на мгновение прервавшись, тяжело вздохнул и как-то резко сгорбился.

– К сожалению, ни одна книга по некромантии не рассказывает о том, что происходит с людьми за порогом смерти. У меня не было подобного опыта. Да и учителя не хватало. Что-то у меня получилось. Кого-то мы, к сожалению, потеряли еще на первых этапах трансформации... но это... – он оглянулся на топчущихся возле решетки зомби, – все, кто добровольно явились ко мне за помощью и кому я не сумел отказать. Их немного, вы правы, но все они верили мне. И добровольно легли на алтарь, надеясь на избавление.

– Они все были больны, – мрачно констатировал я очевидное.

– Конечно. Поэтому и согласились на ритуал возвращения.

– А что с остальными?

– Погибли.

– От болезни или от когтей ваших новых подданных? – сухо уточнил я.

Однако барон на удивление быстро успокоился и вскоре взял себя в руки.

– От всего вместе. Ритуал отнял у меня очень много сил, так что было некогда отвлекаться на тех, кого я создал. Еще какое-то время после окончания обряда потребовалось, чтобы усмирить людей, оказавшихся в крайне непростой ситуации. Немало дней мне пришлось провести, изучая их новые способности. Помочь привыкнуть Мартиссе и Лютеции к новым телам. Все-таки опыта у нас тогда было мало, поэтому осечки случались часто. В том числе и с моей стороны. А когда все утряслось, я принялся наводить порядок в своих владениях, дабы избавиться не только от излишне агрессивных особей, но и от желающих пожить за чужой счет.

– Вы поэтому велели своим созданиям напасть на людей графа Экхимоса?

– А почему я должен терпеть на своей земле чужаков?

– И этим вы оправдываете убийство нескольких десятков людей?

– Я ничего не оправдываю, – отрезал барон и остро на меня посмотрел. – Я защищаю свой замок от посягательств. У меня есть на это полное право.

Я не стал напоминать, что указ короля лишил его каких бы то ни было прав, а вместо этого просто еще раз всмотрелся в его ауру. Кое-что было в ней вполне закономерно, вроде истрепанного, словно обгрызенного неведомым червяком края или тянущихся прочь нитей управляющего заклятия. Но некоторые вещи мне откровенно не понравились. Особенно насыщенные алые точки возле висков «коллеги» и несколько очень слабых, коротких, но вполне различных следов, оставленных только что выпущенным за пределы замка непонятным заклятием.

Интересно... кажется, его милость перестал мне доверять?

С чего бы это вдруг? Что я опять сделал не так?

– Я не держу на вас зла за переманенных «птенцов», коллега, – опровергая свои действия, учтиво сообщил некромант. – Потому что это я был небрежен и не уделил им в свое время должного внимания. Также я не сержусь на вас за нарушение границ моих владений. Более того, предлагаю сотрудничество. Полагаю, ваш неоспоримый опыт и мои широкие возможности позволят нам сосуществовать не только мирно, но и результативно. Иными словами, я приглашаю вас перейти под мои флаги. Что вы на это скажете?

Я скептически поджал губы.

– Пока ничего. Как вы собираетесь сражаться с войсками короля?

– Почему вдруг сразу с ними?

– Ну вы же не думаете, что граф нарушит свое слово или не сообщит о случившемся в королевскую канцелярию? И не считаете, что, узнав о вашем существовании, сюда в скором времени не пошлет целая армия? Насколько мне известно, род Экхимос еще не оскудел на хороших воинов, а их казна достаточно богата, чтобы позволить себе не экономить на дружине.

Лицо барона мгновенно закаменело.

– Не переживайте. Я найду способ отстоять свою независимость.

– У вас не хватит для этого ни сил, ни людей, – осторожно ответил я, прислушиваясь к своим ощущениям и чувствуя, что разговор свернул на опасную колею. – Ни иных помощников, которые, как я понимаю, уже потихоньку собираются под стенами замка, готовясь исполнить любой приказ. Нет, я не ставлю под сомнение ваши способности. Более того, признаю ваши таланты и искренне поражен тем, что даже в отсутствие хорошего учителя вы сумели достичь столь впечатляющих результатов. Однако в подобных ситуациях в первую очередь следует думать об отдаленных последствиях. Вполне вероятно, если бы вы затаились или забрались в какую-нибудь глубинку, это предприятие могло бы увенчаться успехом. Лет через тридцать или даже сорок, когда вам удалось бы собрать достаточное количество народа для серьезного сопротивления. Возможно даже, какое-то время вы бы смогли держать свое существование в тайне. Но открытое противостояние... боюсь, вы переоцениваете свои силы.

– Значит, вы мне отказываете? – В глазах некроманта вновь вспыхнул опасный огонек.

– Признаться, меня никогда не прельщала служба, ваша милость, – еще осторожнее отозвался я. – К тому же я неплохо знаю историю и прекрасно помню, что однажды мои коллеги уже обожглись на этом. Целая гильдия бесславно уступила магам Совета в открытой войне. Так что на вашем месте я бы не рискнул затевать новую кампанию с заведомо более слабыми силами, нежели были у нас сто лет назад.

– У меня просто нет другого выхода! – вдруг рыкнул барон, обнажив желтоватые, изрядно увеличившиеся в размерах зубы. – Я не могу покинуть свой замок! Не могу увести отсюда людей! Все, что мне остается, это защищать их до последнего вздоха!

Я неслышно вздохнул.

– Тогда вы погибнете. Король не допустит на своей земле нежити.

– Это не его земля! И мы – не нежить!!!

– А кто тогда? – спокойно спросил я, видя, как все яростнее разгораются зрачки барона. Тем самым красноватым светом, который не понравился мне в его ауре. – Люди? Уже нет – вы никогда ими больше не будете. Бессмертные? Увы, и это неправда, потому что хоть вы и менее подвержены воздействию внешних факторов, но разложение никого из вас не минует. Это неизменный процесс, сопутствующий воскрешению мертвого тела. Поэтому я не совсем понимаю, на что вы надеетесь и почему так упорствуете в своих заблуждениях.

Барон скрежетнул зубами и, кинув на недобро заворчавшую супругу выразительный взгляд, снова оскалился.

– Я все еще жив!

– Боюсь, что нет, – так же спокойно отозвался я, бесстрашно глядя ему прямо в глаза. – Не знаю, правда, с чьей помощью вам удалось воскреснуть, но это был не самый умный поступок с вашей стороны. Тем более проведенный ритуал не вернул вам ни дочери, ни супруги. И вряд ли настоящая Лютеция согласилась бы на такую подмену.

От моих слов у некроманта лицо пошло самыми настоящим трупными пятнами, которые до этого момента искусно прятались под наведенной личиной. Его кожа посерела, потемнела, глаза поблекли и потускнели, не в силах больше скрывать трупную матовость. На правой щеке обнажилась глубокая рана, видимо, оставленная каким-то особенно протестующим крестьянином. А на левой руке куда-то исчезло сразу два пальца.

Впрочем, это было уже неважно: аура, в отличие от лица, все равно не умеет лгать. Так что я с самого начала не сомневался в том, кого именно вижу. Да и не стал бы обычный некромант таиться до полуночи: дневной свет нам не помеха. А вот полноценный лич, набравший неожиданную силу, успевший создать свою собственную армию, еще не слишком опытный, но, судя по всему, крайне упертый, это действительно проблема. И немалая.

Пока «живы» его «птенцы», сил у некроманта всегда будет в достатке. Они будут подпитывать его до тех пор, пока не перестанут шевелиться или пока не погаснет искра вложенной

в них магии. А у нашего ополоумевшего барона «птенцов» накопилось немало. Будет невероятно трудно его достать, не уничтожив перед этим результаты его ранних опытов.

Быть может, если бы дело действительно обстояло так, как он мне тут слезливо поведал, я бы, вероятно, не тронул это милое семейство. Все-таки личное горе – есть личное горе. Его следует уважать и прощать некоторую неадекватность людям, потерявшим близких.

Вот только господин барон как-то слишком уж рьяно напирает на непререкаемость своих прав. И подозрительно упорно радеет за сохранность замка. Тогда как для лича на первых порах наиболее важна в первую очередь сохранность тайны его существования и безопасность «птенцов». Без них он – как без рук: слабеет и хиреет с каждым потерянным умертвием. Даже новичок, едва коснувшийся азов нашего искусства, приложит все силы, чтобы себя защитить. Поэтому барон, будь он хоть трижды идиотом, все равно забился бы в какую-нибудь нору и носа оттуда не казал до того момента, пока не обрел уверенности в своих силах. Но он отнюдь не дурак. И значит, его влечет к замку нечто совсем иное. Быть может, закрытый портал, более неподвластный его цепким ручкам. Или семейная реликвия, о которой он недавно узнал, но которая стала ему после смерти недоступна. А может, он и на чужие артефакты успел глаз положить и теперь лишь выжидает подходящий момент?

Причем граница барона не остановит: раз уж он свои деревни не пожалел, то уж соседей точно в скором времени изведет. Хотя бы для того, чтобы и их «облагодетельствовать» вечной жизнью и заодно прибрать к рукам владения изрядно нелюбимого им герцога Ангорского.

– Скажи, милая, я прав? – с участием поинтересовался я у замершей дочери барона. – Ты ведь совсем не хотела становиться нежитью?

Девушка не ответила. Но на ее лице тоже начали постепенно проступать неприменные спутники смерти, хотя и не слишком явно: видимо, хозяин себя еще контролировал.

Пора бы это исправить.

– Вот видите? – мягко укорил я коллегу, кивнув в сторону застывшей барышни. – Она даже не понимает, о чем я ее спросил. Ваша дочь мертва, господин барон. Так же безнадежно мертва, как и все остальные.

– Она благодарна мне за новую жизнь! – наконец взревел некромант, до скрипа сжав кулаки и чуть не плюнув в мою сторону.

Я посмотрел на равнодушное лицо куклы, которое в момент вспышки хозяина послушно искривилось и оскалилось так же зло, как и его бледная физиономия. Перевел взгляд на «почтенную матушку», в глазах которой внезапно появился голодный блеск. Вернулся к барону, который никак не желал признавать очевидное, и без особой жалости повторил:

– Трупы, ваша милость. Вы хотели продлить жизни своим людям, но властвуете лишь над покорными вашей воле телами. Которые без должной подпитки в скором времени начнут гнить прямо у вас на глазах. Всего лишь оттого, что вам не хватило знаний, чтобы сохранить их в приличном виде. Полагаю, мои новые «птенцы» – это результаты ваших первых экспериментов?

Барон с новым рыком развернулся к вжавшимся в камень зомби. Заметно посвежевшим с момента нашей первой встречи, принявшим более очеловеченный вид, обретшим крохотную искру понимания в глазах и ощутимо тяготившимся своим незавидным положением. Бедняги. Но не я воскресил их в таком безобразном виде. Не я не обращал внимания на их отвратительную внешность. И не я не позаботился о том, чтобы они хотя бы не понимали этого.

Признаться, я всегда считал, что к своим творениям следует относиться бережно. И если уж ты даришь им некое подобие жизни, то просто обязан сработать качественно. Иначе зачем было начинать?

– Я не дал им полной свободы, – тихо сказал я, встретив пристальный взгляд своего первого «птенца». – Но не хочу, чтобы они страдали из-за чужой небрежности. Сейчас они умеют

хотя бы оценивать и сравнивать. Способны принимать самостоятельные решения. Иногда даже думают. Слушают. Видят. И сохраняют эти способности до тех пор, пока я жив.

– Ты?! Жив?! – внезапно расхохотался барон.

Гм. Странно. Мне казалось, это только я в боевой трансформе эмоционально неустойчив.

– Да ты мертв точно так же, как и я! Причем давно!

Я только усмехнулся.

– Я не буду вас разубеждать, коллега, потому что для того, чтобы это понять, нужно было расшифровать все записи мэтра Валоора. А вам достались только направленные черновики. Есть разница?

Он поперхнулся. После чего вдруг выпрямился, шумно втянул ноздрями пропитанный зловонием воздух. Но затем неожиданно снова улыбнулся и «ласково» прошипел:

– Ничего страшного. Я все равно узнаю эту тайну. Даже если для этого придется тебя убить, а потом снова воскресить и сделать очередным «птенцом»!

Вот теперь настала моя очередь громко расхохотаться.

– Святые умертвия, ну какой же вы все-таки дурак, мой малоуважаемый коллега! Пытаться воскресить дух, который однажды уже был мертв, в теле, которое никогда не было настоящим – это все равно, что сношаться с умертвием, надеясь на то, что в результате получатся качественные зомби! Сразу видно, что с теорией у вас явно беда!

– Зато с практикой все в порядке! – потеряв всякое терпение, рявкнул барон и резким движением выбросил вперед правую руку. – Убейте его! И принесите мне его голову!

Я проворно скинул с плеч мантию, чтобы не мешала двигаться, и почти весело уставился на зашевелившихся зомби. Одновременно с этим приготовился к бою и все-таки не отказал себе в удовольствии гнусно хихикнуть:

– Давайте-давайте, мои хор-р-рошие... мне уже давно не хватает свежего материала!

Глава 12

Бойтесь улыбающегося некроманта. Никогда не знаешь, что у него на уме.

Надпись на дверях склепа

Честно говоря, я не ждал от барона особой изобретательности: личи, подобно другой нежити, обычно рассуждают так же ограниченно, как и простые умертвия. Они прямолинейны до безобразия, вечно голодны и редко когда способны думать о чем-либо, кроме насущных потребностей.

Однако его милость все-таки сумел меня удивить и даже вызвал нечто, похожее на уважение, потому что, получив недвусмысленный приказ, его распаленные мертвяки не ринулись на меня сломя голову. Не рванули через оплетенный сложным заклятием двор, теряя по пути полусгнившие конечности. Они зашевелились – это верно. Но лишь для того, чтобы расступиться в стороны и пропустить вперед трех крайне необычных созданий, которых я, несмотря на весь свой опыт, видел впервые в жизни.

На первый взгляд, они напоминали обычных могильщиков: угловатые, приземистые, лысые и криволапые твари с острыми когтями, вытянутой, как у муравьеда, мордой и худым до безобразия телом, при виде выпирающих ребер которого на ум сразу приходили истощенные до предела обитатели королевских каменоломен. Однако при этом над нежитью, судя по всему, успел потрудиться весьма изобретательный некромант. Который, взяв за основу тела крупных хищников, сумел кардинально их изменить и превратил в нечто совсем иное. Обладающее невероятной силой, редким проворством и, кажется, даже зачатками разума.

Я только раз взглянул в хищно горящие глаза одной из тварей, ловко выбравшейся из дыры и оценивающе уставившейся на моих «птенцов», и мгновенно осознал: беда. Кажется, господин барон оказался намного более способным, чем я решил. Или же он очень много времени провел над пресловутыми черновиками, сумев если не расшифровать их до конца, то как минимум грамотно использовать то, что смог понять.

А понял он, судя по результатам, немало. Потому что «могильщики» были не просто выше ростом своих обычных сородичей и слушались его, как бога. Он сделал что-то непонятное с их прикусом... вероятно, разделил нижнюю челюсть на две части, преобразовал крепящиеся к ней мышцы и добился того, чтобы при необходимости ширина пасти достигала поистине устрашающих размеров. Как у змей, способных заглотить даже очень крупную добычу.

Более того, подобно тем же змеям, эти создания наверняка получили в подарок несколько ядовитых желез, способных если не убить жертву (зачем некроманту трупы, которые к тому же имеют свойство портиться, разлагаться и терять свои ценные качества?), то как минимум парализовать. Или ввести в кратковременный химический стазис, позволяющий сохранять тела довольно длительное время.

Удобное, надо сказать, приобретение – достаточно напустить на деревню всего одну такую тварь, и в считанные часы жители превратятся в высококачественные заготовки для будущих зомби. Потом только ходи между стеллажей, выбирай любое понравившееся тельце и спокойно себе трудись, не боясь потерять остальной материал.

Видимо, именно таким образом он и управился в столь короткие сроки. И, похоже, следы именно этих «могильщиков» я видел в опустевших домах.

Что ж, одной загадкой стало меньше.

Кстати, зубки у тварей мне тоже не понравились: очень длинные, загнутые внутрь, подозрительно острые... интересно, дыра в решетке – это их работа? А если да, то на что еще они способны, кроме как перекусывать железные прутья?

Я отступил на полшага назад, внимательно следя за тем, как выбравшиеся на свободу твари дружно повернули головы и уставились неподвижным взором на хозяина. Тот повелительно рыкнул, словно подтверждая приказ, после чего вся троица хрипловато взвыла и, звучно щелкнув клыками, с которых слетели пенистые брызги зеленоватой слюны, стремглав прыгнула в мою сторону.

На моих губах заиграла легкомысленная улыбка.

Хотелось бы выяснить, докуда они сумеют допрыгнуть? Ставлю два к одному, что не дальше, чем господин барон. Хотя...

Я оценил скорость и длину прыжка передней твари и ненадолго задумался, мысленно сравнивая интересующие меня параметры. Терпеливо дождался, пока зверюги окажутся достаточно близко, не особенно удивившись тому, что защита на них просто-напросто не сработала. Проигнорировав зловещую ухмылку барона, продолжал внимательно наблюдать за необычными созданиями, скрупулезно считывая с их псевдоаур необходимую информацию. Позволил им оказаться на расстоянии всего нескольких шагов и только тогда активировал дремлющие элементы второго заклинания.

В тот же миг рисунок на камнях буквально вздыбился, неожиданно выстрелив вверх целым лесом магических «рук» и перехватив несущихся во весь опор тварей прямо в прыжке.

Будучи до поры до времени надежно спрятанными внутри внешнего охранного заклятия, теперь они на глазах вытягивались, обретали форму. С огромной скоростью отращивали на своих кончиках цепкие и очень острые когти – по одному на каждую «руку». Да еще и вгрызались в неосторожную добычу настолько глубоко, что вырваться из их объятий было крайне затруднительно. Я бы даже сказал, что это невозможно, если бы мог провести полноценный эксперимент с какой-нибудь высшей нежитью.

Но увы – пока это был лишь удачный прототип, который нам с Ничем еще не удавалось опробовать. По этой же причине энергии на его создание у меня ушло просто немерено (я потерял почти четверть запасов!), но зато и отдача оказалась выше всяких похвал.

Пожалуй, если его доработать, получится неплохая «ловушка для дураков». Моя собственная разработка, между прочим. Редкое новшество в наше беспокойное время и, что самое главное, весьма эффективное средство борьбы со всякими обнаглевшими упырями.

Неудивительно, что барон так опешил, и, обнаружив себя в опасной близости от бешено извивающихся щупалец, даже соизволил торопливо отпрыгнуть назад.

В принципе, последнее было лишним – мои «макроподы» изначально были настроены на низшую нежить, потому что, как правило, именно она являлась самой многочисленной и, как следствие, самой большой проблемой для упокаивающего. Но с высшими тварями я всегда старался справляться сам. Тем более что энергия, высасываемая щупальцами, поставлялась мне в изрядно преображенном виде. Так, чтобы я мог ее усвоить, находясь даже при смерти. Однако для того, чтобы пополнить накопительные амулеты, ее было мало – здесь требовалась качественная, полноценная темная сила, а не питательная смесь для младенцев. Поэтому господина драгоценного барона, до ушей залитого этой самой силой, я собирался беречь до последнего.

С разбегу налетев на мои «руки», твари снова взвыли и яростно забились, пытаясь сбросить впивающиеся в них со всех сторон шипы. Но я специально создавал «макроподы» с тем расчетом, чтобы они могли удержать вдвое больший вес, чем вес обычного зомби. К тому же щупалец было несколько десятков, да и сработали они превосходно, обвив тварей так, что вскоре снаружи остались торчать лишь кривые лапы и кончики уродливых носов. А когда неистово воющие «могильщики» перестали вырываться, щупальца начали постепенно сжиматься, буквально выдавливая из нежити дурно пахнущие внутренности и, конечно, жизненно важную для меня силу.

Заслышав смачное чавканье внутри образовавшихся коконов, барон растерянно замер.

– Что это?! – прошептал он, в панике следя за тем, как погибают его создания.

Я небрежно отмахнулся.

– Обычная мухоловка. Стандартное ловчее заклинание, снабженное несколькими дополнительными функциями.

Ну не совсем обычная, конечно, потому что рассчитана не на мух, а на «насекомых» побольше, но принцип работы схожий: стоит кому-нибудь потревожить или активировать пусковое заклинание, как основное заклятие тут же срабатывало по принципу гигантского капкана.

Хлоп – и нету мухи.

– Но так не бывает! – окончательно растерялся барон. – Мухоловка должна быть маленькой!

Естественно. По крайней мере, в книгах по некромантии именно так и написано про пассивные атакующие заклинания первого уровня. Другой вопрос, что мы уже давно вышли из возраста первокурсников, поэтому хотя бы из уважения к себе просто обязаны были придумать что-то новенькое.

Я с растущим интересом присмотрелся к ближайшему «могильщику».

Гм. Какое интересное у него строение зубов – чем-то напоминают мои, только на обратной стороне каждого зуба имеется множество крохотных зазубринок, помогающих удерживать судорожно бьющуюся добычу. А на верхних клыках, как я и предполагал, обнаружились такие же крохотные канавки для стекающего сверху яда... да, точно. Вон те припухлости на деснах и есть ядовитые железы. А значит, я был абсолютно прав насчет способностей этого уродца.

– Не подскажите, какое животное вы взяли за основу для этих созданий? – спросил я, увидев все, что хотел.

– Лису, – машинально отозвался огорошенный барон, глядя, как постепенно опадают мои «макроподы», после работы которых от его «могильщиков» в буквальном смысле остались рожки да ножки.

– А медведя не пробовали? Или хотя бы росомуху?

– Зачем?

– Чтобы не возиться с размерами. Заклинание преобразования отнимает слишком много времени и требует намного больше сил, чем ритуал прямой трансформации. Если бы вы скрупулезно читали труды мэтра Валоора, то обратили бы внимание на то, что в экспериментах на животных он доказал обратную зависимость затрачиваемой на преобразование энергии от исходной массы тела испытуемого.

– Это ошибочное утверждение, – опомнился коллега, зачем-то решив со мной поспорить.

Я усмехнулся.

– С чего вы решили?

– Оно противоречит всем законам природы.

– Ваше существование тоже противоречит законам природы. Тем не менее вы все еще ходите, пытаетесь рассуждать и делаете те же самые ошибки, которые допускали при жизни.

– И в чем же я ошибся, по-твоему? – ошетинился некромант, наконец оторвавшись от созерцания гибели своих созданий.

– До появления людей нашей с вами профессии нежити почти не существовало, – вежливо пояснил я. – Природа просто не в состоянии была создать такое непотребство, да еще в таком огромном количестве. Однако человек, вернее, наши с вами далекие предки, почему-то посчитали себя умнее нее. Поэтому со свойственной им самоуверенностью взяли за крайне неблагодарное дело, в результате чего самая разнообразная нежить широко распространилась по всем странам. И с каждым годом она отвоевывает для себя все большее пространство. Причем, заметьте, сейчас это происходит уже без нашего непосредственного участия.

– Ну и что? – с нескрываемым подозрением осведомился барон.

– Вы не считаете, что с течением времени наша роль заметно изменилась? И вам не кажется забавным, что теперь, вместо того, чтобы активно плодить новую нежить, гильдия занялась ее уничтожением? Тогда как создание новых экземпляров превратилось в увлечение престарелых чудаковатых мэтров, которые ищут острых ощущений?

– Глупости! – отрезал барон, даже не задумавшись. – Мы всегда будем стоять выше остальных магов! Умение возвыситься даже над собственной смертью делает нас избранными!

Я скептически хмыкнул.

– Да ну? А мэтр Валоор считал иначе.

– Мэтр Валоор давно мертв! – привычно оскалился некромант, и я хмыкнул снова. На этот раз – не скрывая насмешки.

– Возможно. Но это не значит, что я позволю вам использовать его дневники в личных целях. Кстати, где вы их спрятали, если не секрет?

Барон гнусно ухмыльнулся.

– Там, где ты никогда не найдешь!

– Ой. Только не говорите, что вы их съели, – внезапно забеспокоился я. – Мне бы очень не хотелось потом ковыряться в ваших кишках в поисках бумажных обрывков. А еще, говорят, некоторые особо изобретательные личности придумали прятать древние свитки внутри своего собственного тела. Отдавая почему-то предпочтение нижнему его этажу и, видимо, полагая, что там эти знания лучше сохранятся. Правда, я искренне надеюсь, что вам не пришлось в голову оскорбить покойного магистра подобным деянием, и еще меньше хотел бы заглядывать во все ваши... простите... естественные отверстия, рискуя замараться их неаппетитным содержимым. Признаться, я слишком ценю свою обувь, чтобы сбивать ее о ваш жесткий, костлявый и крайне малопривлекательный зад, поэтому...

– Тва-а-арь!!! – вдруг заорал во весь голос барон, покрывшись крупными синюшными пятнами. – Я тебя прокляну!!!

– Какое будет страшное несчастье, – я всплеснул руками, немедленно приняв скорбный вид, а потом совсем грустным голосом добавил: – Вот только, к моему глубочайшему сожалению, проклятие на смерть срабатывает на некроманте лишь один раз. И я его уже пережил, так что, боюсь, ваш благородный посыл уйдет в никуда. Что же делать?

– Ты умрешь!

– Конечно, конечно. Сейчас только мантию подтяну и честно приготовлюсь умирать.

– Я сделаю из тебя чучело и повешу на стену своей гостиной!

– Да зачем бы вам там сдалась такая уродливая тварь? – сдержанно удивился я, выудив из кармана сомнительного вида чахлый стебелек. – Вы только посмотрите на меня: страшен, как ночной кошмар; зубаст, как южный клыкоскал; когтист, гласт, и вообще, у меня дурная наследственность! Представляете, что будет с вашим замком, если кто-нибудь возьмет и сдуру оживит мое чучело?!

От избытка чувств я взмахнул рукой и нечаянно выронил тщедушное растение. Словно только и дожидаясь этого, его подхватил порыв холодного ветра и, ловко пронесся над двором, играючи швырнул в сторону кучкующихся возле противоположной стены зомби.

Стебелек, мягко качнувшись, закружился над головой одной из служанок, так же легонько коснулся ее макушки, затем перелетел на соседа, клюнул несильно в темечко, задел еще чье-то плечо, на мгновение задумался, заставив зомби удивленно склонить к нему головы... а потом с оглушительным грохотом взорвался, выворотив с мясом часть наземной плиты, опалив камни жарким пламенем, раскидав во все стороны сразу десяток мертвяков и в довершение всего просыпавшись на остальных целым градом осколков.

– Виноват: не уследил, – сокрушенно вздохнул я и, встретив бешеный взгляд барона, развел руками. Совершенно не заметив, как от этого незатейливого движения из рукавов вылетело целое облако тщедушных травинок. При виде которых некромант хрипло зарычал и едва

не заметался по всему двору, расшвыривая своих окосевших, охромевших и оставшихся без конечностей зомби. Но потом вдруг опомнился, расплылся в злорадной ухмылке и, набрав воздуха в грудь, что было мочи дунул.

– А вот это зря, – спокойно заметил я, привычным движением убирая со своего пути неожиданное препятствие. Всего один щелчок пальцев, два коротких слова, легкий ментальный посыл – и ветер послушно сменил направление, заставив облако невесомых травинок лениво кружиться над центром замкового двора. А вместе с ним гарантированно остановив уцелевших мертвяков, число которых уже начало пополняться за счет стремительно прибывающей снаружи нежити. Та, в свою очередь, перла из-за решетки так, будто тут бесплатно раздавали горячие булочки. И абсолютно не смущалась видом изуродованных останков, щедро украсивших собой перепачканный слизью пол.

Разглядев столпотворение в узком коридоре за решеткой, я неслышно вздохнул.

Хоть эти зомби и просты, как табуретки, но их число заставляет призадуматься. К несчастью, у меня осталось не так много козырей в рукаве. А «макроподы», как ни прискорбно, одноразовое заклятие. Выполнив свою задачу, они частично восполнили мои скудные запасы энергии и втянулись обратно в камень, выкинув наружу останки незадачливых «могильщиков».

Да, «убей-травя» тоже неплохо сработала, но ее запас не так уж велик. И вот когда он подойдет к концу, мне придется туго.

– Нас все равно больше, – мрачно сообщил некромант, пристально следя за разделяющим нас облаком опасных травинок. – И могильщики – далеко не самые мощные наши союзники. Поверь, даже при самом удачном стечении обстоятельств тебе не справиться. А если ты взорвешь замок, то неизменно погибнешь сам.

Я невозмутимо пожал плечами.

– Это как раз не страшно.

– Может, все-таки договоримся? – вкрадчиво предложил барон, снова на миг сбросив маску непримиримого упряма-аристократа. – Даже на пороге войны разумные люди найдут повод для взаимовыгодного сотрудничества.

– И что же вы собираетесь мне предложить, ваша милость? – вяло поинтересовался я.

– Жизнь. Неограниченные возможности для экспериментов. Как на живых, так и на мертвых. Массу подручного материала. Запас времени. Возможность пополнять свои силы за счет моего источника...

– Заманчиво, – неохотно признал я, тем не менее не сдвинувшись с места. – Но, к сожалению, неосуществимо.

– Почему?

– Мне не подходит чужой источник.

– Полностью зависишь от типа поглощаемой энергии? – тут же догадался барон. – Что ж, тогда все понятно. Хотя это было опрометчивым решением: чем разнообразнее источники, тем больше возможностей сохранить дееспособность.

Я снова пожал плечами.

– Я спешил. Других вариантов не оставалось.

– Что, время поджимало? – с усмешкой осведомился некромант, и я, вспомнив, почему так произошло, с трудом подавил желание гадливо сплюнуть.

– Нет. Здоровье.

– Жаль, – внезапно глубоко вздохнул его милость и как-то по-особенному повел плечами, заставив жену и дочь неслышно отойти назад и пропасть в темноте коридора. – Действительно жаль. В иных обстоятельствах я бы не отказался поработать с тобой в паре. Но сейчас не хочу оставлять свидетелей.

– Так бы сразу и сказал, – хмыкнул я, ничуть не огорчившись. – А то «сотрудничество»... «шансы»... «давай к нам»... чего было столько времени политесы разводиться?

Барон неприятно улыбнулся, заставив меня разом насторожиться.

– А ты еще не понял?

У меня что-то неприятно засосало под ложечкой. А потом и умная мысль достучалась до задремавшей логики, запоздало донеся до своего дурака-хозяина очевидную догадку, о которой стоило подумать еще полчаса назад.

– Время...

Улыбка на губах барона стала гораздо шире.

– Ты просто тянул время, – тихо повторил я, наконец-то ощутив в воздухе нечто новое. Смертельно опасное, невероятно темное и определенно неживое. – А я, как болван, стоял и ждал, пока ты подтянешь сюда свою настоящую армию.

– Правильно мыслишь, – с довольным видом кивнул некромант, медленно отступая к стене. – У меня были месяцы, чтобы опробовать задумки нашего общего с тобой учителя. И некоторые из них увенчались успехом.

– Боюсь, это ненадолго, – прошептал я, последовав примеру противника и сделав знак «птенцам», чтобы уходили в замок. Заранее приоткрыв перед ними ограждающее заклятие, чтобы они могли юркнуть в коридор.

Пропустив мимо себя клацающего зубами верзилу, я перехватил его внимательный, на редкость разумный и откровенно оценивающий взгляд. К сожалению, не смог разобрать, что именно он шепнул на прощание. Но на всякий случай кивнул, затем снова запечатал проход и при этом почему-то был твердо уверен, что идущие к замку твари моих усилий даже не заметят.

– Бесполезно, – ухмыльнулся господин барон, презрительно глянув на башню. – Стены не спасут ни их, ни тебя.

Я тихонько буркнул под нос:

– Все равно это гораздо лучше, чем ничего. Даже думать не хочу, что было бы, если бы я тебя не нашел.

Его милость, чудом услышав, удивленно обернулся, однако вникать не стал – сейчас его гораздо больше интересовало, что творилось в непосредственной близости от решетки. Там, где его переодетые слугами зомби пугливо жались к стенам и поспешно освобождали проход для кого-то громадного. Кого-то, от чьей поступи начали отчетливо содрогаться плиты под ногами. Чей мощный трупный запах пробивался даже сквозь каменные стены и приличное расстояние. Кого-то, на чье создание господин барон потратил месяцы упорного труда и целую прорву невесть откуда взявшихся сил. И кого-то, при одной мысли о ком любому на моем месте стало бы некомфортно.

«Некроголем, – с поразительным спокойствием констатировал я, почувствовав характерную вонь. – А я думал, про них никто не знает. Значит, черновых записей у барона оказалось больше, чем половина дневника мэтра Валоора. Когда эта тварь только успела?»

Между тем тяжелый топот стал откровенно пугающим. Почти сразу в рядах мертвяков произошло новое волнение. Они дружно отхлынули от ворот, рассредоточившись вдоль стен, но при этом стараясь не приближаться к моему травяному «облаку». Затем на прутья решетки уверенно легли две громадные ладони, больше похожие на неумело сшитые кожаные перчатки гигантского размера. Раздался отвратительный визг. Толстые прутья толщиной с мою руку без малейшего сопротивления подались в стороны, а затем и вовсе вывалились из пазов, бесполезными железками рухнув на камни. Наконец в образовавшийся проем с усилием вдвинулось такое же громадное тело, и я с неожиданной грустью понял, что вечер не удался.

Некроголем – одно из заклятий высшего порядка, недоступное большинству некромантов по причине огромной энергоемкости и неимоверной сложности. Одно лишь заклинание призыва забрало бы вдесятеро больше резервов, чем было у меня на данный момент. А основа

под него отбирала еще больше сил. И, что самое главное, оно требовала крови, очень много крови, потому что эта материя настолько темная, что даже опытным мэтрам было неприятно к ней прикасаться.

Собственно, голем – не совсем верное определение для существа, которое я имел удовольствие лицезреть. Скорее, это сборная солянка, в которой причудливым образом перемешались самые разнообразные создания: зомби и умертвия, упыри и мавки, личи и скелеты... нога от одного мертвяка, рука – от другого, голова от третьего... Как если бы громадную людскую толпу какая-то неведомая сила вдруг разметала, разорвала на части, а потом кинула в кучу, небрежно перемешала и наугад слепила из обломков человеческих тел странное, уродливое, многорукое, многоногое и многоглавое нечто, способное двигаться, выполнять команды и делать самую грязную работу.

Правда, для создания такого монстра необходимо чудовищное по своим объемам жертвоприношение, которое, между нами говоря, даже сто лет назад было трудновыполнимым. Но при этом у заклинания имелась важная особенность, которая резко повышала его доступность – будучи единожды созданным и воплощенным в жизнь, неважно где, когда и кем, впоследствии оно могло быть воспроизведено с помощью заклятия-ключа и громоздкой основы, запечатленной на любом материальном носителе. Скажем, в простейшем свитке или же в чужом дневнике...

Поняв, откуда у господина барона взялись такие грандиозные возможности, я чуть не сплюнул с досады.

Демон!

Знать бы заранее, где упасть... Все. Теперь все дневники и наброски – только сжигать! Чтобы больше никогда и нигде... чтобы больше никто не посмел... и чтобы больше не оказываться в таком унижительном положении, когда умом все понимаешь и где-то даже гордишься тем, что все работает, но и умирать из-за чужой глупости совершенно не желаешь.

А голем – вот он. Стоит напротив и в ус не дует. Как и все подобные создания, он бесконечно туп, медлителен, громоздок, неуклюж, но до отвращения силен. И подчиняется лишь одному хозяину, которым, к сожалению, я не являюсь.

Осознав, что травки тут бесполезны, я начал отступать следом за «птенцами». Медленно, аккуратно, неслышной тенью скользя над камнями. Старательно не привлекая к себе внимания, пока господин барон влюбленными глазами изучал свое уродливое детище.

Против грубой силы все мое мастерство бесполезно. Клин, как говорится, клином... Против лома нет приема, а у меня сейчас ни силы, ни даже заваливающей кочерги под рукой нет. Зато есть кое-какие секреты и неплохое знание этого замка, о чем, надеюсь, господин барон еще не подозревает.

– Держите его! – вдруг тоненько пискнула из темноты баронская дочурка. – Он же убегает!

Вот тварь!

– Отец, останови этого мага! Мама!

– Ничего. Мы все равно его достанем, – спокойно отозвался барон. После чего я глухо выругался и метнулся прочь со всей доступной скоростью, по пути срывая с себя оставшуюся одежду.

Добравшись до оставшейся от умертвия лужи, попытался ее перепрыгнуть, но в спешке поскользнулся на чужих соплях и чуть не повторил незабываемый подвиг мастера Лиуроя. Заслышав быстро приближающийся топот множества ног, которому вторила тяжелая поступь голема, ругнулся во второй раз, уже не стесняясь посторонних. С трудом выровнялся и, не оборачиваясь, припустил так, словно за мной уже гнались все демоны ада.

– Отец, убей его! – снова завопила мне в спину дохлая мерзавка.

И в тот же момент у меня в груди несильно кольнуло. А затем еще и еще раз, что означало, что первые зомби уже достигли зачарованной ниточки и со всего маху ткнулись во второе ограждающее заклятие.

Честно говоря, я его ставил с некоторым запасом – так, просто по привычке, совершенно не думая, что оно может понадобиться. Но сейчас это спасло мне шкуру и подарило несколько драгоценных секунд для принятия правильного решения.

Вылетев из коридора в холл, я скрежетнул зубами, ощущая, как мелкое покалывание стремительно превращается в жжение и уже становится нестерпимым. Попытался представить, какое количество нежити сейчас тупо бьется в невидимую стену, грозя расшибить себе личики. Но решил не травмировать лишний раз свой нежный разум и, метнувшись в дальний угол, с невыразимым облегчением привалился к холодной стене. После чего тихо выдохнул и только сейчас позволил себе отпустить привязанное к «убей-траве» активирующее заклинание.

Через миг снаружи жახнуло так, что у меня чуть не подогнулись колени. Пол подо мной заходил ходуном. Тяжелые каменные плиты внутри коридора вздыбились и пошли волнами. По несущим стенам побежали глубокие трещины. Спустя пару секунд огромный замок задрожал до основания и так отчаянно заскрипел, будто прямо сейчас собирался развалиться на части.

С потолка посыпалась мелкая пыль, где-то наверху что-то тяжело упало и с грохотом покатилося по опасно накренившемуся полу, заглушая раздающиеся на улице вопли. Со стороны кухни мелко и противно задребезжала падающая с полок посуда. Затем, вероятно, опрокинулась наполненная водой бочка, оскверненная затейниками-пикси. Следом за ней со стены рухнуло что-то увесистое и, судя по звуку, чугунное. Наверное, набор сковородок? Потом со страшным скрежетом перекосялся дверной косяк, едва не лопнув от напряжения. Опасно просел потолок. Натужно заскрипели несущие балки. В наружном коридоре резко потемнело, послышался грохот падающих камней, вызвавший целый хор возмущенно-недовольных голосов. После чего оттуда выметнулся мощный столб пыли, который заставил меня отвернуться и, уткнувшись в чудом уцелевший рукав, сдавленно закашляться. И только после этого все наконец стихло.

На всякий случай задержав дыхание, я настороженно прислушался.

Ф-фу... слава мне, успел. Надеюсь, господин барон что-нибудь прищемил себе под обвалом, а его зомби... ну хотя бы половину передало там, как тараканов.

Кстати, о тараканах...

– Нич, ты где?!

– Здесь, – хрипло выдохнул мой вездесущий «фамильяр» откуда-то сверху. – Куда ж я денусь? Ты велел ждать, и я жду.

Я, быстро взглянув на покрытый паутиной потолок, негромко буркнул:

– Вот там и сиди. Не вздумай вылезти раньше времени.

– О себе лучше позаботься, – сварливо отозвался таракан, а я, успокоившись за его судьбу, облегченно перевел дух.

Так, замок стоит, как стоял. Стены еще целы, коридор надежно завален, но меня это, к сожалению, не спасет. Вон снаружи снова кто-то зашебуршился. Да и скрежет отодвигаемых камней уже отчетливо слышен. Некрогolem, конечно же, никуда оттуда не делся, потому что таким простеньким способом его не убить. Но, в общем-то, я и не рассчитывал на быструю победу. Все, что мне нужно, – это еще немного времени. Для того, чтобы я мог перевести дыхание, сосредоточиться и сделать наконец то, до чего раньше у нас с Ничем просто не доходили руки.

– Гиращ, ты что задумал? – испуганно спросил сверху таракан, когда я задумчиво тронул когтем свой ошутимо напрягшийся живот. – Ты что собрался делать, сумасшедший?!

– Ты ведь хотел узнать, что произошло с нами во время того эксперимента? – спросил вместо ответа я, легким движением вспарывая заметно истончившуюся, покрытую широкой сетью синеватых сосудов кожу возле пупка. – Ну вот теперь и узнаешь...

Глава 13

Иногда лучше не помнить о прошлом. У каждого в жизни есть моменты, о которых хочется забыть.

Нич

Ранее утро. Первые лучики солнца ласкают проснувшуюся после ночи землю. Тихо шелестят деревья, расправляя ветки после недолгого сна. Капельки росы с неслышным звоном разбиваются о зеленые травинки... К сожалению, истинная красота мира не всегда видна из подземелий. Ведь туда не доносятся ни запахи леса, ни свет дрожащей над рекой радуги, ни даже звуки, кроме тех, которые, единожды прозвучав, потом еще долго отдаются в этом каменном мешке долгим, зловещим, царапающим слух эхом.

Под каменными сводами всегда светло – магические светильники разбросаны буквально повсюду, щедро освещая немаленькое пространство. Внутри царят роскошь и неуместное для усыпальницы богатство. Мраморные колонны, поддерживающие украшенный лепниной потолок, баснословно дорогие фрески, играющие на свету яркими красками, мелькающая тут и там позолота, дорогая мебель, огромный саркофаг в центральном зале, больше похожий на произведение искусства...

Но это вовсе не расточительство. Нет. И не приманка для любителей разорять чужие могилы: потревожить покой бывшего главы Светлой гильдии и по совместительству главы Совета магов не рискнул бы ни один столичный вор. И ни один безумец не посмел бы приблизиться к зачарованным воротам его фамильного склепа, защищенного мощнейшими охраняемыми заклятиями.

Говорят, у мастера Твишопа и при жизни было отвратительное чувство юмора. А уж после его внезапной и весьма, надо сказать, несвоевременной кончины мало кто рискнул бы проверить, насколько был изобретателен сварливый, недоверчивый, подозрительный сверх меры архимаг, стремившийся обезопасить свое посмертие.

Сейчас в склепе царят тишина и покой. Наружные двери еще со дня пышных похорон надежно опечатаны. Внутренние сторожевые заклятия активированы. Никто и ничто не может проникнуть туда незамеченным. И никто и никогда не узнает, что на самом деле этот склеп отнюдь не пустует.

– Наконец-то... – с непередаваемым выражением на морщинистом лице прошептал трехсотлетний старик и протянул дрожащую, высохшую от времени руку к каменному ложу, на котором готовится к ритуалу неподвижное тело. – Двадцать пять лет поисков, пять лет упорной работы... подумать только! А наши просветленные дураки говорили, что это невозможно! Заткнули мы их за пояс, да?

Под сводами склепа раздался хриплый каркающий смех, но я мысленно пожал плечами: кому-то пришлось ждать двадцать лет, а кто-то просто выполнял свою работу.

Что же касается того, заткнули мы их или нет... не знаю. Мне, например, все равно, что на это скажет Совет. Самое главное, я был прав, и наш эксперимент увенчался успехом. Вернее, он еще не закончен, осталось несколько завершающих штрихов, но, зная занудство учителя и помня о его многократных проверках, которые надоели мне хуже горькой редьки, можно было не сомневаться, что все получится как надо.

– Чего стоишь? – неожиданно разворчался старый маг, с трудом приподнимаясь с кресла. – Помоги мне, ученик! Хочу взглянуть на это чудо поближе!

Я так же молча подхватил его под локоть и помог сделать два шага к ложу.

Маг был стар... настолько стар, что иногда казалось: дунь на него – рассыплется.

Сухая морщинистая кожа, глубокие складки на лице, редкие седые волосы, едва прикрывающие приличную плешь на макушке, мелко подрагивающие руки, сгорбленная спина, худые, истончившиеся, как палочки, ноги... Честно говоря, не знаю, зачем мастеру Твишопу понадобилось инсценировать собственную смерть и наглухо запирается в этом склепе. Поиски вечной жизни были задолго до него и обязательно будут после, поэтому не вижу причин для того, чтобы настолько тщательно скрывать интерес к моей многолетней практике.

Нет, конечно, я понимаю, что совместная работа светлого мага и некроманта кажется в наше время чем-то неестественным и чуть ли не кощунственным. Но Твишоп вполне мог бы поинтересоваться результатами издалека. Как действующий глава Совета. Тем более что большинство моих исследований проходило с согласия Совета магов и даже (иногда) под их непосредственным прикрытием, как, например, последние опыты по изучению эффекта складывания энергетических выбросов (проще говоря, ЭСЭВ) при проведении массовых жертвоприношений.

Материал для исследований нам с помощником поставляли все королевские тюрьмы и каменоломни Сазула. Король против нецелевого использования человеческих ресурсов особо не возражал (больше по той причине, что не знал их истинного размаха), зато королевский казначей был на редкость доволен, а Совет с нетерпением ждал отчетов.

В то время как я... я просто работал, не особенно интересуясь подоплекой этих явлений, потому что лаборатория была единственным местом, где я чувствовал себя комфортно. Где я был царем, богом, полновластным хозяином и мог творить все, что угодно, вплоть до воплощения самых смелых своих идей.

Правда, большого количества желающих добровольно поучаствовать в моих научных изысканиях не было, но смертникам выбора не оставляли: или топор палача, или лаборатория некроманта. Ну и городские лечебницы еще иногда помогали, сплавляя в мои катакомбы неизлечимо больных, отчаявшихся, готовых на все пациентов.

Другое дело, что качество такого материала было не ахти: убийцы, насильники, всевозможная человеческая шваль, которую было слишком дорого содержать за счет казны; плюс больные, увечные, а подчас и просто безумцы... но приходилось работать с тем, что есть, и заранее корректировать расчеты.

Тогда я был молод, известен, открыт своими успехами и проводил в лаборатории сутки напролет, уделяя экспериментам гораздо больше времени, чем преподаванию в АВМ или делам собственной гильдии.

– Эй, не спи! – сварливо проскрипел «мертвый» мастер Твишоп, всем весом навалившись на мою руку. – Если бы я раньше знал, до какой степени ты способен уйти в свои мысли, никогда не стал бы голосовать за то, чтобы тебя повысили в должности.

Я позволил себе негромкое фырканье.

– Я был бы вам за это безмерно благодарен, мастер.

– Еще бы. Второго такого лентяя свет уже давно не видывал!

– Мастер, вы же сами знаете, что дела академии меня всегда тяготили, поэтому я давно скинул их на заместителя.

– Знаю, конечно. Смотри, избалуешь ученика – ты и так даешь ему слишком много воли.

– Он справляется, что еще надо?

– Ты должен уделять больше внимания своим обязанностям, – упорствовал магистр. – Гильдия – это титул. Статус. Огромная ответственность, наконец. Не говоря уж о том, что хорошие преподаватели нужны академии, как воздух.

И вот тогда я охотно кивнул.

– Вы абсолютно правы, учитель. Но тогда работа над этим проектом затянулась бы еще лет на десять. Вас бы это устроило?

Светлый тут же нахохлился и недовольно засопел. А я удовлетворенно кивнул и, посчитав неприятную тему исчерпанной, склонился над результатом многолетнего труда, в который мы оба вложили душу.

На каменном ложе склепа, превращенного нашими общими усилиями в подземную лабораторию, неподвижно лежало... существо. Вернее сказать, образец под номером триста пятьдесят шесть, который воплотил в себе все наши надежды и мысли по поводу совершенно нового типа искусственных созданий.

Правда, пока это было лишь тело – неподвижное, довольно уродливое и еще неживое. Не мертвое, а именно что неживое. С непропорционально большой головой, покрытой множеством наростов; не слишком приятной мордой, которой еще только предстояло стать лицом; прочной, с трудом поддающейся стали сероватой кожей; худым до безобразия телом, покрытым надежным панцирем экзоскелета; неестественно длинными крючковатыми лапами, мало похожими на человеческие руки; такими же некрасивыми ногами, на пальцах которых виднелись устрашающие по размеру когти; и третьей парой необычного вида конечностей, крепящихся к туловищу и долженствующих выполнять как защитную, так и манипуляционные функции.

Все, чего не хватало этому необычному существу – это душа. Но, видя, как разгорелись глаза у умирающего старика, я не сомневался, что скоро у тела появится новый постоялец.

Честно говоря, я плохо помню тот день, когда во время очередного опыта по изучению ЭСЭВ вдруг обнаружил, что душа, искусственно выведенная из условно мертвого (обычно – находящегося в стазисе и специально подготовленного) тела, в какой-то момент приобретает столь сильное желание вернуться обратно, что стремится войти в любое вместилище, хотя бы отдаленно похожее на предыдущее.

Конечно, касательно насильно вырванных душ этот эффект проявлялся не хуже, и на нем, собственно, строились все заклинания по воскрешению. Однако в последнем случае душа стремилась вернуться исключительно в родное вместилище. Отвергала любые попытки переселить ее во что-то иное, поэтому требовалось недюжинное мастерство и невероятное терпение, чтобы заставить ее хотя бы на время задержаться в заранее подготовленном, но сугубо мертвом предмете. Скажем, в магическом кристалле, книге, каком-нибудь чучеле... да и на то, чтобы оставить ее там хотя бы на протяжении полугода, уходило немало сил.

А вот добровольцы, морально готовые к смерти и полные надежды на то, что ее еще можно отсрочить, по собственному желанию взошедшие на алтарь и не противодействующие накладываемым заклинаниям, не только давали гораздо больший коэффициент ЭСЭВ, но и без особых усилий сливались с неживыми предметами, на время приобретая способность управлять ими, как самым обычным телом.

Правда, данный эффект был кратковременным и очень нестойким, но сам факт того, что считавшийся прежде непреодолимым барьер был наконец пройден, заставил меня всерьез задуматься о последствиях.

Мастер Твишоп стал первым магом, который узнал об этом ошеломляющем открытии. Единственным, к кому я пришел и в частном порядке доложил о результатах экспериментов.

Узнав о них, он так проникся, что тут же свернул работу по остальным нашим проектам и предложил сосредоточить все усилия на этом. Впрочем, я его хорошо понимал: триста лет – огромный срок даже для мага, поэтому магистр был крайне заинтересован в результатах. Более того, он впервые за многовековую историю гильдий предложил некроманту свою помощь и, вопреки всем канонам, согласился стать его неофициальным наставником.

– Что ж, мне нравится. Хотя тело еще требует доработки, – вдоволь налюбовавшись образцом, обронил мастер Твишоп. – Надо наладить переход трансформы в стандартное состояние, имитирующее внешний вид человека, иначе от него будет мало проку. Еще раз проверить маскировочную функцию. Убрать третью пару рук в специальный карман, который тебе только предстоит создать. А еще... э-э-э... как мне кажется, не мешало бы обозначить признаки пола.

Я покосился на изменившееся лицо наставника и чуть не хмыкнул, подумав о том, что едва стоящему на ногах старику совсем не время думать о плотских утехах. Ишь ты... признаки пола ему подавай! Тело-то у нас получилось определенно мужское, да и не согласился бы он на женскую ипостась. Но самого главного, так сказать, инструмента мы пока ему не приделали.

Я, например, до того намучился с отладкой системы выведения отходов, а тело у нас должно было питаться самой обычной едой, хотя и в гораздо меньших количествах, чем принято, что об «инструменте», честно говоря, думал в самую последнюю очередь. А вот магистр, напротив, частенько намекал на важность данного вопроса и настаивал на том, чтобы придать подопытному образцу более вычтенные признаки мужественности.

– Как у него с сопротивляемостью? – почти сразу поспешил сменить щекотливую тему мастер Твишоп, а я постарался сохранить серьезное выражение лица.

– Приемлемо.

– Чувствительность к магии?

– Нулевая, как и планировалось. А к остальным внешним воздействиям – примерно тридцать процентов от обычного уровня. Это – максимум, которого нам удалось добиться за год работы, и, боюсь, улучшить этот результат у нас уже не получится. По крайней мере, у данного конкретного экземпляра.

– Хорошо, меня устраивает, – слегка оттаял магистр, взглянув на тело чуточку более благосклонно. – Что можешь сказать о его физических свойствах?

– По предварительным расчетам скорость передвижения в обычном состоянии должна соответствовать среднестатистической, – с готовностью поделился я своими выкладками. – А в боевой трансформе будет в два с половиной раза выше при условии полной трансформации. Частичная трансформация тоже возможна, но пока определить, на каком уровне остановится преобразование, сложно. Конструкция позвоночника предусматривает передвижение как на двух, так и на всех шести конечностях. Гибкость суставов увеличена раза в полтора по сравнению с человеческим телом. Обзор круговой. Обонятельные бугорки расположены на лице, осязательные разбросаны по всей поверхности тела. Светочувствительность высокая, регулируемая. Слуховой порог тоже достаточный. Болевой я, правда, повысил до предела, что может вызвать недостаточно быструю реакцию на повреждение, но вы сами так захотели...

– Конечно, – проворчал светлый, с трудом возвращаясь в кресло и с облегченным вздохом набрасывая на плечи теплый плед. – Боли мне хватает и в этом теле. А в новом я хотел бы от нее отдохнуть. Как насчет температурного режима?

– Тепловыделение совсем незначительное, – без раздумий ответил я. – Температура кожи приближена к температуре тела обычной нежити. Поэтому к холоду образец почти невосприимчив, а вот жару будет переносить гораздо хуже – потовых желез у него нет, так что регулицию внутреннего нагрева придется осуществлять за счет дыхания.

– Значит, буду дышать, как собака, высунув язык, – мрачно пошутил магистр, зябко кутаясь в плед. – С другой стороны, при моем нынешнем состоянии лучше уж так, чем без конца мерзнуть даже в теплую погоду. С экзоскелетом проблем не было?

– Нет. Ваши разработки в сфере изучения диктиоптеров дали нам хорошую основу для работы. Мне даже удалось заменить и усовершенствовать кое-какие детали. Сложность была лишь в переносе этого опыта на объект больших размеров, но нам удалось решить все возникшие в процессе трудности.

– А что насчет когтей?

– Они легко прячутся в кожных складках под ногтевыми пластинками, – отозвался я и в качестве доказательства приподнял тощую кисть образца и слегка нажал на первый попавшийся ноготь. – Как видите, ноготь очень узкий и хорошо спрятан, так что внешне палец выглядит обычным до тех пор, пока не нажмешь вот сюда. Но на ногах я планирую создать такие же карманы, чтобы в стандартном состоянии объект мог носить обычную обувь.

– Ментальная регуляция, я надеюсь, тоже предусмотрена? – вдруг с подозрением осведомился светлый.

– Естественно.

– Прекрасно, – пробормотал он, успокоенно откидываясь в кресле. – Не хотелось бы всякий раз нажимать на ногти, когда потребуется порезать кого-нибудь на лоскуты.

– Какой вы кровожадный, учитель, – все-таки не сдержался я и позволил себе многозначительную улыбку.

– Это не кровожадность, а предусмотрительность. С теми пауками, которые водятся в наших с тобой гильдиях, надо держать ухо востро. Неужто ты еще не осознал, в каком гадюшнике обитаешь?

Я равнодушно пожал плечами.

– Гильдия всегда была для меня второстепенна, о чем мы с вами уже неоднократно говорили. Я не просил этой должности и, несмотря на недовольство Совета, до сих пор уделяю ей непростительно мало времени. Нев управляется с ней намного лучше, так что я, честно говоря, и сейчас не понимаю, для чего вы навесили на меня это ярмо.

– Ты – молод, целеустремлен и при этом абсолютно не тщеславен, – как-то по-особенному усмехнулся бывший глава Совета магов. – От тебя не надо ждать подвоха или удара в спину. Для некроманта, поверь, это – огромная редкость. К тому же ты – высший некромант, который не получил звание магистра лишь потому, что не захотел тратить время на пустые формальности. А еще ты не признаешь рамок и авторитетов. Готов сидеть над книгами день и ночь, пытаясь найти ответы на свои вопросы. И в тебе, как ни странно, еще не угас интерес к истине.

Я удивленно приподнял брови.

– А еще ты – первый за много веков маг, который сумел вплотную приблизиться к разгадке тайны воскрешения, – наконец добрался до самого важного архимаг и соизволил загадочно улыбнуться. А потом глубоко вздохнул и устало опустил веки. – Согласись, все, что мы имели до сих пор, не сильно походило на полноценное перерождение. Некроманты во все века создавали зомби, растили умертвия, упырей, постепенно совершенствуя формулы призыва и меняя облик создаваемых тварей. Они старательно и упорно разрабатывали одну и ту же линию заклинаний, с годами научившись очень многому, но так и не сумев постичь истинный смысл этого процесса. Тогда как ты...

На лице магистра снова мелькнула та же самая загадочная улыбка.

– У тебя, скажем так, получилось меня заинтересовать.

Я снова не сдержался и тихонько фыркнул.

– Настолько, что вы даже решили обучить некроманта исконно светлому искусству?

– Только дураки считают, что маг способен овладеть лишь светлой или темной стороной силы, – на удивление спокойно ответил мастер Твишоп, снова открыв глаза и одарив меня на редкость пронизательным взглядом. – Другое дело, что на постижение хотя бы одной стороны может уйти целая жизнь, да и особенности подхода к составлению заклинаний у нас с вами сильно отличаются. Но это совсем не означает, что некроманту недоступна магия порталов, или что светлый маг не сумеет при желании создать плохонького зомби. Гильдии, можешь мне поверить, разделены совсем по другой причине. К тому же я не обучаю тебя в том смысле, в каком ты это понимаешь – я всего лишь даю необходимые знания для того, чтобы ты сумел закончить свою работу.

Я кивнул.

Да, это правда – без понимания основ светлой магии у меня не получилось бы создать такое замечательное тело. Поднять его – без проблем. Поселить туда нового постояльца – конечно. Но вот создать из ничего сам объект, объединить те знания о живом, к которым некромантов по какой-то причине никогда не допускали, с нашим пониманием сути неживого,

после чего воплотить эти знания в принципиально новом творении, равных которому еще не создавалось никем и никогда... Без помощи мастера Твишоп я бы точно не справился. А поскольку он слишком ослаб, чтобы творить даже простенькие заклятия, то его работу пришлось делать мне. Под чутким руководством светлого творить его магию, использовать его заклинания и постигать то, что магу моего профиля по жизни никогда бы не пригодилось. И что, как следовало догадаться, даже я со своей ненормальной тягой к новому предпочитал обходить стороной.

– Сколько тебе понадобится времени, чтобы все закончить? – проскрипел магистр, внезапно согнувшись в кресле и судорожно закашлявшись.

Я с беспокойством посмотрел на его посиневшее лицо. Дождался, пока закончится приступ, а потом осторожно ответил:

– Думаю, около месяца. Вы продержитесь?

– А что мне остается? – скривился мастер Твишоп, тыльной стороной ладони вытирая окровавленный рот. – Хамелеонка, к сожалению, не ведает почтения ни к моему возрасту, ни к былым заслугам. Но я и так слишком долго держал ее на расстоянии. Двадцать лет непрерывной борьбы... пожалуй, я могу собой гордиться, а?

Я молча наклонил голову, стараясь не смотреть на болезненный румянец, появившийся на щеках обреченного на медленную, мучительную смерть старика. Хотя в его ситуации хамелеонка и правда была поразительно терпелива. Просто сейчас она, видимо, устала ждать и резко активизировалась, так что в последние годы одряхлевший магистр не мог даже самостоятельно подняться с постели. А некоторое время назад, устав от жалостливых, а нередко и злобных взглядов коллег, решил инсценировать собственную кончину, в чем, признаться, я ему активно, по его же просьбе, разумеется, помогал.

В частности, с помощью одного из зелий собственного изобретения симитировал его смерть, а после пышных похорон собственноручно наложил на склеп мощные охранные заклинания, дабы никто не пронюхал, что внутри роскошной усыпальницы есть все условия для нормальной жизни. А также о том, что там имеется полноценная телепортационная арка, откуда было легко попасть в подземелья моего родового замка.

– Помогите мне добраться до постели, – наконец устало попросил магистр, обессиленно прикрыв дряблые веки и спрятав морщинистые руки в широкие рукава мантии. – Совсем я никуда не годен... полчаса разговоров, и посмотрите, на кого я похож?

Деликатно промолчав, я легким пассом поднял кресло в воздух и, постоянно следя за состоянием учителя краешком глаза, аккуратно сопровождал его до жилой части склепа. После чего не побрезговал собственноручно разобрать его постель и помог перебраться под толстое шерстяное одеяло. Терпеливо дождался, пока уставший магистр задремлет, и тихонько ушел, прикрыв за собой тяжелую дверь.

Честно говоря, не в моем характере ухаживать за немощными стариками и не в моих правилах изображать из себя сердобольную няньку. Но куда деваться? Кроме меня, ему бы никто не помог: опытный интриган и подозрительный сверх всякой меры магистр Твишоп только мне доверял настолько, что позволял готовить еду и помогать с простыми житейскими проблемами.

В чем-то, разумеется, это было утомительно и неприятно: магистр был привередлив, как старая дева, капризен, как избалованный мальчишка, требователен, как настоящая мегера, и ворчлив, как самый обыкновенный старик. Причем его придирчивость порой достигала таких размеров, что временами я даже начинал жалеть, что согласился на этот договор. А иногда с трудом сдерживался, чтобы не поставить себялюбивого, сварливого, упрямого до отвращения мага на место.

Но, почти двадцать лет находясь рядом и во всех подробностях наблюдая за его медленным, неумолимым угасанием, даже мне было трудно не проникнуться силой его характера. Не восхититься тем упорством, с которым он боролся за каждый прожитый день. И не взрастить

в себе безмерное уважение к его силе воли, огромным знаниям, просто невероятной тяге к жизни и тому неслыханному доверию, которое он рискнул мне оказать.

После стольких лет на высоком посту и гремящей славы одного из сильнейших светлых магов, теперь он оказался беспомощнее новорожденного младенца. Не мог обходиться без постороннего ухода, да и силы свои почти полностью утратил. Единственное, что у него осталось – это огромный багаж накопленных знаний, который не спасал ни от немощи, ни от болезни, ни от возможного предательства. Но сейчас даже они не могли ему помочь.

Надо сказать, признание этого неоспоримого факта далеко не каждому под силу. И я ничуть не удивлен, что он не доверился никому из коллег по цеху, которых изучил за триста с лишним лет, пожалуй, даже чересчур хорошо.

Но вот то, что он вдруг рискнул сблизиться с некромантом... сумел мне настолько открыться и доверил так много секретов исконно светлого искусства, говорило очень о многом. И заставляло терпеть все его причуды, с пониманием относясь к тому нетерпению, которое он временами проявлял по отношению к нашему совместному проекту.

– Скверные у нас дела, – озабоченно пробормотал я, возвращаясь в лабораторию, где меня уже поджидал верный ученик. – Боюсь, у нас осталось очень мало времени.

– Насколько мало? – спокойно переспросил совсем молодой еще... ну, по нашим меркам, конечно, мужчина с породистым лицом, орлиным носом и глубоко посаженными темными глазами, в которых промелькнул и тут же угас какой-то необычный огонек.

Я только вздохнул, машинально отметив про себя, что Нев никогда не изменял своим привычкам. И даже сейчас, в склепе, где не было посторонних, находился в полном облачении некроманта, не забыв захватить с собой ни обязательный во время работы на кладбище стик, ни припрятанный во внутреннем кармане набор необходимых для упокоения мертвецов зелий.

Надеюсь, нашего магистра он не считает потенциальным зомби? И не испортит экспериментальный образец, заподозрив, что ритуал прошел не так, как надо?

Конечно, такую возможность нельзя было исключить, поэтому мальчик правильно готовился к худшему, но пока новосотворенное тело привязано не к мастеру Твишопу, а ко мне. Потому что, взясь с заклинаниями и то и дело испытывая свое создание на прочность, я бы не рискнул умирающего наставника тревожить по пустякам. И на время прикрепил нити поддерживающего заклинания к своей собственной ауре. Так было и проще его контролировать, и легче работать с материалом, и удобнее отслеживать вероятные проблемы. А когда понадобится, я просто перекину эти нити на ауру нового хозяина, что, помимо всего прочего, позволит мне до самого последнего момента контролировать ход эксперимента и немедленно принять меры в случае, если что-то пойдет не так.

Нев, правда, о последнем назначении этих нитей не подозревал, потому что, как я уже говорил, мастер Твишоп не отличался излишней доверчивостью и, соответственно, терпел моего ученика лишь по необходимости. А я, хоть и не успел еще проникнуться его маниакальной подозрительностью, все же уважал его решение и не рискнул портить наши отношения из-за такой мелочи.

– Все дела гильдии, которые можно отложить, отодвинь в сторону, – наконец велел я вопросительно смотрящему ученику. – То, что способно подождать, пусть ждет. Тем, чему нельзя не уделять внимание, пусть на время займется кто-то другой. Заместителей у меня достаточно, можешь без зазрения совести сбросить все на них. И на ближайшие две седмицы ты нужен мне исключительно здесь.

– Сколько? – недоверчиво переспросил ученик. – Наставник, но этого мало для окончательной подготовки тела! Нам нужен месяц! Или даже полтора, чтобы все доделать!

Я снова вздохнул. А потом встряхнулся, окинул внимательным взглядом оснащенную всем необходимым лабораторию, и сухо пояснил:

– Время теперь для нас – непозволительная роскошь. У нас осталось только две седмицы: больше магистр не сможет ждать.

Нев, поморщившись, кивнул и отправился разбираться с делами. А я, собственноручно открыв для него и тут же закрыв телепортационную арку (и это тоже было непреложным условием старого мастера!), быстрым шагом направился вглубь склепа – поднимать свои записи, готовить сложные смеси из редких, баснословно дорогих ингредиентов, которые, по большей части, поставлялись в Сазул незаконными путями. И заодно ломать голову над тем, за счет чего можно уменьшить сроки подготовки к ритуалу. И какими функциями образца под номером триста пятьдесят шесть можно пожертвовать, не боясь, что после воскрешения непримиримый и упрямый наставник вдруг посчитает их первостепенными.

Честно говоря, еще полгода назад я был уверен, что подопытный образец готов к нормальным тестам и даже, чего греха таить, попробовал кое-что сделать тайком. Но мастер упорно настаивал на дополнительных проверках и хотел, чтобы его новое тело было идеальным. Он бесконечно придирался по пустякам, требовал улучшений, отладки, шлифовки, доделки... и так увлекся, что чуть не позабыл про свой истекающий срок.

Хотя, может, он просто опасался неудачи?

Мельком покосившись на накрытый простыней образец, я пожал плечами.

А чего, собственно, бояться тому, у кого все равно нет иного выхода? Цепляться за жизнь, конечно, полезно, но мне всегда казалось – если ты что-то решил, то делай и не сомневайся в правильности выбранного пути. Тогда как мастер Твишоп, возможно, просто стал слишком подозрительным к старости. И с осторожностью относился к вещам, которые хоть как-то напоминали ему о быстро приближающейся смерти...

Глава 14

*Когда ты спокоен и сыт, следует больше работать головой. А
когда голоден и зол, предпочтительнее пользоваться кулаками.
Мэтр Валоор да Шеруг ван Иммогор*

К сожалению, реакции Нича на собственную внешность я не увидел – когда кожа на моем животе все-таки разошлась, выпустив наружу медленно расправляющуюся третью пару конечностей, я был гораздо больше озабочен их состоянием, нежели переживаниями «фамильяра».

Признаться, до сих пор я проявлял разумную осторожность и старался не использовать непроверенные инструменты. А эти «руки», которые с одинаковым успехом могли использоваться и как «ноги», мы по техническим причинам не успели протестировать, поэтому от них можно было ждать и подвоха, и внезапного отказа, что при моей работе совершенно непозволительно. А лишний раз принимать боевую трансформу для того, чтобы проверить их состояние, я не мог – затраты энергии на переход туда и обратно были таковы, что я использовал второй облик крайне редко и лишь в чрезвычайных ситуациях.

Таких, например, как сегодня.

К счастью, третьи лапы, которые по длине могли с успехом соперничать с нижней парой конечностей, вели себя хорошо. Я их прекрасно чувствовал, сумел полностью расправить, выпустил и убрал обратно когти, смог спокойно зарастить широкую рану на животе, а теперь потихоньку разминал суставы, пытаясь совладать с затекшими от долгой неподвижности «руками».

Когда-то мне и с глазами пришлось повозиться, чтобы картинка от затылочной пары воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Но тут все оказалось намного проще.

Уже через несколько минут под неумолчный шум из созданного мной завала я смог извернуться и встать не на две, а сразу на четыре конечности, напомнив внешним видом потерявшегося где-то Нича. А еще через минуту рискнул пробежаться по заваленному камнями холлу, привыкая к новым ощущениям.

Ничего так, кстати, получилось. Мне понравилось.

Правда, для правильного распределения веса пришлось еще раз трансформировать позвоночник и изменить угол наклона головы, да и потраченных амулетов было жалко, но по сравнению с грозящими мне проблемами это уже сущие пустяки. Главное, что тело оставалось послушным и гибким, а все остальное я как-нибудь переживу.

Когда доносящийся со стороны коридора шум стал угрожающе близким, я предусмотрительно отошел к стене и, опробовав остроту когтей, ловко взобрался сперва на нее, а затем, немного подумав, взбежал на просевший потолок. Торопливо просчитав варианты, решил, что мой небольшой вес вряд ли вызовет еще один обвал. А когда наружная стена все-таки не выдержала и разлетелась на сотни мелких осколков, даже порадовался, что ни один из них не достал до облюбованного мной местечка.

Выгода такой позиции стала ясна еще и тогда, когда через образовавшийся проем в башню хлынула волна нежити, жадно озирающаяся в поисках добычи.

Я со своего наблюдательно пункта только ухмыльнулся, глядя на то, как голодные твари расползаются по холлу, разочарованно водя носами по сторонам. А когда туда же протиснулся, едва не задев уродливой башкой потолок, массивный голем, мгновенно подобрался. И, улучив момент, свалился ему точнехонько на загривок.

Знаете, я в своей жизни испытал немало неприятных ощущений. И на кладбищах, и в лаборатории, и в пыточных королевских тюрьмах, где с интересом прослушивал целые лекции от

старшего палача, но до сих пор считаю ощущение от падающего за шиворот таракана одним из наиболее мерзких и отвратительных чувств, которые мне когда-либо доводилось переживать.

Голем, видимо, тоже так полагал, потому что от легкого толчка вздрогнул, пошатнулся, будто получил сочный пинок под зад. Потом завертелся на месте, пытаясь понять, что происходит. А когда почувствовал молниеносный укол в шею, взревел так, одновременно с этим вскидывая вверх свои ручищи, что поврежденный потолок содрогнулся и, просыпавшись на наши головы мелкой крошкой, красноречиво намекнул, что скоро окончательно провалится.

Ловко увернувшись от могучей пятерни, я приподнялся на задней паре лап и, уверенно дотянувшись до затылка голема, вонзил в его шею сразу два острых когтя. Потом увернулся снова, мысленно похвалив себя за проворство, спрыгнул на вовремя подвернувшуюся стену и, тут же перебравшись с нее обратно на тварь, словно самый настоящий таракан, ударил в уже образовавшуюся ранку. Благодаря чему ее края разошлись достаточно широко, чтобы нанести более серьезные повреждения, а изнутри потекла вязкая желтоватая масса, смутно напоминающая гной.

Я поспешил отключить обонятельные и вкусовые рецепторы, чтобы не отвлекаться на посторонние вещи, и увернулся в третий раз, повиснув на загривке заметавшегося по замку голема, как голодный клещ. При этом мне приходилось поминутно избавляться от чьих-то бессмысленно сжимающихся пальцев, растущих на големе буквально повсюду; избегать цепкой хватки многочисленных рук, которых и на груди, и на спине твари тоже было предостаточно. Следить за тем, чтобы его собственные ручищи до меня так и не дотянулись. Регулярно менять диспозицию, мечась между стенами, потолком и чужой спиной. Да еще успевать поглядывать на угрожающе расползающиеся по стенам замка трещины, когда впавший в неистовство голем то и дело врезался в какую-нибудь из них на полном ходу.

К счастью, предки барона строили замок на совесть – несмотря ни на что, он все еще стоял. А если и падали сверху отколовшиеся от потолка камни, то я был этому только рад – очень уж удачно они попадали на смешавшихся, потерявших всякую ориентацию и лихорадочно мечущихся в поисках спасения зомби. Которым не повезло еще и потому, что занятый исключительно моей персоной голем не обращал внимания, по кому именно шел. И, пока я развлекался у него на загривке, успел передавить немало нежити, которая слишком поздно додумалась сбежать в более безопасное место.

Наконец я сумел расширить рану до приемлемых размеров и, в очередной раз прыгнув на ревущую тварь, вонзил туда одну из средних лап почти до упора. Я надеялся, что ее длины хватит, чтобы дотянуться до жизненно важного узла, через который оставшийся снаружи некромант управлял своим уродливым детищем. При этом я прекрасно понимал, что если бы не когти, мне бы никогда не удалось повредить его наружную оболочку: некроголемы тем и опасны, что из всех видов нежити обладали, пожалуй, самой прочной защитой.

Но у меня получилось, к счастью, всего за миг до того, как меня таки смело со спины голема могучей лапищей, я сумел нащупать средним когтем какой-то комок. После чего ловко подцепил его и, досадливо рыкнув от удара в бок, буквально слетел со спины обозлившегося до предела уroda.

Правда, стремительный полет был недолгим. И закончился, разумеется, совсем не в пушистой перине. Одно хорошо: болевых рецепторов у меня почти не было, так что впечатавшись со всего размаха в одну из стен, сознания я не потерял. И вообще перенес вынужденную левитацию неплохо. После чего медленно отвалился от гостеприимно встретившего меня камня и, с тихим шелестом спланировав на пол, даже нашел в себе силы недовольно сплунуть:

– Тьху! Чтoб ты в сортир провалился, орясина, вместе со своим хозяином! И еще три века безуспешно пытался оттуда выбраться!

Голем на это пожелание только заревел громче и замахал руками, грозя похоронить нас под угрожающе провисшим потолком. Но без управляющего узла толку с урода было немного.

Он безвозвратно потерял связь с хозяином, ослеп, оглох и полностью утратил ориентацию. Одним словом, легкая добыча.

Кряхтя, как столетний старик, я неловко перевернулся на живот и, с трудом подобрыв раскинувшиеся по полу конечности, неуверенно встал. С еще большим трудом сфокусировал мутный взгляд на противнике. С некоторой задержкой оценил открывающиеся перспективы, после чего наконец сообразил, что зря теряю время, жадно облизнулся и, улучив момент, со всей возможной прытью кинулся под ноги бессмысленно топчущейся на месте твари. А затем высоко подпрыгнул, вцепился в чужое горло и с таким удовольствием вылакал льющуюся оттуда дармовую силу, что на какое-то время просто потерял контроль.

Внезапно накатившая волна эйфории захлестнула мое сознание с головой, напрочь вымыв отсюда все умные мысли, старательно произведенные расчеты, далеко идущие планы и все то, чем я всегда гордился: рассудительность, трезвость мышления, способность адекватно оценивать обстановку... Просто р-раз – и не стало меня как личности. Причем очень и очень несвоевременно.

Увы. Шутки неопробованного в свое время заклятия сделали мою боевую трансформу на редкость кровожадной, склонной к агрессии и способной на бессмысленные акты разрушения. Говорил же магистру, что при создании базовых поведенческих реакций, заменяющих искусственному телу животные инстинкты, нужно было ставить специальный блок, гасящий всплески немотивированной агрессии. Но нет, Твишоп посчитал это лишним и был твердо уверен, что контроль сознания никогда не позволит инстинктам взять верх. А в случае его потери элементы управляющего заклятия, намертво привязанного к ауре нового владельца (тогда мы с ним оба искренне верили в то, что знаем, кто это будет), самостоятельно погасят ненужные всплески эмоций и, таким образом, сведут на нет базовые реакции.

Демон! Зря я его послушал и не поставил тот блок! Насколько бы легче мне тогда жилось... Признаться, когда случился первый срыв, я долго приходил в себя, находясь в состоянии тяжелейшего эмоционального похмелья.

Во второй раз я был почти готов к случившемуся и перенес последствия срыва гораздо легче. Но тогда я находился в частичной трансформации, терял контроль на короткий промежуток времени и приходил в себя достаточно быстро, чтобы успеть среагировать и подчистить следы своего буйства.

А тут меня накрыло целиком и, видимо, надолго. Потому что когда сознание все-таки медленно и неохотно вернулось, я чувствовал себя так, будто перенес на своих плечах сразу три жилых дома вместе с их обитателями, мебелью и домашними животными. Во рту было сухо, как в пустыне. Кости ощутимо ломило, дрожащие лапы подгибались от усталости, а в голове шумело так сильно, словно я раз десять подряд разбежался и со всей дури врезался ею в ту самую стену, которая напоминала сейчас груды беспорядочного мусора.

Более того, в холле не осталось практически целых вещей. На чудом уцелевшей двери на кухню красовались громадные царапины от чьих-то когтей. Пол был по щиколотку улит слизью, какой-то коричневатой жидкостью, отдаленно похожей на кровь, и усыпан каменными осколками так, словно кто-то задался целью раскрошить замок до основания.

Липкие потеки виднелись на стенах и даже, кажется, стекали во двор, постепенно образуя на выходе вонючую лужу. Потолок зиял огромными рваными дырами, сквозь которые виднелись перекрытия верхнего этажа. Повсюду валялись разорванные тела не успевших сбежать зомби. Часть из них выглядела так, будто их основательно погрызли. А некоторые вовсе лишились своих голов.

Ошарашенно оглядев разрушенный до основания холл, я выплюнул изо рта какой-то смердящий кусок и с трудом сумел удержаться от того, чтобы брезгливо не передернуть плечами. Но затем увидел грузно осевшую в центре холла тушу голема и все-таки поперхнулся, поняв, что после гибели, которая, судя по всему, случилась в то время, пока меня здесь не было,

кто-то остервенело рвал эту тварь зубами. Да так, что она лишилась громадных кусков плоти, которых почему-то нигде было не видеть. Еще ей подгрызли нос, выдавили глаза, порвали до устрашающих размеров рот и зачем-то вышибли все нашедшиеся там зубы. А когда сочли ее безопасной, то еще и помочились сверху, дабы обозначить, так сказать, свое законное право на эти скромные останки.

Почувствовав, что к горлу все-таки подкатывает тошнотворный комок, я на одеревеневших лапах отошел в сторонку и, стараясь не думать о том, почему так тяжело стало в животе, аккуратно присел в уголке. Затем машинально проверил сохранность накопительных амулетов. С досадой обнаружил, что из тринадцати уцелел только один, но почти сразу ощутил нечто странное и, проверив его во второй раз, со смешанным чувством выяснил, что он забит под завязку.

Что ж, на обратное превращение мне хватит. А дальше... дальше, наверное, больше не стоит полностью переходить в боевую форму. Как оказалось, для нее хватает всего одной капли крови, чтобы выйти из-под контроля, а я никогда этого не любил. Но, поскольку избавиться от данной конкретной модели я не могу, то, видимо, придется и дальше обходиться половинной трансформацией. И никогда не забывать о тех последствиях, которые она способна создать в случае очередного промаха.

Ладно, что-то я раскис. Пора бы разобраться с некромантом, а то он там, наверное, уже замерз, пока меня дожидался.

С трудом оторвав взгляд от изуродованных, а местами и выпотрошенных тел, я неуверенно поднялся и, старательно отводя глаза, потрусил к выходу. Однако далеко не ушел, потому что еще с середины разгромленного зала услышал какое-то копошение снаружи и вяло удивился.

Кто там еще?

Неужели господин барон привел с собой кого-то, помимо тех мертвяков, которых я уже видел?

– Впечатляюще, – вдруг донесся до меня его голос, а затем из-за завала неторопливо вышел лич собственной персоной. Не один, разумеется, а с супругой и дочерью, на лицах которых застыло выражение полнейшего безразличия.

Оглядев результаты моего срыва, некромант странно хмыкнул. Без особого удивления потыкал носком сапога в дохлого голема. Пожал плечами, а затем повернулся ко мне, изучая мое обнаженное тело с интересом профессионального палача.

– Действительно впечатляюще, – повторил он, закончив недолгий осмотр. – Признаться, не ожидал, что у тебя хватит сил и на голема, и на умертвия.

Ах, так там еще и умертвия были?

– Но это, в общем-то, уже неважно, – не обратив внимания на мою саркастическую усмешку, продолжил барон. – Я узнал все, что хотел, и избавился от ненужного балласта, который следовало кормить, следить за тем, чтобы не разбежались... Благодарю за помощь, коллега. Она, надо сказать, пришлась очень кстати.

Я тихо щелкнул зубами.

– Собственно, эти твари были не особенно нужны, – решил пояснить свою мысль лич, когда я не ответил. – А после того, как я создал высшую нежить, эта мелочь только мешала. Кстати, не желаешь взглянуть на результаты моих трудов?

Некромант с широкой улыбкой повернулся к «жене» и «дочери».

– Мартисса, Лютесия... покажите гостю свои настоящие лица. Думаю, перед смертью ему будет полезно узнать, что не стоит недооценивать противника.

Я подобрался, когда из глоток «милых барышень» вырвался глухой рык. Затем отступил на шаг, заметив, как стремительно меняются их лица. А потом обнаружил, что вместе с лицами начали меняться и тела, и изумленно разинул пасть.

Что такое?!

Откуда это попало ему в руки?!

И кто, наконец, какая мразь посмела передать ублюдку точные копии давних экспериментов моего многоуважаемого учителя?! Которые этот старый пердун (убью его, если только сумею воскресить по-настоящему!), оказывается, не только не уничтожил, как договаривались, но еще и кому-то, демон его раздери, успел показать!

Почувствовав, что еще немного, и снова сорвусь, я с немалым трудом взял себя в руки. И потом только следил за тем, как постепенно вытягиваются женские шеи, как вполне симпатичные личики превращаются в оскаленные морды; как тонкие девичьи руки обзаводятся полноценными когтями; и как полностью перешедшие в новую трансформу (почти такую же, как у меня!) твари опустили на четыре конечности и, плотоядно на меня уставившись, выразительно облизнулись.

Большие головы с широкими ноздрями и разинутыми в нетерпеливом ожидании пастьми; треугольные зубы с зазубринками, которыми так удобно рвать податливую плоть; широкие грудные клетки, защищенные прочными костяными наростами, поджарые животы; мощные лапы, царапающие кривыми когтями каменные плиты; у них даже хвосты имелись, представляете! И, глядя на все это великолепие, мне почему-то сразу захотелось придушить сукиного сына, который с такой гордостью смотрел сейчас за жутковатым перевоплощением своих женщин.

– Он ваш, девочки, – елейным голосом сообщил барон, когда трансформация закончилась. – Мне понадобится только его голова. Остальное можете использовать по своему усмотрению.

Я тихо зарычал, встретив горящий взгляд четвероногих тварей, каждая из которых слишком уж явно напоминала меня самого, а, следовательно, была в несколько раз опаснее, чем простые умертвия или тот же громила-голем. Затем приготовился к атаке. Лихорадочно просчитал свои шансы и чуть не сплюнул, когда «Лютеция» негромко зашипела и разинула раздвоенную снизу, отвратительно похожую на усовершенствованные рты могильщиков пасть. Двойная нижняя челюсть, обновленная система жевательных мышц, острые зубы, большая присоска в глотке, умеющая не только сосать кровь, но и пить жизненные силы...

Демон! Я все-таки ошибся в оценке способностей лича! И он действительно сумел создать высшую нежить, не погнушавшись использовать для этого трупы тех, кто когда-то был ему дорог. Но именно этим мы с ним и отличаемся: я, в отличие от него, не забыл о своей прежней жизни. И трепетно сохранил все воспоминания и чувства. Как в отношении старых друзей, так и в отношении гораздо более многочисленных врагов.

– Убейте его, – откровенно наслаждаясь ситуацией, велел барон, решив, что достаточно напугал более слабого коллегу.

Я только оскалился, показав противницам все свои внушающие уважение клыки и, едва они стронулись с места, первым прыгнул навстречу. Одновременно с этим подбирая под себя верхнюю пару «рук», еще больше выдвигая спрятанный до поры до времени второй (да, я очень запасливый) набор когтей, взвинчивая темп до совершенно дикого уровня и с редким ожесточением набирая полный рот ядовитой слюны.

Стандартное мышление Невзуна сыграло с ним злую шутку – увлекшись экспериментом с нижней челюстью испытуемых, он почему-то забыл о том, что их противник может владеть таким же оружием. И по какой-то причине не снабдил своих «красавиц» защитой от яда. Так что когда я с разбегу харкнул в одну из тварей, метя в круглый красный глаз, она только хрюкнула, споткнулась и, лишившись важного органа, негодуя завизжала. И в результате промахнулась, подарив мне несколько важных секунд, чтобы разобраться с ее товаркой.

Медлить я не стал. Налетев с разбегу и увернувшись от выставленных когтей, ударил вторую тварь плечом, сбивая с ног. После чего, пользуясь преимуществом в росте и количе-

стве конечностей, зажал ей пасть и, остерегшись работать клыками, полоснул по горлу когтем. Самым длинным и острым, который всегда трепетно хранил на своем среднем пальце.

Защитного чехла там, разумеется, уже не было – у меня хватало времени, чтобы избавиться от досадной помехи. Так что ядовитое острие, рассчитанное не только на живых, с легкостью проникло внутрь, вспорол вялые мышцы, трахею, наполненные вязкой полупрозрачной слизью сосуды. Выпустило в них убойную дозу моего персонального, созданного специально для таких случаев яда. А потом коснулось позвонка и выдернулось обратно, распоров на обратном пути его на две половинки.

От удара голова «Мартиссы» безжизненно повисла. Ее передние лапы вяло дрыгнулись и тут же бессильно опали. Из разинутой пасти вырвался сдавленный хрип, оттуда хлынула целая река похожей на маслянистый гной жидкости. Наконец мерзавка отчаянно дернулась, пытаясь дотянуться до моего горла, но смогла лишь оцарапать зубами шкуру на плече. После чего я отбросил уже неопасную тварь подальше и с довольным рыком развернулся ко второй.

«Лютеция» оправилась от плевка на удивление быстро: когда я закончил с ее матерью, она уже летела ко мне в гигантском прыжке, метя когтями в горло. Но банальная ошибка хозяина подвела ее во второй раз: перехватив ее таким же приемом, что и корчащуюся в конвульсиях мать, я с размаху швырнул тварь на камни. После чего прижал сразу двумя коленями, собираясь разобраться еще быстрее...

И только чудом увернулся от еще одной когтистой руки, едва не вспоровшей мне бок.

– С-слишком ш-шустрый оказалс-ся, да? – злобно прошипел господин барон, стремительно преобразовываясь в такую же тварь. – Думаеш-шь, справилс-ся? Реш-шил, что у меня не хватит с-сил, чтобы тебя ос-становить?!

– Да чтоб вас балкой прихлопнуло, уважаемый мэтр, – с чувством отозвался я, тут же бросив «Лютецию» и вынужденно попятившись от двоих противников. – И дочечку вашу тоже желательно, чтоб по головке попало. От этого, говорят, в мозгу извилины заводятся. Не слышали?

– Убью! – невнятно прорычал лич, в мгновение ока завершив трансформацию и почти сравнявшись со мной ростом. Здоровенный, черный от вдавленного в морду носа и до кончиков блестящих когтей. Зубастый, как созданная с похмелья крокодилла. И до того массивный, что мне с моими скромными размерами было сложно с ним тягаться.

Парировав один удар, другой, третий... я понял, что по силе проигрываю этому бугаю. Да и по размерам здорово уступаю. В скорости, пожалуй, немного его опережаю, но это преимущество с лихвой перекрывала опомнившаяся «Лютеция», которой тоже очень хотелось попробовать моей кровушки.

Засада, однако...

Куда податься бедному некроманту, если впереди – пропасть, с боков сжимают тесные скалы, а позади щелкает зубами голодная нежить? Правильно, вниз!

Улучив момент, я резко повернулся, с громким бряцаньем шлепнулся на пузо и, оттолкнувшись от приятно охлаждающих кожу плит задними лапами, проехался по камням, словно по ледяному катку. Благо строение чешуи на брюхе вполне позволяло это сделать. Главное было успеть до того, как опомнившийся лич сообразит, куда я направился, и дернется следом. И до того, как вторая тварь, по животу которой я, проезжая снизу, успел полоснуть сразу двумя парами когтей, ощутит неладное и яростно взвояет от такого предательства.

– С тобой оста-а-ались мы одни-и-и... – ощутив новый прилив сил, вдруг запел я, немилосердно фальшивя, романс времен своей далекой юности. Под аккомпанемент разочарованного воя обманутого в лучших ожиданиях барона и дикого визга его разобиженной дочурки. – И это та-ак волнует кро-о-овь! Зажгут вече-э-э-рние огни-и-и, и ты пода-а-аришь мне любо-о-овь.

Оказавшись на ногах и обнаружив, что противница лежит в куче собственных кишок, я удовлетворенно кивнул: готова, красавица. Больше не полезет, даже если каким-то чудом сумеет подняться. Все-таки верно говорил мой наставник: мозги, если они есть при жизни, и после смерти никуда не денутся, а если ты туп как пробка, то не рассчитывай, что после воскрешения это изменится.

Леди Лютеция при жизни, видимо, была мила, но недалёковидна. А вот взбешенный барон, на морде которого вспыхнули два болезненно-красных глаза, а из пасти потекла густая слюна, явно этого не понимал.

– Скажи, мой ми-и-илый, почему-у... – тут же вошла в раж моя ненормальная трансформация, – ты был так хо-оло-оден со мной? И где оставил ты свою-у-у любовь, похо-оую на со-он?..

На последней ноте я снова нечаянно сфальшивил, наверняка испортив у единственного зрителя все впечатление от романса. Но господин барон и без того, кажется, не очень проникся моим музицированием. Аж задрожал весь, болезненный, набылчился, как-то нехорошо зарычал, демонстрируя немаленькие зубки, а потом этот гаденыш вдруг отрастил неприлично длинный хвост, которым с размаху и засветил мне прямо в челюсть.

Эх, если бы не трансформация, я бы, наверное, так и остался там лежать с разрубленной головой – хвост-то у лича тоже оказался с секретом. Но я осознал это лишь тогда, когда инстинктивно отпрыгнул и, чудом уклонившись от удара, увидел глубокий след в камне, которого тот хвост коснулся лишь самым кончиком.

Кажется, я наконец дождался достойного противника?

– Впечатляет, – все же не удержался от ухмылки я, передразнив обозленного до предела лича. – Где такой хвостик добыли, не подскажите? Насколько я знаю, последний забой крупного рогатого скота в ваших владениях состоялся порядочное время назад, но я, признаться, в первый раз слышу, чтобы кто-то мог позариться на небритые коровьи хвостовые позвонки...

Так. Не вовремя меня обуяло неуместное веселье. Вернусь домой, непременно засяду за старые записи и разработаю-таки этот проклятый блок, который мешает мне нормально жить. Знаю, знаю, что уже не раз планировал этим заняться! Но, честное слово, сегодня мое настроение похоже на взбиваемое добросовестной хозяйкой яйцо: то подскочит до небес, то опять упадет на самое дно!

А вот господин барон что-то загрузил. Стоит, бедняжка, сам не свой, медленно покачиваясь на полусогнутых лапах. Из рта уже пена идет, глаза безумные, выпученные, как у страдающего запором воробья. Огромная пасть раскрыта, язык почти до земли свисает, впору подхватывать двумя пальцами подол и с визгом убежать в родную деревню, хотя нет, стойте! О чем это я? Какой еще подол?! Я ж не хорошенькая девица, чтобы при виде такой страшили в воплях мчаться до батьки с мамкой!..

Вот они, издержки нового облика – как переключит, так потом этот словесный понос не остановишь. Видимо, придется скоро пробку вставлять... Тьфу! Чтоб тебя! Опять занесло!

Я сжал зубы, тщетно пытаюсь вернуть себе хладнокровие и избавиться от дурацкого желания поглумиться над соперником. Даже уперся лапами понадежнее и с силой тряхнул головой, стараясь выкинуть оттуда ненормального весельчака и вернуть того серьезного, последовательного, логичного до отвращения зануду, которым я когда-то был. Но быстро понял, что ничего из этой затеи не получится. Тяжело вздохнул. А потом взглянул на тихо сходящего с ума от злости лича и печально сказал:

– Вот так всегда: живешь себе, живешь, думаешь, что знаешь о себе абсолютно все, тихонько радуешься тому, что такой весь из себя замечательный, но потом приходит какой-то умник и тут же находит в тебе серьезные недостатки. Причем, что самое поганое, почти всегда оказывается прав. Вам не кажется, что это несправедливо, коллега?

Барон, недослушав, оглушительно взревел, наверняка распугав своих немногочисленных уцелевших зомби. После чего сорвался с места и со всей доступной скоростью ринулся в атаку.

Взглянув на его перекошенную морду, в которой уже давно не осталось ничего человеческого, я совсем погрузнел. И, выставив ему навстречу весь свой зубасто-клыкастый арсенал, все-таки не удержался и добавил:

– К сожалению, справедливость, как и правда, теперь – чрезвычайно редкое явление. Хотя для того, чтобы узнать причину этого, достаточно просто взглянуть на свое отражение.

Глава 15

Если нечего сказать, промолчи. Не давай собеседнику повод заподозрить тебя в глупости.
Мастер Люборас Твишоп

Мы столкнулись почти в центре раскуроченного холла, неподалеку от мертвого голема. Барон налетел, как гигантская ворона – с шумом, воем, хриплым клекотом.

Я успел только отшатнуться, избегая когтей одной его лапы, как тут же получил мощный удар под дых другой. Затем что-то острое с силой обрушилось на мой затылок, едва не задев левый задний глаз. Яростно замолотило где-то в районе верхних лопаток – как раз там, где у меня ужасно чесалась шкура. Наконец больно клюнуло в темечко и угомонилося, когда я выяснил-таки, что там за гадость стучит мне по позвонкам, и поймал живущий собственной жизнью хвост барона, тут же намотав его на один из своих кулаков.

– Плохая собачка, – изловчившись, погрозил я недовольно сопящему лицу оставшимся свободным средним пальцем. – Или ты – ящерка?

А затем, улучив момент, от души засветил ему в нос.

– Будешь знать, как обижать хороших дядей-некромантов! Фу!

Барон утробно зарычал и отшатнулся, пытаясь высвободить из захвата важную часть своего уродливого тела. Резко дернулся, чуть не подпрыгнул, пропустив хвост между задних лап. Наконец решительно повернулся ко мне лиц... то есть мордой, и, все еще пятясь, угрожающе рывкнул, надеясь, что это меня устрасит.

Но фигу – я вцепился в добычу намертво. Уже двумя средними руками. А затем еще и подался назад, надеясь, что упершийся лич поскользнется на склизком полу и потеряет равновесие.

Он в ответ обозлился еще больше и так громко скрипнул зубами, что издали, наверное, могло показаться, что тяну я его с редкой жестокостью вовсе не за хвост. А потом до господина барона дошло, что таким образом он «канат» на себя не перетянет. И довольно быстро в его дурную голову все-таки пришла «светлая» мысль о том, что достаточно откусить мне лапы, и проблема исчезнет сама собой.

Внезапно прекратив упираться, он так рьяно метнулся навстречу, что я едва успел отдернуть пальцы. После чего, не дожидаясь, пока взвившийся в воздух хвост щелкнет меня по носу, прыгнул вперед и с оттяжкой полоснул длинными когтями уродливую морду противника.

Он, к моему огромному сожалению, успел отдернуть башку, поэтому вместо глубоких ран заполучил лишь три неглубоких царапины на носу. На его настроении, правда, это не сказалось, но я был глубоко разочарован: кажется, скорость реакции у нас не слишком отличается. Более того, я едва успел вернуться на исходную позицию, избежав ответного удара. А когда снова взглянул на застывшего напротив лица, то всерьез озаботился новой проблемой.

Какое-то время мы стояли неподвижно, буравя друг друга одинаково горящими глазами. Барон нетерпеливо рвал когтями каменные плиты под ногами. Я прислушивался к его тяжелому дыханию и лихорадочно думал. Некроголем мирно почил где-то между нами. А разбросанные повсюду куски плоти так гармонично дополняли картину эпохальной битвы, что моя клятая трансформа, едва подумав об этом, тут же приосанилась и постаралась принять более выгодную позу. Причем ее несколько не волновало ни отсутствие зрителей, ни то, что некому было запечатлеть ее воинственный и грозный облик. Нет. Она просто развлекалась и в который уже раз за эту ночь навела меня на размышления о том, из кого мы, собственно, ее собрали.

Может, в состав этого чуда затесалась частичка какого-нибудь шутника-маньяка, склонного к самолюбованию? Или туда волшебным образом просочилась частичка плоти прирож-

денного художника, попавшего в опалу из-за неудачно нарисованного портрета какой-нибудь себялюбивой герцогини?

Честно говоря, никогда не интересовался, какие именно тела поступают на мой секционный стол в качестве подопытного материала. Но, видимо, на будущее следует это учесть, потому что остаточные эманации прежних владельцев во мне все-таки сохранились. И не одна, не две, а гораздо больше, потому что для работы нам с учителем приходилось порой соединять фрагменты от разных носителей. Такие, которые лучше всего подходили для формирования той или иной функции, без оглядки на происхождение образцов.

И вот теперь это аукнулось совершенно неожиданным образом. Причем чем меньше я себя контролировал, тем больше проявлялись эти низменные, глубоко зарытые в подсознании инстинкты. О которых пятьдесят лет назад не мог знать ни я, ни мой многоопытный наставник.

Возможно, именно из-за них я в последние годы так сильно изменился?

– Ты ум-решь! – вдруг пролаял барон, видимо, устав стоять молча. – Сдохнешь! Я р-разорву тебя на куски!

– Фи, как примитивно, – рассеянно заметил я, продолжая напряженно думать. – Коллега, для человека вашей профессии это как минимум непрактично. Может, мы уладим наши разногласия более цивилизованным способом?

– Нет! – непримиримо рявкнул лич. – Ты убил моих женщин!

– Ах вот в чем дело... Если вы помните, господин барон, к моменту моего появления они были уже мертвы. Так что никто не мешает вам воскресить их снова.

– Как?! Ты же забрал у них всю жизненную силу!

– Неужели? – удивился я, машинально погладив впалый живот, который тут же отозвался довольным урчанием. – Ах, и правда. Ну, значит, воскресить уже не получится. Придется вам, барон, искать новую супружницу. Впрочем, выбор большой: на кладбище осталось так много неразоренных могил...

В конце концов, до лича дошло, что я над ним просто издеваюсь. Захлебнувшись бешеным воем, он прекратил портить пол в своем замке и, проревев что-то невнятное, снова бросился в атаку, полный просто невыразимого желания порвать меня, как котенок – бабушкин клубок. Вот только не учел, что не он один умеет красиво тянуть время, и не сразу понял, для чего я резко присел и, оттолкнувшись ногами, высоко подпрыгнул.

Мне повезло – частично разрушенный потолок все еще был способен выдержать вес гигантского боевого таракана. Надо признать, эта форма оказалась на редкость удачной, подвижной, выносливой и очень легкой. А уж как она умела взбираться по вертикальным поверхностям... Просто сказка!

Зря Нич ворчал по поводу своего внешнего вида. Надеюсь, теперь, когда он понял, что не один такой шестиногий, ему станет чуточку спокойнее. Все-таки знать, что нас таких двое и оба мы в хитине, здорово помогает уменьшить размеры комплекса неполноценности. Мужская солидарность, что и говорить. Может, теперь он поймет, почему я выбрал для него столь экстравагантный образ?

Прижавшись брюхом к шершавому камню и свесив вниз голову, я увидел резко остановившегося лича и гнусно ухмыльнулся: попался, голубчик! Щас я тебя съем! Даже жалко, что он не видел мою эпохальную битву с големом. Тогда бы не таранился так дико по сторонам и сообразил бы посмотреть наверх несколькими секундами раньше.

Я спикировал ему на спину, как гордый орел: быстро, уверенно и красиво. Под влиянием возбужденной трансформы и некстати накатившей эйфории, которая от одного лишь воспоминания об удачном нападении на голема вновь полыхнула предательским огнем. Едва «клюв» не разинул в предвкушении быстрой победы, но, хвала вовремя проснувшемуся прагматизму, все-таки успел его сразу закрыть. И только поэтому, когда почуявший неладное лич отскочил назад и, извернувшись, с силой двинул сразу обеими лапами, не лишился львиной доли зубов.

После чего успел только мысленно выругаться, сжаться в комок и, проклиная свое тело на чем свет стоит, с размаху ударился о дальнюю стену холла.

Удар оказался так силен, что у меня на мгновение помутилось в глазах. Вернее, это произошло потому, что брызнувшая во все стороны каменная крошка моментально забила под веки, лишив меня удовольствия лицезреть мрачную рожу барона. Более того, сразу отлепиться от стены не удалось – силушка у лича оказалась поистине великанской, так что меня как вбило в стену по самые ноздри, так я там и застрял.

Подумав пару мгновений, негромко поскрипывающая стена, в которой от места удара начали подозрительно быстро расплзаться ветвистые трещины, несколько секунд еще сомневалась, стоит ли ей падать, или имеет смысл повременить с этим неприятным делом. Но в итоге приняла решение не в мою пользу и, мерзко скрипнув напоследок, с оглушительным грохотом провалилась куда-то внутрь. Вместе со мной, моим громким негодующим воплем и заодно остатками потолка, который, не выдержав веса наших с бароном аргументов, именно в этот момент окончательно рухнул.

...Мы уложились точно в срок: ровно через две недели после разговора с мастером Твишопом образец под номером триста пятьдесят шесть был полностью готов для полевых испытаний.

Правда, из-за дикой спешки и быстро ухудшающегося здоровья наставника я не сумел снабдить его всеми функциями, которыми хотел, поэтому слегка нервничал, снимая простыню с погруженного в химический стазис тела. Но мастер к тому моменту был уже так плох, что не думал ни о чем. И когда обнаружил, что ради скорейшего завершения работы я пожертвовал второстепенными вещами – такими, как волосяной покров, внешняя привлекательность и возможность интимной близости, – даже ворчать не стал. А просто отвернулся от каменного ложа с серьезно изменившимся с прошлого раза телом и устало прошептал:

– Вот и все... Даже странно, что ты успел его закончить, мой мальчик.

В самый первый момент я даже не понял, зачем он это сказал. А когда до меня дошло, то почему-то стало неловко от внезапного понимания: старый магистр, безумно устав от гонки за мечтой, оказался слишком близок к мысли о возможной неудаче. И если бы не был так плох, то, вполне вероятно, не рискнул бы сделать решающий шаг лишь потому, что всерьез опасался провала. Ведь гораздо приятнее умереть простым человеком, чем окончить свой век безмозглой, послушной, тупо исполняющей приказы нежитью. Ведь результаты этого эксперимента не смог бы предсказать ни один оракул.

То, что мы хотели сделать, никто и никогда не пытался воплотить в жизнь. Мечтали – да. Хотели до ужаса и дрожащих коленей. Но обе гильдии так остервенело отстаивали свою независимость, что даже помыслить не могли о совместной работе. В то время как тайна нашего возможного успеха лежала именно в сочетании двух противоположных по знаку искусств.

– Учитель? – деликатно поторопил я наставника.

Тот тяжело вздохнул и мельком посмотрел на второе, пока еще пустое ложе, находящееся рядом с образцом. Над каменным столом, только и ждущим своего единственного клиента, был развернут магический стазис, который должен был погрузить наставника в глубокий сон, плавно переходящий в естественную смерть. С боков свисали многочисленные провода, над которыми в полнейшем молчании колдовал мой ученик. Со стороны головного конца находился выразительно поднятый стеклянный колпак, поверхность которого пестрела сложнейшим узором из рун. А под ним тихонько гудел небольшой агрегат – так называемый стабилизатор, который мы с Невом создали по чертежам мастера Твишопы и который должен был обеспечить защиту склепа в случае непредвиденной ситуации. Вплоть до того, что уничтожить само подземелье вместе с потенциально опасным существом с очень необычными способностями.

Видя, что магистр все еще колеблется, я так же деликатно дотронулся до его локтя.

– Помогите мне забраться, – правильно понял этот жест наставник и сделал первый шаг навстречу новой жизни.

Я тут же подхватил его под руку и постарался максимально осторожно поднять высохшее, ставшее совсем легким тело учителя, чтобы уложить его в специально подготовленную выемку. Однако в тот самый момент, когда он уже опускался на холодный камень, я перехватил взгляд старого мага и непроизвольно замер, распознав в нем мучительное сомнение. После чего сжал безвольно упавшую кисть и очень тихо, так, чтобы не услышал возящийся с проводами Нев, шепнул:

– Клянусь смертью, я верну вас обратно, учитель.

У старика изумленно расширились глаза, но я уже отвернулся и, не будучи склонным к проявлению эмоций, быстро отошел в сторону.

Да, я знаю: некроманты крайне редко дают друг другу подобные клятвы. А по отношению к светлым это вообще запрещено кодексом гильдии. Но мне в тот момент было все равно, светлый или темный маг лежит передо мной: я просто собирался сделать то, что задумал. Точно так же, как когда-то сделал это он, передав мне львиную долю своих знаний. Позабыв про цвет моей мантии, мои опасные увлечения, необъяснимую любовь к своей профессии и то, что меня никогда не волновали угрызения совести при работе как с живым, так и с неживым материалом.

Я был ученым до мозга костей. Фанатиком, если не сказать больше. Почти что маньяком. Точно так же, как был им и отживший свое магистр враждебной гильдии. Но, быть может, только благодаря этому мы прекрасно понимали друг друга. А прожив бок о бок несколько лет, бесконечно увлеченные одной и той же идеей, мы научились не только ладить, но и уважать чужой труд. По крайней мере, этому научился я. А мастер Твишоп... Мне почему-то кажется, что он и тогда уже немало понимал в нашем ремесле. Поэтому не испытывал особого отвращения при виде естественных, но весьма неприглядных вещей, которые всегда сопровождали работу некроманта.

– Начинайте, – хрипло велел наставник, когда Нев аккуратно опустил на его голову стеклянный колпак. – И да поможет нам небо.

Больше мы не разговаривали. Я отвернулся, вплотную занявшись образцом, Нев сновисто опутывал проводами магистра, попутно проверяя работу сканирующих заклятий. Мастер Твишоп почти сразу погрузился в легкую дрему, не мешая нам заканчивать последние приготовления, а единственное, о чем он попросил меня взглядом – это не включать стазис на полную мощность до тех пор, пока новое тело не начнет самостоятельно дышать.

Я так же молча велел Неву не торопиться с заклинанием и вернулся к своим делам. А когда почувствовал легкое прикосновение к плечу и, на мгновение обернувшись, увидел подтверждающий кивок ученика, то от волнения задержал дыхание.

Вот и все, как правильно сказал учитель. Скоро мы узнаем, насколько правильна моя теория и насколько точно я просчитал ключевые точки эксперимента.

Я пришел в себя оттого, что впервые за много лет вспомнил, что такое боль.

Нет, это была не та боль, которой подвержено обычное человеческое тело – мне не хотелось орать, выть дурным голосом или просто биться в тисках, как прищипленная к дереву бабочка. Мне просто стало плохо. Настолько, что я даже распрощался с уютным небытием и неохотно открыл глаза.

Где это я?

Ах да... что-то смутно припоминаю: меня сперва кинули, пробили моей головой стену холла и чуть не похоронили под тяжелыми обломками. Повезло, что у нового тела такие крепкие кости. Стена вдребезги, от потолка остались только дыры, пол весь в трещинах, повсюду

раскиданы громадные каменные обломки, а трансформа – почти целехонька, ну, в смысле, еще жива и даже способна самостоятельно шевелиться.

А вот находился я, как ни странно, неподалеку от фамильного склепа Невзунов, умудрившись упасть на смежную с ним стену и до основания ее разрушить. Не знаю уж, метился ли барон специально, или это мне так «повезло», но факт в том, что сейчас я лежал под смутно знакомой, щедро разукрашенной древними символами металлической плитой-дверью, в которой тускло светился кроваво-красный амулет. Тот самый, который мы не так давно изучали с его сиятельством графом Экхимосом и на который у меня имелись определенные планы.

Вот только было одно ма-а-аленькое осложнение: как оказалось, барон тоже времени не терял – пока я валялся без сознания, он умудрился вытащить меня из-под груды тяжелых обломков, распластал по полу, буквально вмяв в него своим тяжелым телом. Судя по неприятным ощущениям в спине, даже попытался сломать позвоночник, но, к сожалению для себя, не преуспел. Зато умудрился вдоволь потрепать мое бесчувственное тело, насажал мне шишек на затылок, помял нагрудную хитиновую пластину, мстительно оторвал правую среднюю лапу, а теперь с остервенением отгрызал вторую. Причем, судя по доносящемуся хрусту и мерзкой щекотке, поселившейся где-то в районе сустава, был уже весьма близок к цели.

– Ничего, что я руки не помыл? – первой отреагировала моя трансформа, выплюнув на кожу возящегося с моими конечностями лича сгусток ядовитой слюны.

Барон, зашипев от неожиданности, резко поднял голову, так и не выпустив из пасти измочаленную лапу, и зло сверкнул глазами.

– Ш-што?

– Не успел просто, – с грустью добавил я, глядя, как безжизненно свисают с его зубов остатки сухожилий. – Но, надеюсь, это не сильно испортило вам аппетит?

Лич, запоздало припомнив, как я ковырялся этими же самыми лапами во внутренностях его сердитых «дам», с отвращением сплюнул и с ненавистью на меня посмотрел.

– Сдохни, тварь!

– Фу, как некрасиво, – поморщился я, тщетно стараясь спасти хотя бы одну лапу. – И это – благородный маг незнамо в каком поколении, как, однако, измельчали за последние сто лет аристократы! Хотя, может, это – наследие вашего мертвого дедушки? Признаться, он был редкостным лгуном и отъявленным мерзавцем. Однако при всем при том не позволял себе таких вольностей и никогда не опустился бы до того, чтобы, подобно вам, с такой страстью лобызать чужие неостриженные когти.

– Заткни-и-ись!!! – утробно взвыл лич, вынужденно распахнув пасть во всю ширину.

Я, облегченно вздохнув, тут же выдернул оттуда многострадальную конечность, полоснул барона по морде оставшимся набором когтей и, прежде чем этот гад успел опомниться, проворно отпрянул, неловко волоча за собой единственную среднюю лапу.

Увы. Кажется, я ее все-таки потерял: изжеванные мышцы не слушались, суставную сумку мне тоже порвали, поэтому нога отказывалась сгибаться, а из многочисленных ран вместо крови вяло сочилась мутноватая сукровица. Сейчас лапа мне только мешала: здорово замедляла движения, отвлекала. Так что я, недолго думая, просто откусил ее у основания и, отбросив в сторону бесполезную плоть, мрачно уставился на успешшего проораться лича.

– За лапу ответишь, – тихо пообещал, глядя ему глаза в глаза. – Она была моей любимой. Лич только оскалился и набросился снова.

К сожалению, лишившись важного преимущества, я здорово потерял в маневренности. Все-таки переход с шести на четыре конечности требовал времени, которого у меня не было. Да и глубокая рана в животе доставляла ощутимое беспокойство. Пока-а она еще закроется... Даже для боевой трансформы необходимо хотя бы полчаса, чтобы зарастить такие серьезные повреждения, а быстро бегать требовалось уже сейчас. Неудивительно, что сорвавшийся с

места барон настиг меня в два счета и тут же вцепился клыками в бок, пытаясь опрокинуть навзничь.

Упасть я, правда, не упал – успел вонзить в пол когти и, понимая, что если упаду, то потом больше не встану, смог-таки удержаться на ногах. Однако лич тут же поменял тактику и вместо того, чтобы прижать меня к полу, наоборот, ловко поддел снизу передними лапами и, умудрившись зацепить свежую рану на животе, буквально подкинул в воздух. После чего с силой швырнул, и от очередного увечья меня не спасли ни когти, ни защита от боли, ни жалкая попытка увернуться.

Увы еще раз: хоть лететь мне пришлось недолго, мощь нового удара была такова, что принявшая меня в свои ласковые объятия ближайшая стена аж застонала. Как-то жалобно, натужно, тревожно. Покрылась сетью мелких трещин. Лишилась красивых барельефов по краям. Но при этом все-таки устояла. И она бы точно смогла выдержать мое осквернительное присутствие и дальше. Справилась бы даже с двойной нагрузкой, если бы, конечно, я не дотянулся до охранного амулета в двери и, присосавшись голодной пиявкой, не высосал его начисто.

Времени на это ушло совсем немного: всего один судорожный вздох и моя торжествующая ухмылка, после чего магический ключ мгновенно потускнел. Почти сразу лишённое магической подпитки заклятие подозрительно быстро испарилось, стена подо мной опасно просела, словно ее лишили опоры, а я с беспокойством почувствовал, что снова стремительно падаю.

И опять – головой вниз!

Грох! – с диким скрежетом рухнула лишившаяся подпорки дверь.

– Демоновы ляжки! – сдавленно ругнулся я, чувствительно приложившись мордой о камень.

– Что ты надела-а-ал?! – истошно завопил барон, тут же кинувшись за мной, но я уже пришел в себя и, резво вскочив на ноги, со всей доступной скоростью ринулся внутрь склепа.

У нас – некромантов – есть одна маленькая слабость: мы любим прятать свои тайны в чужих гробницах. Будь то фамильная сокровищница, источник нашей силы, древние артефакты или просто секрет создания нового вида зомби. Собственно, именно по этой причине фамильные склепы магов всегда защищены самыми мощными заклятиями. И господин барон отнюдь не был исключением. Поэтому я изначально планировал наведаться в этот склеп с весьма прозаической целью – поживиться. В первую очередь, дармовой силой, которой охраняемый амулет буквально дышал, и какими-нибудь полезными штучками, которые вряд ли защищались бы без веских причин.

Да, каюсь – я все-таки солгал графу, сказав, что заклятие на двери склепа стандартное. Но если бы я заявил, что оно весьма и весьма для меня интересно, то он бы тут же позвал туда светлого. А с Лиуроем я не собирался делиться ни при каких условиях. Ни источником, ни информацией. Поэтому умолчал об истинном назначении «простенького» амулета, который почуял почти сразу, как только ступил на земли Невзунов. Заранее отослал светлого подальше от склепа. Приложил все усилия, чтобы попасть туда первым. После чего сделал честные глаза и, стараясь сохранить лицо невозмутимым, нагло соврал.

А вот сейчас лихорадочно оглядывался в поисках источника.

В склепе, как и следовало ожидать, было темно, как у светлого... под мантией. Холодный пол, высокий, убегающий куда-то ввысь потолок. Висящая по углам, никем не тронутая паутина. Голые стены, лишённые каких бы то ни было украшений. Два ряда мрачного вида постаментов, расположенных вдоль основного прохода. Такие же мрачные каменные гробы, накрытые тяжелыми, исписанными неразборчивыми каракулями крышками...

Кажется, в этом склепе покоилось сразу несколько поколений славных и не очень славных предков барона. Обычные люди, простые маги, весьма хорошие маги и даже, насколько я знаю, как минимум один некромант. Не так много народу, конечно, как могло бы быть, всего три

десятка человек, что для столь древнего рода – сушая мелочь, но, видно, здесь находились лишь достойнейшие из достойных. Иначе никто не стал бы разоряться на дорогие саркофаги.

Магических светильников тут, разумеется, не было. Подставки под факелы пустовали – видимо, барон заглядывал сюда нечасто. Однако для того, чтобы сориентироваться, мне хватило всего доли секунды. В первую очередь, потому, что я смотрел не глазами, а всей поверхностью тела. И ею же пытался ощутить, с какой именно стороны исходят пронизывающие все пространство склепа мощные силовые линии, источник которых мне требовался позарез.

Самое же удивительное заключалось в том, что линий было поразительно много. Они виднелись буквально повсюду! И все настолько насыщенные, настолько искрящиеся дармовой энергией, что я, оценив их возможности, едва не задохнулся от жадности.

Ну барон, ну хитрец, скрыть такое от Совета?! Как ему только удалось создать (или найти?!) подобный источник? Почему его не заметили раньше? Хотя нет, почему не заметили – как раз ясно: даже я, мэтр с огромным стажем, скорее предвидел возможность поживиться, чем действительно ощутил скопившуюся внутри склепа мощь. А кто-то попроще мог ее вовсе не заметить. И не понять, что за исчерченной рунами дверью скрывается такое сокровище.

Жаль, я не успел разобрать, что за заклятие барон использовал в амулете – выпил его подчистую. А было бы любопытно выяснить, каким образом у него получилось качественно и, главное, так долго скрывать присутствие тут источника огромной силы.

Обычно некроманты пользуются энергией смерти, подпитываясь от созданных ими умертвий и упырей. Чем их больше и чем устойчивее к разрушению их плоть, тем лучше они сохраняют энергию и тем дольше смогут послужить хозяину в качестве внешнего резерва. Еще мы (хотя и гораздо реже, чем светлые) используем энергию живых – как правило, ту ее часть, которая проявляется в момент сильной боли или в процессе умирания. Но смерть – весьма капризная леди. Она любит мешать нашим планам и обычно приходит именно тогда, когда ее меньше всего желаешь видеть.

Конечно, опытному некроманту порой удается отсрочить приход Хозяйки душ и, тем самым, успеть собрать неплохую жатву. Но таких специалистов во все времена было очень немного. Хорошему мэтру нужен не только талант, но и годы, а порой и целые десятилетия практики, которой мы и двести, и даже пятьсот лет назад не могли похвастать. Лично у меня получалось обмануть Ее всего несколько раз. А достичь пика человеческих страданий, чтобы затем аккуратно собрать получившуюся силу и, затаив дыхание от понимания важности момента, заточить ее в рукоять своего ритуального ножа – всего однажды. А тут какой-то провинциальный маг, учившийся, как он сам заявил, лишь по книгам и чужим черновикам, изобретательный, конечно, но отнюдь не гениальный... И вдруг – такой умелец?!

Признаться, в первый момент я едва не растерялся, обнаружив целый океан бесхозной силы. И едва не пропустил стремительный рывок барона, который явно не собирался со мной делиться.

– Во-о-он! – прошипел лич, так торопившийся выдворить меня из склепа, что впопыхах обидно промахнулся мимо моего горла. – Пшел вон отсюда, гаденыш!

– Сейчас, сейчас, – я повел носом, старательно прислушиваясь к собственным ощущениям. – Вот только выясню, где тут можно подкрепиться, и пойду. Вы же не оставите собрата голодным?

– Р-р-рам! Во-о-он, я сказал!!!

– Уже бегу! – радостно откликнулся я, наконец-то уловив правильное направление. После чего резко развернулся и, упав на четвереньки, опрометью кинулся по единственному проходу, словно почуявший запах добычи охотничий пес.

Не знаю, что меня вело – чутье ли, магический голод или же просто стремление выжить, но я мчался на становящийся все сильнее запах смерти так, будто за мной по пятам несли не обычный лич, а как минимум повелитель демонов. Или же сама Хозяйка. Причем того, как я

умудрился на своих подгибающихся от слабости лапах добежать до источника быстрее барона, до сих пор понять не могу.

Тем не менее мне это все же удалось: задыхаясь от бега, я резко остановился возле последнего гроба. Повернул налево, проворно юркнул между ним и шершавой стеной. Обдирая бока, с трудом протиснулся в имеющуюся между ними узкую щель. Негромко захрипел, в последний момент испугавшись, что мой костлявый зад туда не влезет. Но все же выбрался с другой стороны без потерь. Злорадно хмыкнул, заслышав дикий скрежет чужих когтей и разочарованный вой более крупного соперника. Ухмыльнулся, поняв, что неожиданно получил неплохую фору. И лишь оказавшись возле невысокого каменного возвышения, спрятанного с трех сторон за мощными колоннами, в недоумении остановился.

На возвышении лежал мальчишка, вернее, уже почти юноша, если судить по едва заметному пушку на смертельно бледных щеках. Обнаженный. Невероятно худой, если не сказать истощенный. Распластаный на камне, как беспомощная лягушка на столе вивисектора. Его руки и ноги были прикручены ремнями к вбитым по краям постамента штырям. Голова запрокинута назад и надежно зафиксирована железным обручем. Живот вспорот. Сизые кишки безжалостно вынуты и аккуратно разложены рядом, точно по секторам тщательно расчерченной вокруг тела гексаграммы. На тощей груди виднелись засохшие бурые разводы, при внимательном прочтении складывающиеся в сложные руны. А слева, как раз там, где навеки застыло некогда полное сил сердце, торчала рукоять ритуального кинжала, от которого во все стороны тонкой светящейся паутиной расходились те самые нити, что привели меня в такой восторг.

Поверьте, я не сентиментальный старик и не легкомысленная барышня, способная при виде крови с тихим стоном осесть на пол, выразительно прикрывая глаза руками. Я многое видел за свою долгую жизнь. В том числе замученных насмерть невольников. Распятых за малейшую провинность слуг. Убитых. Просто мертвых. Воскрешенных и снова убитых. Я видел трупы детей, умерших от истощения; женщин, подвергнувшихся жестокому насилию; и даже ближайших родственников, которым сильно не повезло по жизни и которых, к сожалению или счастью, у меня уже не осталось.

Я также видел, как медленно и мучительно умирал мой учитель, день за днем теряющий не только силы, но и надежду. Видел, как еще более мучительно умирал мой ученик, который не оправдал нашего общего доверия. Более того, сам стоял у секционного стола и бестрепетно вскрывал ему вены... Но мальчишка, совсем еще безусый и ни в чем не повинный мальчишка, единственная беда которого заключалась в том, что он имел несчастье родиться в семье некроманта, та самая, пресловутая чистая душа, в поисках которой многие проводят целые столетия, и совсем юное, полное сил тело, в котором скрывается так много доступной, невероятно легкой для усвоения энергии.

Тело, еще не ставшее мертвым, но уже переставшее быть живым. Остановленное в самый миг умирания. Навеки застывшее на границе между жизнью и смертью. Но при этом обреченное на бесконечные муки. С небьющимся сердцем и еще трепещущей, прикованной к нему душой, растянутой между светом и тьмой, как тонкая связующая ниточка. А по ней, как по руслу высохшей руки, с той стороны беспрерывно текла украденная энергия...

Признаться, при виде такого источника у меня впервые за много лет что-то екнуло в груди. Не от жутковатого зрелища запавших щек и провалившихся внутрь, бешенодвигающихся под закрытыми веками глаз мальчишки. Не от вида беззвучно распахнутого рта, откуда не доносилось ни крика, ни даже короткого вздоха. А от внезапного осознания того, что столь красиво говоривший о своей нелегкой судьбе барон посмел поднять руку на своего... сына, наверное? Ведь только родная кровь могла дать ему такой поразительный отклик. И только ею он мог так легко повелевать.

Мне, по воле судьбы не успевшему зачать собственного ребенка и в силу былой одержимости не сумевшему даже толком выкроить время на женщин, было дико видеть проявление такой чудовищной практичности.

Родная кровь... что может быть дороже?!

Конечно, мэтры бывают жестокими и равнодушными. Мы почти всегда невозмутимы, нечеловечески спокойны, хладнокровны и абсолютно безжалостны при проведении обрядов. Этого требует от нас наша профессия. Так нас воспитывают с детства, годами приучая терпеть свою и чужую боль. Поэтому мы никогда не смотрим в глаза своих добровольных или обреченных на это правосудием жертв. Не думаем о том, кем они были и за какие прегрешения попали на плаху, чтобы потом согласиться стать помощником некроманта, за нас все решала королевская воля. И воля Совета. А все наши жертвы, по крайней мере, мои жертвы, не имели ничего общего с тем, что я видел сейчас.

Нет. Этого я никак не смогу понять. И принять, наверное, тоже не сумею. Хотя бы потому, что за последние пятьдесят лет успел о многом подумать и самым решительным образом пересмотреть свои давние заблуждения.

Непроизвольно замерев напротив жертвенника, я стиснул кулаки. Какое-то время невидящим взглядом смотрел на обреченного мальчишку. Затем услышал быстро приближающееся клацанье когтей по полу. С трудом очнулся. Наконец принял решение и, резко наклонившись, рывком выдернул из окровавленной груди чужой кинжал.

Мальчик тут же обмяк. Его шея расслабилась, исхудавшие руки застыли уже навсегда. Многочисленные энергетические нити, исходящие из покрытой бурыми разводами рукояти, тут же поблекли. А когда я мстительно сжал ее в кулаке и, высушив до дна, шарахнул о ближайшую колонну, окончательно угасли.

– Вот так, – мрачно обронил я и обернулся на звук шагов, впервые за долгое время чувствуя нечто смутно похожее на ненависть. – Вот теперь, господин барон, мы наконец поборемся с вами на равных...

Глава 16

На пороге смерти даже последний упрямец становится удивительно сговорчивым.
Граф Эхимос

Остатки кинжала я уничтожил тут же – мстительно прошептав короткое разрушающее заклятие, благодаря которому тончайшее, покрытое сложным рисунком заклиний лезвие истаяло в моей руке, словно дым, не оставив после себя ни праха, ни пепла, ни даже крохотной пылинки.

Да, вы правы: вопреки голосу разума, я использовал запретное знание, сохранившееся, вероятно, только в архивах АВМ. Но мне, если честно, было глубоко наплевать, что по данному поводу мог сказать Совет. Главное, что это освободило душу прикованного к алтарю мальчика и ослабило убившего его некроманта. А все остальное не имело значения.

По той же причине я не стал дожидаться, пока хозяин кинжала приблизится на расстояние удара, а впервые за последние пятьдесят лет позволил трансформе взять верх и добровольно устранился от процесса управления телом. Ничуть не сомневаясь, что она справится лучше, и справедливо рассудив, что в моем нынешнем состоянии это будет наиболее разумный выбор.

Надо сказать, трансформа изначально создавалась так, чтобы в случае непредвиденной ситуации суметь взять под контроль большинство жизненно важных функций моего сложно устроенного организма. На тот случай, если хозяин вдруг потеряет сознание, его душа вылетит из искусственного тела или, что гораздо неприятнее, сойдет с ума.

Оставшись без «руководства», трансформа должна была самостоятельно сориентироваться и, исходя из внешних условий, начать действовать максимально эффективным образом. Будь то простое бегство от заведомо более сильного противника или же смертельный бой при наличии хотя бы одного шанса на победу.

Я очень долго изучал живых существ. Годами наблюдал за зверьми, птицами и особенно за поведением людей в самых разных условиях. Поставил немало экспериментов, следя за их реакцией на всевозможные раздражители, в том числе на такие, как сильная боль или всепоглощающий страх. И еще задолго до встречи с магистром Твишопом понял одну простую вещь: оказывается, хорошо подготовленное к тому или иному действию тело наиболее эффективно действует без участия разума. На одних инстинктах. Причем чем выше его специализация в том или ином вопросе, тем лучше получится результат. И тем успешнее будет выполнена задача.

Чтобы пояснить свою мысль, хочу добавить, что учитель немного ошибся, когда говорил о способности магов управлять обеими сторонами силы. На самом деле это так, но есть одно крохотное дополнение: некроманты действительно могут использовать большинство заклиний светлых, и я тому прямое подтверждение. Вот только затраты энергии у нас оказываются несопоставимо больше, чем у талантливых мастеров. Это – особенность нашего дара. Точно так же, как светлые, в принципе, способны работать с заклятиями темных, но при этом истощаются во много раз быстрее, чем самый слабенький некромант.

Собственно, именно по этой причине темные и светлые практически не лезут в область «чужого» искусства. Даже в АВМ молодым некромантам преподаются лишь основы светлого мастерства, да и то – коротким ознакомительным курсом. А светлым, наоборот, рассказывают ключевые моменты нашей работы, не забывая голову деталями и ненужными, как до сих пор считают учителя, подробностями.

Более того, арсенал заклинаний светлых в силу определенных причин весьма богат на боевые заклятия. Их магия более конкретна и обладает высоким «дистанционным» запасом. Они легко работают на больших расстояниях, способны мгновенно отреагировать на любое нападение. С завидной скоростью плетут свои атакующие заклинания и весьма хороши во всем, что требует быстрого ответа.

Тогда как мы по большей части используем силу своих созданий и ею же, как правило, ограничены. Наша магия не знает, что такое файерболы или водяные хлысты, она неспособна к мгновенному мощному удару по врагу.

Для нашей работы всегда нужно время, серьезная подготовка и сочетание множества благоприятных условий, которых никогда не добиться во время скоротечного боя, зато наша магия гораздо более мягкая. Она коварна, почти незаметна, обладает высоким защитным потенциалом, склонна к накоплению и умеет бить точно в цель, не требуя при этом больших усилий.

К тому же она может работать годами, сама по себе, не нуждаясь в подпитке создавшего ее мага. И способна самостоятельно обеспечивать себя энергией, как это бывает, к примеру, с тяжелыми проклятиями.

Собственно, именно поэтому во время создания боевой трансформы мы с учителем приложили максимум усилий, чтобы свести на нет наши общие недостатки. Собранное нами тело стало быстрым, сильным, выносливым и обладало не только собственной волей, но и уникальной способностью подпитываться от внешнего магического источника. Правда, пока оно было привязано лишь к одному-единственному источнику, но это – вещь поправимая. Главное, что оно лучше меня знало, что нужно делать в подобной ситуации.

А сейчас я был зол. Мне, как никогда, хотелось крови. Причем настолько сильно, что чуткая к моим эмоциям трансформа восприняла это желание как прямой приказ и, получив полную свободу действий, утробно взревела. После чего шумно выдохнула, бодро отряхнулась и со всей доступной скоростью ринулась в атаку.

Остальное я помню довольно плохо, потому что на какое-то время превратился в стороннего наблюдателя. Хотя, наверное, вид сцепившихся друг с другом гигантских тараканов вовсе не то зрелище, на которое я мог смотреть с взволнованным придыханием. Мне было противно, не более того. И как-то отстраненно все равно, какой ценой удастся остановить этого гада. Так что я, по большому счету, ничего не потерял, когда отказался на него смотреть. Да и что, скажите на милость, там можно было увидеть интересного?

Оскаленную пасть, чужие клыки, сверкающие прямо возле моих глаз? Кривой острый коготь, с поразительной легкостью вспарывающий кожу на моем плече? Едкую слизь, толчками выливающуюся из широкой раны? Или, может, кому-то страстно хотелось услышать бешеный рев, переходящий в самый настоящий визг, когда мой ответный удар тоже прошел и серьезно повредил личу заднюю правую лапу?

Я смутно помню, как мы с воем и грохотом носились по склепу, попутно снося с предназначенных для них мест каменные постаменты, роняя тяжелые гробы, разбрасывая повсюду старые кости и с трудом уворачиваясь от сыплющихся со всех сторон ударов. Помню, как сам бегал по стенам и потолку в попытке уйти от настойчивого преследования. Как, изворачиваясь подобно опытному гимнасту, прыгал на горбатую спину, тщетно пытаюсь добраться до бронированного загривка. Как остервенело грыз чужую кость, когда сумел-таки вцепиться клыками в баронью лодыжку. Как мстительно хохотал, лишив-таки врага подвижности. И сдавленно захрипел, когда вывернувшийся из захвата и навалившийся сверху лич буквально вмял меня в холодный каменный пол.

На то, чтобы перекусить сухожилия на моих верхних лапах, у него ушло меньше секунды. Будучи в заведомо более выгодном положении, он успел глубоко вонзить когти в мою нагрудную пластину и даже добраться до второго слоя защиты: разодрал спрятанную под экзоскелетом чешую. Затем с жадным урчанием вгрызся в нежное нутро. Торжествуя взвыл, пред-

вкушая быструю победу. И не особенно волновался из-за лихорадочно бьющегося под ним тела или острых когтей, которыми оно тщетно пыталось пробить его броню на обманчиво уязвимом животе.

В тот момент, надо признать, я как никогда оказался близок к поражению. Трансформа отчаянно сопротивлялась, пытаясь ослабить захват и используя для этого все отпущенные природой и создателями способности. Она даже смогла вцепиться зубами в плечо лича, с хриплым ревом вырывая оттуда целые куски плоти, однако точный удар чужого хвоста, пришедшийся в основание ее шеи, мгновенно прекратил все попытки к сопротивлению.

Все еще оставаясь в стороне, я с грустью признал, что мое творение оказалось далеко не таким совершенным, как нам когда-то казалось. Жаль, конечно, было терять его в этой схватке. Но за эту ночь трансформа сделала все, что могла. И я честно постарался не мешать ей выполнять мое пожелание.

– Это твой сын? – хрипло прошептал я, ненадолго перехватывая управление над обмякшим, потерявшим большую часть способностей телом. – Невзун, неужели ты сделал источник из собственного сына? Почему?

Не особенно надеясь на ответ, я кинул быстрый взгляд в угол, чтобы убедиться, что мальчик действительно мертв, и с сожалением отвернулся: увы, я не заметил сразу, но в то время, пока мы портили убранство склепа, ограждающие тот угол колонны тоже не устояли. И, не выдержав одного из ударов, все-таки обрушились вниз, завалив мертвого мальчика и став для него своеобразной могилой.

Что ж... он хотя бы умер свободным. В то время как я, кажется, слишком близко подобрался к последнему рубежу.

– Это не сын, – совершенно неожиданно отозвался в этот момент некромант, уже нацелившийся закончить схватку единственным верным ударом. – Всего лишь бастард. Жалкий, бестолковый, не пригодный ни к чему иному сопляк, который в кои-то веки смог быть мне полезным.

– И ты обрек его на бесконечное умирание только ради того, чтобы стать сильнее?

– Я сделал то, что посчитал нужным! – отрезал барон. – А мальчишка послужил моим целям! Только для этого он и был рожден!

Вот, значит, как?

У меня внезапно открылись глаза и едва не перехватило дыхание от новой мысли, а неверящий взгляд сам собой остановился на матово-серой стене за спиной лича.

Демоны, ну как же я мог забыть?! Получается, что все это: разрушенный замок, построенный на переплетении мощнейших силовых линий, весьма удачно разорившееся баронство, оскудевшие торговые тракты, погибшие люди, поразительно быстро расплодившаяся нежить, вовсе не являлось последствиями необдуманных действий одного свихнувшегося некроманта! Не зря же Экхимос обратился именно ко мне. Не зря встревожилась хотя бы какая-то часть Совета. И не зря Лиурой что-то там лепетал про вельскую чуму... Ох, чует мое сердце, совсем не зря. Да еще дневники эти треклятые не вовремя всплыли!

– Дурак, – едва слышно прошептал я, когда на морде обрадованного моим озарением лича расплылась понимающая усмешка. – Ну какой же ты наивный дурак...

– Думаешь, я поведу на эту уловку? – на мгновение скосив глаза, ухмыльнулся некромант. – И повернись посмотреть, что ты там увидел за моей спиной?

– Не поворачивайся, – покорно согласился я, закрывая глаза. – Только заканчивай побыстрее. Я слишком давно не спал, чтобы тянуть с этим важным делом лишнюю пару минут.

– Как пожелаешь, – издевательски поклонился лич и потянулся вперед. Широко распахнул смердящую пасть, обдав меня тяжелым дыханием. Напрягся весь в предвкушении. Едва не задрожал, неотрывно глядя на беспомощно распластавшуюся жертву, которая больше не пыталась сопротивляться...

А потому не заметил, как позади что-то коротко вспыхнуло и, мгновенно разросшись в полноценный файербол, с силой шарахнуло его по темечку. Да так удачно, что от удара голову лица буквально разнесло на куски, щедро облив меня липкой зеленоватой слизью, изгадив пол на несколько шагов в округе, живописно уляпав большую часть опрокинутых гробов и гарантированно испортив всю красоту покрывающих их надписей.

В склепе завоняло отменной тухлятиной. Да так сильно, что даже меня затошнило. И этот запах стал особенно тревожным, когда обезглавленное тело медленно повалилось на меня сверху и умудрилось выплеснуть из обожженной, мерзко воняющей горелой плотью шеи еще одну, весьма немаленькую порцию едкой слизи.

Я машинально сжал губы плотнее, чтобы не сглотнуть ненароком. Затем попытался подняться или хотя бы отшатнуться, но быстро вспомнил, что у меня сломаны шейные позвонки, и лишь с отвращением сплюнул.

– Вот же гадость!

– Гадость, конечно, но все же не такая, как та, которую ты сотворил со мной! – сварливо отозвался из темноты подозрительно знакомый голос, а мгновением позже на труп некроманта с легкостью запрыгнул огромный черный таракан. Который, с удобством усевшись на мертвом лице, удовлетворенно хмыкнул, а потом впери в меня гнетущий, тяжелый, на редкость недвольный взгляд.

Я слабо улыбнулся.

– Доброй ночи, учитель. Спасибо, что помог.

– Не смей называть меня учителем! – взвился мастер Люборас Твишоп, бывший магистр гильдии светлых магов, некогда – законный глава Совета магов и по совместительству мой бывший наставник, нестигаемый дух которого оказался заперт в теле мерзкого таракана. – Как ты мог так со мной поступить?! Как у тебя хватило наглости запахать мою душу в какое-то мерзкое пособие для некромантов?! А потом превратить в это гадкое, мелкое, совершенно отвратительное существо, хотя я всю жизнь ненавидел насекомых?!

Я устало прикрыл веки – единственное, чем еще мог хоть как-то шевелить.

– А разве вы не помните, как это произошло?

– Нет!

– Жаль, – искренне вздохнул я, с облегчением подумав о том, что все-таки сдержал свое обещание. – Но если вы сумели вспомнить себя, то, вероятно, просмотреть мои воспоминания не составит для вас труда. Заклинание возвращения памяти – это же ваше любимое детище, я всего лишь его немного усовершенствовал.

Таракан с подозрением оглядел мою покрытую слизью морду и странно хмыкнул.

– Это я как раз хорошо помню, а остальное – как в тумане. Особенно тот момент, когда это тело заняла твоя душа, а не моя, как планировалось. Но если ты готов открыться...

– В любое время, учитель, – тихо сказал я и, твердо встретив пристальный, невероятно острый взгляд старого друга, мгновенно провалился в темноту.

...Эксперимент шел именно так, как я и прогнозировал: медленно, осторожно, постепенно набирая обороты. Полный до краев источник, который мы с учителем разрабатывали годами, а затем старательно наполняли нужной нам энергией, работал стабильно, без срывов, охотно откликаясь на движения моих пальцев и с каждой минутой раскрывая резервы все больше.

Признаться, им я горжусь чуть ли не больше, чем созданием искусственного тела. В первую очередь, потому, что именно я придумал, как преодолеть известный порог силы, который являлся нашей вечной проблемой. И я же нашел отличный способ безопасно его наполнить, хотя для этого мне пришлось не только годами сидеть в королевских пыточных и лечеб-

ницах для безнадежно больных, но и вложить немало собственных сил, чтобы уравновесить скапливающуюся внутри энергию смерти.

Учитывая наши запросы, величиной он получился с детскую головку, хотя обычные источники не превышают по размерам человеческий кулак. А простые амулеты-накопители, от которых мы заимствовали принцип сложения сил, и того меньше.

Но мы специально сделали его именно таким: в виде сферы, обладающей максимальной устойчивостью. А снаружи ее покрывало охраняющее заклятие, которое позволяло расходовать силы постепенно, сдержанно, не допуская ни резкого сброса, ни рывков текущей от него к образцу энергии, ни чрезмерного уменьшения потока.

Нам требовалось именно медленное наполнение ауры объекта. И медленное течение основных фаз эксперимента. Для того чтобы я успел привязать к образцу нового хозяина, при этом полностью отделив его от собственной ауры и таким образом полностью устранив свое влияние на образец.

Мастер Твишоп был на удивление терпелив. Он не мешал мне работать, никак не комментировал наши действия и даже не подал голоса, когда я слишком резко дернул одну из привязывающих меня к образцу ниточек и едва не испортил весь рисунок. К счастью, я вовремя заметил ошибку, и трагедии удалось избежать. На что учитель отреагировал лишь беззвучным вздохом и легким подрагиванием век, которое я тем не менее заметил. После чего постарался более внимательно следить за собой и за ним, хорошо понимая, что со стороны может быть виднее.

Собственно, именно благодаря этому мне удалось избежать предательского удара в спину – увидев, как дернулся в стазисе учитель и как диковато расширились его глаза, я понял, что происходит что-то нехорошее.

Заподозрив неладное, резко повернулся и едва успел уклониться от нацеленного точно мне в сердце ритуального кинжала. В итоге заполучил глубокую рану на левой стороне груди – чуть выше крупных сосудов, и вместо того, чтобы рухнуть плашмя, заливая своей кровью образец, тяжело оперся на угол секционного стола и, зажав рукой кровоточащую рану, неверяще посмотрел на проворно отскочившего назад ученика.

– Нев... что ты делаешь?!

– А разве непонятно? – с издевкой отозвался последний на тот момент, как мне казалось, представитель славного рода Невзунов. – Неужели вы забыли золотое правило некромантов – верить только мертвым, учитель?

Проклятье!

Я ошарашенно моргнул, с трудом веря в то, что это сделал мой собственный ученик, который годами, десятилетиями перенимал у меня сложную науку и которого я, вопреки правилам, старательно берег, ни разу не уложив на ритуальный жертвенник, чтобы прочувствовал всю сложность и жестокость нашей профессии.

Я верил ему... Да, демон меня побери! Действительно верил! Передал ему все свои дела! И даже дела гильдии, с удовольствием видя, что он управляет с ними гораздо лучше!

Я был готов рекомендовать его на свой утомительный пост в качестве заслужившего эту честь преемника! Даже подготовил приказ о назначении, который осталось лишь заверить у главы Совета! И только ему, единственному из всех, доверил тайну своего хитроумного, предусмотрительного, но безмерно уставшего от жизни наставника!

И что я за это получил?!

– Мне надоело постоянно выглядывать из-за вашей спины, учитель, – спокойно подтвердил мои подозрения Нев, выразительно качнув на руке окровавленный кинжал. – Нет, не старайтесь дотянуться до ограждающих заклинаний – сегодня утром я их отключил. А все ваши вспомогательные заклятия обезвредил. Управление стазисом я тоже перекинул на себя, поэтому магистр вам ничем не поможет. Да и образец я заранее отсоединил от источника,

чтобы у вас не возникло соблазна им воспользоваться. Склеп я проверил. Ваши ловушки убрал. Так что, если у вас в запасе не осталось какого-нибудь совсем уж неожиданного козыря, уйти вам не удастся.

Я сжал челюсти.

– Чего тебе не хватало в жизни?

– А вы как думаете?

– Неужели денег? А может, власти? – презрительно выплюнул я. – Разве я мало тебе ее дал?

Он ощерился.

– Appetit, как вы любите говорить, приходит во время еды. А я больше не желаю быть вашей тенью. Двадцать лет в услужении, двадцать проклятых лет, за время которых я так и не достиг своего потолка! Вам не кажется, что даже для некроманта это многовато?

– Наше ремесло не терпит спешки, – сухо заметил я, чувствуя, как разливается по телу отвратительная слабость.

Нев только расхохотался.

– О да! Конечно! А может, просто дело в том, что вам не нужны конкуренты?!

Я устало опустил плечи.

– Болван. И как ты собираешься объяснить Совету мое исчезновение? Думаешь, у них не возникнут вопросы? Или полагаешь, тебя не подвергнут проверке?

– Это вас уже не касается, учитель, – снисходительно усмехнулся Нев. – Я спокойно вас убью, заберу силу, потом подкину труп поближе к тому месту, где любят собираться горячие головы из числа светлых, вы ведь знаете, что в столице уже начались первые волнения? Слышали, что пророчат оракулы?

– Они несут бред, – поморщился я. – Я только сегодня говорил об этом на Совете и убеждал коллег, что для глупых слухов нет никаких оснований.

Нев покровительственно улыбнулся.

– Пока – нет. Но вот если в подвале одного из мест для тайных сборищ молодых дураков, которые уже сейчас кричат о предательстве темных, найдут ваш остывший труп, как считаете, сколько времени пройдет, прежде чем Темная гильдия поднимется мстить за вашу смерть?

Я побледнел.

– Ты хочешь развязать войну?!

– Не-э-эт, – с нескрываемым удовольствием протянул Нев, с мстительной радостью всматриваясь в мое искаженное лицо. – Это не я хочу ее развязать, но она непременно скоро начнется. И именно вы станете ключевой фигурой и поможете мне это сделать. Старого пердуна уже не хватятся – для всех он умер несколько лет назад, так что я смогу спокойно забрать и его силу тоже, не объясняя потом, почему ее стало так много. А вы, учитель... Вы со своими странными принципами и совсем уж неприемлемым стремлением избегать политических дразг, очень скоро прославитесь. О вас будут говорить на каждом углу, в каждом доме Сазула, и абсолютно все будут в курсе, что вас убили светлые. Точно так же, как все будут совершенно точно знать, что это именно ваша рука нанесла последний удар по хрупкому здоровью магистра Твишопа. Я об этом позабочусь.

– Мразь! – тихо выдохнул я, шалея от мысли, что не заметил в этом ублюдке опасной ереси.

Нев издевательски поклонился.

– Благодарю. Я очень старался идти по вашим стопам. Хотя для человека, руки которого запятнаны кровью десятков тысяч каторжников, вы по-прежнему чересчур эмоциональны.

Я мрачно сверкнул глазами.

– Ах да... – вспомнил внезапно Нев и широко улыбнулся. – Ваше изобретение я обязательно заберу себе. Дневники у меня есть, основы мне тоже известны, так что не сомневайтесь

– я доведу этот эксперимент до конца. В своих, разумеется, интересах. Правда, с ним придется повременить, думаю, пятидесяти лет будет вполне достаточно, чтобы мир позабыл о вашем существовании и о драгоценных для науки трудах. А когда срок стазиса (да, я продлил его, вы знаете?) наконец истечет, я смогу обнародовать результаты и внесу свой посильный вклад в развитие темного искусства. Что, надо полагать, принесет не только существенную выгоду, но и упрочит мое положение в гильдии, если, конечно, к тому моменту она еще будет существовать. Как вам такой план, учитель?

– Дерьмовый у тебя план! – прохрипел неузнаваемым голосом учитель, и в то же мгновение мою спину ожгло огнем.

Не удержавшись на ногах, я все-таки осел на пол, успев вытащить из потайных ножен на правом предплечье ритуальный кинжал. Однако этого уже не понадобилось, потому что разозленный до предела магистр, а мастер Твишоп, хоть и стал немощен, вопреки моим заявлениям Неву все-таки сохранил какую-то часть своих сил и, к огромному удивлению Нева, смог не просто приподняться, но еще и швырнул в предателя свой знаменитый файербол. С которым и тридцать лет назад не мог соперничать ни один светлый и который, чудом не задев меня, сочно вlepился в грудь моего ученика, буквально отшвырнув его на противоположную стену.

Я не знаю, каких усилий стоило учителю совершить этот невероятный подвиг – стазис отбирал так много сил, что мне трудно представить, какой силой воли надо обладать, чтобы сесть под его воздействием. Но в тот момент я об этом не думал – завидев, что заживо горящий, но еще не сдавшийся Нев поднял руку с кинжалом, я буквально взвился на ноги и загородил престарелого наставника собой.

До меня слишком поздно дошло, что проклятый упрямец целился вовсе не в него, нет. Он метнул свой кинжал прямиком в источник! Тот самый, разрушение которого делало бессмысленным все наши приготовления! И от которого зависела жизнь магистра!

Я замер, когда увидел, как медленно, будто во сне, разлетается вдребезги все, что составляло смысл моей жизни. Как щедро выплескивается из пробитой сферы копившаяся десятилетиями сила. Как бессмысленно она разливается вокруг, неумолимо утекая в никуда. И как страшно меняется лицо мастера Твишоп, до которого тоже начало доходить, что в скором времени он безвозвратно умрет.

– Будьте вы прокляты со своими экспериментами! – прохрипел Нев, когда под неподвижным взглядом магистра его тело охватил бешеный огонь. – Без силы! Без знаний! Без памяти! Пусть у вас никогда и ничего не полу...

Я вздрогнул, заслышав слова ритуального проклятия, и машинально взмахнул рукой, затыкая безумцу рот. Затем повернулся к смертельно бледному учителю, который уже без сил опускался на ложе. Встретил его обреченный взгляд, в котором неожиданно появилось смирение. Понял, что жить ему осталось всего несколько коротких вдохов, и со злостью сжал зубы.

А потом решительно стиснул кулаки. Отогнал от себя ненужные мысли. Хладнокровно подсчитал, сколько у меня осталось времени и, наложив кратковременный стазис на собственную рану, быстро шагнул в сторону.

Погасить волю извивающегося от боли ученика не потребовало много сил. Гораздо сложнее оказалось поднять его обмякшее, обгоревшее до неузнаваемости, но еще живое тело и аккуратно опустить на место разбитой сферы. Затем подключить оборванные кинжалом нити заклęcia. Заново подготовить их к работе. Воссоздать структуру управляющего заклęcia, принести новые инструменты и, вспомнив тонкости человеческих жертвоприношений, шагнуть к распятому телу.

Что ж, он сам выбрал свою смерть. Предательство не прощается нигде и никогда. А я, хоть и считал предателя когда-то своим, сейчас не был способен ощущать даже смутный намек на жалость. В конце концов, теперь это – лишь подопытный материал. Не хуже и не лучше

обычного. Впрочем, нет. Он все-таки лучше, чем те бедолаги, которые добровольно ложились на мой алтарь: некромант в обряде – это знатная добыча.

Первый надрез на обгоревшей коже я сделал сам, умело отделяя еще живую плоть от костей. Не обращая внимания на сдавленное мычание, аккуратно разметил места для секции. Нанес все необходимые руны. В полном молчании обработал сперва одну руку бешено бьющегося ученика, затем вторую. Перешел на грудь, живот и наконец ноги, испытывая даже нечто вроде приятного удивления от того, что крови из спекшейся от жара кожи вытекло совсем немного. После чего закончил с предварительной подготовкой. Не глядя на хрипло воющего предателя, зачаровал нужные мне инструменты, позволив им продолжить этот кровавый труд. И, на мгновение холодно взглянув в выпученные, полные ужаса глаза, в которых с удовлетворением прочел понимание, равнодушно отвернулся.

– Я нашел для вас новый источник, учитель, – сухо бросил я, осторожно коснувшись ладони магистра, больше не чувствуя в ней биения жизни, не слыша его дыхания и не видя света в бессмысленно глядящих в потолок глазах. – Долгое умирание – прекрасный способ наполнить энергией смерти емкость почти любой величины. Я знаю, вы этого не слышите, но ничего не поделаешь – посмертное проклятие некроманта нам придется нести вместе. Я попытаюсь разделить его поровну: отдам вам свою силу, потому что без этого вам не выжить, а взамен заберу память о прошлом; себе же возьму то, что осталось, – вечную немощь, благодаря которой вы будете жить. Хотя бы потому, что для меня всегда было делом чести – отдавать такие долги.

Кинув последний взгляд на умершего магистра, пожертвовавшего ради меня остатками жизненных сил, я так же резко отвернулся и приблизился ко второму ложу: образец был полностью готов к процедуре слияния. Осталось только запустить процесс, завязать его на диковато хрипящем ученике и сделать так, чтобы с моей смертью он не остановился. Ведь времени почти не осталось – стазис на ране подошел к концу. Еще пара минут, и мои силы тоже закончатся... Жаль, конечно, что я уже не увижу результатов. Но хотелось бы надеяться, что все удастся. Ведь если это так, значит, я прожил свою жизнь не зря. И умру, как мне кажется, достойно.

Приподняв когтистую пятерню подопытного образца, чтобы соединить ее с исхудавшей кистью учителя, я активировал заклинание-ключ и слегка удивился тому, что пальцы в моих руках потеплели. На мгновение нахмурился, не ожидая такой быстрой реакции, ненадолго задумался над причинами, а потом чуть не отшатнулся, внезапно вспомнив, что до сих пор не оборвал самые важные нити, связывающие мою ауру с телом. После чего буквально отбросил от себя заметно порозовевшую лапу. Шарахнулся прочь, чувствуя предательскую слабость в ногах, и застонал, поняв, что только что инициировал процесс переноса сознания, но не того, которое требовалось!

– Демон! – непроизвольно вырвалось у меня при виде того, как стремительно протянувшиеся от Нева нити опутали мое тело и тут же соединили его с образцом. – Нет! Нет, так не должно быть! Это неправильно!!!

Но заклинание заработало в полную силу, выбирая тот вариант течения обряда, который требовал наименьших затрат. Я сам когда-то настроил его именно на такую работу. А теперь оно безжалостно обрывало более слабые нити, которые я успел привязать к мертвому наставнику, и рушило все мои расчеты! Ломало все планы! Портило все то, к чему я так долго шел!

Более того, силы от умирающего некроманта-недоучки поступало к трансформе так много, что мне не удалось не только отключить, но даже сколько-нибудь замедлить начавшийся процесс. Я с ужасом обнаружил, что больше не могу на него повлиять! А когда окончательно понял, что буквально распадаюсь на части, едва не завыл в голос.

К этому моменту мое туловище было полностью покрыто ярко светящимися нитями. Мысли отчаянно путались. Тело слабело с каждым мгновением, отдавая все силы на то, чтобы оживить сделавший свой первый неуверенный вдох образец.

Услышав его, я с горечью понял, что эксперимент все-таки увенчается успехом. А когда увидел, как за край стола в судорожном движении ухватились те самые пальцы, которые я только что держал, в то время как мои практически перестали слушаться, во мне словно умерло что-то важное. Какая-то неотъемлемая часть, которая, наверное, отвечала за страх.

Потому что с этого мига я перестал чувствовать что бы то ни было. Мне стало все равно, что будет дальше. Я почти ослеп, оглох, потерял ориентацию. Но в этом был и немаловажный плюс – до меня наконец перестали доноситься неприятные чавкающие звуки, с которыми зачарованные ножи и пилы вгрызались в изуродованное тело Нева.

Лишь в самый последний момент мой блуждающий взгляд упал на стоящий поодаль стул, на котором валялась старая, истрепанная, но дорогая моему сердцу книга, с которой я когда-то начинал свое долгое обучение. Простая книга в кожаном переплете, золотым тиснением на корешке и личной подписью великого темного мага, который когда-то не отказался стать моим первым наставником. Именно сверкнувшая на корешке надпись привлекла мое внимание. И только благодаря упавшему на нее лучику света я смог наконец сообразить, что нужно сделать.

Судорожно вздохнув, я выбросил в ту сторону дрожащую от напряжения руку. В последнем усилии шепнул управляющее заклятие. Едва держась на ногах, забросил будущее вместилище для духа на грудь мастера Твишопы и только тогда с тихим вздохом упал. Но в самый последний момент все-таки вспомнил еще об одной важной вещи. Без колебаний прошептал вторую несложную формулу, открывая расположенный в соседнем зале и ждущий только приказа телепорт. А когда ощутил, что больше не могу говорить, с усилием шевельнул губами, произнося про себя заклятие левитации.

И умер, совершенно точно уверенный в том, что мое мертвое тело мгновением позже окажется очень далеко отсюда. Именно там, где его появление не вызовет подозрений Совета и не приведет в этот склеп толпу жаждущих правды дураков.

– Пятьдесят лет, – едва слышно прошептал замерший на трупе барона Нич, всматриваясь в мою бледную физиономию, на которой до сих пор не истаяли следы давнего раскаяния. – Ты проспал в стагисе ровно пятьдесят лет. А перед этим сумел впихнуть мой возмущенный произошедшим дух в первый попавшийся предмет, где я мог поместиться. И после этого обрадовался со мной, как с каким-то фамильяром?!

– Я не должен был рассказывать, – криво усмехнулся я. – Проклятие некроманта – настолько тонкая вещь, что постороннее вмешательство способно сделать его пожизненным. А Нев, хоть и не доучился до конца, все же был неплохим магом. Так что я не имел права рисковать.

Нич раздраженно дернул усами.

– Понимаю... Значит, тебе удалось разделить посмертное проклятие на нас двоих? И ты по доброй воле лишился почти всей своей силы?

– Кто бы мог в то время отнять ее без моего согласия? Даже у вас бы это не получилось без риска превратиться в какого-нибудь уродливого зомби.

Таракан хмыкнул.

– Это правда. Тогда ты по праву считался одним из лучших мастеров своей гильдии.

– Мэтров, учитель, – поморщился я. – Не мастеров, а мэтров. Несмотря на то что моим последним и самым лучшим, вероятно, наставником был светлый магистр.

Нич неожиданно хихикнул.

– Так уж и лучшим?

– Да, – так же неожиданно, хотя и слабо улыбнулся я. – И я выполнил данное ему обещание. Правда, с небольшим опозданием, но ведь важен сам факт?

– Э-эй! Эй, не спи! – внезапно всполошился таракан, когда я обмяк. – Гираш! То есть нет – ты же на самом деле не Гираш, а... Какая разница?! Очнись, ученик! Я еще не все тебе сказал!!!

Я попытался снова улыбнуться (как же приятно видеть, что магистр все так же сварлив и по-прежнему прячет чувства под маской престарелого самодура!), но смог только закрыть глаза и выдохнуть последнее, что было важным:

– Никакого магического контракта между нами не было, учитель. Кроме того, что мы подписали в день вашей официальной смерти.

Он растерянно замер.

– Что?!

Но я его уже почти не слышал. Хотя еще успел увидеть, как ошарашенно застывший таракан сперва принялся мерно раскачиваться на тоненьких лапках, всем видом выражая потрясение, а потом вдруг подпрыгнул и куда-то умчался.

Может, я поступил жестоко, скрывая от него правду так долго. Но я никогда не стал бы привязывать его к себе таким низким способом. А вот обмануть, запугать для пользы дела и продемонстрировать свои познания по управлению неживыми предметами – сколько угодно. Я же некромант. Коварный, зловредный и просто обожающий делать старым друзьям всякие гадости. А то, что каждая вспышка гнева или простого негодования на крохотный шажок приближала наставника к истине, уже десятое дело.

Да. Теперь действительно десятое.

Мне же осталось только наслаждаться заслуженным покоем и с затаенным сердцем гадать: придет ли за мной сама Хозяйка душ? Заинтересуется ли таким необычным экземпляром, как ловко избегавший ее внимания некромант, которому она назначила встречу почти пятьдесят долгих лет назад?

Что ж. Будем считать это своеобразным экспериментом: опасным, чуточку безумным, но при этом ужасно интересным. Экспериментом, который я, смею надеяться, все-таки доведу до логического конца.

Глава 17

*Лишь когда свет окончательно уничтожит тьму, наступит
беспросветный мрак.
Книга Бытия*

Говорят, некроманты – любимчики смерти, и для каждого из нас приготовлено совершенно особенное посмертие. Большинство обывателей считают, что мы заключаем с Хозяйкой душ сделку, покупая себе вечный покой ценой множества загубленных жизней. Некоторые, наоборот, верят, что после смерти в качестве наказания за земные прегрешения нас ждут страшные муки. А кое-кто наивно полагает, что некромантам известен некий секрет, который мы сумели выпытать у мертвых, и именно поэтому не испытываем страха перед неведомым.

Все это полный бред.

Никаких сделок со смертью мы не заключаем. Наказывать нас за доставшийся по наследству дар нелепо. А мертвецы, к нашему огромному сожалению, не рассказывают, что происходит по ту сторону черты. Иными словами, после смерти никаких привилегий перед остальными темные маги не имеют. Единственный плюс нашего положения заключается в том, что мы не боимся боли и досконально изучили процесс умирания. Но не думаю, что это каким-то образом может повлиять на результат.

Собственно, я был готов ко всему, когда мой разум поглотила крошечная тьма. К торжественному гласу с небес, идущему со всех сторон злорадному хохоту, задушевному разговору, холоду, обжигающе яркому свету, к чему угодно, кроме того, что окажусь в том же самом месте, где моя душа отлетела от тела.

Не узнать замок барона Невзуна было невозможно, несмотря на то что выглядел он совсем не так, как я помнил. Разгромленный холл снова был целым и сиял безупречной чистотой. Сорванные с петель и измочаленные в щепы двери висели на положенных местах. На тщательно оштукатуренных стенах и недавно побеленном потолке не виднелось даже крохотной царапинки. В разожженном камине весело и по-домашнему уютно потрескивал огонь. Возле него стояли два старых кожаных кресла. А на каминной полке загадочно посверкивал хрустальными гранями пузатый графин с темнеющей на дне темно-красной жидкостью, словно старый барон минуту назад вышел и вот-вот собирался вернуться с новой бутылкой.

– Кто вы? – Испуганный детский голос застал меня врасплох и вынудил отступить на шаг, одновременно рыская по холлу глазами в поисках источника голоса. – Что вы делаете у меня дома?

Я наконец заметил выглядывающие из-за кресла голые пятки и как можно более мирно предложил:

– Может, сперва выйдешь? Поговорим.

Из-за кресла показалось безусое, на редкость худое и густо покрытое веснушками лицо, обрамленное непослушными рыжими волосами, и я удивленно приподнял брови: откуда тут взялся мальчишка? Он же мертв, впрочем, как и я. Но почему его душа осталась в замке вместо того, чтобы отправиться на перерождение?

– Ты что здесь делаешь? – осведомился я, находясь на редкость в благодушном настроении.

Мальчишка беспокойно зыркнул в сторону двери и неохотно признался:

– Прячусь.

– От кого?

– Хозяина боюсь.

– Барона, что ли? – удивился я. – А какое тебе до него дело? Почему не уйдешь? Тебе же можно!

Пацан неожиданно шмыгнул носом и выбрался из-за кресла целиком. Все такой же худощавый, в замызанной серой рубахе и латанных-перелатанных штанах с огромными дырами на коленках.

– Не могу я отсюда уйти, господин. Решетка на воротах не пускает.

Я удивленно приподнял брови.

Не дело это, что по замку призраки болтаются. Ладно я, у меня трансформа живучая, так что какое-то время мой дух побродит по этому месту неприкаянным. Но пацана-то что здесь удерживает? Может, я поторопился и допустил оплошность? Или трансформа чего-то не учла? Но тогда тем более нельзя допустить, чтобы этот дух в кого-нибудь или во что-нибудь вселился – нам только второго лича здесь не хватает.

– И давно ты здесь находишься? – деловито осведомился я, поняв, что должен срочно исправить ситуацию.

Мальчик нахмурился.

– Не помню.

– Так. А через решетку пройти не пробовал?

– Как?! Она ведь железная, господин! – изумился он. – Как я сквозь нее проберусь?!

Я чуть не присвистнул.

– А вот это уже интересно. Ну-ка, пойдём со мной.

Мне действительно стало любопытно и захотелось разобраться, почему невинная душа не может покинуть замок.

Однако когда я протянул руку, мальчишка инстинктивно отпрянул, прикрывая голову. Синие глаза стали большими-пребольшими, в них на мгновение проступил настоящий ужас, а затем тонкие губы упрямо сжались, заостренный подбородок дерзко вскинулся, после чего сопляк ошетинился, как испуганный котенок, сжал кулаки и сердито зашипел:

– Что вам от меня надо?!

М-да. Здорово Невзун его напугал. Даже после смерти страх перед боями никуда не делся.

– Пойдем посмотрим на твою решетку, – спокойно предложил я, не убирая руки. – Тебя как зовут?

– Вальт, – неохотно признался пацан, неуверенно покосившись на дверь. – Но мама называла Вальтиером.

– Чей ты сын, она тебе сообщила?

– Вам-то что? – неприязненно буркнул он, бочком двинувшись к выходу.

Я пожал плечами и направился следом.

– Ничего. Просто стало интересно, унаследовал ты отцовский дар или нет. И не он ли стал той самой причиной, по которой ты не можешь отсюда уйти.

Мальчишка замер, а потом поднял на меня недоверчивый взгляд.

– Вы что, маг?

– Самую чуточку, – улыбнулся я, стараясь не показывать зубы. – Мы с твоим отцом, можно сказать, коллеги.

– Так это вы его убили?!

– А ты разве помнишь, что произошло? – в свою очередь удивился я.

Вальт побледнел и снова уронил взгляд в пол.

– Кое-что помню. Барона, маму, она от хамелеонки умерла полгода назад. Еще помню алтарь и боль... Сперва барон читал надо мной какое-то заклинание, а потом я, кажется, умер. И видел сон, в котором барон убивает всех слуг и превращается в чудовище, а потом какой-то монстр разрывает его и разрушает наш замок.

– Плохо, – огорчился я. – Воспоминания могут быть ненужной привязкой. Ты помнишь, как именно умер, Вальт?

– Да, – тихо ответил мальчик, и на его скулах выступили красные пятна, а рука машинально коснулась живота, на котором больше не зияла огромная рана.

Я беззвучно выругался. После чего быстро подошел, взял подавленного пацана за руку и, пнув ногой тяжелую дверь, вышел в знакомый коридор. А там, с легкостью преодолев вялое сопротивление Вальта, вытащил его во внутренний двор, который тоже заметно изменился.

Решетка на воротах действительно оказалась целой и выглядела не в пример лучше, чем в реальности. Подъемный механизм тоже преобразился, а недавно смазанные цепи вообще казались новехонькими. Но что самое интересное, по ту сторону решетки маячил полупрозрачный силуэт в развевающихся белых одеждах, при виде которого я озадаченно остановился, непроизвольно вспоминая заклятие для уничтожения призраков, а мальчишка, напротив, встрепенулся и, вырвав руку, со всех ног кинулся к воротам.

– Мама!

При виде него у призрака вырвался жалобный стон, а затем белесоватое облачко на месте его головы сгустилось и обрисовало совсем еще молодое, на редкость привлекательное женское лицо, на котором расцвела удивительно теплая улыбка.

– Мамочка... – прошептал Вальт, подбежав к решетке и с надеждой протянув к женщине худые руки.

Она торопливо качнулась навстречу, словно хотела его подхватить, но в шаге от решетки неуверенно замерла, словно ее что-то не пускало. А затем заметалась возле невидимой черты, задрожала, будто готовилась снова исчезнуть, и едва слышно что-то прошептала.

Мальчишка отчаянно вскрикнул, пытаясь до нее дотянуться, но железные прутья и впрямь оказались для него непреодолимым препятствием. Даже навалившись грудью и просунув сквозь прутья тощие руки, он никак не мог дотронуться до матери.

До меня донесся отчаянный всхлип.

– Мама, пожалуйста, не исчезай! Забери меня отсюда! Мама!

Неслышно подойдя, я внимательно оглядел решетку.

Странно. Ни рун, ни ограждающего заклятия, ни даже простенькой охранки на ней не имелось. Но тогда почему мальчишка не может пройти? И почему призрак начинает истаивать, стоит ему только приблизиться на определенное расстояние?

Ах вот оно что...

Я чуть по лбу себя не хлопнул, обнаружив возле решетки проплавленные моей собственной кровью бороздки.

Тьфу ты! Да я же сам нас тут и запер! Но кто знал, что состав окажется настолько сильным, что будет продолжать действовать даже после моей смерти?!

– Подожди, – вздохнул я, пытаясь носком сапога ковырнуть проплавленные в камни линии. – Сейчас попробую тебя выпустить.

После чего торопливо похлопал по карманам, выудил оттуда ритуальный нож. Задумался было над тем, почему я снова одет, если перед смертью скинул даже нижнее белье, но потом махнул рукой – у смерти свои законы. Раз уж мой дух решил, что ему непременно нужно быть одетым, да еще носить давно вышедшую из моды учебную мантию, то пусть носит. Забавно, если мой облик стал прежним, и вдвойне забавно, если окажется, что у меня даже волосы с бородкой снова отросли.

Машинально проведя рукой по роскошной лысине, на которой впервые за много лет появилась густая шевелюра, я усмехнулся. А затем бестрепетно полоснул ножом по запястью и протянул вперед руку, чтобы мгновенно выступившая кровь попала на прутья решетки.

Наверное, это – единственный бонус, который темные получают после смерти: в отличие от светлых, какое-то время магия еще остается нам доступной. Конечно, не вся, а лишь жалкие крохи, но мне должно хватить.

– Как это возможно?! Почему?! – прошептал Вальт, когда кровь вспенилась и с шипением проплавила металл. А затем мальчик поднял голову и посмотрел на меня с новым испугом. – Господин, кто вы?!

– Некромант, – улыбнулся я, пряча нож. – Но меня не нужно бояться. Вообще-то это страшная тайна, но скажу тебе по секрету – мы не все плохие. Так что давай, беги к мамке. А то заждалась уже.

На лице пацана промелькнула растерянность, тут же сменившаяся неподдельным восторгом.

– Спасибо, господин! – выкрикнул он и, не дожидаясь, пока прутья окончательно рухнут, протиснулся в образовавшуюся дыру. В два быстрых шага добрался до облегченно улыбающейся матери и с тихим стоном к ней прижался, стремительно превращаясь в такое же размытое облачко.

Это длилось всего мгновение, за которое меня окутало слабым сиянием счастливо рассмеявшихся родственных душ. А мгновением позже крепко обнявшаяся парочка побледнела и бесследно исчезла, оставив меня у решетки в одиночестве.

– Ну вот, совсем другое дело, – удовлетворенно кивнул я, отряхивая руки. – Не хватало еще, чтобы Нич и на том свете попрекал меня незаконченными делами.

– На том свете тебе будет не до этого, – внезапно прохрипел кто-то позади, заставив меня изумленно обернуться. А затем скривиться, как от зубной боли, и с досадой сплюнуть.

– Опять вы, барон? И как я мог забыть, что ваша душа тоже осталась неуспокоенной?

– Мир справедлив, – булькнул преобразившийся барон Невзун, с трудом делая шаг навстречу. – Теперь тебе уже никуда от меня не деться.

Надо сказать, выглядел он более чем скверно. Намного хуже, чем даже в облике лица, словно смерть напоследок содрала с него покров лицемерия и оставила лишь то, что в действительности составляло его душу: черную гниль, густым слоем покрывшую ссохшуюся кожу, дряблые веки, набухшие под помутневшими глазами мешки и кривую, изувеченную неведомой силой фигуру, облаченную в дырявые тряпки, уже ничем не напоминающие дорогой камзол.

– Пожалуй, вы правы, коллега, – хмыкнул я, заметив, как черная гниль стекает с барона целыми липкими ручьями и расплывается в огромную маслянистую лужу. – Справедливость – это как раз то, чего вам при жизни так не хватало.

Невзун попытался что-то сказать, но его полуразложившаяся душа уже исчерпала свои резервы. Исхудавшие ноги внезапно подогнулись, в истончившемся позвоночнике что-то хрустнуло, и барон сломанной куклой свалился прямо мне под ноги, расплескав вязкую жижу, смутно похожую на загустевшие чернила. Там, где она коснулась Невзуна, его кожа зашипела и запузырилась, а сам барон начал растворяться буквально на глазах. При этом его скрюченные пальцы продолжали безуспешно скрести камни рядом с моими сапогами, а пылающий злобой единственный глаз упорно буравил мое спокойное лицо.

– Ты... пойдешь... со мной...

– Вряд ли, – откликнулся я, на всякий случай отступая назад и без особого удивления наблюдая, как стремительно разлагается его гнилая душа. – Боюсь, нам не по пути, коллега.

Щербатый рот барона приоткрылся в некоем подобии оскала, но, кроме хрипа, оттуда ничего не вылетело. Правда, слух у него ничуть не пострадал, потому что после моих слов лицо Невзуна жутковато перекосилось. Сведенные судорогой пальцы царапнули камни в последний раз. В горле что-то заклокотало. После чего потомок Нева медленно и неумолимо растворился в липкой жиже, словно в кислоте, оставив после себя лишь вонючее сизое облачко и плавающие в гнили маслянистые тряпки.

Обойдя лужу по кругу, я хмыкнул.

Удивительно, что он остался в замке один, без жены и дочечки. Видимо, хоть в чем-то решил проявить благородство и взял весь грех на себя, иначе здесь бы сейчас разлагались три души, а не одна.

А еще странно, что, кроме меня, Невзуна и мальчишки-бастарда, в замке никого больше не оказалось. То ли барон солгал о том, что его люди ложились на алтарь добровольно, и в действительности все они являлись невинными жертвами, то ли он что-то напутал в заклинании, и перерождение получилось неполным.

В последнее мне почему-то верилось больше. Но истину, как ни печально, мы уже никогда не узнаем.

– Господин... – неожиданно позвал меня знакомый голос.

Я обернулся и с недоумением воззрился на Вальта, неведь каким образом вновь оказавшимся во дворе.

– Ты что тут делаешь? Ну-ка, брысь! Не хватало мне тут еще одного неприкаянного призрака! Я тебя разве для этого освобождал?

– Господин, вам пора уходить.

– Да я бы и рад, но почему-то никто не торопится меня забрать туда, – фыркнул я, а потом выразительно ткнул пальцем сперва в небо, а затем себе под ноги. – Или хотя бы туда.

Мальчик тепло улыбнулся.

– Просто ваше время еще не настало, господин.

– Ты считаешь? – скептически хмыкнул я и демонстративно оттянул полу мантии, сквозь которую начала явственно просвечивать стена конюшни. – А мне кажется, что как раз пора.

– Но вы ведь некромант. А барон говорил, что хороший мэтр не может по-настоящему умереть, пока живым остается хотя бы одно его творение.

Я обескураженно замер. А потом до меня, что называется, дошло.

Святые умертвия! Почему же я сам-то об этом не вспомнил?!

Видимо, после смерти совсем мозги отшибло, или же барон так сильно меня ударил, что с памятью начало твориться демон знает что! У меня же целая стая горгулий осталась дома! Набор мощнейших артефактов, многие из которых привязаны ко мне кровью! Лиш, поклявшаяся мне жизнью! А теперь еще и целый выводок изрядно потрепанных «птенцов», которым я тоже отдал некую толику своих сил!

Торопливо ощутив руки и туловище, я с облегчением наткнулся на обвивший мою талию целый пук полупрозрачных нитей, тянущихся куда-то вниз и надежно удерживающих мою душу в этом проклятом замке. Наскоро их подсчитал. Сокрушенно покачал головой, остро жалея, что душе без тела даже такая мощная привязка не поможет. А затем обернулся и с чувством сказал улыбающемуся мальчишке:

– Спасибо, малыш.

– Вам стоит поторопиться, господин, – неожиданно посерьезнел Вальт. – Ваше время почти закончилось.

Я нахмурился, а он поднял руку и ткнул белесоватым пальцем мне в грудь. Прямо напротив сердца, где была натянута и уже начала мелко подрагивать от напряжения еще одна нить. Самая яркая, неожиданно мощная и насыщенно золотого цвета, который мог принадлежать только одному-единственному человеку. А точнее, светлому магу, который за чем-то в этот самый момент вознамерился меня к себе привязать.

– Нич! – прошептал я, озаренный внезапной догадкой. – Старый паршивец... Ты что же такое творишь?!

Под моим окаменевшим взглядом мальчик виновато вздохнул и растаял. На этот раз насовсем. А я приглушенно выругался, резко крутанулся вокруг своей оси. Потом ухватился

за начавшую вибрировать нить и, пользуясь ей вместо маячка, со всех ног кинулся обратно в замок.

Не нужны мне были дополнительные привязки. Да, я безумно люблю жизнь, но превращаться ни в нежить, ни в бессловесное привидение, ни в какую иную разновидность мертвеца не собирался. Если бы у меня было наготове новое тело и имелся под рукой опытный некромант с набором необходимых инструментов, еще можно было что-то придумать, несмотря на отсутствие источника и энергии смерти в нужном количестве. Но Нич, эмоционально неустойчивый, растерянный, да еще разобиженный на меня за безнадежно уничтоженный образец под номером триста пятьдесят шесть... Упаси небо, если старый дурак надумает его воскресить! Трансформа из него остатки жизни высосет, а я даже не сумею ей помешать!

Словно откликаясь на терзающее меня беспокойство, логово Невзуна начало стремительно преображаться.

Пока я бежал, проклиная все на свете, штукатурка на стенах стремительно состарилась и покрылась ветвистыми трещинами. Потолок местами сперва просел, затем начал давить на голову и наконец принялся осыпаться прямо мне на мантию. В коридоре вновь появились выведенные углем скабрезные надписи. Чисто вымытый пол сперва покрылся густым слоем пыли, затем снова очистился, а после этого на нем стали появляться выбоины и глубокие царапины от когтей.

А у меня возникло омерзительное чувство, что я куда-то безнадежно опаздываю. Более того, меняюсь прямо на ходу, почему-то приобретая свою прежнюю непритязательную внешность. И с огромной скоростью возвращаюсь не просто в замок, а в недавнее прошлое. В разгромленный холл. К разбитому склепу. И к своему собственному бездыханному телу, на котором сейчас гордо восседал огромный черный таракан.

– Ты что делаешь?! – прошипел я, убедившись, что нить привела меня точно к нему. – Нич, ты сошел с ума?! Как тебе только в голову пришло меня призвать?!

Старик приподнялся на задней паре лапок, взглянул мне прямо в глаза, словно точно знал, где и когда появится мой обозленный дух, и зло рявкнул:

– Ты – наихудший ученик из всех, что у меня когда-либо были, Гиращ!

От неожиданности я даже затормозил.

– Что?!

– Ты подвел меня, – прокрипел мастер Твишоп, крепко сжимая в одной из передних лапок ту самую светящуюся нить, на другом конце которой болтался растерянный я. – Но с твоей стороны было самонадеянно считать, что у меня не хватит сил вернуть тебя обратно. Сейчас ты полностью в моей власти, ученик. Могу отпустить, а могу и уничтожить. Но мне не это от тебя нужно.

Я тихо клацнул зубами и мрачной тенью навис над маразматичным идиотом. Кажется, он меня не только видит, но и прекрасно слышит?

– Ты что задумал, сволочь?!

– Добро пожаловать домой, Гиращ, – ухмыльнулся архимаг, притянув меня так, что я при желании мог рассмотреть все особенности строения его жвал. – Ты ведь любишь загадки, да? Ну так попробуй отгадать эту. Желательно до того, как я закончу говорить.

Я тихо выдохнул, заподозрив его в предательстве и вполне объяснимом желании отомстить мне за унижение. А этот гаденыш, не дав ничего сказать, вдруг с силой дернул за нить, обрывая ее у основания. После чего звонко щелкнул жвалами и с торжествующим хохотом швырнул мне в лицо.

Я не сразу понял, почему она, вопреки всем законам природы, продолжает светиться, если нас ничто больше не связывало. И далеко не сразу разглядел, что на ее конце неистово пылает искра чужой, насильно вырванной жизни. Но когда заметил торчащую из груди трансформы окровавленную рукоять и сообразил наконец, что именно попытался сделать этот поло-

умный старик, было уже поздно – Нич одеревеневшей куклой свалился на грудь такого же бездыханного тела, тогда как я...

Меня с невероятной силой потянуло вниз, к нему, безжалостно корежа и сминая в компактное, протестующе мычащее облачко.

– Старый дурак! – только и смог выдохнуть я в стремительно приблизившуюся тараканью морду. – Я не смогу сделать это снова!

У Нича, как мне показалось, злорадно сверкнули глаза. А затем мир исчез, и я надолго погрузился в темноту.

Эпилог

Смерть – это еще не конец...
Мэтр Гириш

В фамильном склепе барона Невзуна снова было темно и тихо. Не витали над оскверненными гробами негодующие призраки, не шипели возмущенно давно умершие предки, не слышались ни шорохи, ни звуки и даже не чувствовалось слабое дуновение ветерка, просачивающегося внутрь сквозь медленно открывающийся портал.

– Осмотрите здесь все и выясните, что произошло! – прозвучал с той стороны властный голос, а в следующее мгновение из портала выскочили несколько одетых по-военному человек и торопливо разбежались в разные стороны.

– Господин, что вас интересует?

– В первую очередь, почему сработали тревожные заклятия и по какой причине амулет связи барона перестал функционировать.

– Господин, тут трупы! – почти сразу отрапортовал один из чужаков, наткнувшись на два обгоревших до неузнаваемости тела. – Один вроде человеческий: кости и череп обычные, а второй – точно нежить!

– Барон?

– Похоже на то, – человек брезгливо отодвинул в сторону уродливую, обгрызенную кем-то у самого основания лапу, заканчивающуюся острыми когтями, и поморщился. – Да. Это он – я вижу на теле амулет. Забирать?

За тускло мерцающим экраном портала кто-то тяжело вздохнул.

– Живые в замке остались?

– Сейчас посмотрю... – Все тот же человек вытащил из-под полы короткой куртки небольшой артефакт, с легкостью помещающийся на ладони, что-то коротко прошептал, заставив его засветиться. Мгновение всматривался в появившиеся на поверхности амулета бледно-зеленые пятна, а потом покачал головой. – Нет, господин. Ни живых, ни, как ни странно, мертвых.

– Плохо. Значит, эта ячейка для нас уже бесполезна. Но вряд ли графу удалось уничтожить ее самостоятельно... Общайте склеп! И принесите мне все, что покажется странным или непонятным!

– Как прикажете, господин, – почтительно склонил голову мужчина, и по его знаку остальные поспешили рассыпаться, осторожно обходя поваленные гробы и внимательно рассматривая каждую мелочь.

Тело лича они проворно обыскали и, завернув в принесенную с собой ткань, не особенно бережно поволокли к portalу.

Второе тело, от которого остались только обгоревшие кости, тоже унесли, не задаваясь лишними вопросами. Вывалившиеся из гробов кости без особого почтения раскидали по склепу.

Внутри самих гробов тоже заглянули, бесцеремонно пошарили. Нашедшиеся там золотые безделушки и посмертные украшения собрали, аккуратно положив в специально выделенный для этого мешочек. Бестрепетно разлили в три крохотные колбы в изобилии растекшуюся по полу слизь. Скрупулезно простучали все стены, видимо, надеясь обнаружить какие-то скрытые пустоты. Проверили пол на предмет потайного хода. Выковыряли из обломков двери погасший амулет. А потом тщательно осмотрели весь остальной замок, не гнушаясь порыться даже в огрызках мертвых тел, щедро украсивших его интерьер, и зачем-то прихватив с собой одного из окаменевших пикси, все еще терпеливо ожидающих прихода рассвета.

– Господин, тут что-то есть! – внезапно крикнул кто-то, добравшись до дальнего угла склепа, заваленного обломками разрушенных колонн. Углядев валяющийся в глубокой тени, пропущенный, видимо, кем-то из своих спутников предмет, он нагнулся и поднял завалившуюся под камень старую, потрепанную книгу в кожаном переплете. После чего на мгновение недоуменно замер (где это видано, чтобы маги разбрасывались ценными книгами?!), а затем с трудом разобрал полуистершую надпись на корешке: – Это какая-то книжка! «Пособие для начинающего некроманта» называется! Но она совсем старая, скоро развалится. Ее тоже брать?

– Мне ни к чему знать про детские увлечения барона, – презрительно сплюнул невидимый хозяин. – И его бесплодные попытки достичь вершин недоступного ему мастерства мне тоже абсолютно неинтересны. Вы все осмотрели?

– Да, господин.

– Тогда возвращайтесь. Я чувствую возмущение от телепортационной арки – скоро сюда пожалует граф со свитой. Жаль, конечно, что нельзя выяснить, кто научил его ею пользоваться, но он не должен вас увидеть.

Закончившие обыск люди дисциплинированно потянулись к порталу, по пути еще раз осматривая все закутки, чтобы не пропустить ничего важного.

Мужчина, нашедший странную книжку, сперва заколебался, но потом все-таки пожал плечами и кинул находку обратно, не обратив внимания на то, что та упала прямо в лужу едкой слизи и тут же начала дымиться. После чего развернулся и, заходя в телепорт последним, окинул разграбленный склеп взглядом профессионального вора.

– Чисто! – наконец со спокойной душой отрапортовал он, делая шаг назад и до последнего контролируя окружающее пространство. После чего портал с пронзительным звоном схлопнулся, снова погрузив опустевшую усыпальницу в гнетущую тишину.

Какое-то время эти тишина ничем не нарушалась. Склеп словно замер в ожидании возвращения грабителей и не решался признаться в том, что кое-чего они все-таки не заметили.

Но спустя несколько томительных минут из дальнего угла послышался наконец легкий шорох. Затем из-под нагромождения неподъемных с виду, хаотично наваленных камней высунулась тощая, совсем еще детская рука, которая ловко ухватила тонущую в слизи, частично обуглившуюся книжку и проворно втянулась обратно. После чего изнутри послышался тихий вздох, и смертельно уставший, надломленный, полный какой-то нечеловеческой тоски голос неслышно прошептал:

– Эх, учитель... Что же ты наделал? А главное, зачем?

Но еще через пару мгновений, когда неподалеку загрохотали тяжелые сапоги и послышался шум множества приближающихся людей, тот же голос с внезапно проснувшимся раздражением добавил:

– Интересно знать, что я теперь скажу графу? Проклятье, Нич! Ну неужели ты не мог найти для меня более подходящее тело?!

Часть 2

Мэтр на свободе

Пролог

Умереть – не значит исчезнуть навсегда.

Смерть – это лишь повод сменить личину.

Нич

В замке барона Невзуна было шумно: с самого утра во дворе стучали топоры, слышалось вжиканье пил и приглушенная ругань – фамильное гнездо древнего аристократического рода спешно приводилось в порядок. В рекордные сроки строители разобрали завалы в холле, заменили испорченную решетку, восстановили подъемный механизм, очистили ров, подлатали стены, выволокли из внутренних покоев целую гору мусора и теперь ловко грузили ее на повозки.

Сегодня артель управилась раньше обычного: вечер еще не наступил, когда последняя (четвертая по счету) телега, прогрохотав колесами по деревянному мосту, покинула пределы замка. Шла тяжело, со скрипом, продавливая в утопанной земле глубокие колеи, однако здоровенный вороной, больше похожий на чудовище из сказок, тянул свою ношу так, словно не чувствовал громадного веса.

Проводив подводу беспокойными взглядами, рабочие тихонько выдохнули, чувствуя необъяснимое облегчение от того, что повозка наконец исчезла за пригорком. После чего собрали инструменты, утерли мокрые от пота лица и потянулись к оставшемуся не заделанным пролому в стене – туда, где виднелась каменная громада телепортационной арки.

Остаться на ночь в фамильном замке Невзунов никто не рискнул: после того, как им в течение двух дней пришлось вытаскивать на улицу обгрызенные, порванные на куски, абсолютно неопознаваемые останки, желающих ночевать здесь не нашлось. Да еще эти слухи про нежить...

Оказавшись во внутреннем дворе, старшина настороженно огляделся и ничуть не удивился, обнаружив, что арка открыта. По какой бы причине новый хозяин ни прятал от чужаков лицо, свои обязательства он выполнял исправно: за целый месяц еще не было дня, чтобы рабочим приходилось ждать открытия телепорта или оплаты за труды.

Вот и сегодня возле арки уже ждала скромно одетая деваха с тугим мешочком в руках. Симпатичная, рыжеволосая, застенчивая. В отличие от угрюмых возниц, она выглядела более приветливой и всякий раз, отдавая деньги, мило улыбалась, молчаливо благодаря за хорошо выполненную работу.

– Спасибо, красавица, – сказал старшина, в очередной раз принимая из ее теплых ладошек увесистый кошель, но потом не выдержал и спросил: – Не страшно тебе здесь жить-то?

Девушка отрицательно качнула головой.

– А как же некромант? – снова спросил он. – И нежить, которой тут развелось до дури? Не боишься, что твари снова пожалуют?

Она улыбнулась снова и выразительно кивнула на молчаливый замок.

– Что? – не понял ее старшина. – Думаешь, хозяин сумеет тебя защитить?

Девчонка без тени сомнений кивнула.

– Эх, дитя... Если бы все было так просто! И как тебя угораздило попасть в это гиблое место?

Она неожиданно нахмурилась и, коснувшись пальцами сперва горла, из которого уже много лет не вылетало ни единого звука, а потом – неестественно опущенного века, тяжело вздохнула. После чего резко отвернулась и, прихрамывая на правую ногу, направилась к полуразрушенной лестнице.

Старшина, посмотрев ей вслед, сочувственно покачал головой:

– Бедная девочка...

Но потом подметил краем глаза движение в окне хозяйской башни. Ощутил на себе внимательный взгляд, от которого по спине побежали холодные мурашки, и торопливо дал отмашку своим.

– Все, уходим. Мар, Заниг... шевелитесь! Хотите остаться здесь на ночь?!

Как только двор опустел, телепортационная арка закрылась, погрузив внутреннее пространство замка в непроглядную темноту. Мгновением спустя в дальнем от лестницы углу послышался облегченный вздох. Оттуда выстрелил узкий рубиновый луч, от которого руны на каменной арке окончательно погасли. А потом за недавно высаженными кустами шевельнулась бесформенная тень и кто-то неслышно произнес:

– Вот и еще один день пролетел... надеюсь, это скоро закончится.

Глава 1

*Сила некроманта зависит не от времени суток, а от
сообразительности.*

Пособие для начинающего некроманта

Открывать глаза катастрофически не хотелось. Элементарное, казалось бы, движение, но почему-то каждое утро оно вызывало во мне смутный протест. Отвык я, наверное, от простой человеческой жизни, в которой надо регулярно есть, спать и чистить зубы по утрам.

В этот момент двери в спальню бесшумно открылись и к моей постели кто-то тихонько подкрался на цыпочках. А мгновением позже незнакомый голос ласково прошептал:

– Господи-ин... уже утро, господин. Пора встава-ать...

Я неохотно приоткрыл один глаз.

– С добрым утром, – лучезарно улыбнулась Лишия, ставя на прикроватный столик кувшин с водой. – Вам помочь умыться?

– Нет, – буркнул я, откидывая одеяло и неохотно опуская на ледяной пол (циновок, увы, у нас не было, как и многих других полезных вещей) худые ступни. – Уже вспомнил, как это делается. А ты наконец-то научилась говорить?

Лишия порозовела.

– Только шепотом. Но надеюсь, со временем голос вернется. Так же, как и все остальное.

Я только вздохнул и окинул стройную фигурку скептическим взглядом.

Что и говорить: за последний месяц служанка разительно изменилась. У нее пропал горб на спине, расправились плечи. Исчезла уродливая маска, которая раньше красовалась на месте вполне даже симпатичного, как оказалось, личика. В считанные дни очистилась кожа, из-под шелушащейся корки проступили аккуратные губки, милые ямочки на щеках, два выразительных серо-зеленых глаза. Правда, один из них до сих пор косил, да и хромота никуда не делась, но девка явно пошла на поправку. А сегодня, как выясняется, у нее еще и голос прорезался...

Что-то непонятное творилось с ее проклятием. Вернее, с каждым днем, несмотря ни на что, девчонка все быстрее от него избавлялась. Но я совершенно не понимал, почему это происходит. Правда, я сейчас вообще очень многого не понимал, и это откровенно удручало.

К примеру, я и теперь с трудом верю, что мастер Твишоп рискнул повторить наш старый эксперимент. Я знаю, сколько требуется на это усилий – сам рассчитывал и многократно проверял те трехэтажные формулы. И могу представить, сколько неприятных ощущений ритуал должен был принести Ничу. Однако сварливый, вечно всем недовольный старик все равно решил обменять свою жизнь на мое очередное возрождение. Спрашивается: зачем?

Поднявшись с постели, я шагнул к столу и взял в руки старую книжку, на испорченном корешке которой еще виднелось знакомое до боли название.

Эх, Нич...

Разумеется, я ни в чем тебя не виню. Глупо было ждать, что ты сумеешь провести ритуал по всем правилам. Но очень грустно... и до отвращения обидно потерять старого друга таким нелепым образом.

– Господин? – беззвучным шепотом напомнила о себе служанка.

Бросив книгу на постель, я вытянул над тазом руки, позволив Лишии полить на них водой из кувшина. Терпеливо снес процедуру одевания, в которой пятьдесят лет совершенно не нуждался. В очередной раз за последний месяц напомнил себе, что это – уже навсегда. Скривился, когда девчонка сделала неуклюжий реверанс, но нашел в себе силы благожелательно кивнуть. И лишь когда она вышла, рывком сдернул покрывало с приютившегося в углу громадного зеркала.

Да, забыл сказать: с некоторых пор все мое имущество переместилось в замок барона Невзуна, включая обширную библиотеку, личные вещи, мебель, запасы зелий, чучела...

Собственно, переезд пока что являлся самым большим плюсом в моем нынешнем положении. Если не считать, конечно, честно заработанных денег, которые были переданы его сиятельством в счет проделанной мэтром Гирашем работы.

Правда, поначалу граф не собирался расставаться с десятью тысячами золотых. Но у меня было достаточно времени, чтобы сформулировать достойные аргументы в пользу этого бескорыстного деяния. И достаточно упрямства, чтобы в ожидании разговора вырезать на своем предплечье печать мага-некроманта, в точности соответствующую той, что красовалась на магическом контракте графа и наглядно подтверждала, что именно я являюсь непрямым наследником погибшего мэтра.

Передача личной печати – древний обычай, родившийся еще в те времена, когда у бездетных магов было в моде передавать силы любимым ученикам. Правда, впоследствии от него отказались, так как эффективность процедуры оказалась невысока. И в последние лет сто – сто пятьдесят этот ритуал использовался лишь теми, кто желал чисто символически облагодетельствовать кого-то из последователей, передав ему право на владение своим имуществом, включая дом, слуг, скот, деревни, замки, если таковые имелись...

Надо сказать, его сиятельство изрядно удивился, увидев мое изуродованное предплечье. Задумался, пока меня допрашивал мастер Лиурой, выясняя, что же случилось с прежним бароном. Остался, кажется, недоволен моей версией произошедшего. Но смирился с неизбежным (еще бы, ведь никто, кроме меня, не знал, какая печать была у погибшего некроманта) и велел своим людям прочесать замок. Нашел там, разумеется, горы трупов. Увидел учиненные мною разрушения. После чего, наконец, проникся серьезностью ситуации и вроде бы даже поверил, что перед смертью благородный мэтр Гираш был до того любезен, что не только спас жизнь чужому бастарду, но и одарил его личной печатью. Со всеми вытекающими последствиями.

Когда же Лиурой просветил графа относительно всех свойств моего нового «украшения» и скупно заметил, что мерзкий некромант и после смерти не упустил возможности им подгадить, его сиятельство, кажется, поверил еще больше. А когда я, шатаясь от слабости, потребовал обещанную мэтру услугу и, едва не сблевав на сапоги светлого, выпалил, что мэтр не только завещал мне свое имущество, но и просил графа оказать всевозможное содействие... клянусь, обалдевший от моей наглости граф едва не осквернил руганью свою безупречную репутацию! А мастер Лиурой вообще был вынужден отойти в сторонку, чтобы не травмировать детский разум сложными словесными конструкциями.

А затем меня все-таки сморило – видно, эксперименты барона плохо повлияли на четырнадцатилетнего подростка. Поэтому события нескольких последующих дней прошли мимо моего сознания, и я, к собственному сожалению, утратил над ними контроль. А когда очнулся, то оказалось, что большинство проблем, связанных с моим воскрешением, благополучно разрешилось.

В частности, мое положение в обществе наконец-то определилось. Я был жив, свободен и остался при своих привилегиях, потому что недолгий спор его сиятельства с мастером Лиуроем закончился в мою пользу. Как результат, мое старое имущество переселилось в замок Невзунов. Я сохранил весь свой арсенал зелий и настоек. И не потерял ни одного важного артефакта.

Но я напрасно думал, что все утряслось и наладилось. Потому что господин Экхимос, пользуясь моей слабостью, успел за это время развить такую бурную деятельность, что я, проснувшись, испытал жгучее желание его придушить.

Оказалось, пока я был в отключке, граф решил восстановить справедливость и подал прошение о возвращении баронства законному наследнику. То есть мне.

На первый взгляд ничего страшного. Земли мои, замок мой – отлично. Но проблема в том, что король посчитал юного барона слишком маленьким для возложенной на него мис-

сии. И принял решение об оформлении опекуна, обязав господина графа присматривать за «молодым бароном» до моего совершеннолетия! То есть целых два года.

Представляете всю глубину эмоций явившегося ко мне с новостями графа? И то, почему его сиятельство после того, как сообщил о блистательном решении нашего славного короля, поспешил откланяться, а потом целых две недели носа сюда не казал?

Впрочем, пока он отсутствовал, я времени даром не терял и торопливо осваивал новое тело. Тщательно изучил свой замок. Отыскал обширную библиотеку барона и пустующую, к сожалению, сокровищницу. Заодно осмотрел все потайные ходы. Кое-что там поправил, обновил. Старательно обыскал разрушенный склеп. Еще раз убедился в том, что мое старое тело, как и тело лича, все до единого накопителя и ритуальный кинжал бесследно исчезли. Наконец, обнаружил, что с Лишией стали происходить необъяснимые изменения, и окончательно озадачился ворохом свалившихся на меня сложностей.

А вчера вечером в довершение всего получил срочную депешу, где говорилось о необходимости «новоиспеченному барону Невзуну» принять первых официальных гостей в своем родовом замке. Который, между нами говоря, не подходил даже для того, чтобы принимать посольство неприхотливых гоблинов, не говоря уж о каких-то там «высоких гостях».

И именно этим объяснялось мое скверное утреннее настроение.

* * *

Магическое зеркало встретило меня абсолютнейшей темнотой и полным отсутствием отражения.

– Покажи ауру, – сухо бросил я настороженно смотрящей роже в верхней части рамы. Рожа заискивающе улыбнулась, и поверхность зеркала немедленно осветилась.

Я уставился на пристально смотрящего оттуда худощавого подростка.

Мда-а... но это теперь я: торчащие во все стороны рыжие вихры, курносый нос, дурацкие веснушки, тонкие ручки и совсем уж тощие ножки, которых, к счастью, не видно под штанами. Длинные пальцы, похожие на обглоданные тараканьи лапки. Уродливые коленки, цыплячья шейка, на которой едва-едва выступает вперед кадык... Демон! Все никак не могу привыкнуть! И ладно – волосы или ногти! То, чего не хватает, я со временем сумею отрастить, а что не нужно – обрежу! Но ведь центр тяжести сместился! Гибкости катастрофически не хватает! Скорости – и подавно! Просто неуклюжая каракатица, а не некромант! Правда, кое-что я приобрел взамен утраченного...

Мой взгляд сам собой опустился на уровень чуть ниже пояса, на губах появилась мрачно-улыбчивая усмешка, а черные и откровенно неуместные на фоне рыжих лохм глаза... единственное, что осталось в моей внешности прежним... недобро сверкнули.

– Я тебе что велел?

– Я все сделало, хозяин! – испуганно хрюкнула харя на раме.

– Тогда почему я ничего не вижу? – зловеще протянул я, привычным движением поднимая руку.

– Не знаю! Честное слово!

Я нахмурился, раз за разом оглядывая неказистое отражение, но оно не менялось. И ауры вокруг него я тоже не находил. Вернее, я потерял способность ее видеть, и по сравнению с этим прискорбным фактом, в котором я с неудовольствием убеждался почти каждый день, само отражение выглядело не таким уж плохим.

– Ладно. – Я резко отвернулся, только сейчас вспомнив, что замечательные ноготки больше не украшают мои пальцы. Ни рун, ни яда, ни другой защиты... тьфу, срамота. – Угасни. И предупреди, когда к нам пожалуют гости.

– Будет сделано, хозяин, – с невыразимым облегчением отозвалось зеркало и потемнело.

Я снова набросил на него покрывало и в задумчивости присел на разобранную постель. И так, что мы имеем?

Плюсы: я – все еще жив, снова молод, обзавелся неплохой собственностью и приобрел пока еще непрочное, но все же положение в обществе. Совершенно бесплатно получил телепортационную арку, не встроенную в общую сеть порталов. Вернул набор и редких весьма дорогостоящих артефактов. Сохранил все свои знания, память, накопленный опыт и даже безусловно преданную служанку.

Минусы: у меня совершенно не осталось магии; новое тело было безобразно слабо и не подготовлено к нагрузкам. Я потерял накопительные амулеты, способность к боевой трансформации, физическую силу, скорость и неуязвимость. У меня пропал целый ряд ценных ингредиентов, почти весь запас черного мела и кое-какие уникальные зелья, хранившиеся в рабочей сумке. Также я лишился учителя и друга, которого вернуть уже не смогу. Я больше не сумею создать для себя новое, более сильное тело. И вероятнее всего, на этот раз силы ко мне не вернуться.

Еще одна сложность: у меня совершенно нет людей. Ни слуг, ни воинов, ни магов, ни простых рабочих... а без них мой титул – просто бумажка с королевской печатью. Без людей мне землю не поднять и замок не отстроить, так что надо срочно придумывать, откуда и чем можно сманить сюда легковерных крестьян... да, хотя бы крестьян, за которыми потом непременно потянутся и остальные. Но как? Где взять денег? Да еще когда по всему королевству гуляют жуткие слухи о живущем тут некроманте...

На этой мысли я не удержался и хмыкнул.

Что ж, в чем-то люди, может, и правы: бывших мэтров не бывает. А значит, вскоре я займусь поисками ограбившего меня урода и расплачусь с ним за все неприятности, в которые вляпался по его милости. С процентами.

Глава 2

Если вам говорят, что вы уникальны, не обольщайтесь. Возможно, собеседник просто неудачно выразился.

Гираш

Гости прибыли телепортом после полудня: важные, разодетые в пух и прах – трое весьма дородных мужичков, одна высохшая, как килька под прессом, дама неопределенного возраста, его сиятельство граф Экхимос (в качестве моего официального опекуна) и... кто бы вы думали?.. Мастер Лиурой собственной персоной! Которого я, между прочим, целый месяц не видел и по которому, надо сказать, абсолютно не соскучился!

При виде него мои губы сами собой сложились в двусмысленную улыбку.

Ну надо же, какая встреча! Я прям ждал с нетерпением! Денно и ночью мечтая о том, как от души пройдусь по его тщательно выбритой физиономии самой шершавой, специально одолженной у Лишии шваброй. Заодно сотру с его морды эту многозначительную усмешку, подправлю форму высокомерно вздернутого подбородка и изменю расцветку роскошного камзола, на котором, по моему скромному разумению, очень не хватало следа от подошвы моего ботинка.

– Добрый день, господа и леди, – учтиво сказал я, коротко поклонившись с последней ступеньки раздолбанной до безобразия лестницы. Старательно причесанный, чопорный до отвращения и твердо намеревающийся выяснить, что им от меня понадобилось. – Рад приветствовать... Прошу извинить за беспорядок, но работы по восстановлению замка еще не закончены.

Ну да, только трупы убраны, вонь подвыветрилась, следы крови и слизи на полу и стенах частично замыты, а человеческие кости, оторванные головы и изуродованные конечности больше не мешались под ногами.

Меня окинули снизу вверх внимательными взглядами. Граф при этом едва заметно кивнул, одоббив скромный камзол нейтрального черного цвета, закупленный накануне в соседнем городишке. Мастер Лиурой по обыкновению окатил полным превосходства взором. Престарелая дама заинтересованно приподняла выщипанные брови. А трое незнакомых мужиков словно меня не услышали. И вместо того, чтобы ответить на приветствие, вдруг самым нахальным образом отошли в сторону и уставились на увитые плющом стены.

– А телепортационная арка и правда не входит в общую сеть, – негромко обронил один из них, теребя длинный черный ус и с любопытством осматривая мой телепорт.

«Наглое пукло, – тут же подумалось мне при виде внушительного брюха хама, жирных складок, старательно утянутых с боков эластичной тканью дорогого камзола, толстых ляжек, с трудом впихнутых в модные нынче узкие штаны, и могучих щек, больше похожих на собачьи брыли. – Или нет, не пукло – ты, наверное, все-таки бздун».

– Вы правы, коллега, – приглушенно отозвался второй толстяк, так же демонстративно меня не замечая. – И это, надо сказать, прелюбопытнейшее явление, поскольку в наших архивах я не нашел даже упоминания о данном объекте. Вы можете в это поверить?

Ага, все ясно: это – бздун номер два по кличке Шептало. Только усы у него не черные, а рыжеватые, да из-под шляпы выглядывали такого же мерзкого оттенка редкие волосенки. Ну и размеры были побольше. Поэтому туго сидящий камзол был готов треснуть по швам, сопровождая сие действие торжественным салютом из отлетевших пуговиц.

– К сожалению, – удрученно согласился с Шепталой господин Бздун. – Полагаю, Совету стоит приложить больше усилий, дабы впредь не допускать подобных промахов.

– Всенепременно...

– Прошу прощения, господа, – все так же учтиво прервал я размышления гостей и, дождавшись, когда в мою сторону лениво обратятся удивленно-надменные взоры, еще раз поклонился. – Но не соблаговолите ли вы все-таки пройти в замок? Я, конечно, не настаиваю, но не считаю себя вправе оставлять вас на пороге своего дома, дабы порассуждать о высоком, стоя на куче естественных удобрений.

«Господа» озадаченно моргнули и опустили глаза, растерянно уставившись на приличных размеров лужу уже подсохшего гуано, в которую они по неосторожности вляпались.

– Что это? – брезгливо сморщился Бздун, приподняв ногу и с отвращением оглядев белые разводы на подошве.

Я обезоруживающе улыбнулся.

– Голуби, господа...

– Голуби? – с подозрением переспросил мастер Лиурой, оценив размеры лужи, а затем вскинув голову и с еще большим подозрением уставившись на красующихся на стенах каменных горгулий.

Я пожал плечами.

– В этих краях они вырастают довольно крупными. Отец когда-то держал голубятню, но потом она разрушилась и птицы разлетелись. Отстреливать их я посчитал бесчеловечным, а избавиться другими способами не получается: они слишком привыкли к этому месту.

Гости с раздражением посмотрели на мое виноватое лицо и поспешно вернулись на дорожку. Единственная леди, аккуратно приподняв краешек подола, на цыпочках двинулась в мою сторону. Господин граф хмыкнул, никак не прокомментировав царящий вокруг беспорядок. А мастер Лиурой пробурчал что-то неразборчивое и, передернув плечами при виде еще одной лужи, поджидавшей его с другой стороны дорожки, заторопился следом.

Деликатно посторонившись и пропустив гостей вперед, я дождался, пока господа Бздун и Шептало исчезнут в проеме, который тоже пока не успели заделать. Услышал донесшийся из коридора глухой стук, негодующий вопль и запоздало крикнул вдогонку:

– Осторожнее! Там очень низкая балка на выходе!

– Мы уже... увидели, – с некоторой задержкой донеслось до меня.

– Смотрите не ударьтесь, – заботливо отозвался я, покидая внутренний двор последним. – Везде ремонт... разруха... сплошная головная боль! Но если бы вы пришли на месяц позже...

– У вас не хватает людей, господин барон? – вежливо отметила очевидное дама, выбираясь в холл.

Ужом проскользнув мимо замешкавшегося графа, я подал ей руку и учтиво наклонил голову.

– Полагаю, это – только мои трудности, леди.

За что удостоился еще одного заинтересованного взгляда, отпустил слегка повлажневшую ладонь и отошел в сторону, намеренно встав так, чтобы оказаться напротив гостей. Заодно давая им возможность незаметно оглядеться и оценить разницу между внутренним двором и внутренним убранством замка.

Разумеется, поразить их до глубины души я не сумел: за столь короткий срок привести в порядок разгромленный холл могла бы только строительная магия высшего порядка, которая мне была недоступна. Тем не менее задрапированные привезенными из Масора тканями стены, пушистый (наш единственный!) ковер на полу, большой стол из черного дерева и уютные кресла возле заново отстроенного камина выгодно подчеркивали мою фигуру, замершую как раз напротив огня и подсвеченную со спины загадочными алыми сполохами.

– Ну а теперь, господа, – оказавшись в центре внимания, негромко сказал я, – позвольте наконец представиться: барон Вальтиэр Сугнар Гиращ Невзун... Прошу располагаться.

Граф поднял на меня неверящий взгляд.

– Как вы сказали?!

Я спокойно встретил раздраженный взгляд мага и бесстрастно подтвердил:

– Я решил взять имя Гиращ, чтобы выразить благодарность человеку, которому обязан жизнью и, видимо, посмертием. Почему вас это удивляет?

– Да нет, ничего, – неуловимо нахмурился его сиятельство. – Просто показалось...

– Я понимаю, господин граф. Но в нашей семье всегда было особое отношение к мэтрам, поэтому, несмотря ни на что, я не собираюсь менять своего решения.

– Как вам будет угодно, – с неудовольствием отвернулся граф, поразительно быстро закрывая эту скользкую тему.

Я незаметно перевел дух.

Зато никто не удивится, если меня вдруг поименуют иначе. Все-таки я не привык к новому имени, да и Лишию пару раз ловил на оплошности. Хотя, кажется, мою отговорку восприняли как должное. Правда, мастер Лиурой при этом выразительно скривился и, не дожидаясь повторного приглашения, бесцеремонно занял ближайшее кресло.

Я сделал вид, что не заметил дерзости, и, дождавшись, пока сядет дама, устроился в кресле напротив, не став заострять внимание на том, что его сиятельство, которого, видимо, взбудоражил мой ответ, не торопится последовать общему примеру. Лишь когда все кресла оказались заняты, он наконец соизволил пристроить свой подтянутый зад на край стоящего в сторонке дивана, а потом сухо добавил:

– Рад, что вы начали осваиваться, барон. Вдвойне рад тому, что ваше здоровье идет на поправку. А теперь, на правах вашего опекуна, позвольте представить моих спутников.

Я кивнул.

– Будьте так любезны...

– Барон Альтиус фон Воррэн, – тут же выразительно взглянул на приосанившегося Бздуна его сиятельство. – Помощник второго советника его величества Григоара и человек, которому предписано оценить и проконтролировать объем затрат, необходимых для восстановления ваших земель.

Я замер, уставившись на гостя во все глаза.

Ого... этот толстопуз, у которого скоро морда пополам треснет, направлен сюда, чтобы оценить разрушения в замке и определить, сколько я могу занять из королевской казны на его восстановление? Граф что, выбил для меня какой-то заем?!

Так. Надо срочно выяснить, на какой срок и на каких условиях...

– Барон Вилле фон Дубинэ, – не заметив моего недолгого замешательства, невозмутимо продолжил граф, обернувшись к Шепталю. – Уполномоченный его величества по строительным вопросам и временно отвечающий за порядок и сроки восстановительных работ.

Час от часу не легче... этот-то мне зачем? Граф что, сам не может заняться подобными вещами?! Нет, я, конечно, понимаю, что в силу юного возраста и не подхожу на роль полноценного хозяина, и не могу, как считают некоторые, организовать восстановление замка, но совсем уж дурака-то из меня делать не надо. Что я, управляющего нормального не найду?!

– Господин Бодирэ, – так же спокойно представил граф третьего гостя, который до сих пор не проронил ни слова, но тем не менее вежливо привстал.

Я внимательно посмотрел на круглое лицо, на котором особенно выделялись глубоко посаженные глаза и выдвинутый вперед подбородок. Встретил уверенный взгляд, в котором сквозило некоторое напряжение и тщательно скрываемое превосходство. Наконец, отдал должное скромной одежде, выгодно отличающей его от соседей. А затем разглядел широкие, отнюдь не холеные ладони, на которых проступали невесть откуда взявшиеся мозоли, и призадумался, поэтому едва не пропустил мимо ушей должность господина Бодирэ и с некоторым опозданием сообразил, что в его задачу входило обеспечение моей милости людьми и координация их работы.

Ну-ну.

Я машинально кивнул, проигнорировав представленного по всей форме мастера Лиуроя. И поднял взгляд на единственную даму, которую по какой-то причине его сиятельство оставил на закуску.

– Графиня Ларисса де Ривье, – озвучил мой невысказанный вопрос граф Экхимос, ненадолго поднявшись и коротко поклонившись едва заметно улыбнувшейся леди. – Член Совета магов. Первый заместитель директора Академии всеобщей магии и многоуважаемая коллега мастера Лиуроя.

Я озадаченно нахмурился, но все же последовал примеру графа и привстал.

– Мое уважение, сударыня.

Дама учтиво наклонила красиво посаженную головку и снова непонятно улыбнулась. А я во второй раз был вынужден задуматься.

Будучи моим опекуном, граф, имея полные на то основания, привел сюда управляющего, снабженца и контролера, которые должны были наладить жизнь в разоренном баронстве. Разумеется, за определенную плату. Все люди были со стороны, поскольку своих граф, разумеется, мне бы не отдал – бескорыстная помощь нынче не в чести. Но я все равно не могу понять, почему моими проблемами занялись на таком высоком уровне.

Но главное, для чего приперся Лиурой? И что здесь делает графиня де Ривье?

Пока я валялся в постели, светлые тут табунами ходили, исследуя местность и проверяя слухи насчет издохшего некроманта. За первую неделю, которую я, к своему огромному сожалению, пропустил, они должны были изучить каждую пядь земли, обыскать каждый уголок и прощупать каждый камешек в моем замке. Взять на анализы щедро разбросанные останки, ползать в подвалах, вволю надышавшись божественными ароматами, тщательно обшарить склеп, заглянуть под каждое надгробие на кладбище... а потом оставить меня, наконец, в покое.

Я настороженно оглядел молчаливую графиню.

Худая, несколько нескладная фигура, которую она не боится демонстрировать. Умные глаза, узкое лицо с резковато выпирающими скулами. Темные волосы. Высокая, тщательно уложенная прическа, придающая ей строгости. Наглухо закрытое платье с неоправданно длинным шлейфом, который сегодня откровенно неуместен...

Я никогда не видел эту женщину раньше. Однако если память меня не обманывает, в роду де Ривье уже много десятилетий рождались светлые маги. Причем чаще всего имеющие сродство с огненной стихией. Так что, думаю, не сильно ошибусь, если предположу, что леди Ларисса имеет прямое отношение к Огненному факультету.

Но вот что она делает в моем замке?

– Вокруг вашей персоны сложилась уникальная ситуация, молодой человек, – тем временем обронил граф Экхимос. – Формально вы являетесь владельцем данного замка и прилегающих к ним земель. Однако фактически не имеете ни средств, ни возможностей ими управлять. У вас нет старших родственников, способных взять на себя эти обязанности до вашего совершеннолетия, ни опытного наставника, ни помощников... само баронство разорено. Ваши люди убиты, а доставшееся вам наследство представляет собой одну большую проблему, которую своими силами вам никак не решить.

Я промолчал: не имело смысла отрицать очевидные вещи.

– С причинами случившегося пока разбираются, – невозмутимо продолжил граф. – И полагаю, вас еще долго будут тревожить как королевские дознаватели, так и проверяющие от Совета магов. Однако расследование ни в коей мере не отменяет того факта, что баронство нуждается в восстановлении. И поскольку ваших собственных средств на это не хватит, то я, как ваш опекун, отправил прошение королю о долговременной ссуде.

Так... что-то мне не нравится эта новость.

– Прощение было удовлетворено его величеством несколько дней назад. А также назначены лица, долженствующие обеспечить распределение отпущенных средств и своевременное выполнение необходимых работ, которые тоже были предварительно согласованы. . .

Угу. Стоит только взглянуть на холеные и сытые рожи этих самых «лиц», что сразу появляется уверенность в их компетенции. А также в том, что ссуженные деньги, в результате «согласования», будут потрачены на мои нужды в полном объеме, а не утекут в чужие карманы.

– Ссуда рассчитана на пять лет, – словно не заметил моей кислой физиономии граф. – И поверьте, молодой человек, это – немало.

Еще бы. За пять лет можно столько уворовать. . .

– На каких условиях? – быстро спросил я, заработав от графа острый взгляд.

– В течение пяти лет с ваших доходов не будут взиматься налоги. Его величество с пониманием относится к вашим трудностям, поэтому дает баронству возможность окрепнуть. Однако по истечении этого срока и на протяжении последующих пяти лет вам, помимо самой ссуды, придется выплачивать в казну сумму, равную десятой части ваших вероятных доходов за этот период.

– Иными словами, меня никто не освобождает от налогов, а всего лишь дают отсрочку? – прищурился я.

– Совершенно верно.

ТЬфу. Но на большее и рассчитывать не стоило: наш король своего не упустит, а господину графу я даже возразить толком не могу – в настоящее время моя собственность находится под полным его контролем. Хотя я бы, конечно, предпочел обойтись своими силами. Вот только возраст. . . если я вдруг начну блистать лишними знаниями, это вызовет море вопросов. Оно мне надо?

Я неохотно кивнул.

– Хорошо, я понял. Кому поручено следить за ходом восстановительных работ и отвечать за сроки их исполнения?

– Господину Бодирэ. Он будет неотлучно находиться в вашем замке и контролировать процесс.

Коротко взглянув на молчаливого гостя, устроившегося в дальнем кресле и кивком подтвердившего свои полномочия, я снова кивнул.

– Еще вопрос: кто будет рассчитывать сумму моих вероятных доходов за будущие пять лет?

– Королевский казначей, разумеется, – удивился господин граф.

Я нахмурился.

– Хотите сказать, что мои земли уже оценены?

– Конечно. Иначе король не подписал бы приказ о ссуде.

– А я могу увидеть расчеты?

– Разумеется, – хмыкнул граф и выразительно посмотрел на Бздуна. – Полагаю, господин фон Воррэн не откажется предоставить вам бумаги.

Толстяк фальшиво улыбнулся и полез за пазуху.

– Извольте.

Я с нехорошим предчувствием проследил за тем, как он шарит под камзолом, и с подозрением принял несколько исписанных мелким почерком листов. На одном из них красовалась королевская печать. Два других выглядели попроще, но внизу каждого имелась узнаваемая метина из королевского казначейства.

Ну? И во сколько они оценили мою до крайности разоренную собственность?

Пробежавшись по сухим строчкам официального отчета, я чуть не вздрогнул.

– Что-о?!

– Это – независимая оценка специалиста, – самодовольно промурлыкал Бздун, когда я ошарашенно замер и во второй раз уставился на конечную сумму. – Все-таки ваш замок – это настоящая древность, имеющая немалую ценность для истории... толстые и крепкие стены... архитектура прошлого века... да еще нестандартный телепорт. Плюс плодородные земли, обширные пастбища, полноводная и богатая рыбой река. Целых три обустроенных деревни...

Я чуть не смял проклятую бумажку, наконец-то сообразив, почему мне так легко отдали эти земли, и мрачно уставился на жирную тварь.

– Значит, по вашему мнению, пустые дома, простаивающие поля и опоганенные пастбища – это теперь называется «обустроенными деревнями»? А текущий на северо-востоке дохлый ручеек – «полноводной рекой»? В то время как шатающиеся от времени камни в основании замка, сухой ров и протекающая крыша равносильны значению слова «архитектура прошлого века»?!

Под моим тяжелым взглядом Бздун дернулся.

– Это – оценка специалиста... потому что ссуда... ее же нельзя просто так...

А я неожиданно улыбнулся.

Ах вы, твари продажные... да за ту сумму, которую по вашей указке вписал в эту бумажку какой-то козел, замок можно построить с нуля. Обставить его с достойной короля роскошью. Жрать в три горла исключительно деликатесы. Каждый день менять ночные горшки с золотых на серебряные и обратно. С утра до ночи валяться на кровати, плевать в потолок и даже палец о палец не ударить для того, чтобы хоть что-то сделать по хозяйству. Я столько крестьян смогу на эти деньги кормить на протяжении года, что, узнав об этом, они сбежали бы от соседей и молились бы за меня до конца своей жизни. А тут... доходы они мои возможные подсчитали! Как будто с разоренных деревень в ближайшие несколько лет можно будет получить хоть какую-то прибыль! Но не идти же к королю, чтобы ткнуть ему в нос подписанными бумажками? Тем более когда есть официальный опекун, который не только не сделал этого за меня, но и, кажется, все-таки припомнил те десять тысяч золотых?

Глубоко вздохнув и мысленно сосчитав до пяти, я сухо спросил:

– А если у меня не получится поднять за это время хозяйство?

Граф сделал непроницаемое лицо.

– В таком случае половина ваших земель отойдет казне в счет долга.

– Половина моих ОСТАВШИХСЯ земель? – недобро сузив глаза, уточнил я.

Его сиятельство раздраженно дернул щекой.

– Такова воля короля. Но боюсь, у вас не то положение, чтобы торговаться, барон.

– Да, конечно, – криво усмехнулся я, откладывая бумаги в сторону. – У каждого в жизни когда-нибудь наступает момент, когда торговаться просто нет смысла. Не так ли?

Граф удивленно вскинул брови, но я уже резким движением поднялся с кресла и, благо-разумно опустив взгляд, отвесил присутствующим глубокий поклон.

– Благодарю за деятельное участие в моей скромной жизни. Очень надеюсь на плодотворное сотрудничество и со своей стороны постараюсь приложить все усилия, чтобы оно принесло выгоду всем заинтересованным лицам.

Бздун и Шептало закивали, расплываясь в облегченных улыбках. Мой новый управляющий только многозначительно улыбнулся. Реакцию графа и светлого я отслеживать не стал, а вот госпожа графиня меня удивила. Потому что вместо того, чтобы едко прокомментировать мое лицедейство, тоже поднялась и неожиданно хмыкнула:

– А вы молодец, юноша. Не знаю, кто был вашим учителем, но мне нравится ваша реакция. Кажется, мастер Лиурой совершенно прав...

Я насторожился.

– В чем именно, миледи?

– В том, что вы гораздо интереснее, чем хотите казаться, – улыбнулась она, пристально всматриваясь в пустоту над моей головой. – А также в том, что у вас есть магический дар. Правда, он довольно слаб, потому что, судя по всему, совсем недавно открылся. Но, если его правильно развить, у вас будет гораздо меньше сложностей, чем могло бы быть в данной ситуации.

У меня что-то екнуло в груди.

Я не ослышался?! Она сказала «дар»?! У меня снова есть настоящий ДАР?! И в скором времени я опять смогу творить заклинания?!

Уф! Так вот почему она здесь – регистрация любого выявленного дара должна проводиться комиссией магов! Причем с обязательным участием кого-то из членов Совета! Так что Лиурой, видимо заметивший что-то в прошлый приход, отправил официальный запрос, но лишь теперь меня принародно освидетельствовали...

Спасибо, учитель! Ты все-таки провел ритуал как должно!

– Дар у него, безусловно, есть, – следом за магичкой поднялся и мастер Лиурой, кинув на меня неприязненный взгляд. – Правда, в прошлый раз он еще не имел окраски. Поэтому, помня о происхождении юноши, я сперва полагал, что это будет темный дар. Однако сегодня аура выглядит совсем иначе. Несмотря даже на печать некроманта. А это значит...

Меня вдруг прошиб холодный пот.

Когда этот сноб успел меня проверить на кровное родство?! Неужто в то время, пока я был в отключке? И почему он говорит, что аура другая?! У меня же должен быть нормальный дар! В нашем роду всегда рождались только некроманты! Никаких сомнений быть не может!

– Поздравляю, молодой человек, – покровительственно сообщила графиня. – Род Невзунов в последнюю пару веков давал нашему миру исключительно некромантов, но я рада, что с вашим появлением эта традиция оказалась нарушена. Не знаю, говорили ли вам раньше, но вы – светлый маг со всеми вытекающими последствиями. Видимо, недавние потрясения дали толчок для открытия ваших способностей. Поэтому после достижения совершеннолетия добро пожаловать на обучение в Академию всеобщей магии!

ЧТО-О?!

СВЕТЛЫЙ?!

Я?!

Кажется, в этот момент выдержка мне все-таки изменила. Не в силах поверить в этот бред и страстно надеясь, что это – просто дурной сон, я поднял на графиню шальной взгляд и едва слышно прошептал:

– А вы не ошиблись, миледи?

– Никакой ошибки нет, – поощрительно улыбнулась госпожа де Ривье, по-своему расценив потрясенное выражение моего лица. – Вы действительно светлый маг.

Святые умертвия... такого позора со мной еще не случалось! Этого просто не может быть! Дар не меняется с одного на другой по чьей-то прихоти! Весь мой род... все предки – потомственные мэтры! Скажите, ну КАК в этом теле мог оказаться светлый дар, если на нем стоит печать некроманта?!

– Мои поздравления, барон, – скупое сказал граф Экхимос, нарушив воцарившееся неловкое молчание. – Надеюсь, теперь ваши трудности благополучно разрешатся.

– Да, конечно, – непослушными губами вымолвил я и буквально рухнул в кресло. А затем впервые задумался над тем, что, оказывается, даже сейчас плохо представляю, что же это такое – проклятие умирающего некроманта...

Глава 3

Паника – состояние, неприемлемое для мэтра. Тот, кто подвержен страху, не способен увидеть выход из западни.
Пособие для начинающего некроманта

Леди де Ривье, оставив подпись в привезенных бумагах, вскоре покинула замок, сославшись на срочные дела. Следом за ней, предварительно наложив на мой дар ограничивающее заклятие, ушел мастер Лиурой. Граф Эххимос взял на себя обязанность провести королевских надзирающих по первому этажу замка, чтобы показать объем предстоящих работ. Потом поднялся вместе с ним на наружную стену, что-то рассказывая и тыкая пальцем в сторону виднеющихся вдалеке деревень. Но через пару часов вернулся в холл, подписал какие-то бумаги и, проводив шумно отдувающихся толстяков к телепортационной арке, витиевато со мной попрощался. Напоследок заявив, что господин Бодирэ переселится в замок уже завтра, так что мне следует позаботиться о его размещении.

Я отстраненно кивнул, проводил его сиятельство к телепорту и в задумчивости присел на краешек тумбы.

Интересно, могло ли случиться так, что в моем теле оказался не темный, а светлый дар? Вряд ли барон посмел бы бросить сына на алтарь, если бы знал, что он – одаренный. Получается, дар открылся лишь на пороге смерти? Как раз в тот недобрый момент, когда Нич проводил над ним ритуал перемещения душ?

Ладно, допустим. Но я же наложил на тело личную печать, которая должна была вобрать в себя некоторую часть моих прежних сил и, следовательно, остановить развитие светлого дара на прежнем уровне или даже задавить его в зародыше.

Получается, печать не сработала? Но почему тогда откликнулось зеркало? Почему меня узнала Лишия? По какой причине начало спадать ее проклятие? И с какого, позвольте спросить, случая мои умсаки все еще топчут эту землю?!

Когда некромант умирает, его творения теряют силу, тогда как мои резвые кони... да и не только они... превосходно себя чувствуют, регулярно вывозят из замка горы мусора, и, кажется, стали даже сильнее.

Я настолько глубоко над этим задумался, что пропустил приближение вечера. И, вполне возможно, просидел бы во дворе до поздней ночи, если бы не услышал над головой тихий шорох и не вспомнил, что вместе со служанкой перевез сюда не только опасные артефакты.

– Легкой смерти, хозяин, – вкрадчиво прошелестела ночь, потревожив сгустившуюся тишину негромким хлопком.

Я повернул голову и, проследив за метнувшейся в вышине тенью, нахмурился:

– Бескрылый?

– Я, хозяин, – прошептала тень, перелетев немного ближе. – А ты, никак, загрустил?

– Скорее, задумался. Вы давно проснулись?

– Вчера ночью. Переезд забрал у нас много сил. Не все еще пришли в себя.

– Сколько вас? – заинтересованно спросил я, задирая голову и всматриваясь в темноту.

– Вчера было трое. Сегодня в три раза больше... и мы голодные.

Я удивился.

Что за новости? С чего горгульи вдруг начали чувствовать голод? И почему у меня возникло впечатление, что голос у Бескрылого нехорошо изменился? Да и теней на стенах стало заметно больше? При чем они какие-то подозрительно подвижные, то и дело скребут когтями

камень, ерзают и, если слух меня не обманывает, даже нервно расправляют, а затем снова складывают широкие крылья.

– Ну-ка, иди сюда, – велел я, поднявшись на ноги и требовательно уставившись на то место, откуда слышался голос.

Способность к ночному зрению я, к сожалению, утратил, поэтому сейчас различал лишь смутные очертания и не мог с точностью сказать, кто из моих созданий пришел в себя.

Горгульи действительно привязаны к месту. Где посадишь, там и будут сидеть, поэтому охранники они, хоть и чуткие, но не очень удобные. Однако, если судить по шелесту крыльев, многие из них сегодня действительно проснулись. А если вспомнить о вонючей луже, которую Лиш уже успела убрать, еще и сообразили, как мне можно досадить.

– А ты изменился, – неожиданно проворковал Бескрылый – одно из самых первых моих творений, которое было среди горгулий за старшего. – Новое тело... другой запах... если бы не выражение глаз, я мог бы и ошибиться...

Я недобро прищурился.

– В чем дело, Бескрылый? Я отдал тебе приказ.

– Конечно, – так же тихо отозвалась тварь, почему-то не спеша спускаться. В отличие от двух других теней, которые бесшумно соскользнули со своих насестов и, прикрываясь темнотой, неуловимо быстро метнулись к моему лицу.

Ах, вот вы как заговорили...

Не задумавшись ни на миг, я резко качнулся в сторону, пропуская мимо себя хрипло заклокотавшую тень. Выхватив из-за пояса тяжелый стик, с силой вытянул тварь по хребтине. Слегка удивился, услышав сочный хруст и почувствовав под пальцами живое тело. Чуть поморщился, когда истошно взывавшая горгулья рухнула мне под ноги и забилась, оглашая двор громким клеткотом. Одновременно перехватил за глотку второго смертника и, ловко избежав удара острого клюва, смачно ударил по покрытой жестким перьями грудине.

– Я гляжу, с тобой все в порядке, хозяин, – удовлетворенно каркнул сверху Бескрылый.

– Более чем, – сухо отозвался я и свернул шею бьющейся в судорогах горгулье. После чего отшвырнул от себя стремительно каменеющие останки и снова поднял голову. – Еще есть желающие проверить мои силы?

На стене установилась мертвая тишина. Но спустя несколько секунд снова раздался скрежет когтей по камню, а затем из темноты неуклюже вывалилось, волоча по земле сломанное крыло, на редкость уродливое создание – помесь грифа и гиены – которое почтительно поклонилось, а затем, добравшись до моих ног, униженно распласталось на камнях.

– Прости, хозяин. Я уже стар. А молодежь всегда торопится с принятием решений...

Подцепив его за голую морщинистую шею, я поднял наглуемую тварь в воздух и, держа покорно обвисшую горгулью на вытянутой руке, с недоверием ее оглядел.

Ничего себе... Бескрылый и впрямь выглядел так, будто его коснулось то же самое чудо, что и Лишию. Сколько я себя помню, мои охранники всегда выглядели одинаково, не меняли структуры тела и обретали подвижность лишь после полуночи. А теперь он почти живой! Морщинистая кожа, серовато-коричневые перья, орлиные когти на лапах, лысая башка с круглыми желтыми глазами... правда, дышать он не умел, да и под пальцами чувствовалась крепость отнюдь не обычных костей, но я все равно был поражен.

– Вы теперь все такие? – спросил я, бесцеремонно разворачивая Бескрылого то одной, то другой стороной, чтобы получше рассмотреть.

– Д-да, – прохрипела горгулья, как будто мои детские руки действительно заставляли ее задыхаться. – Но только по ночам. И кушать стало хотеться. Мы голодны, господин... если не поедим – ослабнем.

Я озадаченно промолчал и, заметив, что он и правда хрипит, разжал пальцы.

– Спасибо, – закашлялся Бескрылый, с глухим стуком шлепнувшись на камень и неловко подтянув поврежденное крыло.

– Больно дерзок стал, – сухо отозвался я, отойдя на шаг и бесстрастно сломав все еще корчившейся неподалеку горгулье позвоночник. Тот смачно хрустнул и тут же окаменел. Вместе с тварью, которая почти сразу начала рассыпаться в мелкую каменную пыль. – Сомневаться во мне начал?

– Не я, – виновато вздохнул Бескрылый, подползая ближе и устало укладывая голову на мой сапог. – Ты же знаешь, хозяин – я свое давно отсомневался. Просто силы уже не те.

Я помолчал, чувствуя, как почти столетняя горгульа неслышно урчит, уткнувшись клювом в мою щиколотку. Затем ощутил, как вздымается внутри волна самого настоящего гнева. После чего медленно обвел глазами притихшие тени на стенах и ласково пообещал:

– Еще одна такая выходка, и я посажу вас на цепь. Но перед этим обломаю крылья и вырву лапы, чтобы больше ни в одну голову не закралась мысль меня проверить. Я вас когда-то создал, я же и убью, если мне что-то не понравится. Так что не искушайте судьбу и помните: если меня не станет, вы тоже рассыплетесь в прах.

– Мы услышали, хозяин, – дружно сглотнула стая, посмотрев на мое лицо. – Мы – твои. Я так же сухо кивнул.

– Навеки.

После чего наклонился, коротким рывком выпрямил изуродованное крыло Бескрылого и велел:

– У вас есть время до рассвета. Разбудите остальных и облетите окрестности. Особенно на западе, где проходит граница с землями Ангорских. Обыщите леса. Проверьте кладбища. Всю нежить, какую найдете, можете съесть. Бескрылый, к утру вернешься и доложишь. Вопросы?

Прильнувшая к моим ногам тварь, еще морщащаяся от боли в крыле, изумленно подняла голову.

– Хозяин, но я же не могу летать!

– Теперь можешь, – коротко бросил я и, убедившись, что меня услышали, ушел в дом.

* * *

В холле меня встретила Лишия – обеспокоенная и даже испуганная.

– Господин, все в порядке? Я слышала шум во дворе...

– С горгульями разбирался. Подготовь какую-нибудь комнату – завтра утром сюда придет новый управляющий. Ему надо будет где-то жить.

– Хорошо, господин, – послушно кивнула девушка. – Что-нибудь еще?

– Нет... хотя да. Найди мне одежду попроще и подготовь Резвача.

– Вы уезжаете?! – тревожно вскинулась служанка.

Я быстро кивнул и прошел мимо.

– Вернусь к утру, поэтому двери не запирай.

– Господин, вы еще не окрепли, – тихо сказала она вслед. Осмелела, мелкая. И, похоже, совсем страх потеряла.

Я нахмурился, но решил, что пока повода для беспокойства нет: девчонка привязана ко мне до конца своих дней. А то, что ее встревожил мой приказ... много ли на свете некромантов, о которых готовы так заботиться? К тому же все дела по уборке, готовке и вообще по хозяйству лежали теперь именно на ее хрупких плечах. И то, что она после этого еще находит силы мне возражать, кое-что значит. Только поэтому я смолчал и, перехватив на старательно убранной кухне большущий кусок хлеба, отправился переодеваться.

Спустя полчаса я снова был внизу и с нетерпением следил за тем, как Лишия выводит из потайного хода массивного, черного как уголь скакуна, косящегося на хрупкую служанку злобно горящими глазами. Девочку, правда, это не смущало – привыкнув к моим созданиям, она уже не только не боялась, но еще и покрикивала на упрямую скотину, которая была крайне недовольна тем, что ее на целые сутки заперли в подземелье.

– Спасибо, Лиш.

– Цыц, окаянный! – шикнула на ярящегося зверя девочка. Я перехватил у нее поводья и забрался в седло, чувствуя некоторую скованность в теле. А вот умсак подо мной тут же присмирел.

Резвач – самый смирный из пятерых зверей, которых я оживил и видоизменил в прошлой жизни. Молчаливый, не склонный к бессмысленной агрессии, не нуждающийся в воде и еде... собственно, именно поэтому мы и рискнули спрятать его в замке. Могут же у меня вдруг возникнуть срочные дела, которые придется решать исключительно ночью? Скажем, в Масор метнуться всего за несколько часов или в дальнюю деревню заглянуть?

Пустая сокровищница подошла на роль стойла идеально. Тем более что один из входов в нее располагался не в башне, а во дворе. Понятия не имею, зачем старому барону это понадобилось, но не воспользоваться случаем было бы глупо.

Деревня встретила нас заколоченными ставнями, пустыми домами и гнетущей тишиной, в которой пугающе громко стучали копыта. Ни птица над головой не пролетит, ни зверь не рявкнет в чаще... мрачно тут было, как на кладбище. Хотя и совсем не безлюдно.

Остановившись возле последнего дома, вокруг которого чьи-то заботливые руки уже успели подновить забор, я нетерпеливо огляделся.

Ну, где они там? С головой, что ли, закопались? Или я перепутал ворота? Все-таки целый месяц прошел. Народу тут немало бродило в поисках поживы. Всякие проверяющие, магиконтролеры... если бы что-то неладное заметили, тут же согнали сюда целую толпу упокоителей или вообще сожгли, не разбираясь. Вместе с домами, заборами, коровниками, ближайшим леском, а то и... гм... со мной заодно, дабы не рисковать понапрасну.

К счастью, ждать пришлось недолго – не успел мой скакун требовательно заржать и яростно взрыть утопанную землю, как в темноте негромко скрипнула дверь, и на крыльце беззвучно, словно призрак, возник рослый силуэт.

– Кто там? – тихо спросил чей-то хриплый, словно простуженный голос.

Незаметно переведя дух, я спешился и, толкнув недавно повешенную калитку, которой в прошлый раз и в помине не было, уверенно зашел.

– Ты кто? – чуть громче спросил незнакомец, с недоумением разглядывая приближающегося меня. Широкоплечий, могучий, с простым, грубоватым лицом, на котором виднелись старые шрамы. Сперва он напрягся, угрожающе зашипел, обнажив совсем не человеческие клыки. Напружинил ноги, уже готовясь напасть... но тут Резвач взревел и загородил ему дорогу. А потом и я сделал повелительный жест, при виде которого замершая в нерешительности нежить отпрянула.

– Хозяин?!

Я хмыкнул.

– Это правда... ВЫ?! – с лица зомби сбежала вся краска, а в глазах метнулся страх, смешанный с невыразимым облегчением. – Хозяин... наконец-то!

Отстранив злобно хрипящего Резвача, я подошел к верзиле вплотную и пристально взглянул ему в глаза.

– Не узнал? Или не захотел? Мое приближение вы должны были почувствовать...

Здоровяк испуганно выдохнул.

– Простите, хозяин.

Я задумался.

О том, что мои «птенцы» уцелели, я подозревал давно. Вернее, я понял это в тот момент, как осознал, что слишком быстро восстанавливаюсь. При том, что мастер Лиурой не приложил никаких усилий к тому, чтобы я выздоровел как можно быстрее.

Осознав, что какая-то неведомая сила все прошедшее время продолжала упорно меня подпитывать так, как если бы я оставался некромантом, я воспрял духом и принялся размышлять, какие из моих созданий могли остаться моим внешним резервом. Умсаков доставили одними из последних. Артефакты первые дни тоже были далеко. Так что оставались лишь... зомби! Те самые перехваченные у барона «птенцы», которым я подарил вторую жизнь.

Я не знаю, каким образом они сумели выбраться из замка, но подозреваю, что тут не обошлось без потайных ходов. Возможно даже, кто-то из «птенцов» раньше служил в замке, поэтому легко отыскал путь наружу. Сперва они, вероятно, спрятались где-то в лесу. А когда проверки прекратились, перебрались в более привычное для них место. Где и обосновались в надежде, что хотя бы какое-то время их не потревожат.

Стоящий передо мной зомби выглядел необычно. Одежда чистая, хотя и старая. Ни ран ни лице, ни трупных пятен. Движения быстрые, уверенные, взгляд умный и живой, а голос обычный и даже окрашен эмоциями. Так что, если не знать, что он такое есть, трудно было бы поверить, что это – нежить.

– Подойди, – наконец велел я верзиле. Тому самому, кстати, которого обратил одним из первых. – Посмотри на меня и постарайся почувствовать нашу связь. Помнишь ее?

– Очень плохо, хозяин, – настороженно отозвался зомби. – После вашей смерти она оказалась почти утеряна... я ее и сейчас с большим трудом ощущаю.

Это я и так знаю. Но раз хоть что-то осталось, значит, это можно восстановить.

– Смотри на меня, – повторил я и приблизил свое лицо к напряженной физиономии мертвяка почти вплотную. Смутно подивившись тому, что теперь от него не исходило ни запаха разложения, ни намек на гниение. Такое впечатление, что затронувший горгулий процесс коснулся и моих «птенцов». Интересные метаморфозы, да? – Слушай мой голос. Слушай себя. И попробуй ощутить то, от чего даже моя смерть не смогла вас избавить. Ты – мой. Не нежить больше, не тварь... просто не-живой. Но все еще человек. Так что вспомни об этом и ответь: что тебя во мне смущает? Что кажется неправильным?

Верзила вздрогнул.

– Вы стали выглядеть иначе...

– Я поменял тело.

– И запах стал совсем другим...

– Привыкай. Теперь он останется таким надолго.

– Еще глаза... – зомби пристально всмотрелся в мои расширенные зрачки, на мгновение затаил дыхание и, что-то там уловив, вдруг растерянно моргнул. – Только они не изменились. Я вспомнил! Потому что, когда в них смотрю, то понимаю, что не должен вам противиться!

Да? Какой интересный феномен... и это при том, что лично мне не удалось почувствовать вообще ничего. Ну, кроме легкой щекотки в области левого уха и нервного тика, внезапно напавшего на один глаз.

Я задумчиво кивнул и отстранился.

– Что-то еще?

– Нет, хозяин, – покачал головой зомби. – Но я постараюсь вас больше не путать.

Я с сожалением вздохнул.

– Ну хотя бы так. Сколько вас тут?

– Пока я один. Прикажете разбудить остальных?

– Да. Хочу удостовериться, что связь, хоть и слабенькая, все-таки осталась. И еще скажи: как ты относишься к тому, чтобы заняться привычным делом?

– Каким? – озадачился зомби.

Я хмыкнул.

– Работой в огороде. Вам по силам поднять свое старое хозяйство?

Верзила задумчиво качнулся на носках, совсем по-человечески заложив большие пальцы рук за пояс. Что-то подсчитал в уме, припомнил, а потом уверенно кивнул.

Глава 4

Когда иного выхода не остается, даже убежденный светлый согласится переквалифицироваться в некроманта. И наоборот.

Нич

На следующий день я почувствовал себя гораздо лучше. В молодом теле бурлила и кипела сила, а вчерашние открытия вселяли надежду.

Время было раннее (а для меня любое время до полудня – это почти что рассвет), я только-только продрал глаза и собирался поваляться еще немного, обдумывая планы на будущее. Но, видимо, господин Бодирэ решил не откладывать дело в долгий ящик и занялся своими обязанностями с утра пораньше. Вернее, это его люди приперлись спозаранку и теперь громыхали какими-то железками, палками, пустыми ведрами... да еще и переругивались в голос, даже не задумавшись о том, что кому-то это может не понравиться.

Надо сказать, сделали они это очень даже зря. Потому что, если бы не расположение башни и не особое строение ставень, благодаря чему приглушались наружные звуки, я мог проснуться в гораздо худшем расположении духа. И тогда кто-то мог нарваться на чудесную возможность встретиться лицом к лицу с чрезвычайно милым, до крайности терпеливым, невероятно общительным и на редкость воспитанным существом, в которое я превращаюсь с жуткого недосыпа.

Отдернув тяжелые шторы и уставившись на внутренний двор, где сутились совершенно незнакомые люди, я обвел глазами царившее там столпотворение и, повернувшись к зеркалу, многообещающе улыбнулся своему отражению.

Зря... ой, зря вы, господа, так со мной обошлись, понадеявшись, что мои земли отойдут короне, избавив вас от кучи всевозможных трудностей. И напрасно решили, что у меня не хватит сил поднять это треклятое баронство.

Ничего. До совершеннолетия в АВМ меня не призовут – с этим в Сазуле строго. Мой дар официально заблокирован, так что серьезные заклинания я ни при каком раскладе сотворить не смогу. Следовательно, не сумею нанести серьезного ущерба ни себе, ни своему имуществу. Изучать меня тоже толком нельзя, потому что изучать не раскрывшийся до конца дар – все равно что пытаться понять по внешнему виду младенца, в кого из родственников он больше уродился. Собственно, именно по этой причине на ближайшие два года обо мне, вероятнее всего, прочно забудут – до момента поступления в академию я не представляю особого интереса. Тем не менее, небольшие бытовые заклятья, некоторые охранные и всякая мелочь мне уже доступны, поскольку уверенный в моей безграмотности мастер Лиурой не сделал блокировку абсолютной.

– Доброе утро, гос... – споткнулась на пороге Лишия, завидев, что я впервые за долгое время поднялся с постели без ее участия. – Ой, вы уже встали? А я только хотела сказать, что уже полдень близится. Желаете умыться?

– Еще бы, – откликнулся я, отходя от потемневшего зеркала и на всякий случай накидывая на него покрывало: Лишия, конечно, славная девочка, но временами чрезмерно впечатлительная. – Что у нас с завтраком?

– Через полчаса будет готов, – слегка опешила девушка. – Что желаете откусать?

– Как обычно: свежий хлеб, масло, зелень и немного мяса...

– Вы совсем не изменились, – мимолетно улыбнулась она, аккуратно ставя на столик полный до краев кувшин воды. – Вот просто ни чуточки.

Я мысленно вздохнул.

Зато ты изменилась. **ОЧЕНЬ**. До сих пор не могу забыть, как, увидев меня в новом теле в первый раз, ты вдруг обрадовалась так, словно родную душу увидела, а потом упала на колени и разрыдалась от счастья. Из-за чего я впервые за много лет по-настоящему растерялся, а господин граф так и не понял, в чем дело.

Эх, девочка...

Вот только я почему-то не верю, что ты узнала меня лишь по глазам. Что-то ты от меня утаила.

– Вам помочь одеться? – подавая полотенце, спросила Лишия.

– Обойдусь. Управляющий прибыл?

– Еще нет, господин. Пока явились только его люди. Но арка открыта, как и предупредил мастер Лиурой.

– Хорошо, – ровно отозвался я, вытирая лицо. – Сегодня и все ближайшие месяцы в замке будет немало новых людей. Не исключено, что многие из них, если не все, захотят тут покомандовать. Не позволяй. Если будет трудно, вспомни, какие у нас слуги были раньше и веди себя с ЭТИМИ соответствующе.

– Как прикажете, господин, – неуверенно улыбнулась служанка, поневоле припомнив моих жутковатых зомби и гремящих костями скелетов. – Куда велите подавать завтрак?

– Я спущусь вниз.

Забрав кувшин и мокрое полотенце, она бесшумно удалилась, прихрамывая уже почти незаметно. А я, неторопливо одевшись, вернулся к зеркалу и приподнял покрывало так, чтобы видеть напрягшуюся харю на раме.

– Будешь отслеживать все, что происходит в замке и вокруг него.

– Как прикажете, хозяин! – бодро отрапортовала харя, изобразив предельную сосредоточенность.

– Наибольшее внимание уделишь нашему новому управляющему и его команде, если таковая будет. Кухню – под особый контроль. Подходы к замку – тоже. Заодно проследишь, чтобы Лиш не обидели. Если что, крикнешь...

– Так точно!

– А для этого... на время, конечно... я сниму с тебя покрывало, – чуть прищурившись, добавил я, внимательно следя за зеркалом. Особенно за тем, как оно дрогнуло всей поверхностью, а харя наверху обалдело разинула зубастую пасть.

– Х-хозяин?!

– Я сказал: на время, – весомо повторил я. – При этом никто не должен знать, что ты все еще работаешь. Даже маги. Задача ясна?

Харя на мгновение задумалась, а потом, словно проникнувшись оказанным доверием, пообещала:

– Я не подведу, хозяин.

– Надеюсь, – зловеще улыбнулся я. – Вечером отчитаешься. Заодно проследишь за горгульями и выяснишь, в какое время они теперь просыпаются.

Зеркало снова дрогнуло, а потом застыло, напоследок показав мое собственное отражение – худощавого, мрачноватого подростка в элегантном черном камзоле и с недобрыми огоньками в таких же черных глазах, – а потом мгновенно погасло. Обычное, казалось бы, зеркало...

Я удовлетворенно кивнул и, поправив воротник, быстро вышел.

* * *

Во время завтрака меня никто не тревожил, так что перекусить удалось спокойно. Но ближе к концу трапезы доносящийся снаружи шум стал настолько сильным, что начал проса-

чиваться даже в столовую. А спустя несколько минут после того, как я отложил столовый прибор, в коридоре раздались гулкие, быстро приближающиеся шаги.

Заслышав их, Лишия, не дожидаясь моего знака, торопливо вышла, тихонько прикрыв за собой тяжелые створки. Почти сразу с той стороны донесся откровенно раздраженный мужской голос, настойчиво требующий встречи с хозяином замка.

Закончив завтракать, я отставил в сторону десерт и аккуратно промокнул губы салфеткой. Краем уха прислушиваясь к невнятному разговору, в котором слышался исключительно голос гостя, так же неторопливо отложил ее в сторону. Затем уделил внимание открытой бутылке из своих старых запасов. Какое-то время наслаждался редким букетом превосходного вина, но потом подумал, что день будет жарким, и решил повременить. Наконец, когда за дверью стали угрожающе громко требовать встречи с моей милостью, я степенно поднялся из-за стола. Так же медленно подошел к выходу и, рывком распахнув дверь, тяжелым немигающим взглядом уставился на нарушителя спокойствия.

Господин Бодирэ при виде меня опешил и даже отступил на шаг. Но быстро опомнился и тут же пошел в атаку:

– Молодой человек, это возмутительно! Сколько можно ждать?! Мои люди уже полдня толкуются во дворе, а их до сих пор никто не соизволил расселить!

Я раздвинул губы в недоброй улыбке.

– Вы забыли мое имя?

– Что? – не понял толстяк.

– Я спрашиваю: вы уже успели забыть мое имя, ГОСПОДИН Бодирэ? – ледяным тоном осведомился я, буравя глазами его раскрасневшееся от недавней вспышки гнева лицо.

– Э-э... а-а... – запнулся управляющий и поспешил отвесить короткий, сугубо формальный, но все же поклон, который скрыл его недовольное лицо. – Прошу простить, ваша милость. Просто с самого утра столько дел навалилось... такая суета вокруг, а эти упрямые болваны никак не желают уgomониться... конечно, это мои люди, поэтому вам, наверное, оно неинтересно...

– Вы неправы, господин Бодирэ, – так же холодно обронил я, словно не заметив, как его лицо раздраженно дернулось. – Теперь это – МОИ люди. Работа которых оплачивается из средств, выделенных королем на МОЕ имя и для МОИХ нужд.

Управляющий выпрямился и уставился на меня с недоверием.

К сожалению, мой возраст – это и большой плюс, и одновременно грандиозный минус. Пока я выгляжу молодо, любой пройдоха будет стараться подмять меня под себя. Мальчишка... бастард, о котором наверняка уже судачат все окрестные сплетники. Да еще и получивший в свои руки целое состояние: земли, замок, бешеные деньги от короля... так заманчиво ошеломить его своим напором и постепенно прибрать к рукам то, что ему якобы не принадлежит...

Разоблачения я не боялся – в этом мире больше не осталось тех, кто знал предыдущего владельца моего тела и мог бы с уверенностью сказать, что я веду себя не так, как он. Точно так же, как не осталось учителей (думаю, барон вообще не собирался обучать своего отпрыска), нянек (вполне вероятно, их тоже не было), слуг (все они теперь покоятся на местном кладбище в крайне неприглядном виде), родственников или друзей. В «Реестр благородных имен» мальчишку тоже никто не вносил, поэтому я мог с чистой совестью взять любое приглянувшееся имя и не бояться, что однажды кто-нибудь укажет на несоответствие.

С господином Бодирэ мы бодались взглядами, наверное, с полминуты. Он был раздражен, я – холоден, непреклонен и абсолютно прав. В итоге, ему пришлось это признать и склониться в несколько более глубоком поклоне, чем раньше.

– Разумеется, ваша милость. Это теперь – ваши люди. Но их все равно следует где-то расселить.

– В замке они жить не будут, – ровно сообщил я.

– А где же тогда? – осторожно уточнил управляющий, подспудно изучая мою бледную физиономию и все еще не рискуя открыто возражать. – Разве в договоре не было указано?

– В договоре указаны только вы, – невозмутимо пояснил я. – И комната для вас готова. Но мой замок – не балаган, в котором каждое утро можно устраивать тот бардак, который творится там сейчас. Поэтому все новоприбывшие, за исключением нескольких человек, которых я отберу для внутренних работ, сегодня же переселятся в ближайшую деревню и займут пустые дома. Одна семья – один дом. За порядком проследите лично. И завтра к полудню отчитаетесь о проделанной работе. Задача ясна?

– Д-да, ваша милость, – скрипнул зубами господин Бодирэ.

– Прекрасно, – ласково улыбнулся я. – Не смею вас больше задерживать.

Управляющий сжал челюсти и, развернувшись на каблуках, быстро двинулся прочь, буквально-таки фонтанируя невыплеснувшимся раздражением.

Я дождался, пока он пропадет за углом, и только тогда повернулся к побледневшей, но решительно настроенной девушке.

– Подумай, сколько людей тебе понадобится, чтобы содержать эту громадину. Хотя бы гостевые и основные помещения, без которых мы не сможем обойтись. Остальное – второстепенно.

– Я уже решила, господин, – выпрямилась Лишия, бесстрашно посмотрев мне в глаза. – Мне нужны три служанки в помощь, четверо крепких мужчин, умеющих плотничать и выполнять тяжелую работу по замку, кухарка, пара бойких мальчишек и... наверное, все. С остальным я пока сама справлюсь.

Я только кивнул.

– Сколько сюда явилось народу?

– Пока около сотни человек, господин, но люди еще прибывают.

– Прокормить их хотя бы пару дней сможем?

– Да, но запас продуктов очень невелик, потому что на умсаках ездить в город вы не велели, а пешком... даже с помощью арки... много не привезешь.

– Умсаки днем бесполезны, – рассеянно напомнил я. – А по ночам ворота городов теперь закрывают. Так что надо будет в ближайшее время закупить и обычных лошадей. Кстати, Бодирэ привез с собой какую-нибудь живность?

– Нет, – отрицательно мотнула головой девушка. – Сегодня прибыли только люди и скарб, без которого не обойтись. Лошади, коровы, куры будут завтра. И то не все. А основной поток пойдет через арку дня через два-три – крестьяне хотят посмотреть, где их поселят.

Я снова кивнул.

– Надеюсь, еду на эти дни они тоже захватили. После обеда найди мне их старшего – хочу с ним поговорить.

– Как прикажете, господин Ги... то есть Вальтиэр, – споткнулась-таки на имени Лишия и тут же отчаянно покраснела. – Простите, я больше не буду!

– Ступай, – невозмутимо отозвался я, и раздосадованная своим промахом служанка тут же испарилась.

Разумеется, Лишия я доверял... настолько, насколько это вообще возможно для человека моей профессии. Но для надежности следовало все проверить и уточнить самому. Тем более что пока наш новый управляющий не особенно заинтересован в успехе нашего совместного предприятия. Потом я, конечно, заставлю его изменить свои взгляды. Но на это потребуется больше времени.

Есть и другая сложность – нормальных помещений в замке раз-два и обчелся. Верхние этажи, за исключением моей спальни, вообще нежилые. Подвалы разгромлены, во дворе до сих пор разруха, кухня едва-едва восстановлена, а недавно отстроенный кабинет я вообще никому не собираюсь показывать. В сокровищнице временно поселился Резвач. В склепе... м-м-м... в

принципе тоже можно кого-нибудь разместить, но меня, пожалуй, не поймут. Так что придется принимать гостей в холле. Который временно являлся и столовой, и гостиной, и вообще всем подряд.

Рассудив таким образом, я вернулся в столовую... вернее, все в тот же холл, и мысленно набросал план работ на сегодняшний день: озадачить своего управляющего, решить вопрос с новичками, определиться с тем, как лучше поступить с телепортационной аркой... то, что люди будут прибывать еще несколько дней, меня совершенно не устраивало. Руны, конечно, особых сил и умений от меня не требуют – все заботы берет на себя ключ, но его, во-первых, нет, а, во-вторых, без подпитки надолго его не хватит.

Что еще?

Ах да, следует выпотрошить Бескрылого насчет ночного рейда. Подумать, где взять необходимые инструменты для Верзилы и его зомби-команды. Максимально оградить третью деревню от контактов с соседями и, наверное, уже сейчас начать готовить для них другое место жительства? Заодно, уточнить у управляющего, сколько людей он планирует сюда привести (вернее, сколько ему выделили на это средств) и взять данный вопрос под личный контроль. Заодно придумать меру наказания за мошенничество, которого в первое время будет не избежать. Выделить средства на закупку лошадей и сельхозинвентаря. Придумать, чем кормить прибывающую ораву работников, если в замке хоть шаром покати. Повесить на кого-то обязанность по контролю данного вопроса...

Мысленно загибая пальцы, я вернулся в стоящее возле камина кресло, стараясь припомнить все обязанности добропорядочного хозяина-аристократа. И именно за этим занятием меня застал деликатный стук в дверь.

Я удивился: неужто Лиш уже старосту отыскала? После чего торопливо принял величественную позу и суховаато бросил:

– Войдите...

Глава 5

Говорят, некромантам чуждо все человеческое... вранье. Мы просто хорошо умеем скрывать свои эмоции.
Мэтр Гиращ

Вошедший оказался абсолютно седым, довольно крепким и подтянутым мужчиной неопределенного возраста с обезображенным лицом, которое пересекал старый рваный шрам. Начинаясь у края роста волос, он жестоко уродовал переносицу вошедшего, левую бровь, затем пропадал под безупречно чистой повязкой и выныривал уже на скуле, протянувшись до самого угла нижней челюсти. После чего спускался на шею, прятался под воротом не новой, но аккуратно залатанной рубахи. Не исключено, что продолжался еще и под ней, однако, похоже, уже давненько не причинял своему обладателю никаких неудобств. По крайней мере, мужчина не тяготился своим внешним видом, держался спокойно, уверенно, вылечить магией, насколько я мог судить, не пытался. А посмотрел на меня с порога с едва уловимым вызовом, словно бы говоря: ну что? Нравлюсь?

Я мысленно усмехнулся.

Тем временем незнакомец решительно переступил порог, не обратив внимания на деликатно закрывшиеся за его спиной двери. Не сводя с меня изучающего взгляда, быстро приблизился и, остановившись в нескольких шагах от кресла, суховато спросил:

– Звали?

– Возможно, – хмыкнул я, изучая его с не меньшим вниманием. – Я хотел переговорить со старостой людей, которые были наняты для меня графом Экхимосом. Если староста – это вы, то рад знакомству.

– Мое имя Вигор, – хмуро отозвался мужчина. – И – да, я старший для тех, кто согласился здесь работать.

– Добрый день, Вигор, – вежливо улыбнулся я и кивнул на стоящее напротив кресло. – Прошу вас, присаживайтесь. Разговор у нас будет долгим, а я не люблю смотреть на собеседника снизу вверх.

Вигор заколебался, явно не ожидав от меня такого предложения, а затем все-таки уточнил:

– Вы предлагаете мне сесть, ваша милость?

Ну вот и первый сдвиг: моему статусу наконец уделили должное внимание и осторожно напомнили, что черни сидеть в присутствии аристократа непозволительно. Отлично.

Я снова улыбнулся.

– Ну, раз уж вы первым нарушили этикет, то я решил, что мне тоже можно.

Староста наскоро обежал глазами мою скромную обитель, но нигде не заметил подвоха и, неожиданно хмыкнув, опустился в предложенное кресло.

Я благожелательно кивнул.

– Вот и правильно. Ко мне можете обращаться «господин Вальтиэр» или «господин Гиращ».

– И все? – с подозрением прищурился староста, кинув быстрый взгляд на выгравированную над камином баронскую корону. – Просто «господин»?

– До тех пор, пока я чувствую в вашем голосе достаточно уважения, можно ограничиться этим.

– А если уважения не будет? – усмехнулся вдруг Вигор.

Я пристально посмотрел ему в глаза.

– Тогда вы станете обращаться ко мне иначе. Но, надеюсь, до этого не дойдет.

Прямой взор некроманта – штука тяжелая и порой трудно выносимая. Поэтому, как ни хотелось Вигору съязвить, что-то все-таки заставило его смолчать. После чего он с усилием отвел глаза и, старательно пряча внезапно проснувшееся раздражение, глухо спросил:

– Зачем я здесь?

– Затем, что вам тут теперь жить. А мне, как ни странно, необходима ваша помощь.

– Что? – неподдельно изумился Вигор.

Я спокойно положил ногу на ногу.

– За ближайшие два года я должен полностью восстановить замок и поднять местное хозяйство до приемлемых величин. Поэтому мне нужны люди, хорошие урожаи и постоянно растущий доход.

Староста едва заметно скривился.

– Боюсь, вы переоцениваете свои и наши возможности, ваша милость. Уж простите за прямоту, но, насколько я знаю, баронство пришло в полный упадок. Земли заброшены, леса разорены, со скотиной беда, а дурная слава тянется от этих мест настолько далеко, что ни один здравомыслящий человек сюда просто не сунется!

– Но вы же сунулись, – резонно заметил я, ничуть не огорчившись «лестной» оценке.

– Да, – мрачно подтвердил староста. – Только потому, что иного выхода не осталось.

– Беженцы?

– Конечно, – чуть не сплюнул Вигор. – Кто же еще согласится жить в логове некроманта?

– Откуда вы родом? – поинтересовался я, сделав вид, что не заметил его гримасы.

– Кто как... кого с запада занесло, кого с юга... большинство, конечно, местные, с окраин.

Бежали от того кошмара, который стер их дома с лица земли. Многие выбрались лишь чудом – голодные, оборванные, лишившиеся не только денег, но и самого необходимого скарба. А кто-то вообще – в одиночку, похоронив родных или на оставшемся от дома пепелище, или в дороге. Вот только оказалось, что в городах мы никому не нужны – там своих ртов хватает. Стражники не пускают внутрь без приказа наместника. А наместники далеко не всегда разрешают голодранцам селиться внутри крепостных стен. Кому нужны нищие бродяги? Конечно, король построил несколько лагерей-убежищ, где, по задумке, мы могли бы пережить зиму, но места там катастрофически не хватает. Люди ютятся по несколько семей в одном доме. Работы нет. Уйти из лагерей некуда, потому что для того, чтобы сняться с места, нужна хотя бы одна телега. А беженцев с каждым днем все больше, еды им привозят все меньше, поэтому приходится резать собственный скот и надеяться, что в ближайшее время все наладится, а ослабевшие дети не погибнут с голода...

Вигор сжал кулаки.

– Но налаживаться ничто не собирается: нам говорят, что казна уходит на содержание армии и на то, чтобы обеспечить нашу защиту от нежити. На долю беженцев остается слишком мало, чтобы дать нам хотя бы самое необходимое. Вокруг лагерей круглосуточно дежурят солдаты короля, как будто это не нас надо охранять от мертвяков, а мы представляем угрозу. Войти или выйти без пропуска нельзя. Ни на заработки, ни в город за едой...

– Почему? – удивился я. – Разве не проще было бы, если бы народу в лагерях стало меньше?

– Никому не нужны нищие, разбредающие по стране в поисках хоть каких-нибудь доходов, – горько отозвался староста. – Отчаявшиеся люди способны на все. И на разбой. И на мародерство. И даже на убийство бывших соседей, с которыми не один год прожили бок о бок. А хаоса в Сазуле и без нас хватает. Король это хорошо понимает. И я бы тоже понял... наверное... если бы вдруг оказался на его месте. Однако я, к сожалению или к счастью, весьма далек от трона и связанных с ним трудностей, поэтому вынужден искать любой способ, чтобы уцелеть в тех условиях, в которые его величество вольно или невольно меня загнал.

Я ненадолго задумался.

Вот так-так... почему-то раньше я не уделял должного внимания данной теме. Может, на этом и сыграть?

– Чтобы покинуть лагерь, нам необходимо заключить контракт с каким-нибудь владельцем, который пожелает принять нас под свою руку, – не заметив моего взгляда, продолжил Вигор. – Как наемных работников, на постоянное жительство... да как угодно! Но зачем бы владельцам сдался тот сброд, в который нас превратили?

Я кивнул.

– Согласен. В нынешних условиях мудрый хозяин предпочтет взять полезного работника, нежели человека, которому самому нужна помощь. Налоги за последние годы возросли, расходы на содержание армии – тоже. Все боеспособное население спешно вооружается и готовится к масштабной войне. А это тоже – дополнительные расходы, которые неразумно уменьшать лишь из-за того, что нескольким десяткам тысяч человек стало негде жить. Лес рубят – щепки летят... Конечно, части беженцев, способной принести пользу, они пойдут навстречу: хорошие кузнецы всегда нужны. Так же, как и коневоды, и опытные воины... но таких среди вас практически нет. Все они уже сумели куда-то пристроиться.

– Вот именно! Остались лишь те, у кого за душой нет ничего, кроме натруженных рук и умений, которые в военное время мало кому нужны! Ведь когда встает вопрос, кого брать: воина или пахаря, то наймут, в первую очередь, воина. Точно так же, как если бы вдруг встал выбор между здоровым и калеккой, непременно выиграет тот, кто покрепче. Крестьян в Сазуле даже сейчас осталось много... в том числе и тех, кто не успел пострадать от мертвяков. И если кто-то будет выбирать между ними и нами, то понятно, кому повезет больше. И кого поддержит, в первую очередь, король.

Я мельком взглянул на искажившееся лицо старосты и медленно наклонил голову.

– Его величество проводит весьма сомнительную политику в отношении собственных подданных. Но не мне его осуждать. Однако я хорошо понимаю, почему за предложение графа Экхимоса вы ухватились руками и ногами. А еще полагаю, что на него согласились далеко не все, кому предложили эту сомнительную честь.

Вигор снова скривился.

– Вы даже не представляете, НАСКОЛЬКО вы правы, ваша милость. Ваши земли... простите еще раз... пользуются столь дурной славой, что даже беженцы не хотят с ними связываться. Поэтому договор подписали лишь те, кому просто ничего иного не оставалось. А большинство все равно предпочло обождать и надеяться на чудо дальше.

Я пожал плечами.

– Их право. Зато у вас будут свои дома, места для пастбищ, поля, которые нуждаются в обработке... скот и лошадей я вам дам. Инструментом тоже обеспечу.

Вигор скептически на меня посмотрел.

– А как же некромант?

– Он уничтожен.

– А нежить, которая тут осталась?

– Ее не так уж много, – отмахнулся я. – А скоро не будет совсем.

– Откуда вы знаете? – мрачно спросил староста. – При всем уважении сложно поверить, что у вас получится в считанные дни избавиться эти земли от проклятия.

– Для настоящего мага нет ничего невозможного, – слегка приукрасил я действительность, деланно не заметив, как при этом у собеседника расширились глаза.

– Вы – маг, ваша милость?!

– Совершенно верно.

– Но это же все меняет! – выдохнул Вигор, уставившись на меня, как увлеченный своим делом мэтр – на неожиданно обнаружившийся новый вид нежити. – И какой же у вас дар, если не секрет?!

– Светлый, – признался я. – Но в нашем положении уже сам факт – большой плюс.

– Верно, – резко подбравшийся староста взглянул на меня по-новому. – Что ж, это – очень хорошая новость, господин барон. Присутствие даже слабого мага значительно увеличивает наши шансы на выживание. Несмотря на то, что места здесь действительно проклятые, а вы, вероятно, еще не закончили обучение.

– У меня были хорошие учителя, – спокойно отозвался я. – Так что защиту от нежити я вам обеспечу. Но мне будет нужна помощь для того, чтобы исполнить свою задумку в самые кратчайшие сроки.

– Почему именно два года? – задал очень правильный вопрос Вигор.

– Потому, что по окончании этого срока я буду вынужден уехать в Академию всеобщей магии.

– Значит, вы тоже связаны контрактом? – догадался староста.

– Конечно. Только мой контракт гораздо серьезнее, нежели тот, что заключили вы с графом.

Вигор оценивающе прищурился.

– И что же вы хотите?

– Для начала – изменить условия найма. Отныне вы и ваши люди будете подчиняться не графу, не королю, не Совету магов и не кому-либо еще... а исключительно мне. Со всеми вытекающими последствиями.

– Вы предлагаете нам протекторат? – насторожился староста.

– Нет, – я усмехнулся. – Я предлагаю вам постоянное место жительства на этих землях. Свою защиту. Покровительство. И шанс начать жизнь заново. Здесь, под моей рукой, но – на моих условиях.

На какое-то время в холле воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в камине. Я терпеливо ждал ответа на свое щедрое и, не скрою, весьма заманчивое предложение, а собеседник напряженно просчитывал ситуацию и что-то для себя решал.

Я почти не сомневался, что он согласится. Ни для кого не секрет, что безвозмездно выщарапать у нашего драгоценного монарха хотя бы небольшие денежки – задача не из легких даже для аристократа с немалым влиянием. Его недалёковидное величество – бережливый до крайности человек. Разумеется, там, где дело не касалось его личных интересов. Поэтому нищему бродяге, в которого превратился искалеченный солдат или разоренный крестьянин, нечего и надеяться на возвращение своих кровных. А если кому-то и удастся, то под такие проценты, что с ними при жизни точно не расплатишься. На этом немало народу в свое время погорело, поэтому королевские ссуды уже давно стали непопулярными. И не зря теперь наш король так боится восстаний и бунтов. Не напрасно полагает, что немалая часть беженцев может податься в разбойники.

Но я предлагал им иной выход. Причем такой, что он мог показаться кому-то подозрительным. Еще бы: земля почти даром, скот, инструмент, неплохие подъемные... неспроста это все – подумает любой крестьянин.

Впрочем, заставлять я никого не буду – бунты мне не нужны. Да и подопытных кроликов из этих людей я выращивать не намерен. Передо мной стояла намного более важная и сложная задача, чем получение биоматериала для исследований. Поэтому я сделаю все, чтобы эти люди как можно быстрее осознали выгоду от нашего сотрудничества. И сделаю еще больше, чтобы они впоследствии не разочаровались в выборе.

– Господин Бодирэ этого не одобрит, – наконец уронил Вигор, изучая мое лицо так внимательно, словно пытаюсь прочесть мысли. – Полагаю, ему не понравится, если в наших договорах вдруг появятся новые условия.

Я хмыкнул.

– А зачем господину королевскому наблюдателю знать подробности наших с вами взаимоотношений? Он – птица столь высокого полета, что внутренние дела одного захудалого баронства вряд ли вызовут его пристальный интерес. Не думаю, что такого серьезного господина стоит нагружать подобными проблемами.

– То есть вы предлагаете нам поселиться здесь насовсем? – осторожно уточнил Вигор. – На правах ваших подданных? Не посвящая в это наблюдателей короля раньше времени?

– Совершенно верно, – снова кивнул я.

– А... условия?

– Мы обсудим их, когда я получу ваше согласие.

– Гм, – чуть прищурился староста. – А вас не смущает тот факт, что наши контракты подписаны графом Экхимосом?

– Граф – мой официальный опекун. Заключая контракт с вами, он представлял, в первую очередь, мои интересы. Поэтому не вижу ничего плохого в том, что условия вашей работы будут несколько изменены ко взаимному удовлетворению обеих сторон.

Вигор заинтересованно подался вперед.

– Как вы собираетесь это сделать, если для внесения любых изменений в договор требуется магическая печать?

– Я – маг, господин Вигор, – неуловимо улыбнулся я. – Думаю, моей печати будет достаточно.

– Условия контракта ставят нас в ранг наемных работников, которые не могут быть приняты на постоянную службу до тех пор, пока договор не будет полностью выполнен. Заключали мы его, будучи беженцами, у которых не имелось хозяина. Полагаю, вам известно, что аннулировать такие контракты без последствий не удастся?

– Разумеется. Разрыв магической печати непременно привлечет к себе внимание. А пока не истек срок договора, вы не можете принести мне вассальную клятву.

– Вот именно.

Я улыбнулся.

– Но ведь ничто не мешает нам внести в договор дополнительный пункт, в котором указано, что вы были приняты с испытательным сроком. За это время я могу так высоко оценить ваши усилия, что даже заранее пообещаю, что каждый из вас получит возможность подать прошение о принесении мне вассальной клятвы. Исключительно на добровольной основе.

– Думаете, получится? – с сомнением переспросил Вигор. – Испытательный срок не может превышать трех лет службы. А вам еще далеко до совершеннолетия, так что вы и через три года при всем желании не получите права подписи. Как вы собираетесь обойти это положение?

– Легко, – хмыкнул я. – По закону маги достигают совершеннолетия не по возрасту, а по факту поступления в Академию всеобщей магии. И пока маг учится, это право за ним полностью сохранено. Мне сейчас четырнадцать. Через два года будет шестнадцать. Именно тогда я должен буду явиться в академию и с момента зачисления получу право подписи любых контрактов. Конечно, в обычных условиях молодым адептам оно без надобности – до окончания учебы за них эту функцию выполняет старший родич. А поскольку покинуть академию без сопровождения адептам строго запрещено, то, как вы понимаете, реализовывать свое право им просто некогда и негде. Только со мной дело обстоит несколько иначе, господин Вигор. Полагаю, вы в курсе некоторых особенностей моего семейного положения?

– Да. У вас нет родителей, – озадаченно протянул староста. – И вообще не осталось никаких родичей. Вы уже сейчас – старший в роду, поэтому, как маг, через два года будете в своем праве. А до тех пор мы останемся на этих землях на условиях старого контракта...

– Точно, – усмехнулся я. – После окончания которого я с удовольствием приму вашу вассальную клятву. Если, конечно, и у меня, и у вас еще будет желание это сделать. Опекуну

я такое дело имею право не доверять. А уж как я покину академию во время учебы – сугубо мои личные трудности, которые, думаю, вам знать совершенно ни к чему.

Вигор неожиданно улыбнулся, отчего его обезображенное лицо стало совсем страшным. Хотя появившееся во взгляде напряжение, которое никак не вязалось с улыбкой, было настолько сильным, что скрыть его он уже не сумел.

– Я понял задумку. Но зачем вам это нужно?

– Затем, что мне потребуются надежные, преданные, проверенные люди, на которых я мог бы полностью положиться.

– Почему же вы уверены, что мы – именно такие люди?

– Потому что вам нечего терять, – ровно пояснил я. – Понимаю, что это звучит грубовато, но сейчас вы загнаны в угол. И готовы пойти хоть к демонам на рога, чтобы выжить. Отчаявшиеся люди действительно способны на многое... вы правы. Даже рискнуть поселиться на заброшенных землях и сделать их снова цветущими. Но для этого им нужен хороший повод, возможность работать и средства к существованию. И то, и другое, и третье я готов вам обеспечить.

Вигор странно наклонил голову.

– Вероятно, вы тоже попали в безвыходное положение, господин барон...

Я усмехнулся.

– Свой контракт я сумею закрыть и без посторонней помощи. Но мне требуются не наемные работники, а люди, заинтересованные в этой земле. Те, кто будет беречь ее и возделывать, постоянно преумножая свое и мое благосостояние. Кто умеет работать и понимает, зачем и почему это делает. Кто без колебаний пойдет под мои знамена и, если понадобится, будет отстаивать наши общие интересы с оружием в руках. Наконец, мне нужны люди, которые не просто поселятся на этих равнинах, а начнут считать их своими. Которым будет что терять, если здесь вдруг объявится враг. Которые не отступят, не бросят свои дома при первом же признаке опасности. И которых мне захочется оберегать от этого самого врага... хоть живого, хоть мертвого... и не только потому, что они хорошо знают свое дело. Вы меня понимаете?

Вигор удивленно замер, а затем напряженно уточнил:

– Значит, хотите проверить, способны ли мы оправдать ваши ожидания?

– Точно так же, как и у вас будет время проверить, насколько я хорош, как хозяин. Полагаю, это справедливо.

– Какие вы даете гарантии, что не передумаете в самый последний момент? За два года многое может произойти...

Я спокойно встретил острый взгляд старосты.

– Моего слова чести вам достаточно?

Он мгновение помолчал. После чего глубоко вздохнул и тихо сказал:

– Я хочу обсудить это со своими людьми. Они должны знать, на что идут.

– Не возражаю, – без особого удивления отозвался я. – Когда вы сможете дать ответ?

– Полагаю, завтра утром.

– В таком случае, до завтра, – кивнул я, поднимаясь с кресла. – Лишия поможет устроиться на первое время. Остальное обсудим после того, как вы вернетесь с уже принятым решением.

– Благодарю, господин барон, – коротко наклонил голову Вигор.

Я проводил его взглядом до самых дверей, но в самый последний момент все же не выдержал – дал волю своему любопытству:

– Скажите, господин Вигор: где вы служили?

Он удивленно обернулся.

– У вас очень необычный шрам, – пояснил я свой интерес. – И выправка явно военная. Но при этом вы не так стары, как может показаться с первого взгляда. Да и шрам давнишний...

лет пять ему, насколько я могу судить? Но, если я не ошибаюсь, пять лет назад в Сазуле было не так беспокойно, как сейчас, поэтому для того, чтобы заполучить такую рану, у вас должна была состояться весьма необычная схватка... с кем-то или же с чем-то... не так ли?

– Верно, господин барон, – криво усмехнулся староста, одарив меня очередным долгим взглядом. – Пять лет назад я служил в гарнизоне неподалеку от места, которое когда-то называли Велль, а теперь иначе, чем «чумное проклятие» не величают. Ходил там дозором, следил за границей. Как и все, надеялся, что древнее зло никогда больше не поднимет голову...

Я напрягся.

– Что же случилось?

– Чума вернулась, – тихо ответил бывший солдат, неловко отвернувшись и поэтому не увидев, как резко изменилось мое лицо. – И после этого наш гарнизон перестал существовать... погибли все, кроме меня и одного безногого калеки, которого пришедшие туда маги сочли незараженным. Остальные превратились в то, о чем я никогда не хотел бы вспоминать. А шрам... его мне оставила любимая женщина, которая в тот момент уже перестала быть человеком. Я ответил на ваш вопрос, господин барон?

– Да, благодарю вас, – так же тихо сказал я, вернувшись к креслу. И, погрузившись в размышления, даже не заметил, как остался один. Более того, так надолго отрешился от реальности, что напрочь перестал замечать шум за окном, а опомнился лишь тогда, когда в голове прозвучал смутно знакомый голос:

«Хозяин... хозяин! Вы просили предупредить, если в замке появятся гости. Так вот, возле арки наблюдается волнение. И оно явно не из-за крестьян. К нам идет маг, хозяин. Вы будете его принимать?»...

Растерев занемевшее лицо, я обреченно вздохнул.

«Да, конечно. Он один?»

«Нет, – послушно доложило мое следящее зеркало. – С ним граф Экхимос и он чем-то очень расстроен».

Ну надо же... вот уж кого сегодня не ждал!

«Пусть заходят», – распорядился я и, стряхнув с себя непрошенную вялость, решительно поднялся с кресла.

Глава 6

У хорошего некроманта не бывает плохого настроения. Зато он всегда знает, как испортить настроение окружающим.

Гириш

Граф переступил порог с видом человека, внезапно попавшего в неприятности, но уже выяснившего, кто в них виноват, и решительно настроенного избавиться от этого бедолаги.

Он ворвался в холл так стремительно, что я даже не успел открыть рот для положенного приветствия. По привычке чуть не одарил гостя своей обычной улыбочкой, но потом присмотрелся повнимательнее и решил повременить с изысканными колкостями.

Его сиятельство выглядел неважно: его породистое лицо заметно осунулось, глаза покраснели и слезились, веки припухли, губы потрескались, а на скулах расцвели яркие красные пятна, местами покрытые тонкой шелушащейся корочкой. Такие же пятна красовались на шее и даже холеных пальцах. А небритый подбородок торчал вперед так угрожающе, что вместо крутящегося на языке вопроса я позволил себе лишь проявить вежливое удивление:

– Добрый день, господин граф. Признаться, не ожидал вас увидеть так скоро...

Вместо ответа гость вперил в меня злой взгляд и хищно прищурился. Какое-то время изучал мое озадаченное лицо, на котором отразилось искреннее непонимание, после чего обернулся к распахнутым настежь дверям и коротко бросил:

– Он здесь. Заходите.

Я с еще большим удивлением уставился на просочившуюся в холл фигуру, которая буквально заползла внутрь неуклюжей каракатицей, демонстрируя мне сгорбленную спину. С подозрением оглядев пустой коридор, странный посетитель рывком захлопнул обе двери, будто опасаясь, что туда кто-то ворвется. Затем постоял, к чему-то прислушиваясь. Поколебавшись пару мгновений, снова тихонько приоткрыл одну из створок. Внимательно всмотрелся в образовавшуюся щелочку и, убедившись, что соглядатаев там нет, так же тихо ее прикрыл. После чего самым настоящим образом попятился, не сводя с дверей напряженного взгляда. Прошел таким же необычным манером через весь холл. И только добравшись до первого попавшегося кресла, измученно рухнул в него, наконец-то повернувшись и показав мне свое изможденное, пожелтевшее, словно от тяжелой болезни, лицо.

– Мастер Лиурой?!

От моего возгласа светлый аж подпрыгнул. Нервным движением вцепился в подлокотники, а потом уставился на меня почти так же зло, как и граф.

подавившись следующим вопросом, я изумленно оглядел эту парочку: оба выглядели всклокоченными, растерянными и почти что испуганными. У мастера Лиуроя взгляд был не только злым, но еще и бегающим, как у застигнутого на месте преступления вора. Глаза покраснели почти как у его сиятельства, рот беспрестанно кривился, пальцы то и дело подергивались, никак не желая лежать спокойно... и вообще, многоуважаемый маг выглядел так, словно только что сбежал из приюта для душевнобольных.

Сколько прошло времени с нашей последней встречи? Сутки? Что же случилось, что самоуверенный и высокомерный маг превратился в это зачуханное существо?

– С вами все в порядке, барон? – задал совершенно дурацкий вопрос граф, уставившись на меня так пристально, словно в чем-то заподозрив.

Я растерянно кашлянул.

– Э... вроде бы. А почему вы спрашиваете?

Его сиятельство ожесточенно почесал руку.

– Вы уверены? Вы хорошо себя чувствуете? С вами ничего странного за последние сутки не случилось?

Я наморщил лоб.

Ну, если не считать оживших горгулий, спадающего проклятия Лиш, моего нового дара, подставы от «доброего соседа», благополучно существующих зомби и изрядно оголодавших умсаков...

– Нет, – честно ответил я, с любопытством посмотрев на скрипящего зубами мага.

– А с вашими слугами все в порядке? Никто не заболел?

– Нет.

– Странно, – хмуро подтвердил граф, все еще остервенело расчесывая руку, после чего снова вздохнул и все-таки сел, продолжая скрести кожу на тыле кисти ногтями. – Хотя после того, как кто-то воздействовал на нас с мастером Лиуроем с помощью неизвестной магии, я склонен предполагать что угодно.

Ах, вот почему они так возбудились. Кажется, моего «доброего» соседа и его приятеля-светлого кто-то настолько невзлюбил, что не поскупился на изумительную по качеству исполнения и силе воздействия гадость. Не знаю еще, какую именно, потому что маг молчит как рыба, но подозреваю, что немалую, раз этот сноб до сих пор не сумел справиться с последствиями. Любопытно было бы знать, кто тот добрый человек, который прямо-таки прочитал мои мысли? Кого я должен расцеловать и кому пожать руку за общественно полезное деяние?

Я деликатно кашлянул.

– А что, позвольте спросить, случилось, господин граф?

Его сиятельство скривился и снова яростно поскреб кисть.

– А разве не видно?

Я вопросительно приподнял брови, по-новому оценив внешний вид гостя. Еще раз внимательно присмотрелся к его лицу, следам расчесов на коже, выразительным пятнам на скулам, и задумался.

Судя по размеру очагов, болеет граф уже давненько: пятна были и совсем еще свежие, и уже «отцветшие», потемневшие и сильно смахивающие на пигментные. На первый взгляд, похоже на почесуху, но она не развивается так стремительно – мы с графом виделись сутки назад, и с ним все было в полном порядке. За столь короткие сроки почесуха не разовьется, даже если предположить, что графа кто-то *очень* качественно и от души проклял.

Проклятия – вещь тонкая, изысканная, но, к сожалению, отсроченная и, как правило, долгоиграющая. Это дубиной по башке можно двинуть быстро и без затей, а колдовство... нет. Ни один некромант на такую глупость не пойдет. Да и не знаком я с мэтрами, способными исчерпать ради мелкой мести свой резерв до дна.

– А давно с вами случилась эта... неприятность, господин граф? – осторожно поинтересовался я.

– Вчера вечером, – мрачно посмотрел на меня господин граф.

– Вот как? – я чуть не усмехнулся, поняв, откуда ветер дует. – И вы, конечно, предположили, что это – моих рук дело?

– Ваши магические силы для этого слишком малы. Но проблема в том, что с мастером тоже приключилась, как вы выразились, «неприятность». Согласитесь, совпадение более чем странное.

– Еще бы, – задумчиво кивнул я. – А что именно приключилось с господином магом?

– Он... – еще больше посмурнел граф, кинув в сторону обозленного мага беспокойный взгляд. – Боюсь, он утратил способность нормально передвигаться.

– Как?

– ВОТ ТАК! – внезапно взвился с кресла мастер Лиурой и со всей доступной скоростью метнулся ко мне. Но метнулся как-то странно: примерно на третьем шаге его развернуло,

словно кто-то невидимый взял его за голову и поменял направление на противоположное, и дальше он продолжил двигаться спиной вперед. То ли пятясь как рак, то ли просто издеваясь.

На четвертом шаге он запнулся и пошатнулся так, что едва не упал. Попытался было сменить траекторию, но не смог – непонятная магия упорно разворачивала его обратно. Светлый дергался, как припадочный, дрыгал руками и ногами, тихо выл от бессилия, но так и продолжал пятиться задом наперед. Наконец, налетел на стол и вынужденно остановился. После чего повернул голову и, все еще стоя ко мне спиной, злобно прошипел:

– Теперь понятно?!

Признаться, в первый момент я опешил. Потом понял причину его странных манипуляций у двери и чуть не вздрогнул от радостного предвкушения: неужто самоуверенный вонючка получил-таки по заслугам?! А когда представил, чего этому холую стоило сюда прийти и как именно он таился от наводнивших мой двор людей... как пробирался полутемными коридорами, страшась попасться кому-либо на глаза и явно не додумавшись сотворить заклятие невидимости... лелеял мечты о мести, полагая, что в моем замке найдет причину поразившего его недуга, с которым он, вероятно, уже пытался справиться самостоятельно, но, видимо, потерпел неудачу... честное слово, у меня из горла вырвался сдавленный всхлип. Который перешел в удушливый кашель, стоило мне только увидеть распаренное, пышущее праведным гневом лицо оскорбленного до глубины души светлого.

Святые небеса... это ж надо...

Я закрыл кривящееся лицо руками, старательно давя рвущийся наружу смех.

Какой-то непризнанный гений умудрился создать заклятие, превратившее этого хлыща в жалкое подобие самого себя! Блеск! Да он же теперь из своего замка носа не высунет, рискуя стать главным посмешищем года! Наверняка вчера в панику ударился, обнаружив, что может передвигаться только раком! Сперва взбеленился, естественно, громогласно пообещав неведомому шутнику сотворить ответную и, конечно же, страшную мстю. Со всех ног помчался в семейную библиотеку, где весь день потратил на чтение умных книжек, пытаюсь выяснить, как снять свой необычный недуг! Но не преуспел. После чего взбеленился еще больше. Разорался, как водится. Потом, конечно же, охрип. Устал. Выдохся, наконец. Затем попробовал снова. И опять. И еще разок... но где-то к следующему вечеру понял, что ничего поделаться не в силах, и, только тогда перепугавшись до икотки, решил наведаться в мой замок, надеясь на... что? На мою помощь?!

Ха-ха!

– Мне... очень жаль, – с трудом вернув самообладание, прохрипел я. – Сожалею, что с вами случилась... такая беда...

Ох, как бы узнать, кто его так облагодетельствовал! Век благодарным буду!

– Но боюсь, вы ошиблись, мастер. Не думаю, что господа бароны, его сиятельство или же господин Бодирэ могли так с вами обойтись: ваша болезнь, как утверждает граф, носит магическую природу, а эти люди – не маги. У леди де Ривье, как мне кажется, тоже не было резона портить вам ауру. Моя единственная служанка магией не владеет. А больше никого в тот вечер в замке не было.

– Я помню, – глухо обронил граф Экхимос. – Но это ничего не доказывает.

Слегка успокоившись, маг неуклюжей походкой вернулся в кресло.

– Нужно еще раз осмотреть замок.

Я тут же насторожился.

– Зачем?

– Хочу убедиться, что после смерти некроманта здесь не осталось неприятных сюрпризов.

Демон. Еще не хватало, чтобы он Резвача нашел!

– Замок неоднократно осматривали ваши коллеги, мастер, – осторожно возразил я. – Не думаю, что они могли что-то упустить.

Светлый скривился.

– Ваш отец был весьма изобретательным магом, барон. И я не исключаю, что мои коллеги что-то упустили из виду. Поверьте, я кое-что знаю о проклятиях... и думаю, что несильно ошибусь, если предположу, что наши с графом проблемы обусловлены именно этим.

– Уверены? – машинально почесался граф.

– Конечно. Все остальное я исключил еще вчера.

– А может, это обычная порча? Или какое-то заклятие, которое...

Маг посмотрел на его сиятельство, как на дурака.

– Поверьте, господин граф: я достаточно разбираюсь в магии, чтобы с уверенностью утверждать, что вы неправы. Если болезнь не проходит после применения *большого исцеляющего заклятья* и не поддается воздействию *лечебной длани Аффура*, то это значит, что либо пациент погибнет в ближайшие двадцать четыре часа, либо на человека воздействует очень сильное проклятие. Вполне возможно, даже посмертное. А поскольку мастерами этого вида искусства всегда считались исключительно мэтры, то... сами понимаете, почему первым делом я привел вас сюда.

– Вы думаете, что здесь остались такие проклятия? – все еще сомневаясь, уточнил граф.

– Совсем недавно в этом замке были убиты два некроманта, – буркнул светлый, отворачиваясь и с подчеркнутым интересом изучая картины на стенах. – Но тел мы так и не нашли, несмотря на то, что здесь все обыскали и осмотрели.

– Считаете, их смерть как-то с этим связана?

– Посмертные заклятия – штука сложная. К тому же один из убитых был, как вы помните, довольно странной личностью. И вообще, я совсем не уверен, что он действительно погиб.

– Что? – нахмурился его сиятельство. – Вы не верите, что мэтр Гираш мертв?

– Пока мне не предоставят тела – да, – отрезал светлый.

– Но вы же сами видели, что здесь творилось... все эти трупы... и голем... и те следы на полу... и кровь! Вы же видели склеп! Да и мальчик... – граф неожиданно запнулся, только сейчас сообразив, что они не одни. И в замешательстве посмотрел на молчаливого, тихого и скромного меня, который на время превратился в одно большое чуткое ухо. – Мальчик же все видел! И вы сами заверили меня, что он говорит правду!

Я напрягся.

Та-ак... нехорошо будет, если кто-то сообразит, что на данный момент все, что они знают о лице, известно с моих слов. И что иных доказательств моей смерти, по большому счету, не осталось. Тело Невзуна и трансформу украли, да и призванных личем тварей кто-то успел прибрать к рукам до того, как сюда вернулся граф. Посторонних во время нашей схватки не было. Чужих зомби я уничтожил. Своих, разумеется, надежно спрятал. Но странностей было немало. В этом я со светлым был полностью согласен.

Маг тоже обернулся в мою сторону, и под его пронизывающим взглядом я поспешил опустить глаза, изображая смирение. И стоял так до тех пор, пока ощущение чужого внимания, от которого в первые мгновения буквально резало кожу, не ослабло настолько, что я смог нормально вдохнуть.

– Да, – наконец неохотно отозвался светлый, отвернувшись. – Я его проверял. И он действительно не солгал, когда рассказывал нам о лице. Да и печать на нем настоящая, хотя и совершенно неактивная, что косвенно может считаться доказательством гибели наложившего ее мага...

Я снова смолчал, остро жалея о том, что неспособен сам это проверить.

– Однако, – продолжил маг, – мы выяснили далеко не все. Поэтому предлагаю еще раз здесь все осмотреть. Начиная со склепа и заканчивая подземельем. Надеюсь, юный барон не станет чинить нам препятствий?

Я беззвучно пожелал мастеру Лиурою провалиться в какую-нибудь дыру, а вслух ответил:

– Мне бы очень хотелось быть уверенным в том, что ваши неприятности не связаны с моим домом.

А если и связаны, то я, разумеется, ничуть не огорчусь и даже поставлю в своем склепе памятник неведомому шутнику, который сумел так ловко испортить светлону настроение. И зажгу под ним свечку за вечное здравие. Надо же как-то отблагодарить хорошего человека?

– Замечательно, – довольно кивнул не заметивший кровожадного блеска моих глаз светлый, бросив на графа победный взгляд. – Ну что? Вы готовы прогуляться по местным подземельям?

Тот пожал плечами.

– Раз иного выхода нет... барон, вы проводите нас?

– Разумеется, – послушно откликнулся я, мысленно ухмыльнувшись. – Только должен предупредить: подземелье очень старое, и в нем полно ловушек.

– Ничего страшного, – отмахнулся мастер Лиурой, с готовностью подскочив с кресла. – В общем-то, мы могли бы обойтись и без вашей помощи, юноша, но магией, как выяснилось, там пользоваться нежелательно, а факел держать кому-то надо. Вот вы нам и пригодитесь.

Ах ты, гаденыш...

Интересно, как он там исследовать что-то будет, если ходить-то толком не может? Задом наперед? По узким коридорам? Почти вслепую?! Или полагает, я тупее валенка и не понимаю, что граф ему в этом не помощник, а сам светлый, как всегда, хочет за чужой счет самоутвердиться?

Ладно, мастер. Я понял вас предельно ясно. И раз вы не желаете менять свои взгляды на жизнь и в частности свое мнение касательно нашей культурной и крайне полезной профессии...

Я улыбнулся, не разжимая губ, и снова кивнул. После чего быстро встал и первым вышел из холла, по пути прикидывая, какие уголки поинтереснее стоит показать «драгоценным» гостям.

Они ведь хотели приключений, правда?

Ну так не будем их разочаровывать.

Глава 7

Не злите некроманта: даже оказавшись на пороге смерти, он найдет способ вам отомстить.

Народная мудрость

Подземелье встретило нас настороженной тишиной. Оттуда не доносилось ни зловещих завываний ветра, ни глухих стонов от призраков замученных здесь сто лет назад узников, по краям не висела густая паутина, а вход туда выглядел самой обычной дырой, которую еще не успели заделать.

– Прошу вас, господа, – бодро сдвинув в сторону криво положенные доски, я гостеприимно указал на вышеупомянутую дыру и торжественно уступил гостям дорогу. – Совсем недавно вход был в другом месте, но мне не понравилось его расположение, поэтому я велел его заложить. И теперь попасть в подземелье можно только так.

Господа с сомнением оглядели изрядных размеров отверстие, в которое можно было упасть, как говорится, стоя в полный рост, и недоверчиво уставились на мое лицо, кажется, решив, что это – всего лишь шутка. Впрочем, могу их понять: полутемный коридор, освещаемый тусклым светом единственного, нещадно чадающего факела, холодный пол, заметно повлажневшие стены, под одной из которых и скрывалась искомая дыра, больше похожая на пропасть... конечно, у них были основания сомневаться. Но я ответил обоим совершенно невинным взглядом и на всякий случай отступил от края подальше, якобы потянувшись за факелом.

– А-а... где же лестница? – наконец решил озвучить свои сомнения граф, тщетно пытаясь высмотреть ведущие вниз ступени.

Я виновато развел руками, одновременно пытаюсь выдернуть из крепления наш единственный источник света.

– Увы – ее еще не успели сделать. Но вы ведь не собираетесь отказываться от задуманного из-за такого смешного препятствия?

Его сиятельство выразительно скривился и вопросительно оглянулся на мага.

– Что скажете, мастер?

Тот недовольно засопел, зачем-то кинув в мою сторону подозрительный взгляд, и неохотно бросил:

– Барон, у вас веревка найдется?

Я охотно кивнул:

– Конечно. И мыло тоже.

– Зачем нам мыло? – не понял граф.

Я снисходительно на него посмотрел, напрочь игнорируя ошалело моргнувшего светлого, и все так же невинно пояснил:

– Так спускаться легче. Разве вы не знали? Если как следует намылить веревку, а потом обмотать ладони тряпичей, которую перед этим тоже надо хорошенько обработать, то соскользните вниз так быстро, что даже крикнуть «Мама!» не успеете. Я так в юности развлекался.

Его сиятельство поморщился.

– В первый раз такое слышу...

– Это потому, что у вас было скучное детство, – уверенно заявил я, отойдя к противоположной стене и нашаривая в глубокой нише специально заготовленную веревку. Разумеется, готовил я ее не для гостей, а сугубо для собственных нужд, поскольку подземелье – прекрасное место для проведения некоторых неприятных ритуалов. Правда, я не собирался, если честно,

туда лезть до того, как что-то прояснится с даром. Но чего только не сделаешь ради хороших людей?

– Вот она, пожалуйста, – со всем радушием улыбнулся я, выудив из темноты туго скрученный почти что канат. Который тут же сноровисто прикрепил к недавно вделанному в стену крюку и лихо скинул вниз свободный конец. – Совсем новая, крепкая... кто желает первым испробовать ее на прочность?

Как ни странно, мой энтузиазм никого не вдохновил – граф и маг, переглянувшись, одинаково пренебрежительно фыркнули, а потом его сиятельство покровительственно похлопал меня по плечу.

– Думаю, мы предоставим эту честь вам, мой юный друг. Это же ваш замок, верно? Или вы уже не хотите быть нашим проводником?

Я хмыкнул.

– С чего бы это? Держите факел, господин граф. И смотрите – не дайте ему погаснуть: в темноте вам будет очень неудобно.

Его сиятельство добросовестно принял мою ношу и даже заботливо посветил, когда я ухватился за веревку и, усевшись на край каменной плиты, стремительно соскользнул вниз. После чего он склонился над входом в подземелье и с легким беспокойством крикнул:

– Все в порядке?

Высота была не очень большой – всего полтора человеческих роста, – так что я уверенно встал на ноги и бодро отозвался:

– Можно спускаться!

Дождавшись, когда граф вместе с факелом окажется внизу, я с любопытством проследил за тем, как будет слезать светлый. Но, к сожалению, ничего страшного с ним не случилось – видимо, проклятие срабатывало, лишь когда он находился на ровной поверхности.

Оказавшись на полу, маг тут же закрутил головой, но что он мог толкового рассмотреть в коридоре шириной в три шага, один конец которого заканчивался надежной каменной стеной, а второй тонул в бесконечном мраке, лишь у самых наших лиц слегка разбавленным слабым светом факела? Вот именно. Так что он лишь досадливо поджал губы, а потом негромко щелкнул пальцами, активировав, судя по всему, заклинание ночного зрения. Которое, впрочем, почти ничем ему не помогло, потому что Невзуны очень давно позаботились о том, чтобы в их обители никто не мог безнаказанно творить никаких посторонних заклятий.

Шагнув в темноту первым, я елеинным голосом обронил:

– Коридор довольно длинный и не везде прямой, господа, поэтому будьте внимательнее. И берегите головы на поворотах.

– А факелов вы тут не могли побольше повесить? – язвительно поинтересовался светлый.

– Не успели, – кротко отозвался я, постепенно удаляясь от спутников. – Я ведь не знал, что у нас снова будут гости. Не то обязательно подготовился бы к визиту – ковров повсюду настелил, цветочки высадил, стены украсил...

Его сиятельство, поспешив меня нагнать и подняв факел повыше, с неудовольствием покосился на стены, на которых то и дело виднелись влажные капельки, что местами сливались в крохотные ручейки и медленно стекали вниз, пропадая в глубоких трещинах; проводил глазами шмыгнувшего в темноту таракана, потом заметил стайку кинувшихся врассыпную мокрыц и передернул плечами:

– Да уж, не помешало бы.

– К следующему разу непременно будут, – клятвенно пообещал я, обходя громадную выбоину в полу. – Если, конечно, вы захотите сюда вернуться.

За моей спиной послышалось недовольное бормотание, но я сделал вид, что не услышал. И не понял, почему мастер Лиурой предпочел идти самым последним, уступив почетную роль

первопроходцев нам с графом. Но зато когда он запнулся и едва не упал в ту яму, которую мы благополучно миновали, все-таки обернулся и заботливо посоветовал:

– Осторожнее, господин маг. Внимательно смотрите себе под ноги.

Светлый на мгновение замер, тщетно стараясь угадать по моему участливому лицу, сколько в этом совете было искренности, а сколько – откровенной издевки. Под его яростным взглядом я тут же вытянулся, всем видом изображая усердие, а потом даже рискнул предложить бедолаге руку, чтобы помочь перебраться через неудобное препятствие. На что он немедленно фыркнул, гордо вздернул подбородок и, едва не вывернув себе шею, перебрался через яму сам.

– Основной коридор тут всего один, – отвернувшись, продолжил я, пряча гнусную ухмылку. – Есть несколько ответвлений – под кухню, кузницу, склады и куда-то еще... я их не все знаю. Также есть винный подвал – ход туда ведет из предпоследнего ответвления. И ход под помещение слуг. А еще...

– Как насчет потайных ходов? – грубо прервал меня недовольный маг.

Я коварно улыбнулся.

– Я нашел два: один завален до самого потолка и пока находится в нерабочем состоянии, а второй расчищен наполовину. У меня мало каменщиков, поэтому работа движется медленно. Но, если желаете, я могу вам его показать. Только имейте в виду – там очень хрупкий потолок, который не так давно был сильно поврежден, поэтому очень велика вероятность обрушения.

– Мы посмотрим на обратном пути, – хмуро отозвался сзади маг.

– Как пожелаете, – смиренно склонил голову я и, дойдя до первого ответвления, кивнул. – Проход к кухне. Желаете взглянуть?

Светлый оттеснил меня в сторону и решительно попятился в еще более узкий, чем основной, коридор. Граф молча последовал за ним, стараясь получше осветить дорогу. Я собрался было их нагнать, но внезапно ощутил покалывание в кончиках пальцев и изумленно замер.

Что такое? Неужто мой дар решил наконец себя проявить?!

Мигом позабыв про гостей, я привалился спиной к ближайшей стене и несколько раз глубоко вдохнул.

Так, спокойно... спокойно, мэтр. Дыши ровно, размеренно, все нормально. И ты напрасно беспокоился, что этого волшебного мига придется ждать несколько долгих лет. Светлый ведь сказал, что дар развивается быстро. Так что столь стремительное его открытие – есть признак силы, а не возможной червоточины. Но надо срочно все проверить. Прямо сейчас, не дожидаясь, пока неудобный и ставший совершенно лишним гость покинет мой замок.

Как бы отвлечь мастера Лиуроя на полчаса?

Мое лицо озарилось коварной улыбкой. Мгновением позже я шагнул в сторону, нажал на неприметный камешек в древней кладке, и громогласный вопль сразу на две глотки бальзамом пролился на мою темную душу.

Отлично. На какое-то время это их займет. Минута-другая... но больше и не нужно.

Отрешившись от назойливого эха чужих голосов, я полностью ушел в себя, попытавшись максимально полно почувствовать все, что происходит в моем теле. Услышать шум бегущей по сосудам крови, тревожный грохот резко ускорившегося сердца, едва слышное гудение воздуха в бронхах, напрягшиеся мышцы на руках и спине, успокаивающее бульканье вина в желудке, а еще... да! Легкое, но отчетливое тепло в области солнечного сплетения!

Убедившись, что мне не почудилось, я мягко улыбнулся.

Ну здравствуй, мой хороший... мой чудесный... как ты там поживаешь? Открылся? Уже посматриваешь на мир любопытными глазенками? Молодец... такой славный... но готов ли ты развиваться дальше? Послужишь мне так, как служил твой темный предшественник? Ну-ка, иди сюда поближе... дай на тебя взглянуть...

Я потянулся к теплой искорке с такой осторожностью, словно она могла в мгновение ока погаснуть. Аккуратно, бережно, постепенно. С трудом сдерживая свое нетерпение и неистовое желание разрешить все сомнения одним махом.

Юный дар невероятно хрупок: в ответ на грубое обращение может вспыхнуть и просто перегореть, а может, наоборот, впасть в глубокую спячку. И тогда никакие силы не заставят его проснуться до того мига, когда он решит, что его время пришло. А может, он вообще не проснется – такие случаи тоже бывали. По этой причине «уснувшие» маги издавна заносились в реестр отдельной графой, а по прошествии десяти-двенадцати лет – максимального срока, через который становилось возможным повторное открытие дара – вычеркивались оттуда, как бесперспективные и бесполезные для общества.

Дар – как капризная невеста: вроде и твой, но поди возьми его до поры до времени. То ему не так, это не этак... неправильно воспользуешься в первый раз, и все – готовься на ближайшие несколько лет драить полы в академическом общежитии. Перегрузишь его – уснет. Недогрузишь – прекратит развиваться... при этом чем именно он станет после открытия, никому не ведомо. Какой уровень силы в нем проснется – можно лишь гадать. Пожалуй, это – самая большая тайна в нашем сложном мире. И самая трудная загадка, которую еще никто не смог решить до конца.

Зато доподлинно известно, что если успеть повлиять на дар в момент открытия... в тот самый миг, когда он еще неактивен, но уже не спит... задать ему нужное направление и указать необходимый вектор... то можно подтолкнуть его развитие и даже повлиять на уровень силы.

Беда в том, что процесс это довольно опасный. В первую очередь, для мага, потому что одно неверное движение и все – нет ни дара, ни мага, ни ближайшей округи. Собственно, именно по этой причине эксперименты по столь перспективной теме закрылись, толком не успев начаться: слишком уж велик был риск потерять все. Девять из десяти адептов во время опыта навсегда утрачивали дар, поэтому Совет прикрыл исследования по данному вопросу. А на адептов с тех пор стали накладывать ограничительные заклятия, которые снимались только в академии и лишь после того, как преподаватели лично убедятся, что дар стал наконец стабильным.

Хвала тьме, я уже прошел этот путь, и мне не составило труда осмотреть дар и, поняв, что внешних дефектов на нем нет, так же бережно его подхватить на руки.

Чувство, охватившее меня в тот момент, было воистину неопишимо.

Детский восторг? Пожалуй. Нетерпение? А то ж! Неуловимый трепет, чувство сопричастности к древнему таинству... и плевать, что я уже проходил это раньше. Плевать на то, что все это мне было знакомо. Обретение дара – это как первая брачная ночь: вроде и знаешь, что будет, но все равно интригует.

А меня к тому же переполняло невероятное внутреннее напряжение. Ведь одно неверное движение, и все могло закончиться так же внезапно, как и началось. Но старые навыки не пропали за давностью лет. Да и знания мастера Твишопы пригодились. И когда я наконец ощутил свой дар сполна... когда почувствовал внутри легкую дрожь, похожую на биение второго сердца... честное слово, испытал такое облегчение, словно действительно принимал дар впервые в жизни! После чего обессиленно сполз на холодный пол и, мысленно возблагодарив учителя за науку, блаженно зажмурился.

– Барон, с вами все в порядке? – совершенно некстати осведомился граф Экхимос, вернувшийся вместе с магом из непродолжительного похода. – Что-то вы побледнели...

– Да, скверно выглядите, юноша, – не преминул поддакнуть остановившийся поодаль мастер Лиурой в изрядно подмоченном балахоне. – Что-то не то съели?

Я мотнул головой.

– Просто не люблю подземелья.

– И поэтому так раскисли? – ухмыльнулся маг, демонстративно встряхнув полы своего длинного одеяния. – Кажется, ваш покойный батюшка перестарался с экспериментами. И наверное, здорово бы огорчился, узнав, что мы только что благополучно избежали одной из его подлых ловушек.

Это он о том водопаде, который я «случайно» на них обрушил, открыв наполовину пустой водосток? Наивный мальчик... интересно, что бы он сказал, если бы знал, какие травки я туда бросил? И если бы понял, что через несколько дней к нему будет подключен канализационный сток?

Я хмыкнул и поднялся с пола.

– Рад за вас, господа. К несчастью, я еще не все ловушки успел запомнить. И еще меньше смог обезвредить. Боюсь, моих сил для этого недостаточно.

– Хотите сказать, что пытались это предотвратить? – с подозрением уставился на меня светлый.

Я скромно потупился.

– Забавно, – протянул вдруг маг, изучая меня в который уже за сегодняшний день раз. – У вас опять изменилась аура, молодой человек...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.